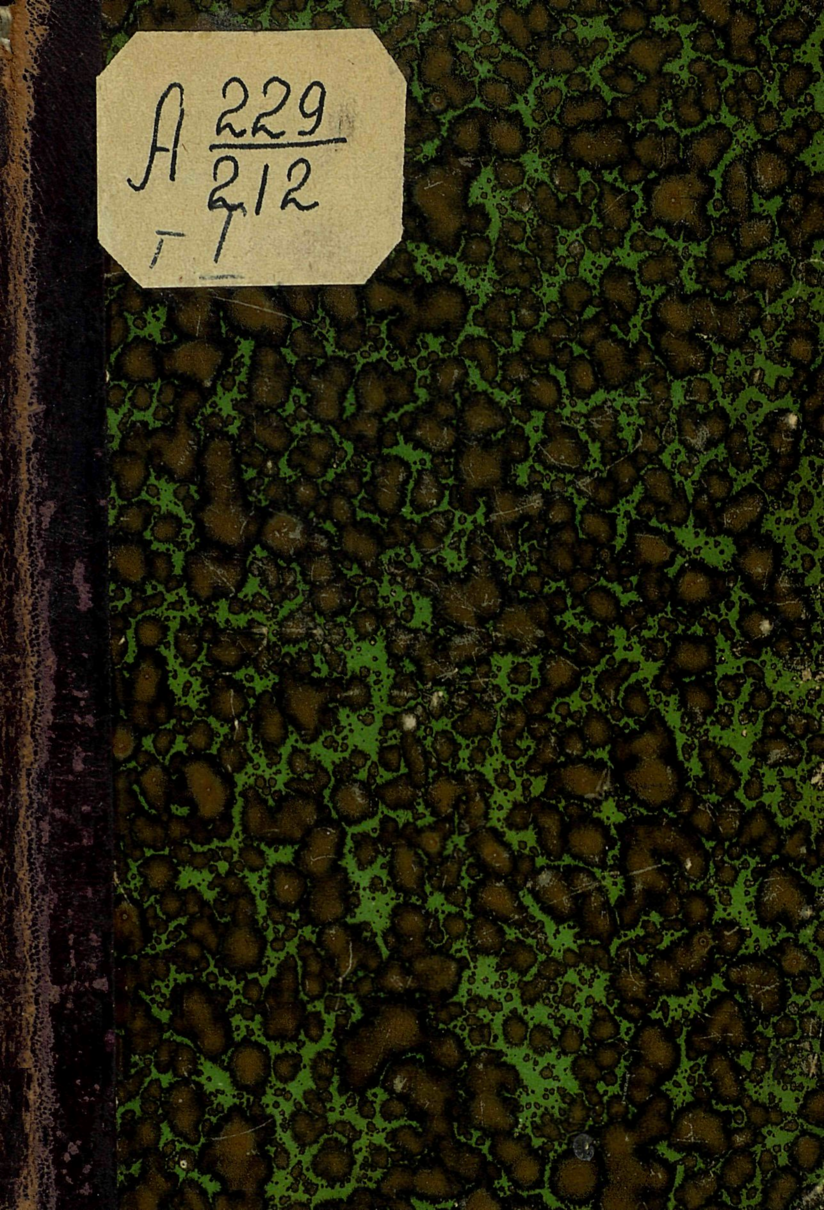


Василій Сидоровъ.

ПО РОССІИ

1.

ВОЛГА.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ОТЪ ВАЛДАЯ ДО КАСПІЯ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій просп., № 132.
1894.

ПО РОССІИ.

1.

ВОЛГА.



СОДЕРЖАНІЕ



Стр.

ВАСИЛІЙ СИДОРОВЪ.

ВОЛГА.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ОТЪ ВАЛДАЯ ДО КАСПІЯ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій просп., № 132.
1894.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Сыпучими, да темными лѣсами
Дремучими...

Островскій.

Преданья прежняго, роднаго
Душѣ плѣнительно хранить,
Блаженства сердцу нѣтъ другаго,
Какъ жить однимъ, одно любить.

И. Козловъ.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя-моря
Крутымъ ярамъ да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье! Намъ на погулянье!
Не даромъ слава про тебя ведется,
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй: „По матушкѣ по Волгѣ".

Островскій.

Я знаю, что вѣчно свободная
Бѣжитъ она въ море далекое,
Что русская вѣчно народная
Останется Волга широкая...

Отрадинъ.

О, Волга, послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все таже даль и ширь...

Некрасовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много разъ случалось мнѣ быть на Волгѣ и каждый разъ я искренно сожалѣлъ, что не имѣлъ подъ руками хорошаго описанія этой исключительной рѣки. Мнѣ пришлось долгіе годы прожить за границею и исколесить Западную Европу вдоль и поперекъ и лучшимъ товарищемъ въ моихъ безконечныхъ турахъ являлись прекрасныя описанія, доступныя также и по цѣнѣ. У насъ только въ послѣднее время начинаетъ развиваться привычка и появляться охота познакомиться съ нашей обширной и прекрасной родиной. Сѣть желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ линій учащается не по днямъ, а по часамъ и, если появятся путеводители и описанія путешествій по Россіи и съумѣютъ заинтересовать публику, то они сослужатъ великую службу. Благодаря необыкновенной легкости и дешевизнѣ путешествій за границей, благодаря цѣлому ряду компаній, которыя удешевляютъ и облегчаютъ путешествія, устраивая круговые билеты, всякій, имѣющій свободное время, спѣшитъ постранствовать и познакомиться съ красотами природы и новыми городами. У насъ, къ сожалѣнію, страсть къ путешествіямъ очень слабо развита и публика спѣшитъ только въ модныя мѣста, какъ напр. въ Крымъ въ разгарѣ сезона. Смѣю надѣяться, что моя книжка, которую я посвятилъ Волгѣ, привлечетъ и заинтересуетъ хоть нѣсколько человѣкъ и они пустятся въ путь съ цѣлью познакомиться съ нашей родиной. Въ Россіи масса интерес-

ныхъ туровъ, масса любопытныхъ и прекрасныхъ уголковъ, народовъ и памятниковъ старины и эти уголки, народы и памятники старины ни чуть не менѣе любопытны прославленныхъ заграничныхъ уголковъ. Правда, мы не найдемъ той массы удобствъ и приспособленій для туриста у насъ въ Россіи, какія устроены на Западѣ, но будемъ надѣяться, что когда наша публика поспѣшитъ ближе знакомиться съ своей родиной, то и эта сторона скоро разовьется и не оставитъ желать ничего лучшаго. Въ ней не было потребности до сихъ поръ, потому она и оставалась во мракѣ.

По Россіи въ послѣдніе годы я поѣздилъ много и посѣтилъ ея самые разнообразные уголки. Впечатлѣній, интереса была бездна и я спѣшу подѣлиться съ ними. Для этой книжки я взялъ Волгу, такъ какъ путешествіе по ней, по моему, служитъ безконечнымъ источникомъ удовольствія, такъ какъ удобства этого путешествія не оставляютъ желать ничего лучшаго, такъ какъ Волга, прорѣзывая всю Россію, представляетъ замѣчательный путь, соединяющій Сѣверъ съ Югомъ и такъ какъ я считаю для всякаго русскаго первымъ его долгомъ и обязанностью ознакомиться съ этой рѣкой, что почти также необходимо, какъ школьное образованіе. Путешествіе по Волгѣ настолько удобно и дешево, что доступно всякому съ небольшими средствами и многіе, приходящіе въ недоумѣніе, какъ имъ распорядиться лѣтомъ, какую мѣстность выбрать для лѣтней дачи, сдѣлали бы вы всего лучше, если бы отправились путешествовать по Волгѣ. Кромѣ труда К. Боголюбова (изданіе Общества „Самолетъ“), совершенно распроданнаго и „Волги“—Рагозина (3 тома, „Волга до устья Камы“, 10 р. 50 к.), недоступнаго для туриста по цѣнѣ и доведеннаго только до устья Камы, существуютъ еще 2 книжки Лендера: „На Волгѣ“ очерки и „Волга“ (изданіе Общества „Самолетъ“) и Монастырскаго „Спутникъ по Волгѣ“ (отъ Нижняго

до Астрахани). Не говоря уже о цѣнѣ (3 рубля) этой послѣдней книги она и слишкомъ объемиста и порою слишкомъ отдаляется отъ интересовъ туриста.

Позволяю себѣ предложить мои впечатлѣнія многократныхъ поѣздокъ по Волгѣ въ надеждѣ, что они найдутъ въ комъ нибудь откликъ и побудятъ поѣхать и пережить чудные дни, въ теченіи которыхъ передъ глазами путешественника проплываетъ пестрая и своеобразная панорама городовъ, селъ, береговъ и народовъ, панорама, которая остается памятной на всю жизнь и свиваетъ въ вашей душѣ маленькое гнѣздышко самыхъ теплыхъ, самыхъ пріятныхъ, самыхъ милыхъ воспоминаній.

1.

Въ Валдайскихъ горахъ.

(До Валдая. Валдай. Иверскій монастырь. По дорогѣ къ истоку Волги. Рыборазводный заводъ. Молватицы. Волговерховье).

Лейфъ, сынъ Эрика Краснаго, открылъ Америку въ 1000 году, странствующіе скандинавы достигли Америки прежде всего въ окрестностяхъ Начтукета. Въ ночь на 12 октября 1492 года, незадолго до полуночи, Колумбъ открылъ Новый свѣтъ во второй разъ.

* *
*

Вдали отъ суеты, тревоги и волненья
Здѣсь люди въ простотѣ, въ спокойствіи живутъ...

Галлеръ.

Ранней весной, когда почки на деревьяхъ начали лопаться, а лѣса наряжаться въ свой зеленый пушокъ, когда на Невскомъ вмѣсто лиловыхъ вѣтрениць, выдаваемыхъ продавцами за фіалки, стали продавать синнюю медунку и не совсѣмъ распустившуюся черемуху, я не выдержалъ. Страсть потолкаться по свѣту, усвоенная еще въ дѣтствѣ за границей, сказалась въ прежней силѣ и я полетѣлъ къ истокамъ Волги. Побывавши неоднократно

въ приволжскихъ городахъ, много разъ побороздивши Волгу, я рѣшилъ познакомиться съ ея истоками въ Валдайской возвышенности и поглядѣть 3,400 верстную красавицу въ ея младенческомъ возрастѣ, послушать ея дѣтскій лепетъ въ видѣ небольшаго и мирнаго ручейка, черезъ который легко перешагнуть.

Сначала я думалъ ѣхать на Новгородъ, изъ него на Старую Руссу, гдѣ пересѣсть въ мѣстный экипажъ и добраться до деревеньки „Волго", а оттуда до озера Селигеръ съ его знаменитой Ниловской пустынью. Это былъ бы самый прямой путь, такъ какъ до Старой Руссы ходятъ и пароходы и поѣзда и только пришлось бы проѣхать на лошадяхъ около полтораста верстъ до одного изъ громадныхъ заливовъ озера Селигера, до деревушки Свапущи, изъ которой переѣздъ по озеру совершается въ большихъ лодкахъ, но я выбралъ путь черезъ Валдай. Весна была поздняя и холодная, разливъ рѣкъ чрезвычайно сильный. И Волховъ и Мста катили свои мутныя волны по прибрежнымъ кустамъ, омывая вершины небольшихъ березъ и осинъ. Вотъ у станціи Селище мелькнуло темное озеро Званъ, все убранное по берегамъ весенней зеленью березъ и поѣздъ остановился у станціи Валдайки, съ ея неразработанными цѣлебными ключами. Станція лежитъ красиво, высоко надъ рѣкой Валдайкой, вьющейся серебристой змѣей среди холмистой мѣстности. Сколько разъ я проѣзжалъ эту станцію и глядѣлъ на articles de Waldai, знаменитые Валдайскіе колокольчики и длинныя связки баранокъ, связанныя мочалками и составляющія гордость мѣстныхъ жителей. Было около полночи. Въ ожиданіи, пока мнѣ подадутъ лошадей, присланныхъ мнѣ на встрѣчу

изъ Валдая моимъ пріятелемъ, я наслаждался весенней ночью. Черемуха была въ полномъ цвѣту и совсѣмъ бѣлыя отъ ароматныхъ цвѣтовъ деревья рѣзко выдѣлялись среди весенняго сумрака. Несмотря на холодъ, маленькій вѣтерокъ доносилъ волны скадкаго запаха и черемухи, и смолистыхъ листьевъ тополей и весенній духъ березы. Соловьи трещали по всѣмъ направленіямъ, привѣтствуя пору любви, хотя и столь холодную, что мнѣ пришлось укутаться не только въ плэдъ, но и въ присланный полушубокъ и одѣяло и то было только только сносно. За мной пріѣхалъ ямщикъ Александръ Сизовъ, лучшій ямщикъ въ Валдаѣ и давно стяжавшій себѣ самую завидную репутацію по всей окрестности.

Лошади побѣжали въ сумракѣ весенней ночи по довольно разбитой и ухабистой дорогѣ. Колокольчики и соловьиныя пѣсни слились вмѣстѣ. Вотъ осталась за нами бѣдная деревенька Великуши съ покосившимися избами и кривыми окнами. Къ одному изъ жалкихъ домиковъ прижалась черемуха, забросила на дрянную крышу свою зеленую вѣтвь и вся, изукрасившись цвѣтами, хотѣла скрасить несчастную разваливающуюся избу, осыпая ее снѣгомъ лепестковъ. Дорога стала еще хуже, трясло невѣроятно. Мы то поднимались въ гору, то спускались въ лощину. Вотъ и мостъ черезъ Валдайку, у сельца Сопки. Стало еще свѣжѣе. Черемуха во многихъ мѣстахъ обсыпала всю дорогу лепестками. Березы шептались, сонно покачивая кудреватыми головками, а небо начинало свѣтлѣть все болѣе и болѣе. Утренній холодъ дѣлался все рѣзче и рѣзче.

Село Турны, такое же бѣдное и жалкое, примостилось на косогорѣ своими домиками съ запертыми

ставнями. Гдѣ-то на дворѣ закричалъ пѣтухъ, первый вѣстникъ утра, да у воротъ одной изъ избушекъ заворчала во снѣ собака, испуганная и потревоженная нашимъ проѣздомъ. Здѣсь въ селѣ у самой проѣзжей дороги за бѣлой невысокой стѣной, среди кладбищенскихъ покосившихся крестовъ стоитъ крайне оригинальная по архитектурѣ церковь. Крыша церкви раздѣлена на четыре яруса, такъ что надъ первой крышей поднимается болѣе узкій корпусъ, несущій вторую меньшую крышу, надъ ней новый третій корпусъ и третья меньшая крыша, увѣнчанная четвертымъ самымъ маленькимъ корпусомъ подъ маленькой четвертой крышей. Такая же оригинальная колокольня, у которой четвертая послѣдняя крыша вытянута въ длинный шпиль, возвышается рядомъ. Эти два пирамидообразныя строенія среди крестовъ и курьезныхъ памятниковъ съ украшеніями, въ видѣ птицъ, на крестахъ производятъ, особенно среди безмолвія подходящаго утра, странное и нѣсколько таинственное впечатлѣніе. У насъ на Руси много есть такихъ курьезныхъ и высоко поэтическихъ церквей, построенныхъ неизвѣстнымъ архитекторомъ въ отдаленномъ какомъ нибудь селѣ, съ такой смѣлой фантазіей, что нельзя имъ не подивиться. Строитъ архитекторъ церковь, вкладывая въ свое созданіе душу и талантъ, также какъ соловей трещитъ надъ Валдайкой на кусту зацвѣтшей черемухи только ради пѣнія, не ожидая, что кто нибудь слушаетъ его чудныя пѣсни. Оригиналенъ и ужасно милъ обычай вырѣзать изъ дерева крестъ, на вершинѣ котораго сидитъ голубокъ. Эти безжизненные бѣлые голубки на кладбищенскихъ крестахъ имѣютъ много поэтической прелести и составляютъ крайне своеобразное дополненіе къ

ветхой деревянной, но красивой и много-крышчатой церкви...

Вотъ небольшія озера, которыя образовались разливомъ Валдайки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черемухи на половину затонули въ холодной водѣ, а соловьи трещали въ ихъ цвѣтущихъ вершинахъ, довольные и водой и цвѣтами. Мелькнули два небольшихъ озерка, большое и малое Боровское, какихъ на Валдайской возвышенности тысячи. Дорога то поднималась, то опускалась и трясла немилосердно. Деревенька Едно заползла довольно высоко, такъ что отъ небольшой ея часовенки съ голубымъ шпилемъ виденъ Валдай, лежащій болѣе чѣмъ за 20 верстъ. Зелени совсѣмъ мало, домишки сѣрые, грязь, бѣднота. Отъ часовенки крутой и тряскій спускъ, по которому наши лошади помчались такъ быстро, что я ожидалъ ежеминутно вылетѣть изъ тарантаса. Черезъ полчаса мы миновали деревню Шую и вскорѣ въ отдаленіи засинѣло громадное зеркало Валдайскаго озера и показались строенія Иверскаго монастыря, собирающаго ежегодно массу паломниковъ, стремящихся поклониться мощамъ Якова Преподобнаго. Часть Валдайскаго озера, или лучше сказать, его заливъ, такъ характерно называемый на Валдаѣ плёсомъ (отъ слова заплеснуть) и далеко убѣжавшій своей громадной водной поверхностью къ сѣверу, хорошо виденъ вблизи Шуи. Это плёсъ Ужинъ, длинная, изрѣзанная островами и полуостровами часть озера, отдѣленная рядомъ острововъ отъ остальной его части. Три самые большіе острова связаны перешейками и на одномъ изъ нихъ въ поэтическомъ дикомъ мѣстѣ, среди водъ громаднаго озера, поднимая свои пять золотыхъ куполовъ собора и бѣлую колокольню, свои бѣлыя стѣны съ

небольшими башенками, лежитъ Иверскій монастырь, какъ разъ противъ города Валдая. Онъ, какъ схимникъ, какъ аскетъ, лежитъ уединенно среди озера, изрѣзаннаго мысами и холмистыми полуостровами и столько тишины, столько спокойствія въ этомъ уединеніи, что долго нельзя оторвать глазъ отъ стѣнъ и колокольни монастыря. Густой березнякъ поглотилъ насъ, закрывъ прелестные виды на озеро. Вскорѣ мы выѣхали на казенное шоссе, соединяющее Петербургъ и Москву, и въѣхали въ Ямъ-Зимогорье, громадное село, составляющее предмѣстье Валдая. Я пріѣхалъ въ Валдай около 5 часовъ утра и первое впечатлѣніе города было самое отвратительное.

Это типъ провинціальнаго города, съ его висящей въ воздухѣ скукой, съ тишиной, свойственной глухимъ городишкамъ, не то городъ, не то село, съ деревянными троттуарами, въ которыхъ мѣстами проваливаются ноги проходящаго, съ безконечными заборами изъ барочнаго лѣса, съ прекрасными цвѣтами на окнахъ, такъ какъ жители скуки ради, какъ всюду въ провинціи, особенное вниманіе посвящаютъ уходу за цвѣтами. Валдаю нанесла ударъ желѣзная дорога, оставившая его за 40 верстъ въ сторонѣ, при чемъ упразднилось шоссе, проходящее черезъ городъ, а два пожара, особенно послѣдній въ 1881 году, испепелили совершенно городъ, такъ красиво лежащій амфитеатромъ по берегу озера противъ самаго Иверскаго монастыря. Послѣдній ужасный пожаръ начался въ Солдатской слободкѣ и въ нѣсколько часовъ Валдай сгорѣлъ до тла. Колокола собора упали на площадь и при поливкѣ водой раскаленный металлъ треснулъ. Жара стояла такая страшная, что одинъ человѣкъ, перебѣгая

площадь, обгорѣлъ и умеръ черезъ нѣсколько часовъ отъ обжоговъ. Послѣ пожара уцѣлѣла кладбищенская церковь, ветхая, скучная по наружному виду, печально стоящая за городомъ, присутственныя мѣста около небольшаго общественнаго сада, въ зелени котораго схоронилась Екатериненская церковь, тоже уцѣлѣвшая и прежде принадлежавшая къ дворцу Екатерины Второй, превращенному теперь въ острогъ.

Повсюду масса руинъ, всюду стоятъ обгорѣлыя, треснувшія стѣны съ печальными зіяющими окнами. Эти стѣны свидѣтельствуютъ о прежнихъ каменныхъ постройкахъ Валдая, города каменщиковъ, массами расходящихся на работы во всѣ стороны Россіи отъ Пасхи до 22-го октября, Казанской Божіей Матери. Новый Валдай деревянный, только изрѣдко попадаются каменные дома, да на базарной площади въ серединѣ города соборъ и церковь Введенія, оба неуклюжія бѣлыя зданія, въ видѣ аляповатыхъ четырехугольниковъ, поднимаютъ свои бѣлыя колокольни надъ хаосомъ домишекъ и садиковъ и глядятъ въ синее Валдайское озеро, на большіе громоздкіе вѣсы среди базарной площади, на пустынныя улицы, заросшія подорожникомъ и ромашкой. Въ городѣ нѣтъ ни театра, ни клуба, ни музыки и только въ земской управѣ есть недурная библіотека, гдѣ за 5 рублей въ годъ можно читать довольно много журналовъ. На базарной площади стоитъ каменный домъ купца Терскова, одного изъ старожилъ города. Терсковъ собралъ чучела всѣхъ птицъ и животныхъ своего Валдайскаго уѣзда, искусно набилъ ихъ и положилъ такимъ образомъ начало будущему музею. Онъ уже пріобрѣлъ акваріумы для того, чтобы собрать всѣ

мѣстныя рыбы, что составляетъ несомнѣнный интересъ.

Гвоздь Валдая для всякаго туриста и не туриста, это прекрасное озеро съ его монастыремъ. Я добрался по пустыннымъ удицамъ, вдоль заборовъ, черезъ которые свѣсились снѣжно—бѣлые кудри, сплошь покрытыхъ цвѣтами вишняковъ до базарной площади, съ ея ужасной мостовой, и спустился по проулку къ озеру. Тутъ на берегу въ небольшомъ каменномъ зданіи хранится лодка, на которой въ 37-мъ году покойный Государь Александръ II, еще будучи наслѣдникомъ, переѣзжалъ озеро. Тутъ-же крошечный и довольно чахлый бульваръ съ часовенкой, устроенной отцемъ Терскова. Этотъ же Терсковъ въ Крымскую войну снарядилъ на свой счетъ до тысяча человѣкъ Валдайскихъ ратниковъ.

Озеро, синее и спокойное, горѣло сотнями тысячъ золотыхъ огней, зажженныхъ въ его водѣ весеннимъ солнцемъ. Монастырь съ островами составилъ чудную декорацію по ту сторону Валдайскаго плеса и горѣлъ своими главами, какъ золотыми огнями, такъ рельефно выступавшими на голубомъ фонѣ неба.

Переѣздъ въ Иверскій монастырь совершается въ лодкахъ, которыя дожидаются у часовенки желающихъ. За 40 или 50 копѣекъ мѣстные гондольеры, большею частью въ образѣ женщинъ, свезутъ васъ въ монастырь, лежащій въ разстояніи 3-хъ верстъ по прямой линіи отъ города и доставятъ васъ обратно въ Валдай.

Какъ только мы съ пріятелемъ подошли къ спуску, ведущему къ озеру, предъ нами предстала пожилая, худощавая женщина и предложила свои услуги, какъ лодочницы. У небольшой пристани и дамбы, обсаженной березами, мы сѣли въ лодку.

Женщина помѣстилась на рулѣ, за весла сѣлъ ея зять, молодой каменщикъ. Открытое, милое лицо, съ свѣтлой дѣтской улыбкой, не могло не привлечь къ себѣ. Отъ него вѣяло весной, силой, удалью, весельемъ. Онъ такъ гармонировалъ съ синимъ озеромъ, съ душистой весной, съ весеннимъ солнцемъ, съ своей ролью Валдайскаго гондольера, что внесъ много прелести въ эту поѣздку въ монастырь. Это былъ настоящій прелестный русскій типъ, съ его весельемъ, съ его подтруниваніемъ и безшабашностью.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Михайло Петровъ, отвѣтилъ лодочникъ.

— Да нѣтъ-же, возразилъ мой пріятель, сопутствовавшій мнѣ въ монастырь, вѣдь твоя фамилія Соколовъ.

— Это точно, также и Соколовъ, сказалъ Михайло, улыбнулся чудной улыбкой и такъ налегъ на весла, что лодка полетѣла, какъ птица, дальше и дальше отъѣзжая отъ берега.

Оказывается, что въ Валдаѣ зачастую одинъ и тотъ-же человѣкъ имѣетъ нѣсколько фамилій. Тотъ же Терсковъ зовется Степановымъ, а бывшій городской голова Якунинъ имѣетъ еще фамиліи Ермошина и Шахова. Какъ это происходитъ, Богъ знаетъ. Это Валдайская тайна.

Съ озера Валдай очень красивъ. Лежа по береговому откосу, городъ постепенно выдвигалъ домъ изъ за дома, красиво поднимая бѣлыя колокольни церквей. Озеро стало сильно волноваться и чѣмъ мы дальше отъѣзжали отъ берега, тѣмъ волны все болѣе и болѣе увеличивались. Михайло говорилъ, что озеро рѣдко бываетъ спокойно и что еще надняхъ весь Валдай былъ встревоженъ гибелью шести человѣкъ.

Нѣсколько ихъ утопавшихъ спасли смѣльчаки, въ томъ числѣ и нашъ удалой Михайло.

— Что-же городъ далъ тебѣ что нибудь за спасеніе погибавшихъ? спросили мы его.

— Хотѣли намъ выдать по медали, отвѣтилъ онъ, да съ насъ же по семи рублей требовали на эти медали. Ну, ихъ къ лѣшему. Гдѣ семь рублей возьмешь! Отказались.

Острова, по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе выдвигались, а звонъ монастырскихъ колоколовъ все сильнѣе доносился до насъ, мягко и необыкновенно звучно разносясь въ весеннемъ воздухѣ надъ обширной поверхностью озера. Не даромъ славятся Валдайскіе колокола, которые отливаются здѣсь въ городѣ на заводѣ Усачевыхъ, единственномъ заводѣ, отливающемъ эти громадные и великолѣпные колокола. Въ городѣ осталось нѣсколько кустарей, но они отливаютъ только небольшіе колокола и колокольчики.

— Вонъ островъ Жилище, указалъ Михайло на проплывавшій лѣсистый островъ. Тотъ вонъ Земляничный, зовутъ его тоже Березовый, а направо у берега — это Рябининъ островъ, по нему идетъ дорога отъ берега къ монастырю, тамъ паромъ есть.

Цѣлая цѣпь острововъ и островковъ дугой обступили насъ, образовавъ заливъ съ монастырскимъ островомъ во главѣ.

Бѣлыя стѣны съ сторожевыми башенками окружаютъ обитель, построенную знаменитымъ Никономъ, котораго плѣнилъ уединенный островъ. Мы вошли въ ворота съ торчащей надъ ними колоколенкой. При Аннѣ Іоанновнѣ въ этихъ толстыхъ саженныхъ стѣнахъ замуравливали осужденныхъ. За первой внѣшней стѣной высится вторая стѣна,

пробуравленная пестро расписанными фресками воротами, ведущими въ аллею и монастырь. Въ углу у второй стѣны примостилась толстая высокая башня, напомнившая мнѣ Спасскую Кремлевскую башню въ Москвѣ, служащую здѣсь элеваторомъ; здѣсь сыплютъ монахи зерно. Скучно, пустынно въ монастырѣ, даже весна не внесла своей жизни въ эту уединенную обитель. Высокая колокольня замерла, какъ факиръ, и рѣжетъ своимъ бѣлымъ силуэтомъ голубыя небеса. Большіе часы на колокольнѣ, по циферблату которыхъ движется голубь, прикрѣпленный къ минутной стрѣлкѣ, равнодушно отмѣчаютъ время. Соборы, и зимній и лѣтній, съ толстыми саженными стѣнами, пестро расписаны фресками. У входа въ соборъ на паперти глядятъ на васъ патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Вы, словно, чувствуете взгляды этихъ старинныхъ портретовъ во весь ростъ, оберегающихъ соборъ. Внутри собора мертвая тишина, сквозь толстыя стѣны сюда не долетаетъ ни единаго звука и только солнце, прорвавшись сквозь рѣшетчатыя окна, ложится золотой паутиной на старинныя иконы въ голубыхъ, золоченыхъ и расписныхъ кіотахъ. Пестрыя сѣдалища, пилоны, стѣны и потолокъ, всѣ разрисованные, мощи Якова Преподобнаго въ серебряной ракѣ и части мощей четырехъ митрополитовъ московскихъ, мрачная статуетка сидящаго схимонаха Нила Столбенскаго, сцены изъ жизни Якова Боровичскаго и, наконецъ, древо, на которомъ, по преданію, плыло тѣло Якова Боровичскаго вверхъ противъ Мстинскихъ пороговъ у Боровичей и которое хранится здѣсь подъ стекляннымъ колпакомъ, все это тонетъ въ таинственномъ полумракѣ. Пятиярусный иконостасъ весь въ золоченыхъ колонкахъ

уныло поднялся къ пестрому потолку, а толстыя чугунныя связи, какъ чудовищныя нити паутины, протянувшіяся подъ сводами отъ пилона къ пилону, уносятъ васъ къ временамъ самого Никона. За соборомъ тянется кладбище. Пожилой монахъ наклонилъ молодую черемуху, срѣзая букетъ цвѣтовъ, а она обдала его всего своими лепестками, которые повисли у него и въ бородѣ, и въ волосахъ, и на его черной рясѣ. Потомъ за вечерней я увидѣлъ этотъ пучокъ черемухи у образа Божіей Матери... За бѣлыми стѣнами монастыря во всѣ стороны простирается озеро. Чудные молчаливые виды. Плесъ Ужинъ убѣгаетъ съ своими пустынными мысами и островами къ сѣверу. На берегу монастырскаго острова была разложена масса сѣтей для рыбной ловли, которой занимаются монахи. Сѣти ихъ достигаютъ длины въ полуверсту. Чудный тихій вечеръ спускался надъ монастыремъ. Озеро совсѣмъ успокоилось и тихо и нѣжно подбѣгало своими волночками къ песчанымъ обрывамъ острова. Нѣсколько сосенъ, наклоненныхъ бурями, замерли у монастырскихъ стѣнъ и мечтательно освѣтились солнцемъ. Надъ обрывомъ къ озеру за восточной стѣной монастыря мнѣ бросилась въ глаза забытая могила съ покосившимся надгробнымъ камнемъ, съ почти стертой надписью, которую невозможно разобрать. Здѣсь спитъ, вѣроятно, какой нибудь несчастный самоубійца, котораго не позволили похоронить въ монастырѣ. Никто изъ монаховъ ничего не зналъ про этотъ одинокій могильный камень, скрывшій, можетъ быть, горькую драму.

На разсвѣтѣ я рѣшилъ продолжать свой путь къ истокамъ Волги, хотя мой пріятель и уговаривалъ меня посѣтить Варницы, прелестное мѣстечко, лежащее въ 12 верстахъ отъ Валдая, и замѣчательное

тѣмъ, что тамъ бьетъ крѣпкій соляной ключъ почти на аршинъ надъ землей. Прежде соль эту вываривали, на что указываетъ и названіе мѣстечка, затѣмъ неоднократно городъ думалъ устроить въ Варницахъ лѣчебное мѣсто и эксплоатировать прекрасный минеральный источникъ, но такъ неумѣло брался за дѣло, что только терялъ даромъ и время и деньги. Нѣтъ сомнѣнія, что съ годами, когда пути сообщенія съ Валдаемъ будутъ облегчены, Варницы превратятся въ новый русскій курортъ и, благодаря своей красивой мѣстности и близости отъ Петербурга, будутъ сильно посѣщаться больными. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ ни монастырь, ни Валдай не обратятъ вниманія на глубоководную рѣку Валдайку и не заведутъ пароходное сообщеніе между станціей Валдайкой и городомъ, что привлекло бы и туристовъ и богомольцевъ, всегда съ трудами пробирающихся къ отечественнымъ святынямъ, и облегчило бы и удешевило сообщеніе съ городомъ.

На разсвѣтѣ за мной пріѣхалъ мой ямщикъ Сизовъ и мы покатили по довольно сквернымъ Валдайскимъ дорогамъ къ югу. Молодые березняки смѣнялись пустырями, а дорога мѣстами была совсѣмъ невыносима. Въ 11 верстахъ отъ города показался новодѣвичій Коростецкій монастырь. Его колокольня высится надъ корпусомъ монастыря, лежащаго среди лѣса на берегу озера. Очень красива бѣлая зубчатая стѣна, украшенная поэтическими сторожевыми башенками съ красными шпилями, обѣгающая весь монастырь и придающая ему видъ крѣпости. Печально глядѣлъ этотъ одинокій монастырь теперь весной, но какъ уныло должно быть въ немъ зимой, когда вокругъ ревутъ и стонутъ мятели, а глубокіе снѣга совсѣмъ заваливаютъ его

зубчатыя стѣны. Бѣдныя деревушки, уединенныя села, озера и озерки мелькали мимо. Уныло, скучно, однообразно въ Валдайскихъ холмахъ. Вотъ показалась громадная водная поверхность озера Велье, дорога обогнула его заливъ по самому откосу и мы поѣхали по его берегамъ, то приближаясь къ самой водѣ, то ныряя въ небольшіе лѣса. Юркнувъ въ одинъ изъ такихъ лѣсковъ, полныхъ аромата молодой березы и цвѣтущихъ черемухъ, мы переѣхали черезъ мостъ, подъ которымъ съ звономъ и громомъ мчался ручей по камнямъ, стремясь изъ подъ колесъ живописно лежащей мельницы въ воды озера Велье. Сизовъ сказалъ мнѣ, что здѣсь находится рыборазводный заводъ. Конечно, я выскочилъ изъ тарантаса и отправился посмотрѣть эту диковинку. Съ трудомъ я растолкалъ сторожа, сладко спавшаго въ своей каморкѣ, и онъ повелъ меня вдоль прудовъ къ длиннымъ низкимъ строеніямъ съ многочисленными баками и всевозможными прекрасно устроенными приспособленіями для разведенія рыбы, какія я встрѣчалъ за границей для разведенія форелей и у насъ, въ Петербургѣ, на выставкѣ. Теперь это казенный заводъ. Казнѣ онъ принадлежитъ уже около 25 лѣтъ, достался ей отъ нѣкоего г-на Варскаго, устроившаго еще 5 лѣтъ предъ тѣмъ рыборазведеніе. Варскій, получивъ разрѣшеніе отъ архимандрита Иверскаго Валдайскаго монастыря ловить рыбу нѣкоторое опредѣленное время, подъ предлогомъ выловить всѣхъ хищниковъ вредныхъ для мѣстной рыбы, продолжалъ ловить ее на продажу изъ озера Велье и завелъ въ это время заводъ. Я попалъ сюда въ несчастное время: баки, гдѣ содержится марочная, отмѣченная рыба, послѣ спуска воды изъ прудовъ въ озеро, были пусты;

черныя тарелочки для сиговой икры и бѣлыя для форелей были также пусты. Большія бутылки для перевозки мелкой рыбы, ящики для годовалой и болѣе старой, сосуды для оплодотворенія икры молоками, все бездѣйствовало, а въ теченіи лѣта и осени здѣсь кипитъ горячая дѣятельность. Въ прошломъ году были проданы и отправлены 85 тысячъ форелей, 40 тысячъ сиговъ и т. д., не распроданная рыба была спущена въ пруды, гдѣ находилась и сейчасъ. Въ банкахъ въ спирту находятся карпы, форели, сиги, стерляди и другія здѣсь разводимыя рыбы. Нечего дѣлать, опять усѣлся въ тарантасъ и поѣхалъ далѣе. Рыбацкое село Велье раскинулось на пустынномъ берегу озера. Всюду чинились сѣти, всюду лежали мережи. Сейчасъ видно, что жители рыбаки и что темное сѣрое озеро съ большими волнами кормитъ ихъ. Нѣсколько рыбаковъ садились въ утлыя лодченки. Всѣ рыбаки были одѣты въ кожаные фартуки, закрывающіе и грудь и спину. Одна женщина, должно быть жена рыбака, провожала мужа и совала ему въ лодку кульки съ ѣдой. Трудная работа рыбака! Вѣчная борьба съ холодными волнами негостепріимнаго темнаго озера, съ утренними холодами и пронизывающими озерными туманами.

Мелькнула церковь, стоящая на холмѣ среди живописной группы истрепанныхъ вѣтромъ сосенъ, нѣсколько шапкообразныхъ кургановъ тоже остались позади и снова потянулась скучная, однообразная дорога. Сизовъ предлагалъ мнѣ свернуть въ сторону и пробраться къ сѣверному плесу громаднаго озера Селигера къ мѣстечку Полново, откуда, по его словамъ, всегда можно добраться до Осташкова, проѣхавъ все гигантское озеро Селигеръ. Хотя Сели-

геръ и интересовалъ меня, но мое непреодолимое желаніе было поклониться часовенкѣ, означающей истокъ Волги, той матушки-Волги, которой русскій человѣкъ привыкъ поклоняться, какъ божеству, названіе которой звучитъ для всякаго русскаго съ неизъяснимой прелестью, имя которой служитъ символомъ и эмблемой національной силы и заставляетъ громко биться русское сердце, когда гдѣ либо на чужбинѣ кто произнесетъ его. И я поѣхалъ околесиной по сквернымъ дорогамъ черезъ село Филипогорье на скучный городокъ Демянскъ, въ который легко пробраться изъ Старой Руссы и изъ котораго, переночевавъ и отпустивъ Сизова, на перекладныхъ поѣхалъ въ мѣстечко Молватицы, лежащее въ 50 верстахъ отъ Демянска вблизи деревни Волговерховье.

Молватицы хорошенькое мѣстечко, лежащее на берегахъ быстрой рѣчки Щеберехѣ, берега которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поражаютъ своей дикой красотой. Крутые обрывы, украшенные лѣсомъ, живописно поднимаются почти отвѣсно надъ бѣшено клокочущей Щеберехой. У самаго моста черезъ Щебереху на отвѣсныя песчаныя скалы взгромоздилась красивая, расписанная въ желтый и бѣлый цвѣта, церковь „Егорья", съ высокой изящной колокольней, и глядитъ на живописную долину извилистой рѣки съ своего высокаго пьедестала, стоящаго какъ разъ на углу при впаденіи въ Щебереху другой быстрой рѣченки Стабенки, которая, пѣнясь и клокоча, летитъ по валунамъ и бросается въ пѣнистыя волны Щеберехи. Деревня Ревеницы, а еще болѣе деревенька Волговерховье лежатъ въ области непроходимыхъ болотъ и трясинъ. Сама деревенька Волговерховье, съ покосившимися домиками и соло-

менными крышами стоитъ на пригоркѣ. Масса валуновъ самой разнообразной величины лежатъ повсюду по безчисленнымъ холмамъ. Словно ихъ кто здѣсь разсыпалъ. Здѣсь уже Тверская губернія. Новгородская осталась за Ревеницами.

Среди болота между нѣсколькими березами стоитъ одинокая деревянная часовенка, осѣненная крестомъ. Это начало Волги. Въ самой часовенкѣ колодезь, но попасть въ часовенку не было ни малѣйшей возможности. Вокругъ стояло цѣлое озеро воды, а поэтому пришлось удовлетвориться внѣшнимъ видомъ четырехугольной досчатой часовенки и повѣрить, такъ какъ это всѣ говорятъ, что здѣсь беретъ начало Волга, эта величайшая рѣка нашего материка. Нѣсколько ниже деревни показывается ручеекъ, но слѣдовать вдоль ручейка не было возможности. Кругомъ было болото. Я удовлетворилъ свое любопытство и, сѣвши въ тарантасъ, поѣхалъ въ сторону въ одно знакомое имѣнье, гдѣ жила моя родственница и, которую мнѣ надо было навѣстить. Никогда не забуду этихъ мучительныхъ 40 верстъ по болотамъ, трясинамъ, отчаяннымъ размытымъ дорогамъ, по валунамъ и карягамъ, такъ что приходилось ежесекундно соблюдать равновѣсіе, чтобы не вылетѣть, а разъ таки ямщикъ вывернулъ меня совершенно. Поздней ночью добрался я, разбитый и измученный, до деревни, проклиная несчастную мысль свернуть въ сторону, но каковъ былъ мой сюрпризъ, когда оказалось, что родственница уѣхала изъ имѣнья. Сговорившись съ ямщикомъ, который хотѣлъ меня довести до Осташкова, я заснулъ, какъ убитый, мечтая поскорѣе выбраться изъ этихъ трущобъ и трясинъ, куда меня занесла судьба.

2.

Волжскія озера.

(По болотамъ. Руна. Озера Стержъ и Овселугъ. Осташковъ. Озеро Селигеръ. Пустынь Нила Столбенскаго).

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой.

Шиллеръ.

Ямщикъ обѣщалъ меня вести по довольно хорошей дорогѣ, но эта „довольно хорошая" дорога оказалась въ тысячу разъ хуже вчерашней. Мы буквально тонули въ трясинахъ, чуть не вплавь переѣзжали маленькія рѣченки, которыя, вздувшись весенними водами, грозно несли свои волны тамъ, гдѣ лѣтомъ курица можетъ ихъ въ бродъ перейти.

Вся эта часть Осташковскаго уѣзда—одно необозримое болото, перерѣзанное мѣстами небольшими холмами. Трясины и болота тянутся на многіе десятки верстъ и затягиваютъ громадныя подземныя озера, которыя только мѣстами обнажены и представляютъ небольшія болотныя озерки, называемыя здѣсь окнами. Здѣсь-то и былъ прежде славный

Оковьскій лѣсъ или Волконскій боръ, отъ котораго только мѣстами остались участки лѣса. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и, къ довершенію бѣдъ, одна изъ рѣченокъ снесла мостъ и намъ пришлось колесить, чтобы перебраться на другую сторону и, въ поискахъ за переправой, объѣзжая трясины, мы сбились съ пути. Я думалъ, что мнѣ уже не суждено выѣхать изъ этихъ мѣстъ. Проблуждавъ нѣсколько часовъ, намъ удалось выѣхать снова на берегъ рѣчки Меглинки, катившей вздувшіяся свои воды, перебраться черезъ нее и подъ проливнымъ дождемъ, снова чуть не увязая въ трясинахъ и, промокнувъ насквозь, уже подъ вечеръ добраться до какой-то деревни. Здѣсь мы остались ночевать. Лошади были замучены, и я и мой возница промокли насквозь и жаждали отдыха. Страшная гроза разразилась надъ нами. Молніи падали одна за другой, а громъ гремѣлъ, не переставая, чуть не втеченіи десяти минутъ. Я думалъ, что началось свѣтопреставленіе. Стекла въ крошечныхъ окнахъ дребезжали, деревья пригибались чуть не къ самой землѣ. Какъ я былъ радъ, что гроза не застала насъ въ болотахъ и что я сидѣлъ подъ крышей и пилъ чай.

Мы попали на берега рѣки Руны, уже пробѣжавшей верстъ 30 и напившейся воды изъ цѣлой системы озеръ. Это порядочная рѣка, а теперь, весной, совсѣмъ большая рѣка, грозно катящая свои воды въ озеро Стержъ, то самое озеро, въ которое съ сѣвера впадаетъ маленькій Волговерховскій ручей, пробѣжавшій до озера около десяти верстъ и носящій названіе Волги.

Верхнее теченіе Волги постоянно было спорнымъ вопросомъ, особенно до выхода ея изъ озера Волго, представляющаго послѣднее звено въ цѣлой цѣпи

озеръ, соединенныхъ между собой. Одни принимали за начало Волги озеро Селигеръ и рѣку Селижаровку, впадающую въ теперешнюю Волгу и, помню, я училъ въ гимназіи: „рѣка Волга вытекаетъ изъ озера Селигера въ Тверской губерніи“. Теперь, уѣзжая изъ Петербурга, я зналъ, что это не такъ и что озеро Селигеръ поитъ черезъ Селижаровку Волгу, что Волга начинается тѣмъ крошечнымъ ручьемъ, который я видѣлъ у деревни Волговерховье, въ болотахъ у деревянной одинокой часовенки и протекаетъ систему озеръ: Стержъ, Овселугъ, Пёно и Волго, раздѣленныхъ между собою небольшими проливами, но, побывъ на мѣстѣ, я скажу, что и это невѣрно. Нельзя считать маленькій ручеекъ, впадающій въ вершину озера Стержа, за Волгу, когда въ южный конецъ того же озера впадаетъ большая рѣка, несущая массу воды на разстояніи 40 верстъ до Стержа. Конечно, весь этотъ громадный бассейнъ озеръ поитъ гигантскую рѣку и не ручей, а рѣка Руна несетъ массу водъ въ систему Волжскихъ озеръ, изъ которыхъ вытекаетъ уже безспорная настоящая Волга. Когда я увидѣлъ, что Руна впадаетъ своей массой водъ въ озеро Стержъ, мнѣ показалось и дикимъ и наивнымъ мнѣніе, что эта водная рѣка не больше какъ притокъ ничтожнаго ручейка. Даже, если считать притокомъ Руну, а ручей принять за Волгу, то наименованія рѣкъ докажутъ противное. „Волга“ слово финскаго нарѣчія и означаетъ „святой“, въ древности рѣка называлась Ра; рѣка „Руна“ получила свое наименованіе тоже отъ финскихъ племенъ и ея имя означаетъ „пѣснь, матерія“, тогда, какъ ручей носитъ русское названіе „Волговерховскій“, такъ же какъ

и озера, и сталъ извѣстенъ въ болѣе позднее время. Если финны и считали Волгу и Руну за различныя рѣки, то связывали ихъ все таки, какъ нѣчто святое и чтимое. Я положительно признаю Руну за Волгу и мнѣ кажется, что всякій, кто увидитъ Волговерховскій ручей и побываетъ на берегахъ Руны, не задумается сказать, которая изъ нихъ Волга, дорога на сказочный востокъ.

Я выѣхалъ изъ деревни въ 3 часа ночи, чтобы раньше добраться до Осташкова. Утро было чудное, хотя и свѣжее. Вѣтеръ разогналъ всѣ тучи и безоблачное небо сіяло во всей красотѣ надъ нами. Дороги были совсѣмъ испорчены и порою было затруднительно ѣхать рысью. Руна бѣжала рядомъ. За ночь она еще больше вздулась, какъ бы желая нагляднѣе доказать, что она святая Волга съ незапамятныхъ временъ, а не самозванецъ ручеекъ, присвоившій себѣ ея громкое имя. Вскорѣ показалось озеро Стержъ съ его извилистыми берегами. Руна бросилась въ объятія озеръ Стержа и Овселуга почти при ихъ сліяніи. Вѣтеръ вздымалъ большія сѣрыя волны и срывалъ ихъ бѣлые гребни, далеко относя брызги. Мы въѣхали на мостъ, раздѣляющій два озера. Налѣво къ сѣверу тянулось на 10 верстъ озеро Стержъ съ открытыми каменистыми берегами и многими прибрежными деревеньками. Направо виднѣлась безконечная гладь воды озера Овселуга, которое благодаря половодью слилось съ озеромъ Стержемъ. Лѣсистые берега озера Овселуга образовали массу мысовъ и полуострововъ. Въ самой своей южной части два далеко выступившіе впередъ полуострова отдѣлили Овселугъ отъ Пёно, третьяго озера въ ряду волжскихъ озеръ. Изъ водъ озера Овселуга поднялся лѣсистый кру-

той островъ съ совсѣмъ уединенной Новосоловецкой пустынью. Островъ этотъ съ моста не виденъ и показывается только при поворотѣ дороги у мѣстечка Лохова гора. На той сторонѣ на крутомъ берегу Овселуга, почти при сліяніи двухъ озеръ, разлеглось село Ширково съ удивительной по архитектурѣ церковью. Сама церковь высокое оригинальное строеніе въ видѣ пирамиды, раздѣленной на три корпуса, изъ которыхъ каждый крытъ зеленой крышей такъ странно, что издали кажется, будто вокругъ бѣлаго конуса вьется зеленая змѣя, которая на вершинѣ пирамиды подняла свою голову въ видѣ золотого купола. Сколько смѣлости, сколько фантазіи въ этой красивой церкви! И рядомъ съ этимъ громаднымъ пирамидообразнымъ церковнымъ корпусомъ стоитъ небольшая колокольня, еле достающая своимъ крестомъ до половины высоты церкви. Я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой странной постройки, такъ красиво сидящей на непріютномъ берегу сѣраго волнующагося озера.

Дорога обогнула село Ширково и привела насъ въ еловый лѣсъ съ ужасно испорченной дорогой. Вѣтеръ дулъ еще сильнѣе и ели шуршали своими вершинами... Стало такъ невыносимо холодно, что я дважды отогрѣвался въ деревняхъ чаемъ. Я опять удалялся отъ Волги, стремясь на берега Селигера, этого громаднаго озера, плесы котораго, какъ руки спрута, разбросились во всѣ стороны, образовавъ безконечное число заливовъ, полуострововъ, мысовъ, островковъ и протоковъ, озера, служащаго хранилищемъ и питомникомъ молодой рыбы, которая выростая уплываетъ въ Волгу. Обогнувъ безчисленные плёсы и заливы Селигера, по которому ходили грозные валы и, разбиваясь о берега, обдавали ихъ

тысячами брызгъ, мы подъѣхали къ узкому мѣсту озера, которое переплыли на паромѣ, несмотря на сильное волненье, и только къ полдню мнѣ удалось добраться до Осташкова.

Осташковъ лежитъ замѣчательно красиво на низменномъ, ровномъ полуостровѣ, который на 2¼ версты вдался въ озеро, такъ что городъ только своей южной стороной касается материка, съ которымъ онъ соединенъ перешейкомъ. Это довольно большой, красивый городъ съ каменными домами, хорошими общественными зданіями, какъ банкъ Савина, театръ, украшенный двумя башнями, 4-хъ классное училище и др., съ богатыми церквями и прекраснымъ бульваромъ изъ тѣнистыхъ развѣсистыхъ березъ, который перерѣзываетъ поперекъ городъ около базарной площади. По вечерамъ по этому чудному бульвару прогуливаются горожане. Озеро Селигеръ обступило со всѣхъ сторонъ Осташковъ и эта масса воды придаетъ много красоты городу. Главная улица, Милліонная, пересѣкаетъ весь городъ, проходя отъ перешейка до самаго конца, гдѣ полуостровъ переходитъ въ скалистый мысъ, чуть ли даже не островокъ, но соединенный съ городомъ дамбой, которая укрѣплена камнями и засажена деревьями, такъ что составляетъ небольшую аллейку. Изъ-за зелени деревьевъ Житный монастырь, лежащій на островкѣ, высовываетъ блѣдноилиловую колокольню и золотые купола церквей, открывая чудные виды во всѣ стороны на обширное озеро, грызущее волнами его подножіе. Здѣсь въ церкви хранится образъ Смоленской Божіей Матери, находившійся долгое время на большихъ воротахъ крѣпости, стоявшей здѣсь раньше и сгорѣвшей до тла. До этой крѣпости здѣсь была тоже крѣпость, также погибшая отъ пожара.

На базарной площади высится большой красивый соборъ блѣднолиловаго цвѣта, украшенный бѣлыми лѣпными цвѣтами и фигурами и крытый серебряными крышами. Любопытенъ Знаменскій монастырь съ его красной церковью и высокими стѣнами, доходящими до самаго берега озера. Но самое любопытные мѣсто въ Осташковѣ это площадь за тѣнистымъ общественнымъ садомъ, обнесенная оградой и имѣющая трое курьезныхъ воротъ въ видѣ зубчатыхъ башенокъ стариннаго замка. Здѣсь на площади стоятъ: соборъ Св. Троицы, куполъ надъ папертью котораго увѣчанъ короной, а внутри котораго масса дорогихъ украшеній, тяжелыхъ серебряныхъ лампадъ, дорогихъ образовъ и съ купола свѣшивается гигантская серебряная люстра. На ризѣ иконы Казанской Божіей Матери горятъ двѣ громадныя брильянтовыя звѣзды, а надъ царскими вратами высится хорошая копія картины Бруни: „Моленіе о чашѣ“. Колокольня Троицкаго собора стоитъ отдѣльно и напоминаетъ по своему внѣшнему виду нѣсколько Сухареву башню Москвы. Тутъ же рядомъ стоитъ Вознесенская церковь съ оригинальной желтой колокольней, расписанной коричневыми украшеніями и немного покачнувшейся на одну сторону. Здѣсь же у одного стараго деревяннаго сарая находится ветхая разрушающаяся башенка, одѣтая остроконечной крышей. Она печально глядитъ на маленькій садикъ рядомъ и ждетъ, когда обвалится камень за камнемъ, и она исчезнетъ съ лица земли, какъ послѣдній свидѣтель былаго въ Осташковѣ.

Главную достопримѣчательность Осташкова и его прекраснаго озера составляетъ знаменитая пустынь Нила Столбенскаго, находящаяся въ семи верстахъ отъ города на одномъ изъ острововъ. Поклониться

святынямъ этой пустыни странный людъ идетъ со всей Россіи. Пробраться на уединенный островъ не трудно. Обыкновенно по желѣзной дорогѣ доѣзжаютъ до Вышняго Волочка, отъ котораго тянется шоссе на разстояніи 80 верстъ до Осташкова, а изъ города ежедневно ходитъ довольно хорошій монастырскій пароходъ, доставляя публику къ обѣднѣ и къ вечернѣ, взимая съ пассажира за проѣздъ 20 копѣекъ. Съ самаго разсвѣта до темноты массы богомольцевъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, толпятся на пристани, сговариваясь съ перевозчиками.

Я долго сидѣлъ на скамейкѣ въ небольшомъ садикѣ, раскинувшемся на самомъ берегу озера у пристани, и глядѣлъ на эту пеструю любопытную толпу, на эту массу лодочекъ и барокъ, толкавшихся по вздувшимся желтоватымъ волнамъ Селигера. Гондольеры богатаго Осташкова большею частью женщины, а потому говоръ и шумъ на пристани заглушалъ ревъ бурнаго озера. Несмотря на сильное волненье, цѣлыя вереницы лодокъ отчаливали ежеминутно отъ берега, спѣша къ уединенной Ниловой пустыни, которую совсѣмъ не видно изъ Осташкова. Ярко и пестро расписанные ялики и каюки, то черные, то сѣрые, то малиновые съ какими-то потугами на изображеніе чего-то, до нельзя оригинальные, то полосатые, то въ яблокахъ различнаго цвѣта, мелькали по волнамъ, чуть не ныряя, такъ они были переполнены богомольцами. Женщины съ котомками, мѣшечками, странники и странницы, монахи другихъ монастырей, продавцы булокъ, образковъ, поясковъ, разныхъ припасовъ, все это толкалось на пристани, шумѣло, говорило, суетилось.

У насъ на Руси, особенно въ озерной ея части

масса замѣчательныхъ островныхъ монастырей, которые такъ къ лицу угрюмой сѣверной природѣ. Отшельники, желая найти полнѣйшее уединеніе отъ людей, уходили на озерные острова, совсѣмъ оторванные отъ береговъ, избирая ихъ мѣстомъ молитвъ и иноческихъ подвиговъ. Эти пустыни, со временемъ превратившіяся въ монастыри, сдѣлались разсадниками отшельниковъ, удалявшихся въ свою очередь въ уединенныя мѣста и создавшихъ новыя обители. Эти уединенныя, тихія пустыни, совсѣмъ отрѣзанныя отъ людской жизни, усиливали сосредоточенность молитвы, а угрюмая дикость сѣверной природы закаляла иноковъ и давала пищу ихъ трудолюбивой и строгой жизни. Такъ возникавшіе монастыри мало по малу дѣлались центрами, оживляя пустынныя мѣстности, внося въ нихъ свѣтъ и жизнь и примѣръ своимъ изъ ряду вонъ выходящимъ благочестіемъ и трудолюбіемъ. Наши сѣверныя озера съ ихъ угрюмыми островами превратились въ пріюты благочестивыхъ иноковъ и теперь повсюду и на Бѣломъ озерѣ, и на Соловецкихъ островахъ, и на бурной Ладогѣ, и среди Валдайскаго озера, и на уединенномъ Овселугѣ, повсюду поднимаются монастырскія колокольни, освящая своими крестами эти угрюмыя мѣстности.

Среди водъ озера Селигера на островѣ Столбенѣ стоитъ одинъ изъ такихъ монастырей, въ который ежегодно странствуютъ тысячи и тысячи людей, чтобы поклонится мощамъ Преподобнаго Нила, положившаго основаніе этой обители. Повинуясь внутреннему влеченію къ иноческой жизни, Нилъ принялъ въ 1505 году монашескій санъ въ Крыпецкомъ монастырѣ св. Іоанна Богослова, лежащемъ на озерѣ посреди обширныхъ болотъ Псковской гу-

берніи. Желая полнаго уединенія, Нилъ ушелъ въ глухой лѣсъ на берегъ рѣки Серемхи, гдѣ прожилъ 13 лѣтъ, а затѣмъ въ 1528 году онъ перебрался на островъ Столбенъ съ его окружающимъ холоднымъ и негостепріимнымъ озеромъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ выкопалъ себѣ могилу, въ которую поставилъ гробъ. Къ его подвигамъ и трудной жизни присоединилось много бѣдъ и страданій и отъ окрестныхъ жителей и отъ суровой природы. Однажды поселяне зажгли лѣсъ, который сгорѣлъ до тла, но, дошедши до келіи Нила, внезапно потухъ и рядомъ съ кельей уцѣлѣла одинокая сосна. Существуютъ сказанія, что многіе желавшіе срубить эту сосну или даромъ ломали объ ея стволъ топоры, или были отброшены на большое разстояніе отъ дерева. Въ 1555 году 7 декабря Нилъ скончался на своемъ островѣ, который украсился однимъ изъ самыхъ красивыхъ и выдающихся монастырей всей Россіи. Хотя монастырь и лежитъ среди озера, ему пришлось вынести много бѣдствій и отъ пожаровъ, и отъ раззореній, особенно въ темное время междуцарствія. Въ 1667 году, 27 мая, когда начали рыть фундаментъ новаго каменнаго храма, были найдены мощи Преподобнаго Нила, спустя 111 лѣтъ послѣ его смерти. Поклониться этимъ мощамъ, покоящимся въ драгоцѣнной ракѣ въ соборѣ монастыря, 27 мая пріѣзжаетъ такая масса народа, что всѣ гостинницы, комнаты и частныя квартиры въ Осташковѣ бываютъ переполнены. Тысячи и тысячи богомольцевъ участвуютъ въ крестномъ ходѣ, который приплываетъ изъ Осташкова въ пустынь къ 9 часамъ утра на убранныхъ флагами и цвѣтами баржахъ, пароходахъ, яликахъ, каюкахъ и другихъ судахъ. Зрѣлище, говорятъ, бы-

ваетъ поразительное. Въ монастырѣ у пристани среди тысячъ народа, прибывшихъ въ монастырь наканунѣ, крестный ходъ встрѣчается настоятелемъ монастыря и братіей и въ соборѣ служится торжественная литургія.

Мнѣ ужасно было досадно, что я не поспѣлъ къ утреннему пароходу и что пришлось ѣхать въ пустынь на пятичасовомъ. Озеро къ вечеру стало волноваться гораздо меньше, вѣтеръ ослабѣвалъ чуть не съ каждой секундой и пароходъ „Нилова Пустынь“, съ кассиромъ монахомъ, пронзительно трижды прокричавъ, отошелъ отъ пристани, уже не такъ сильно раскачиваясь.

Житный монастырь выглянулъ изъ-за зелени съ своего высокаго островка и придалъ много красоты своей торчащей лиловой колокольней общему виду города съ озера. Осташковъ все болѣе и болѣе уходилъ за озеро и сливался въ одну линію. Направо показался большой лѣсистый островъ „Черный“, какъ его называютъ. За нимъ вдали вынырнула церковь Никола Рожокъ на погостѣ, тоже лежащая на одномъ изъ дальнихъ острововъ. Всюду по ближнимъ островамъ торчали сосны, чуть не поднимаясь изъ самой воды. Съ лѣвой стороны виднѣлся скучный, холмистый, однообразный берегъ съ рѣдкими селами и деревнями. Пароходъ обогналъ нѣсколько лодокъ съ богомольцами, которые сдвинулись въ кучки, а озеро обдавало ихъ брызгами и бросало лодки изъ стороны въ сторону. Вдали загорѣлись золотыя главы пустыни и громадный островъ выплылъ, словно вынырнулъ, изъ воды озера. Когда мы подъѣхали, то оказалось, что это нѣсколько острововъ, которые раздвинулись, а желтый песчаный обрывъ, поэтично оборвавшійся въ

озеро и увѣнчанный темными соснами и церковью, принадлежалъ острому береговому мысу, далеко выдвинувшемуся въ озеро.

Самъ Столбенскій монастырь необыкновенно живописно расположился на своемъ островѣ и представляетъ цѣлый конгломератъ церквей, монастырскихъ зданій, зеленыхъ аллей, желтыхъ стѣнъ, башенокъ, серебряныхъ иглъ и куполовъ. На переднемъ мысу острова необыкновенно кокетливо усѣлась розоваго цвѣта церковь Воздвиженья Креста и еще больше оттѣнила темную зелень сосенъ, составившихъ красивую группу. Бѣлорозовыя и голубоватолиловыя стѣны громадныхъ монастырскихъ зданій, бѣлыя полуколонны, серебряныя крыши, купола, шпили, громадное лиловое зданіе собора съ высокой колокольней, вытянутой въ длинную серебряную иглу, превосходная каменная набережная съ бульваромъ кудрявыхъ липъ, опоясывающихъ зеленымъ кольцомъ монастырь, башенки, пристани, красивая пятикупольная церковь Покрова, лежащая въ высшемъ пунктѣ острова и высовывающаяся изъ-за зелени деревьевъ,—все это составляетъ замѣчательно поэтичный хаосъ зданій, которому обиліе воды и его уединенное положеніе придаютъ много задумчивой прелести.

Такъ какъ мнѣ необходимо было до ночи добраться до Осташкова, чтобы двинуться съ разсвѣтомъ дальше, то я долженъ былъ уѣхать на экстренномъ пароходѣ изъ пустыни и поспѣшилъ осмотрѣть ее. Кассиръ-монахъ привелъ мнѣ путеводителя-монаха. Мы вошли въ ворота главнаго монастырскаго зданія. Направо и налѣво въ большихъ нишахъ поднялись двѣ фигуры, нарисованныя во весь ростъ. Одна изъ нихъ Нилъ, я его узналъ сейчасъ же и

по благообразному старческому, кроткому лицу, съ сѣдой бородой и по одеждѣ схимонаха, какъ его всегда изображаютъ. Онъ прямо выступилъ изъ своей ниши и такъ ласково, такъ кротко, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ внимательно глядитъ на каждаго входящаго въ его обитель, что поневолѣ останавливаешься, чувствуя его взглядъ на себѣ. На большомъ дворѣ помѣщаются гостинница и гостиный дворъ—громадныя бѣлыя зданія. Новые ворота ввели насъ во второй обширный дворъ съ фасадомъ собора, больницей, готическими зданіями келій, трапезой, просфоропекарней.

Въ соборѣ шла всенощная. Это громадное строеніе, выросшее въ двадцатыхъ годахъ подъ надзоромъ архитектора Анжело Боттани, поражаетъ своею лѣпною работой. Стѣны и колонны, отдѣланныя подъ мраморъ, поддерживаютъ богато расписанные своды и купола. Рака съ мощами преподобнаго Нила и небольшая икона, всего въ 4 вершка, „Владимірская Божія Матерь", принадлежавшая Нилу, составляютъ лучшія сокровища собора. Эту икону здѣсь называютъ „Селигерской", какъ пояснилъ путеводитель. Мнѣ показали схиму Нила, которой теперь болѣе 300 лѣтъ, разныя драгоцѣнности въ видѣ алмазной панагіи, хранящейся въ ризницѣ, дары различныхъ царей, имѣющихъ историческое значеніе, но эти драгоцѣнности Столбенской ризницы теряются передъ главными достопримѣчательностями монастыря.

Въ соборѣ было довольно много богомольцевъ. Пѣніе клира звучно разносилось подъ сводами храма. Высокій золотой иконостасъ и гигантское паникадило, висящее среди собора, играли, освѣщенные красноватыми лучами солнца. Изъ полумрака

рельефно выступили двѣ прекрасныя фресковыя картины. Одна: Марѳа и Марія. Задумчивая Марія изображена замѣчательной красавицей, лицо и чудный взглядъ которой на долго остаются въ памяти каждаго. Другая, налѣво отъ входа, изображающая воскрешеніе Христомъ дочери Іаира, служитъ великолѣпнымъ украшеніемъ собора.

Монахъ повелъ меня вдоль озера по широкимъ каменнымъ терассамъ подъ тѣнью липъ. Эти каменныя терассы служатъ прекрасной защитой острова отъ вздувающихся часто Селигерскихъ волнъ. Видъ на озеро прелестенъ. По ту сторону пролива среди группы сосенъ надъ желтымъ песчанымъ обрывомъ поэтично усѣлась церковь Михаила Архангела и любовалась на серебряные купола, отражающіе красные переливы неба, на угловую башню, служащую маякомъ, и на пристань.

Мы пришли въ пятиглавую церковь Іоанна Предтечи. Монахъ отперъ ее. Здѣсь изображена пещера Нила Столбенскаго и его статуя въ сидячемъ положеніи, въ одеждѣ схимонаха, копію съ которой я видѣлъ и въ Валдайскомъ монастырѣ и миніатюрѣ въ гостиномъ дворѣ здѣшняго монастыря для продажи. Въ этомъ самомъ мѣстѣ были найдены мощи преподобнаго Нила. Святой, сидя въ полумракѣ своей пещеры, сложилъ руки для молитвы и застылъ въ этой молитвенной позѣ, равнодушный ко всему земному. Монахъ далъ на память песку изъ пещеры. Красивый тѣнистый садъ съ темной, задумчивой аллеей привелъ къ розовой церкви Воздвиженія Креста, очень красивой и богатой по своему убранству, но маленькой и тѣсной, за то залитой волнами свѣта.

— Въ прошломъ году, сказалъ монахъ, 27 мая

болѣе 35 тысячъ человѣкъ было въ пустыни. Такая была тѣснота. Говорятъ, что въ Осташковѣ уже теперь всѣ квартиры и комнаты сняты на 27 мая.

Налюбовавшись видами и переливами неба въ совсѣмъ успокоившемся Селигерѣ, я поспѣшилъ на пароходъ, который, огласивъ своимъ пронзительнымъ крикомъ весь молчаливый островъ, сталъ быстро бить по водѣ своими колесами и бороздить тихую поверхность озера. Темныя сосны Чернаго острова стали еще темнѣй, рельефно выступая на ярко-золотомъ вечернемъ небѣ, а весь Столбенскій монастырь, залитый свѣтомъ заходящаго солнца, сначала замерцалъ своими куполами и крестами, а потомъ, превратившись въ узорчатый черный силуетъ, сталъ сливаться съ озеромъ, въ которое снова нырнулъ, какъ вынырнулъ, когда мы къ нему подъѣзжали... Поневолѣ остаешься еще нѣкоторое время въ мечтательномъ настроеніи отъ впечатлѣній, которыя оставляетъ обитель Нила Столбенскаго, такъ зорко смотрящаго на каждаго, кто желаетъ проникнуть къ его мощамъ.

3.

По верхнему теченію.

(Волжскій Бейшлотъ. Селижаровъ посадъ. Вдоль берега, на лодкѣ и на плотахъ. Ржевъ. По Волгѣ до Старицы).

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные, лаская берега...

Пушкинъ.

Озеро Селигеръ образовало длинный заливъ, который, на подобіе широкой рѣки почти въ $1^1/_2$ версты шириной, тянется къ югу верстъ на 15, питая рѣку Селижаровку, вытекающую изъ этого залива и несущую массу воды въ Волгу, въ которую она впадаетъ у Селижарова посада, пробѣжавъ 25 верстъ. Эту-то Селижаровку долгое время и считали за начало Волги.

Было еще темно, когда я оставилъ Осташковъ и двинулся по почтовой дорогѣ къ югу въ сторону Волги вдоль Селигеровскаго плеса и Селижаровки. Миновавъ кладбище съ красивой стѣной, мы покатили по пустырямъ. Сѣдой туманъ поднимался надъ

заливомъ озера. Гдѣ-то уныло и томительно скучно звонилъ колоколъ.

— Что это? спросилъ я ямщика.

— Это часы на церкви Котицкаго погоста, отвѣтилъ онъ и указалъ рукой по направленію къ озеру.

Среди тумана высилась церковь, сидящая на холмѣ, поднявшая свою колокольню сквозь холодныя, бѣлыя вуали. Звонъ колокола такъ жалобно звенѣлъ надъ пріютомъ мертвыхъ среди пустынной мѣстности, что мнѣ вспомнились таинственныя кладбища средневѣковыхъ балладъ съ ихъ невозмутимой тишиной и страхами.

Верхнее теченіе рѣки обыкновенно бурно, порожисто, такъ какъ почти всѣ большія рѣки спускаются съ горъ. Теченіе такихъ рѣкъ прерывается грандіозными водопадами и только, спустившись въ равнины, большія рѣки дѣлаются судоходными. Рейнъ, Нилъ, Амуръ и масса другихъ рѣкъ придерживаются этого правила игры, и только Волга, пробѣгающая разстояніе въ 3,512 верстъ, считая отъ истока Руны, течетъ мирно и спокойно, не образуетъ стремнинъ, катарактовъ и пороговъ. Но вѣчно справедливая судьба не захотѣла лишить водопада такую рѣку, какъ Волга, бассейнъ которой въ три раза превосходитъ Францію, которая считалась священной Ра у древнихъ географовъ, и которой за ея многоводность и величину Птоломей и Помпоній Мела приписывали два устья, очевидно принимая за одно изъ нихъ Донъ. Природа мѣстности, по которой течетъ матушка Волга, не дала ей гранитныхъ уступовъ для паденія, но за то горькая необходимость и техника устроили искусственный водопадъ, для регулированія водъ въ мелѣю-

щей лѣтомъ рѣкѣ и для сохраненія въ теченіе жаркихъ мѣсяцевъ массы водъ въ системѣ Волжскихъ озеръ величавымъ гидротехническимъ сооруженіемъ.

Напившись воды изъ небольшихъ притоковъ, какъ Жукопа, Кудь, Коча, пробѣжавъ озеро Волго, полное карягъ, Волга выходитъ уже довольно большой рѣкой и омываетъ довольно крутые берега до села Хотошино, вблизи котораго находится, такъ называемый, Волжскій бейшлотъ, очень напомнившій мнѣ гигантское гидро-техническое сооруженіе въ Бельгіи, около Жилепа, также для поддержанія воды, необходимой для питанія массы фабрикъ города Вервье. Такъ какъ лѣтомъ при мелководьи дорогъ для судоходства каждый лишній вершокъ воды, особенно на отмеляхъ и перекатахъ, то въ 1841 году и была устроена эта гигантская плотина въ видѣ моста въ 30 сажень, съ пятью пролетами, закрываемыми щитами особеннаго устройства, которые подпираютъ воду до $7^1/_2$ аршинъ. При закрытомъ бейшлотѣ Волга образуетъ выше моста громадное озеро и вся система Волжскихъ озеръ превращается къ гигантское хранилище воды. Осенью вода спускается внизъ, весной щиты закрываютъ и за мостомъ собираются всѣ воды изъ Руны, Жукопы, Куди, Орѣховки и другихъ рѣчекъ въ такомъ количествѣ, что Волга падаетъ грандіознымъ бурнымъ водопадомъ черезъ все сооруженіе.

Мой ямщикъ своротилъ па Хотошино и на зарѣ привезъ меня къ бейшлоту. Грохотъ Волжскаго водопада слышенъ былъ изъ далека. Свѣжее весеннее утро золотилось, обѣщая чудный день. Березы, смоченныя росой, дремали на берегахъ. Было такъ холодно, что я не зналъ, чѣмъ закрыться, и ежился подъ своимъ плэдомъ, взывая къ солнцу,

застрявшему на востокѣ. Я подошелъ къ самому берегу. Одинъ изъ пяти пролетовъ былъ открытъ, очевидно съ цѣлью дать уйти черезъ чуръ высокой весенней водѣ. За мостомъ въ утреннемъ туманѣ тонуло широкое пространство воды и затопленные разливомъ берега. Волга съ злымъ ревомъ и дикой злобой устремилась въ открытый пролетъ и, обрываясь громаднымъ водопадомъ, образовала рядъ пѣнистыхъ волнъ, налетающихъ другъ на друга, бѣшено бьющихся о стѣны сооруженія и несущихся внизъ между высокими сонными берегами, покрытыми массой совсѣмъ мокрыхъ спящихъ одуванчиковъ. Что-то таинственное было въ этой картинѣ. Казалось, что тамъ за туманами скрываются горы, съ которыхъ летитъ Волга. Но какъ пустынно вокругъ, только домикъ завѣдующаго бейшлотомъ глядѣлъ изъ-за молодой зелени березъ... Я увѣренъ, что я былъ въ этомъ мѣстѣ на берегу Волги въ качествѣ очень рѣдкаго гостя, а, по моему, посѣщеніе бейшлота для всякаго пріѣзжающаго въ Осташковъ, равно по интересу и красотѣ посѣщенію Столбенскаго монастыря, тѣмъ болѣе, что дорога отъ города порядочная и что паденіе Волги, хотя и искусственное, производитъ сильное впечатлѣніе, особенно весной, когда вздувшіяся воды летятъ съ молодой силой, бѣшенныя, бурныя, ревущія, и низвергаются, образуя кипящую пучину.

Существуютъ проекты, которые вѣроятно и будутъ скоро исполнены, урегулировать воды Селигера и Селижаровки также посредствомъ бейшлотовъ.

По рѣкѣ Селижаровкѣ и по Рудинскому плесу озера Селигера, отъ города Осташкова до Селижарова, посада ходятъ пароходики, что дѣлаетъ сообщеніе крайне дешевымъ и пріятнымъ. Отъ Се-

лижаровскаго посада до бейшлота, по берегу Волги, около 13 верстъ, а по прямой дорогѣ много меньше. Я увѣренъ, что всякій, кто поѣдетъ черезъ Вышній Волочекъ въ Осташковъ, по прекрасному шоссе (80 верстъ), и посѣтитъ монастырь и Волжскій водопадъ, а затѣмъ проѣдетъ въ очаровательно лежащій городъ Ржевъ, не пожалѣетъ потраченное на эту прогулку время.

Селижаровъ посадъ, лежащій при сліяніи Селижаровки и Волги, выросъ вокругъ монастыря, основаннаго болѣе 400 лѣтъ тому назадъ. Это цѣлый городъ съ красивымъ Селижаровымъ монастыремъ, окруженнымъ высокими желтыми стѣнами съ красиво сидящими высокими бѣлыми башнями по угламъ. Здѣсь есть и гостинницы, въ которыхъ можно остановиться, а остановиться стоитъ, чтобы посѣтить Селижаровъ монастырь и бейшлотъ.

Напившись водами Селижаровки, Волга вьется змѣей между красивыми холмистыми берегами, покрытыми изумрудной зеленью полей. То тамъ, то сямъ лежатъ деревеньки, села съ поэтически расположенными надъ рѣкою церквями, бѣлыя и желтыя колоколеньки которыхъ такъ рѣзко выступаютъ на фонѣ весенней зелени. Оба берега возвышенны, холмы то подбѣгаютъ къ самой рѣкѣ, мягко спускаясь бархатомъ нивъ къ самой водѣ или обрываясь желтымъ песочнымъ крутикомъ, о который бьются волны рѣки при поворотѣ. Волга дѣлаетъ петли, змѣится, заворачивается, обѣгаетъ холмы, весело плещется, серебрясь милліонами брызгъ по прибрежнымъ камнямъ, глотаетъ воды падающихъ въ ея объятія звонкихъ ручьевъ и небольшихъ рѣчекъ, весело бѣгущихъ къ ней между полей и въ тѣни рощъ. Волга течетъ въ глубокой долинѣ, которая съ каждой

саженью опускается среди крутыхъ и живописныхъ береговъ, одѣтыхъ то рощицей, то селомъ. Берега въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсно обрываются въ Волгу, такъ что она течетъ между морщинистыми стѣнами известняка. Деревня Вышгородъ живописно и красиво усѣлась надъ обрывами къ Волгѣ. Глубокіе овраги изрѣзали мѣстами береговыя стѣны, то одѣтыя еловыми рощами, то смѣющимися перелѣсками березъ. Мѣстами Волга бурлитъ, переливаясь черезъ каменныя гряды и образуя рядъ пороговъ, опасныхъ для плотовъ и лодокъ по узости фарватера, и съ честью поддерживаетъ названіе верхняго теченія. Столько красивыхъ, поэтичныхъ уголковъ на берегахъ верхняго теченія Волги, чему способствуютъ оба возвышенные берега, то сдавливающіе рѣку, то отбѣгающіе отъ нее. Порогъ Рогъ возлѣ села Рогъ обозначается волнистымъ теченіемъ рѣки въ очень живописной мѣстности. Правда, что эта живописность рѣки, эти села и церковки, эти извилины и крутики нѣсколько однообразны, и въ панорамѣ Волжскаго берега скоро пріѣдаются, но за то есть уголки, ради которыхъ можно вытерпѣть многія неудобства путешествія. Дѣло въ томъ, что почтовый трактъ идетъ далеко не всюду по берегу Волги и мнѣ пришлось ѣхать отъ села до села по берегу на вольныхъ, пока я не добрался до села Ельцы, гдѣ одинъ мѣстный благодѣтель крестьянинъ взялся меня доставить въ своей лодкѣ до села Кривцова, куда самъ направлялся. Эта поѣздка въ лодкѣ по Волгѣ доставила мнѣ массу удовольствія. Панорама береговъ скользила мимо, освѣщенная подходящимъ полуденнымъ солнцемъ. Овраги чернѣли таинственной тѣнью, а крутые обрывы горѣли и блистали надъ водой.

— Вотъ Бенскій порогъ, объяснилъ мнѣ лодочникъ, сейчасъ потащитъ, тутъ волна большая. И дѣйствительно лодка, искусно управляемая крестьяниномъ, немножко накренилась на сторону, и вдругъ, словно ласточка, полетѣла впередъ, минуя громко шумящую по камнямъ стремнину. Насъ сразу подняло большимъ валомъ и повлекло впередъ. Дыханье замерло и, когда я опомнился, мы были уже далеко внизу порога, шумящаго по каменной грядѣ среди замѣчательно красивой мѣстности и оставившаго небольшое пространство между подводныхъ валуновъ для прохода судовъ. Этотъ порогъ считается очень опаснымъ и надо хорошо управлять лодкой, чтобы не налетѣть на камни. Этого порога боятся плотовщики, такъ какъ плоты легко разбиваются этой стремниной. Солнце стало жечь немилосердно, вода серебрилась и сверкала тысячами брызгъ, а берега проплывали мимо то поднимаясь, то опускаясь.

Островов̌ъ въ этой части Волги очень немного, только противъ села Рогъ торчитъ изъ середины рѣки небольшой скалистый островокъ, окруженный каменными зубьями, да у Тихвинскаго посада высунулся небольшой плоскій островъ, заросшій деревьями.

Очень красиво устье бурной рѣчки Итомли, выбѣгающей изъ лѣсистаго оврага, высоко надъ которымъ лежитъ село Никольское съ бѣлой церковью.

Наконецъ мы добрались до Кривцова, противъ котораго на высокомъ берегу замѣчательно поэтично усѣлась хорошенькая церковь Георгіевскаго погоста, глядя на небольшой порогъ плещущій внизу. Здѣсь пришлось разстаться съ лодкой. Какъ я ни уговаривалъ моего возницу везти меня дальше, онъ отказался, но досталъ мнѣ телѣгу, которая должна

была везти меня до Зернова. Мой возница, несмотря на всѣ мои протесты, отъѣхалъ отъ Волги и провезъ меня довольно большое разстояніе вдали отъ берега и только у Зернова снова подъѣхалъ къ рѣкѣ. Здѣсь я не могъ достать ни лодки, ни телѣги, и, подговоривъ мальчишку, который обязался тащить мой плэдъ и мѣшокъ, пустился въ дальнѣйшій путь пѣшкомъ. Прошедши нѣсколько верстъ, изнемогая отъ жары, перескакивая черезъ овраги и ручьи, тщетно ожидая найти гдѣ нибудь въ селеніи лодку или телѣгу, мы добрели до рѣчки Кокши и стали втупикъ, не зная, какъ перебраться черезъ ея вздувшіяся весной воды. Положимъ рѣчка была очень неглубокая и мальчишка предлагалъ переправиться черезъ нее вбродъ.

— Немного выше чѣмъ по колѣно будетъ, сказалъ онъ, смѣло вступая въ воду.

Я не зналъ, что дѣлать, хотя ясно видѣлъ, что это единственное средство продолжать путь. На мое великое счастье по Волгѣ спускались плоты.

— Братцы, вы куда? крикнулъ я имъ.

— Внизъ, былъ отвѣтъ.

— Далеко-ль до Ржева? спросилъ я.

— Верстъ до 30.

— Меньше.

— Больше.

Мужички заспорили, я сталъ проситься на плоты, чувствуя, что мнѣ не добрести до Ржева да и мой мальчишка давно пыхтѣлъ и обливался потомъ, еле волоча мой багажъ. Мы скоро договорились и мужички взяли меня съ собой на плоты. Солнце припекало немилосердно, плоты, слегка покачиваясь, довольно быстро неслись по теченію. Эта поѣздка на плотахъ подъ солнечными лучами,

совсѣмъ на уровнѣ воды доставила мнѣ много удовольствія. Берега круты, излучины Волги омываютъ дикіе мысы, повсюду селенья, дачи, церкви, повсюду зеленыя рощи, овраги, зеленѣющія поля. Особенно красиво имѣніе Есиповой съ бѣлой церковью надъ крутикомъ и Леваково. Эти мѣста на Волгѣ такъ живописны, такъ красивы, берега обрываются такъ круто въ рѣку, выставляя морщины известняковъ, то въ видѣ громадныхъ лѣстницъ, то въ видѣ хаотическихъ развалинъ, что я съ наслажденіемъ вспоминаю свое путешествіе на плоту въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Волга вьется и описываетъ такія петли, что Ржевъ совсѣмъ неожиданно появился предо мной, выступивъ изъ-за высокаго мыса.

Городъ расположенъ удивительно красиво на высокихъ берегахъ Волги, которые образуютъ откосы въ 15 саженъ вышиной. Цвѣтущіе вишневые сады, колокольни, великолѣпный мостъ, перекинутый черезъ Волгу, все производитъ чарующее впечатлѣніе, а сама рѣка, описывая громадный полукругъ, дѣлитъ городъ пополамъ. Я залюбовался чуднымъ видомъ Ржева.

— Осторожнѣй баринъ, сейчасъ будетъ порогъ, сказалъ мнѣ крестьянинъ, этотъ тоже плохой, не уступитъ ни Бенскому, ни Рогу.

Только что онъ сказалъ это, какъ вдругъ забурлила вода и нашъ плотъ страшно быстро понесло въ стремнину по спинѣ громадной волны...

Вскорѣ я уже сидѣлъ въ чистомъ номерѣ гостинницы Некрасова, которую смѣло всѣмъ рекомендую. Чисто, дешево, хорошо, а кормятъ совсѣмъ прекрасно. Мои окна выходили на Волгу и на прелестный небольшой общественный садъ, переполнен-

ный цвѣтущими акаціями и сиренями. Въ этомъ саду я сидѣлъ часами и глядѣлъ, глядѣлъ до безконечности на красавицу Волгу, на зарѣчную часть города и на прекрасный мостъ. Ни одинъ городъ на Волгѣ, за исключеніемъ Нижняго, не лежитъ такъ удивительно красиво, какъ Ржевъ, совершенно плѣнившій меня своимъ положеніемъ, своей Волгой, которая здѣсь хотя и не такъ широка, но чарующе хороша въ своемъ поворотѣ. Весь лѣвый берегъ крутой зеленый откосъ, на вершинѣ котораго лежитъ Ѳеодоровская часть города, съ прелестнымъ общественнымъ садомъ, съ его метелками сирени, и кокетливой церковью Николы, съ яркокрасной, увѣнчанной двумя четырехъугольными башнями, думой и съ величавымъ зданіемъ бѣлаго собора, золотые купола и острый золотой шпиль колокольни котораго, парящій въ небесахъ, блестятъ въ лучахъ весенняго солнца и придаютъ безконечную прелесть всему берегу. А самъ откосъ къ Волгѣ изрѣзанъ вдоль и поперекъ дорогами, спусками, лѣсенками, которые то сходятся, то разбѣгаются во всѣ стороны и ползутъ къ самой водѣ. Изъ садика, особенно изъ его аллеи, которая тянется по самому хребту у края откоса отъ гостинницы Некрасова до кокетливой красной думы, открываются такіе виды, что не хочется уходить. Весь противуположный берегъ, гораздо болѣе низкій и подымающійся холмами отъ Волги,—представляетъ пестрый хаосъ зданій и садиковъ, расположенныхъ на этомъ полуостровѣ, который образуетъ Волга, въ видѣ дуги, пробѣгая мимо. Желтая красивая церковь Рождества высоко подняла свою колокольню надъ садиками и пестрыми домами, большой гостиный дворъ, дома, спускающіеся къ рѣкѣ, — все это не-

обыкновенно живописно издали, за то вблизи всякое очарованье теряется. Красота Ржева—его великолѣпный мостъ, напомнившій мнѣ мостъ черезъ Рейнъ въ Кельнѣ. Таже американская система, такъ что издали мостъ кажется сплетеннымъ изъ чугунныхъ полосъ и представляетъ какъ бы корридоръ, легкій и прозрачный, перекинутый черезъ Волгу и опирающійся на громадный гранитный устой, поставленный въ серединѣ рѣки. Этотъ устой рѣжетъ своимъ острымъ краемъ мимо бѣгущія струи, а во время ледохода волжскія льдины; а съ боковъ у берега вытянулись въ рѣку противъ теченія большіе ледорѣзы, въ видѣ клинообразныхъ каменныхъ щитовъ. Теперь во время высокой воды, горы опустили свои подошвы въ Волгу, и пробѣгающія струи купаютъ прибрежные кусты. Молодая яблоня высунула свои вѣтви изъ воды и покрыла ихъ розоватыми улыбающимися цвѣтами, привѣтствуя весеннее солнце. На той сторонѣ у моста группа тополей раскинула свой шатеръ. Изъ подъ этихъ тополей видъ на Ѳеодоровскую сторону съ колокольней собора, думой, кудрями сада, желтѣющими и низбѣгающими дорогами, яркобѣлой часовенкой, какъ бы съѣхавшей на половину откоса, на маленькую терассу, просто восхитителенъ.

Есть въ Ржевѣ большая диковинка—астрономическіе часы, работы механика-самоучки Волкова, надъ которыми онъ трудился въ теченіе 11 лѣтъ и на которыхъ изобразилъ цѣлую картину неба. Часы эти находятся въ городской думѣ, такъ кокетливо выглядывающей изъ-за зелени общественнаго садика.

Еще въ XII вѣкѣ люди оцѣнили этотъ поэтическій уголокъ и устроили городъ, принадлежавшій Смоленскому княжеству, но вскорѣ онъ сталъ самъ

самостоятельнымъ удѣльнымъ городомъ и первымъ княземъ Ржева былъ Владиміръ Всеволодовичъ. Въ 1301 году князь Свидригайло Литовскій завладѣлъ Ржевомъ и только въ 1368 году горожане изгнали недруговъ съ береговъ Волги. Къ стѣнамъ Ржева подходилъ Радзивилъ съ войсками Баторія и любовался его положеніемъ, а въ 1708 году городъ былъ приписанъ къ Ингерманландіи. Насколько городъ красиво лежитъ съ Волги, настолько же онъ грязенъ и нехорошъ внутри. Его площади послѣ дождя непроходимы, его, большею частью, немощеныя улицы ужасны и рискуешь утонуть въ грязи. Ржевъ прославленъ своей чудной пастилой, которой я и поспѣшилъ запастись и которая дѣйствительно поддержала самымъ блестящимъ образомъ реномэ города.

Здѣсь въ городѣ стоитъ полкъ драгунъ, который, возвращаясь со смотра, продефилировалъ съ музыкой мимо меня, спускаясь пестрой змѣей по одной изъ дорогъ откоса къ мосту.

Вечеромъ и особенно, когда взошла луна и облила своимъ задумчивымъ свѣтомъ городъ, а на сиреняхъ затрещали соловьи, Ржевъ показался мнѣ еще красивѣе. Очень немногіе изъ его 36 тысячъ жителей наслаждались прелестью весенней ночи. Многочисленныя церкви блестѣли своими крестами, черными силуэтами поднимаясь надъ хаосомъ заборовъ и домиковъ. Особенно красива была въ эту лунную ночь небольшая Владимірская церковка съ шахматными стѣнами изъ малиновыхъ и бѣлыхъ квадратиковъ, въ которую лѣтомъ на мѣсяцъ (съ 1 іюня по 1 іюля) приносятъ чтимый образъ Оковецкой Божіей Матери. Бѣлая ограда выдѣлялась особенно рельефно, лежа блестящимъ ожерельемъ вокругъ темнаго садика

церкви. И долго, долго я сидѣлъ на скамьѣ подъ сиренью и глядѣлъ на игравшія струи Волги и слушалъ соловьевъ...

Ржевъ находится на Новоторжско-Вяземской желѣзной дорогѣ и вокзалъ его находится, по общему печальному правилу русскихъ городовъ, на далекой окраинѣ города, куда прекрасные извозчики везутъ васъ за 30 копѣекъ. Желѣзнодорожный мостъ, въ сторону къ Вязьмѣ, перекинутъ черезъ Волгу нѣсколько выше города. Желѣзнодорожный путь—лучшее сообщеніе съ Ржевомъ, такъ какъ пароходики, развозившіе публику отъ Ржева въ Зубцовъ и Старицу и доходившіе до Твери, прекратили свои рейсы и вслѣдствіе мелководья этой части Волги и вслѣдствіе желѣзнодорожной линіи, убившей ихъ. Да и берега Волги отъ Ржева до Твери представляютъ такъ мало интереса, а путешествіе по Волгѣ настолько затруднительно, что могу посовѣтовать каждому посѣщающему Ржевъ сдѣлать только двѣ прекрасныя прогулки въ лодкѣ. Одну вверхъ по теченію до Зернова по извилистой красивой рѣкѣ, берега которой и круты и красивы и украшены многими помѣщичьими зданіями и церквями, нерѣдко очень затѣйливой архитектуры (въ Ржевъ можно вернуться и на почтовыхъ черезъ станцію Бахматово), другую внизъ по Волгѣ до города Старицы.

Берега Волги вскорѣ за Ржевомъ понижаются и у города Зубцова одинъ берегъ дѣлается совсѣмъ плоскимъ. Самъ Зубцовъ—типъ провинціальнаго скучнаго городка съ его грязью и пылью и непроходимой скукой. Нѣсколько церквей оживляютъ видъ города, особенно одна, кокетливо поднявшая свою колокольню и усѣвшаяся на холмѣ на самомъ углу при сліяніи Волги и Вазузы, которая,

вливая свои воды въ Волгу, заставляетъ отклониться свою старшую сестру подъ прямымъ угломъ.

Легенда говоритъ, что Волга и Вазуза послѣ долгаго и горячаго спора, кто изъ нихъ старшая сестра, рѣшили лечь спать и признать преимущество за той, которая изъ нихъ раньше встанетъ и добѣжитъ до моря. Волга проснувшись увидѣла, что Вазуза уже убѣжала. Тогда она вздула свои волны и помчалась съ ревомъ и шумомъ и у нынѣшняго Зубцова догнала Вазузу. Отсюда онѣ побѣжали вмѣстѣ.

Отъ самаго Зубцова до Старицы Волга мало интересна, хотя мѣстами берега поэтичны. Такъ красивъ старый помѣщичій домъ съ полукруглой колоннадой и двумя статуями у подъѣзда. Вѣетъ такой стариной отъ этой забытой усадьбы, отъ этого заглохшаго сада съ полуизломанной чугунной скамьей подъ старымъ дубомъ близъ берега. Красивы развалины какого-то дома. Черныя дырья слѣпо глядятъ на Волгу и изгрызенныя временемъ и непогодой стѣны непривѣтно поднимаются надъ холмомъ. Говорятъ, это былъ помѣщичій домъ, сожженный крестьянами. Когда-то это были роскошныя палаты, гдѣ шумѣла жизнь, а теперь отъ нихъ остались печальныя обломки разрушающихся стѣнъ... Вереницы плотовъ плыли книзу. Кое-гдѣ по берегу шагали, тяжело переступая по береговому песку, лошади и тянули бичеву.

Вотъ наконецъ и Старица, уѣздный городъ, довольно живописно раскинувшійся по обѣ стороны Волги. На высокомъ берегу вдоль набережной тянется бульваръ. Масса пестрыхъ церквей подняла свои колокольни и придала характерный видъ любимому городу Іоанна Грознаго, городу, имѣвшему

своихъ князей. Здѣсь остались груды стѣнъ и руины башенъ прежняго Кремля, процвѣтавшаго въ былыя славныя времена города. Еще въ 1395 году весь городъ сгорѣлъ отъ удара молніи, отстроенный снова онъ былъ неоднократно раззоряемъ во время междуусобицъ. Литовцы помогли уничтоженію многихъ старыхъ памятниковъ, а Тушинскій воръ довершилъ раззореніе. Теперь, какъ жалкій остатокъ старины и былой славы, торчатъ остатки стѣнъ прежней крѣпости. На бульварѣ по случаю воскресенья было гулянье. Обиліе гусарскихъ мундировъ сейчасъ же бросилось мнѣ въ глаза. Оказалось, что здѣсь стоитъ полкъ гусаръ.

Далѣе Волга представляетъ очень мало интереснаго и эти 8 десятковъ верстъ съ лишнимъ гораздо удобнѣе и интереснѣе проѣхать по желѣзной дорогѣ, тѣмъ болѣе что городъ Старица считается лежащимъ на желѣзнодорожномъ пути, хотя его вокзалъ лежитъ за 10 верстъ и приходится ѣхать по ужасной дорогѣ, отъ которой переворачиваются всѣ внутренности и сотрясаются мозги. Это уже наше печальное россійское правило, что на вокзалъ приходится ѣхать чуть не на тотъ свѣтъ. Особенно это удовольствіе пріятно, когда дождь льетъ, какъ изъ ведра, и приходится вести много багажу. Большое удобство для публики. На мое счастье къ дождю присоединилась такая распутица, что я еле живой и промокшій до костей, добрался до вокзала.

4.

На Тверцѣ.

(Вышній Волочокъ. Торжокъ. Тверь. Соборъ и Отрочскій монастырь въ Твери).

Для нихъ и слѣдъ колесъ въ грязи напечатлѣнный
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный...
Пушкинъ.

Мой первый губитель — опаснѣйшій — время,
Онъ тутъ, а за смертью далеко ходитъ...
Андрей Сабо.

При впаденіи Тверцы Волга сразу дѣлается многоводнѣе, такъ какъ этой рѣкой она соединяется черезъ знаменитую Вышневолоцкую систему съ такой сложной сѣтью озеръ, съ такимъ громаднымъ бассейномъ водъ, что нельзя не удивляться гидротехническимъ сооруженіямъ. Вышневолоцкая система, прославленная на весь міръ, соединяетъ Волгу черезъ Мсту съ озеромъ Ильменемъ и Балтійскимъ моремъ. Великій Петръ, побывавши въ Голландіи, велѣлъ приступить къ прорытію канала между Тверцою и Цной. Этотъ вырытый Тверецкій каналъ, всего въ 4-хъ верстахъ отъ истока Тверцы, сдѣлалъ то, что Тверца утратила свою родину и побѣжала изъ Цны. Безпримѣрный фактъ, что одна рѣка выпускаетъ другую. Городъ Вышній Волочекъ, лежащій какъ

разъ на мѣстѣ стараго волока между Тверцой и Цной, а теперь на берегахъ великолѣпныхъ гранитомъ и бульварами опоясанныхъ каналовъ, заслуживаетъ посѣщенія всякаго любознательнаго туриста, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ служить первымъ пунктомъ остановки на пути къ Осташкову. Цнинскій и Тверецкій каналы, прямые какъ стрѣла, съ великолѣпными гранитными набережными и березовыми аллеями перерѣзываютъ городъ, пробѣгая подъ красивыми мостами и перехваченные шлюзами. Оба канала соединены съ громаднымъ искусственно устроеннымъ водохранилищемъ въ 60 верстъ, изъ котораго выпускаютъ воды въ каналы, а также въ Тверцу и быструю Мсту, съ ея опасными Боровицкими порогами, для поднятія уровня. Посредствомъ шлюзовъ достигается то, что массы водъ, собранныя искусственнымъ путемъ, человѣкъ заставляетъ бѣжать или въ сторону Волги или въ Мсту на сѣверъ. Вся мѣстность Валдайскаго плато покрыта озерами и рѣчками и всѣ эти озера, большія и маленькія, соединили между собой, перекопали рѣки, заставивъ ихъ измѣнить свое русло и нести воды то въ ту, то въ другую сторону, чтобы обогатить водныя системы. Рѣка Шлина понесла свои воды изъ озера Шлино и изъ озера Велье, съ которымъ ее соединили водопроводомъ въ Вышневолоцкій резервуаръ. Валдайское озеро стало посылать по Валдайкѣ свои воды въ озеро Пиросъ, а изъ него Мсту. Густая сѣть каналовъ опутала всю мѣстность и образовала всю эту сложную систему, въ которую вошли всѣ озера, всѣ рѣчки, всѣ ручьи громаднаго участка отъ Ильменя и Селигера до озера Пудора и Ящино. Городъ Вышній Волочокъ съ старымъ дворцомъ, многочисленными церквями, хорошимъ гостинымъ

дворомъ красиво разлегся у каналовъ, прободавшихъ водораздѣлъ по приказанію Великаго Государя, положившаго основаніе городу. Каналы производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Громадныя желѣзныя ворота шлюзовъ торчатъ, какъ черные щиты, изъ тихихъ водъ, а опоясывающіе набережныя бульвары напоминаютъ Амстердамъ. Вокругъ города поднимаютъ свои высокія трубы ткацкія и бумагопрядильныя фабрики.

Весной, лѣтомъ и осенью городъ бываетъ чрезвычайно оживленъ и представляетъ любопытную и пеструю картину прохода длиннаго каравана судовъ по каналамъ. Тогда растворяются желѣзные шлюзы и баржи, разукрашенныя флагами, руководимыя опытными лоцманами, скользятъ по поднявшейся волнѣ въ рѣку, направляясь изъ Тверцы въ Мсту и въ Ладогу.

Въ былыя времена милліоны пудовъ товаровъ проходили сквозь эти гранитныя стѣны и проѣзжали желѣзные ворота шлюзовъ, тогда по набережнымъ были раскинуты прекрасные цвѣтники и городъ жилъ нервно и кипуче. Новая Маріинская система и желѣзная дорога, пробѣжавшая черезъ городъ, если не убили эту систему, по которой двигались мѣсяцами караваны, то нанесли сильный ударъ. И если судоходство здѣсь сильно пало, если въ торговомъ отношеніи золотые дни Волочка остались въ прошедшемъ, для туриста онъ представляетъ безконечный интересъ, какъ удивительный памятникъ Великаго Государя и какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ водныхъ сооруженій не только нашего отечества, но и всего міра. Скучно и томительно было мнѣ учить къ урокамъ географіи всѣ эти системы, но когда я прогуливался въ Вышнемъ

Волочкѣ по берегу канала, я искренно каялся, что такъ холодно и даже съ недоброжелательствомъ относился къ Вышнему Волочку и его поразительной водной сѣти и благоустройству.

Заграницей мнѣ пришлось провести много лѣтъ и тамъ всѣ подобныя сооруженія, во сто, въ тысячу разъ менѣе замѣчательныя, посѣщаются всѣми туристами, о нихъ говорятъ путеводители, а наша Вышневолоцкая система, лежащая на желѣзнодорожномъ пути изъ Петербурга въ Москву, врядъ ли притягиваетъ кого нибудь и навѣрное большинство относится къ ней также несправедливо, какъ я относился, сидя на школьной скамьѣ.

Тверца служитъ главнымъ образомъ путемъ для баржъ, направляющихся къ Вышнему Волочку и которыя движутся конною тягою, такъ что по берегамъ ея устроены во многихъ мѣстахъ бичевники въ видѣ укрѣпленій, дорогъ, дамбъ и барьеровъ для болѣе удобнаго прохода лошадей.

Поѣздъ желѣзной дороги, направляясь отъ Старицы и Ржева, перерѣзываетъ Тверцу у самаго города Торжка, одного изъ стариннѣйшихъ городовъ бассейна Волги, живописно лежащаго на высокихъ берегахъ Тверцы.

Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній Новгородцевъ, какъ Ржевъ и Старица, гдѣ производились торги вольнаго богатаго Новгорода съ Суздальской и Тверской землями. Много выстрадавъ отъ пожаровъ, голодовъ, раззореній, на которыя особенно были щедры Московскіе коварные князья, терпѣвшій и отъ Суздальцевъ и отъ Литовцевъ, сожженный до тла княземъ Святославомъ въ 1167-мъ году страдавшій отъ междуусобій, почти совсѣмъ срытый Батыемъ въ 1245 году и Узбекомъ въ 1333 году,

многократно разрушенный коварнымъ и жестокимъ Иваномъ Калитой, присоединенный къ Москвѣ при Иванѣ Третьемъ, онъ былъ разрушенъ въ послѣдній разъ въ 1609 году поляками. Послѣ этихъ безконечныхъ пожаровъ и раззореній ни единая башня не уцѣлѣла изъ сѣдой старины. На мѣстѣ старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ теперь разведены бульвары, красивый мостъ перевязалъ Тверцу, соединивъ Борисоглѣбскую и Затверецкую стороны, украшенныя массою церквей. Положеніе города очень живописно и разноцвѣтныя его колокольни церквей, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ по берегамъ Тверцы, придаютъ ему много красоты. Особенно красивъ массивный бурый соборъ съ большимъ зеленымъ плоскимъ куполомъ и четырьмя маленькими по угламъ. Онъ лежитъ на высокой терассѣ надъ рѣкой и блещетъ богатыми украшеніями и иконами. Рядомъ съ нимъ поднялась высокая стройная колокольня, словно минаретъ, стрѣляющая въ небо, еще дальше сиреневая, изъ-за которой выглядываетъ желтая, рѣзко выдѣляющаяся на синемъ фонѣ весенняго неба. Въ гостиномъ дворѣ Торжка повсюду продаются знаменитыя articles de Torjock, кожаныя издѣлія, шитыя золотомъ. Это золотое шитье по разноцвѣтной кожѣ, по бархату, принаровленное особенно для туфель, башмаковъ и сапогъ, представляетъ прелестное мѣстное издѣліе, заслуживающее полнаго вниманія.

Въ Торжкѣ замѣчателенъ Борисоглѣбскій монастырь, въ которомъ хранятся посохъ и митра преподобнаго Ефрема. Легенда разсказываетъ, что Ефремъ и его два брата Моисей и Георгій были конюхами у Бориса и Глѣба Страстотерпцевъ. Старшій сынъ Владиміра, сдѣлавшись великимъ

княземъ, злодѣйски умертвилъ обоихъ младшихъ братьевъ Бориса и Глѣба. Незадолго до смерти Борисъ возложилъ на своего любимаго слугу, родомъ изъ Венгровъ, Георгія золотое ожерелье и, когда Георгія убили вмѣстѣ съ Борисомъ, то злодѣи, долго не будучи въ силахъ снять золотаго украшенія съ шеи, отсѣкли ему голову. Тѣло Георгія потому нельзя было найти, но голову его нашелъ Ефремъ и, основавши въ 1039 году монастырь, унесъ ее съ собой. Эта голова и понынѣ хранится, какъ большая святыня, положенная въ драгоцѣнную раку вмѣстѣ съ мощами Ефрема († 1053).

По выѣздѣ изъ Торжка поѣздъ доставилъ меня на станцію Осташково, отъ которой и начинается Ново-Торжско-Вяземская желѣзная дорога. Отсюда поѣздъ Николаевской дороги, перелетѣвъ мосты черезъ Тверцу и Волгу, доставилъ меня въ Тверь, этотъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ, справедливо соперничавшій съ Москвой въ продолженіе долгаго времени, городъ Михаила Тверскаго, городъ, въ которомъ когда-то тоже гудѣлъ вѣчевой колоколъ, городъ, который славился и своимъ могуществомъ, красотой и торговлей, городъ, перенесшій столько пожаровъ, раззореній и бѣдствій, что надо удивляться, какъ онъ уцѣлѣлъ и какъ на мѣстѣ его не осталось брошенное и сожженное городище, какихъ такъ много на Волгѣ, городъ, про который сложилась поговорка: „Тверь-городокъ, Москвы уголокъ", теперь тихій провинціальный городъ съ слишкомъ 50-ю тысячами жителей.

Я бродилъ по Твери, довольно скучному, хотя чистому городу съ его широкими улицими и пустынными площадями, съ большею частью желтыми домами и многочисленными старыми церквями и

уносился въ то время, когда здѣсь въ этомъ тихомъ городѣ съ его провинціальнымъ застоемъ клокотала бурная жизнь, когда улицы его оглашались криками волненій, когда здѣсь было сосредоточіе кипучей дѣятельности и большихъ политическихъ событій. Нынѣшняя Тверь съ ея прославленными мятными пряниками и немногими памятниками былаго сама памятникъ на могилѣ прекраснаго княжества, загрызеннаго и стертаго съ лица земли происками и злодѣйствами коварной Москвы, которая, слѣдуя поговоркѣ іезуитовъ, что цѣль оправдываетъ средства, пускала въ ходъ самыя лютыя злодѣйства, несправедливости, обманы и лжесвидѣтельства, чтобы раздавить всѣ вольные города и всѣ благородныя княжества съ ихъ гораздо болѣе гуманнымъ управленіемъ, какъ Тверское. Ужасъ беретъ, когда вспомнишь борьбу Москвы съ Тверью, полную возмутительныхъ злодѣйствъ, потоковъ крови и чудовищныхъ обмановъ. А внѣшніе враги, то литовцы, то татары, нерѣдко приводимые Московскими же князьями, грабили городъ, избивали населеніе и красили кровью воды Волги. Но ни голодъ, ни моры, ни пожары, ни литовцы, ни татары не наносили такихъ ударовъ богатой Твери, какъ Московскіе князья. Иванъ Калита упивался кровью Тверичей, а Иванъ Грозный только по пути, направляясь къ Новгороду, перебилъ 90 тысячъ горожанъ. Всѣ 4 Ивана были звѣрьми и перебили столько народу въ Твери, что всѣ моры, воины и голодовки вмѣстѣ взятые унесли меньше жертвъ. Пала Тверь, пала богатѣйшая Волжская торговля мѣхами, преимущественно бобровыми (бобры долгое время водились въ этой части Волги) и хлѣбомъ, рухнули зубчатыя кремлевскія башни и стѣ-

ны, сгорѣли древнія церкви, покрытыя живописью и позолотой самихъ Тверичей, исчезла жизнь и Тверь стоитъ, какъ нагробный памятникъ, въ ожиданіи, что таинственное будущее вызоветъ ее, чтобы играть новую роль, зарю котораго уже властно зарумянилъ Петръ, убивши Москву и отдававши первенство Петербургу.

Первое неудобство, которое поразило меня, хотя я его долженъ былъ ожидать, это страшная отдаленность вокзала отъ города. Тихая Тверь съ ея хорошими улицами, изъ которыхъ нѣкоторыя обращены въ бульвары, перерѣзывается параллельно набережной—главной улицей города Милліонной. Хорошіе, хоть невысокіе каменные дома, уныло глядятъ на широкую и пустынную улицу, даже многочисленные магазины мало оживляютъ ее. Большая почтовая площадь съ зданіемъ почты навела на меня тоску и я поспѣшилъ по Милліонной въ сторону собора, поднявшаго въ концѣ улицы свою колокольню. Большая Владимірская ярко желтая церковь высоко подняла свою толстую колокольню близъ курьезной 8 гранной площади, перерѣзанной подъ прямымъ угломъ двумя улицами: Милліонной и Трехсвятской. Эта 8 гранная или „осьми-угольная площадь“ ограничена четырьмя громадными, характерно сложенными подъ углами, совершенно одинаковыми розоватыми зданіями окружнаго суда, губернскаго правленія и казармъ. Эта площадь еще болѣе уныла и пустынна, чѣмъ почтовая, а небольшая церковка Ильи Пророка, убранная серебряными карнизами и пирамидообразной зеленой крышей надъ зеленой же колокольней, съ пятью толстыми синими луковками надъ четырехъугольнымъ своимъ корпусомъ, придаетъ еще болѣе видъ заброшенности и скуки.

Одинокая береза прижалась къ самой стѣнѣ ветхой церкви, прикрывая своей молодой зеленью ея морщины и трещины. Въ сторону собора улица дѣлается нѣсколько оживленной. Двѣ фрески Ѳеодосія и Антонія Печерскихъ, глядящихъ со стѣнъ Воскресенской церкви, съ портикомъ изъ бѣлыхъ колоннъ, хорошее зданіе думы съ большой залой, превосходный домъ Дворянскаго собранія съ великолѣпной концертной залой, зелень двухъ общественныхъ садовъ, спускающихся къ Волгѣ, много хорошихъ частныхъ домовъ съ балконами и хорошими магазинами придаютъ очень нарядный видъ Милліонной, а громадное величавое зданіе мужской гимназіи съ интереснымъ археологическимъ музеемъ противъ собора и наконецъ красивое зданіе дворца съ двумя изящными купольчатыми павильонами дѣлаютъ улицу совсѣмъ парадной.

Отъ блеска и славы прежней Твери уцѣлѣло немного, но что было пощажено огнемъ и врагами, что сохранилось, скрытое въ землѣ и по подваламъ, собрано теперь въ замѣчательно интересномъ музеѣ, находящемся въ зданіи мужской гимназіи и постоянно доступномъ для публики. Честь устройства этого музея принадлежитъ А. Жизневскому, который неутомимо работаетъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ надъ пополненіемъ коллекцій. Мы на Руси такъ бѣдны музеями, такъ индеферентно относимся къ предметамъ старины, что нельзя не порадоваться, видя такое прекрасное, такое полное собраніе историческихъ предметовъ. Здѣсь, въ музеѣ собирается все, что удается спасти отъ разрушенія, ломки и возмутительнаго вандализма, все, что относится къ исторіи и прошлому Твери. Здѣсь и монеты, и церковные предметы, и каменные неуклюжіе гробы съ

толстыми крышками, и безчисленные каменные же кресты, и всевозможные предметы домашняго обихода стараго времени, и потускнѣвшія иконы стариннаго письма, яркія краски которыхъ еще теперь сіяютъ мѣстами изъ-подъ одѣвшей ихъ черноты. Бродишь между этими шкафами съ пестрыми нарядами, между столами, на которыхъ въ образцовомъ порядкѣ и съ большимъ знаніемъ дѣла расположены предметы старины, и дѣлается грустно, что такая великолѣпная коллекція ютится изъ милости при зданіи гимназіи, а не украшаетъ городъ своимъ собственнымъ домомъ. Тутъ и воспоминанія о татарахъ, бороздившихъ Волгу въ своихъ ладьяхъ, тутъ и любопытные старые планы и рукописи, и портреты, между которыми особенно интересенъ портретъ Михаила Сердюкова, самоучки, строителя шлюзовъ въ Вышнемъ Волочкѣ. Безконечно интересны всѣ эти мѣдныя чаши, пудовыя ружья, гигантскія мѣдныя монеты, каждая непомѣрной тяжести, всѣ эти старинные предметы украшенія.

— Люди не такіе были, замѣтилъ сторожъ, нонѣ такое ружье и не поднять, а такая деньга всякій мѣшокъ прорветъ.

Городской садъ и губернаторскій, доступный для публики, составляютъ прекрасное украшеніе города; раздѣленные спускомъ отъ Дворянскаго собранія къ мосту, оба сада лежатъ на высокомъ Волжскомъ берегу и открываютъ чудные виды на рѣку и заволжскую часть города. Сирени были въ полномъ цвѣту, акаціи увѣсились сплошь желтыми мотыльками цвѣтовъ, а татарская жимолость, покрывшись розовыми кудрями, поминутно роняла на дорожки свои цвѣты. Тѣнистые уголки пріютили скамеечки. Прехорошенькій ресторанъ съ балкономъ запрятался

въ зелень деревьевъ. Рядомъ съ городскимъ садомъ вытянула свою длинную шейку съ золотой луковкой надъ золотымъ куполомъ церковь Знаменія Богородицы, украшенная quasi-малахитовыми пилонами и колоннами, фресками въ нишѣ и двумя золотыми ангелами, держащими крестъ надъ фронтономъ. Эти ангелы съ золотымъ крестомъ и золотая луковка горѣли на солнцѣ ослѣпительно ярко и виднѣлись отовсюду изъ сада сквозь молодую вешнюю зелень. Въ губернаторскомъ саду надъ Волгой стоитъ круглый павильонъ, большой зеленый куполъ котораго съ золотымъ шаромъ несутъ 8 колоннъ. Этотъ павильонъ, напомнившій мнѣ Тріанонъ Парижа, живописно вырѣзается на зеленомъ фонѣ сада и открываетъ такіе прелестные виды, что не скоро уйдешь изъ-подъ его крыши. Волга съ ея зелеными откосами и высокой набережной была рядомъ, перевязанная плошкоутнымъ мостомъ. Баржи и лодки толкались у самаго берега, а по ту сторону синей полноводной отъ весеннихъ водъ рѣки (Волга у Твери 90 саж. ширины) живописно раскинулась заволжская часть города, съ ея церквями, домиками и садами, до самаго Отрочскаго монастыря, бѣлѣвшаго своими башенками и стѣнами у впаденія Тверцы. Противъ моста на площади заволжской стороны прелестно помѣстилась желтая, расписанная бѣлыми полосками и фресками, съ пирамидальной колокольней, вытянутой въ серебряный шпиль, увѣнчанная серебрянымъ куполомъ, церковь Трехъ исповѣдниковъ. Зеленые откосы заволжскаго берега убѣжали въ воду. Нѣсколько церквей высунулось надъ домами и садами и сдѣлало видъ несказанно-прелестнымъ. Съ Волги неслась пѣснь, дополнившая обаяніе, и я не могъ рѣшиться покинуть прелестный уголокъ сада

съ его задумчивымъ павильономъ. Какъ странно было думать, что здѣсь въ городѣ, основанномъ еще въ 1182 году Всеволодомъ III Георгіевичемъ, пронеслось такое бурное прошлое, что стоны, крики и отчайніе оглашали эти спокойные берега Волги и что эти воды мчали тысячи труповъ послѣ ужасающихъ погромовъ. Особенно хороша Волга подъ вечеръ, когда первые сумерки подернутъ ея закраснѣвшіяся воды, а купола церквей загорятся послѣдними отблесками золотистой или кровавой зари и масса лодочекъ съ гуляющими забороздитъ рѣку, надъ которой зальются далеко разносящіяся пѣсни, особенно „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Я не зналъ чарующаго могущества этой пѣсни, пока ни услышалъ ее надъ волнами Волги. Мелодія ея охватила меня всего, сдавила мнѣ спазмой горло и слезы сами собой брызнули изъ глазъ. О, какъ восхитительно хорошо звучитъ эта могучая пѣсня надъ рѣкой, шевеля затаенные уголки въ нашей душѣ. Чтобы только услышать эту пѣсню, стоитъ ѣхать на Волгу и она навсегда оставитъ въ вашей душѣ воспоминаніе чего-то роднаго, милаго и священнаго.

Въ концѣ Милліонной, около дворца, выходящаго на громадный пустырь, заросшій травой, съ обѣгающей вокругъ тополевой аллеей, съ еле замѣтными остатками валовъ на мѣстѣ бывшаго когда-то здѣсь кремля, стоитъ грандіозное зданіе собора Преображенія. Шесть сотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь была выстроена первая деревянная церковь и на ея мѣстѣ послѣ цѣлаго ряда раззореній и пожаровъ, только около полутораста лѣтъ назадъ, воздвигся этотъ соборъ. Это гигантскій бѣлый каменный ящикъ, увѣнчанный пятью громадными ярко-синими луковицами, покрытыми золотыми звѣздами, ящикъ, къ которому со

5*

стороны Миллiонной надъ алтаремъ придѣлана небольшая пристройка съ громоздкой колоссальной зеленой крышей, которая, покрывши пристройку, прилѣпилась высоко къ стѣнѣ собора, точно громадное крыло летучей мыши. Изящная трехъярусная колокольня съ синимъ куполомъ и золотой головой, съ большими часами и бѣлыми колоннами, рѣшетками и другими украшенiями, окрашена въ блѣдный, зеленый цвѣтъ.

Внутри соборъ содержитъ серебряную раку съ мощами великаго князя Михаила Тверскаго, измѣнчески убитаго съ своимъ сыномъ въ татарской ордѣ по проискамъ враговъ. Высокiй шестиярусный иконостасъ блещетъ золотомъ, серебромъ и каменьями. Повсюду старинные образа временъ архiепископа Платона, грандiозныя фигуры святыхъ, глядящихъ впалыми очами на молящихся, все такъ мрачно, строго, сурово и богато. Четыре толстыхъ мраморныхъ пилона перегораживаютъ соборъ и одѣты въ нижней своей части золотыми колоннами, между которыми красуются иконы превосходной живописи. Вотъ Святитель Арсенiй, Тверской епископъ, основатель Желтиковскаго монастыря, который и представленъ на фонѣ, этотъ примиритель княжескихъ раздоровъ, этотъ богатый юноша, покинувшiй шумную жизнь для подвиговъ благочестiя. Его кроткое лицо глядитъ на васъ со стѣны храма съ такимъ миролюбiемъ и кротостью, что вы невольно приковываетесь вашимъ взглядомъ къ его доброму и ласковому взору. Вотъ чудное полотно, изображающее Святаго Михаила Тверскаго и его сына. Оба склонили колѣни и головы передъ благословляющимъ ихъ архiепископомъ, передъ отправленiемъ ихъ въ орду. Вдали фигуры татаръ. Лицо Михаила плѣнило

меня своей мужественной красотой и кротостью. Вотъ онъ снова, но уже въ татарской ордѣ, въ моментъ его мученической смерти. Михаилъ упалъ на колѣни, на его шеѣ тяжелая колода, его лицо выражаетъ покорность судьбѣ, а на глазахъ его сверкаютъ слезы. Надъ нимъ паритъ ангелъ съ золотымъ мученическимъ вѣнцомъ и пальмовой вѣтвью въ рукахъ. Кругомъ звѣрскія фигуры татаръ, готовыхъ убить благороднаго и прекраснаго князя. Вотъ еще Михаилъ, стоящій во весь ростъ, въ роскошномъ великокняжескомъ одѣяніи, вдали за нимъ изображенъ Тверской соборъ. Снова то плѣнительно-прекрасное мужественное лицо, полное кротости, полное благородства, которое сразу врѣзалось мнѣ въ душу. И тутъ же въ серебряной ракѣ спитъ этотъ герой, при которомъ Тверь гремѣла и блистала и жизнью и богатствомъ, несмотря на тысячи бѣдъ, и который, не будь онъ такъ измѣнчески убитъ, вознесъ бы, можетъ быть, свой городъ надъ коварной Москвой. А вотъ Тверская Божія Матерь, одна изъ достопримѣчательностей собора, Богородица, окруженная сонмомъ ангеловъ, несетъ Христа. Ликующія лица ангеловъ, привѣтствующихъ Богоматерь, ея прелестное счастливое лицо, самъ ликъ Спасителя, несмотря на то, что картина сильно потемнѣла, рельефно выступаютъ изъ полотна и полны небесной радостью, которая охватываетъ и васъ... Противъ Тверской Богородицы прекрасный благославляющій Спаситель.

Великолѣпны громадныя фрески, покрывающія стѣны собора: Нагорная проповѣдь, апостолъ Павелъ проповѣдуетъ Евангеліе и Брачный пиръ. Столько движенія, столько жизни во всѣхъ фигурахъ, что онѣ приковываютъ зрителя. Брачный пиръ—прелес-

тенъ. Царь, одѣтый въ дорогія брачныя одежды, властно протянулъ руку впередъ и указываетъ на плохо одѣтаго въ лохмотья человѣка, приказывая увести его. Двое слугъ связываютъ руки несчастному гостю, который съ тоской и мольбою глядитъ на царя. Масса пирующихъ, въ нарядныхъ одеждахъ, съ любопытствомъ слѣдитъ за слугами. Многіе подняли золотые кубки, не обращая вниманіе на происходящее. Эта прекрасная иллюстрація 22-й главы Евангелія Матѳея, а также и иллюстраціи многихъ другихъ главъ, заслуживаютъ полное вниманіе посѣтителя. Сколько есть безъизвѣстныхъ художниковъ на Руси, не оставившихъ намъ имена, а, между тѣмъ, такіяихъ произведенія, какъ фрески Тверскаго собора, Тверская Богородица не могутъ не приковывать зрителя.

Большой пустырь за соборомъ съ тополевой аллеей вокругъ помѣщается какъ разъ на углу Волги и Тмаги, дрянной рѣчушки, отдѣляющей отъ городской Затмацкую часть. Въ серединѣ пустыря стоитъ одинокая, старая, военная церковка Николы, а по ту сторону Тмаги, образующей мѣсто стоянки зимой Самолетскихъ пароходовъ, лежитъ совершенно подобная Николѣ, бѣлая церковка, окруженная боярышниковой изгородью. Затмацкая часть малоинтересна и не стоила бы визита, если бы среди ея длинныхъ заборовъ и домиковъ не находилась самая старая Тверская церковь св. Троицы или Бѣлой Троицы, какъ ее часто называютъ, съ семью маленькими серебряными куполами надъ каменнымъ ящикомъ зданія, выстроенная въ 1584 году. Внутри мрачно, свѣтъ падаетъ въ узкія щели и освѣщаетъ оригинальные по старинѣ царскіе врата, работы XIV вѣка, пестро раскрашенные, прихотливо вырѣзанные,

убранные слюдой и свинцовой рѣзьбой и старинныя фрески, сплошь покрывшія неимовѣрно толстыя стѣны церковки. Здѣсь виситъ темное паникадило, въ видѣ глобуса, висящее на почернѣвшихъ цѣпяхъ и останавливаетъ ваше вниманіе деревянный запрестольный семиконечный крестъ. Въ верхнемъ этажѣ церкви духовенство и граждане прятали въ потаенной камерѣ свои сокровища, сберегая ихъ тамъ во время войнъ.

Ряды, гостиные дворы, толкучка, въ видѣ крытой деревянной галереи, занимаютъ большой кварталъ по берегамъ Тмаги, но интереса не представляютъ, за то хороша набережная съ чугунной рѣшеткой, съ пароходными пристанями, съ прелестнымъ видомъ на заволжскую часть и Отрочскій монастырь, на вливающуюся Тверцу. Къ пристанямъ спускаются длинныя лѣстницы въ 60 ступеней, а тюки и прочій товаръ спускаютъ по деревянной досчатой горѣ къ самому пароходу. На пристаняхъ стоитъ шумъ и гамъ. Всѣ суетятся, бѣгаютъ, кричатъ, выгружая и нагружая пароходы.

Я взялъ извозчика и покатилъ по мосту на ту сторону Волги къ знаменитому Отрочскому монастырю, усѣвшемуся на самой стрѣлкѣ при сліяніи Волги и Тверцы. Его бѣлыя стѣны украшены башенками съ длинными шпилями, а высокая церковь виднѣлась издали. Я подъѣхалъ по березовой аллеѣ къ монастырскимъ воротамъ. У дверей стоялъ послушникъ.

— Что можно осмотрѣть монастырь?, обратился я къ нему.

— А вамъ зачѣмъ? спросилъ онъ, окидывая меня любопытнымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Хочу описать монастырь и его достопримѣчательности.

— Значитъ вы писатель! воскликнулъ послушникъ и бросился бѣжать въ ворота, я за нимъ. Послушникъ бѣжалъ, что было силъ, по большому мощеному двору, подбѣжалъ къ колоколу, висѣвшему у входа въ двухъэтажное зданіе келій и принялся звонить, словно враги шли на обитель. Я въ недоумѣніи остановился среди двора, превратившись въ соляной столпъ. Братія выбѣжала на дворъ, явился самъ настоятель, полный, добродушный монахъ, и, когда все разъяснилось, любезно самъ повелъ меня по монастырю.

Основанный, по преданію, въ 1265 году Григоріемъ, отрокомъ князя Тверскаго Ярослава, брата Александра Невскаго, монастырь получилъ названіе Отрочскаго. Григорій полюбилъ Ксенію, дочь крестьянина села Едимонова. Ярославъ увидѣлъ Ксенію во время вѣнчанія. Она ему такъ понравилась, что онъ велѣлъ пріостановить обрядъ и завладѣлъ самъ невѣстой своего отрока. Въ глубокой тоскѣ Григорій покинулъ свѣтъ, поступилъ въ монахи и основалъ монастырь. Въ главномъ соборѣ, окруженномъ кладбищемъ, хранятся части мощей замѣчательнѣйшаго изъ людей нашего отечества митрополита Московскаго Филиппа, изъ рода Колычевыхъ, а также находятся гробницы архимандритовъ, величавыя изображенія которыхъ строго глядятъ съ блѣдноголубыхъ стѣнъ. Отрочскій монастырь сталъ замѣчательнымъ мѣстомъ, освященный мученической смертью Филиппа, этого орла своего времени, этого замѣчательнаго юноши Ѳеодора Колычева, который покинулъ царскій дворъ, покинулъ свое блестящее положеніе въ Москвѣ, чтобы не видѣть безчинствъ и ужасовъ, творившихся во дворцѣ, и ушелъ съ наболѣвшей душой въ Соловецкій монастырь.

Сдѣлавшись игуменомъ въ монастырѣ, онъ прославился своей энергіей и благочестіемъ, своимъ изъ ряду вонъ выходящимъ умомъ и дѣятельностью на всю Россію и Иванъ Грозный вызвалъ его въ Москву и сдѣлалъ его митрополитомъ въ трудное время опричины, волненій и постоянныхъ казней. Недолго Филиппъ пользовался вліяніемъ на Іоанна; подозрительный и жестокій царь возобновилъ свои лютыя казни, свои звѣрскія потѣхи и всѣ гонимые, всѣ несчастные бѣжали подъ защиту Филиппа. Іоаннъ, видѣвшій въ митрополитѣ помѣху, открыто уличаемый имъ въ злодѣйствахъ, лишилъ Филиппа духовнаго сана. Среди оскорбленій въ Успенскомъ соборѣ съ Филиппа сняли его облаченіе и вывели изъ храма при рыданіяхъ и стонахъ всего народа. Закованнаго въ цѣпи его бросили въ Богоявленскій монастырь, а потомъ сослали въ Тверской Отрочскій Отправляясь разгромить Новгородъ, избивъ десятки тысячъ тверичей, Іоаннъ вспомнилъ, что здѣсь въ одинокой кельѣ томится въ заточеніи великій человѣкъ, дерзавшій въ лицо ему говорить правду, и послалъ, какъ бы за благословеніемъ къ нему въ келью Малюту Скуратова. Никогда не забуду дивную картину Новоскольцева, изображающую послѣднія минуты несчастнаго Филиппа, молящагося въ своей жалкой келіи съ восковой свѣчкой въ рукахъ, съ взглядомъ, обращеннымъ къ верху. Жестокій Малюта задушилъ этого великаго старца, печальника всѣхъ угнетенныхъ, этого смѣлаго поборника правды, жизнь котораго была полна горя, лишеній, несчастій и геройскихъ подвиговъ. Память Филиппа даетъ монастырю чудный ореолъ и дѣлаетъ его дорогимъ каждому, кто любитъ наше отечество.

Настоятель провелъ меня по корридору, разрисованному грубыми фресками, въ небольшую сводчатую церковь, помѣщающуюся подъ монастырскими келіями братій. Въ этомъ подвальномъ помѣщеніи былъ умерщвленъ Филиппъ. Темно, тоскливо здѣсь подъ низкими сводами. Стѣны покрыты фресками. Одна изъ нихъ изображаетъ трагическую кончину митрополита. Надъ ней надпись: „се уже совершеніе моего подвига приспе", послѣднія слова, сказанныя Филиппомъ передъ смертью. Здѣсь же изображенъ Максимъ Грекъ, томившійся здѣсь въ теченіи 19 лѣтъ въ заточеніи и переведенный отсюда въ Троицкую лавру. Любопытна фреска, изображающая Филиппа во всемъ его величіи, служащимъ 8 ноября 1568 года обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и осуждающимъ Іоанна за то, что онъ дозволилъ себѣ и опричникамъ явиться въ храмъ въ шапкахъ. Налѣво въ стѣнѣ небольшая ниша, замурованная дверь, сквозь которую вошелъ въ келію Малюта Скуратовъ. Въ нишѣ изображена рѣшетка, за которой виденъ колѣнопреклоненный молящійся Филиппъ. Онъ стоитъ обратившись къ окну и дневной свѣтъ залилъ его старческое, мученическое лицо. Рядомъ сосудъ съ водой и евангеліе. На другой фрескѣ представлено перенесеніе части мощей Филиппа въ Москву.

Въ предѣлѣ Святителя Тихона, бывшаго здѣсь настоятелемъ, хранится старый ковчегъ, которому болѣе 200-хъ лѣтъ.

Теперь это бѣдный монастырь, съ малочисленною братіей, сильно страдающій отъ наводненій. Еще нынче на пасху къ заутрени въ соборъ монастыря ѣздили въ лодкахъ. Воды Тверцы и Волги затопили и садъ, и кладбище, и дворъ.

— Особенно сильны были наводненія въ 79, 83, 88 и нынѣшнемъ году, сказалъ настоятель. Вода доходила до черты, что на на стѣнѣ черной краской обозначена.

По ту сторону Тверцы раскинулась бѣдная Затверецкая часть города съ маленькими домиками, унылыми церквями, длинными заборами, съ большими пустырями вмѣсто площадей, съ патріархальными нравами и старыми нарядами, одѣваемыми въ большіе праздники.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ поэтически расположенный среди лѣса, въ четырехъ верстахъ отъ Твери Желтиковъ Успенскій монастырь съ его златыми главами, стѣнами и любопытными камерами надъ воротами въ стѣнѣ, гдѣ содержался въ заключеніи царевичъ Алексѣй. Основанный Арсеніемъ еще въ 1400 году, Желтиковскій монастырь привлекаетъ много богомольцевъ, спѣшащихъ сюда поклониться мощамъ основателя.

Красиво лежитъ на берегу Тмаги Рождественскій Новодѣвичій монастырь, соборъ котораго съ чтимой Тихвинской иконой Богородицы красиво выступаетъ своими куполами изъ-за зелени сада.

Вдоволь набродившись по Твери, накупивши массу мятныхъ пряниковъ, въ видѣ всадниковъ, стерлядей въ колечкахъ, большихъ и маленькихъ рыбъ и пресловутаго мятнаго гороха, я съ наслажденіемъ улегся спать, совсѣмъ усталый вернувшись въ гостинницу. Лицо Михаила Тверскаго съ его чуднымъ взглядомъ мерещилось мнѣ и во снѣ и утромъ передъ отходомъ парохода я полетѣлъ снова въ соборъ, чтобы попрощаться съ Тверскимъ княземъ и унести послѣднимъ впечатлѣніемъ его города, его кроткій и благородный взглядъ.

5.

Тверской плесъ.

(Первыя впечатлѣнія на пароходѣ. Кимры. Калязинъ. Угличъ).

Роса, озаренная алымъ сіяньемъ,
На нѣжномъ блеститъ василькѣ;
Картины цвѣтущей весны съ трепетаньемъ
Рисуются въ яркой рѣкѣ

Маттиссонъ.

И крѣпостное право, и пошехонское раздолье были связаны такими узами, что когда рушилось первое, то вслѣдъ за нимъ въ судорогахъ покончило свое постыдное существованіе и другое. И то и другое одновременно заколотили въ гробъ и снесли на погостъ, а какое иное право и какое иное раздолье выросли на этой общей могилѣ—это вопросъ особый. Говорятъ однакожъ, что выросло нѣчто—не особенно важное.

Салтыковъ-Щедринъ.

Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной...

Пушкинъ.

Взявши билетъ, я усѣлся на пароходѣ „Самолетъ". Чудное утро благопріятствовало моей поѣздкѣ. Собственно отъ Твери путешествіе по Волгѣ удобно и дешево. Пароходы устроены великолѣпно,

ресторанъ не оставляетъ желать ничего лучшаго и кромѣ безконечнаго удовольствія прогулка по величавой рѣкѣ принести ничего не можетъ. Я усѣлся на балконѣ у самаго пароходнаго носа и любовался видомъ Твери, и зелеными крутыми пятисаженными откосами берега, изрѣзаннаго лѣстницами къ пристанямъ, и невысокими домиками, и дремлющими церквями, и снующими лодками и барками и шумной толпой на высокомъ берегу.

— Готово? раздался голосъ капитана.

— Готово, прозвучалъ отвѣтъ.

Раздался третій звонокъ. Капитанъ снялъ шапку и прочелъ молитву и эта минутная тишина, этотъ тихій задумчивый шопотъ капитана сразу охватили меня всего и придали много торжественности отъѣзду.

— Давай, крикнулъ капитанъ и пароходъ пронзительно трижды закричалъ, затѣмъ запыхтѣлъ и сталъ отдаляться отъ берега. Вотъ Тверь осталась позади и мы помчались по извилинамъ неширокой рѣки съ ея желтыми прибрежными песками. Двѣ бѣдныя деревеньки, окруженныя пашнями, проплыли мимо. Чайки кружились надъ пароходомъ и, описывая круги надъ рѣкой и громко крича, слѣдовали за нами. Слѣва проплыла одинокая желтая церковь, окруженная бѣлой оградой, усѣвшаяся на самомъ обрывѣ. Проплылъ сосновый лѣсокъ, небольшое село, еще село, сидящее на обрывистомъ правомъ берегу. Вотъ село Власьево, гдѣ въ старину, вѣроятно, стояла статуя Велеса, покровителя скота, на что намекаетъ названіе села. Синій куполъ церкви глядѣлъ изъ-за рощицы на рѣку. Затѣмъ потянулись скучные, однообразные берега, которыми такъ богатъ этотъ плёсъ. Порой у бере-

говъ или ближе къ серединѣ высовывались плотины и заборы, устроенные для улучшенія фарватера рѣки и для направленія теченія черезъ мели. Эти сооруженія изъ ивняка, фашинъ, камней и земли торчали своими концами изъ воды, нисколько не помогая судоходству. Издали показалась красная церковь съ зеленой маковкой, принадлежащая Оршинскому монастырю, стоящему при впаденіи въ Волгу рѣчки Орши. Бѣлыя башенки на стѣнахъ и большой красный монастырскій домъ съ бѣлыми украшеніями окружены деревьями и представляютъ красивый уголокъ. Волга дѣлаетъ крутые повороты и обходитъ вокругъ села Юрьевскаго, образуя для него полуостровъ. Опять плоскіе берега, кое-гдѣ зеленѣли нивы, да блестѣли пески. Двѣ большія плотины сбѣжали съ береговъ и заползли далеко въ рѣку, которая злилась и бурлила около препятсвій. Вотъ проплыла одинокая бѣлая часовенка и показались яркіе песчаные обрывы, заросшіе темными соснами. За селомъ Гуменовымъ проплыла усадьба Карякина съ сѣрымъ помѣщичьимъ домомъ, съ двумя башенками. На лѣвомъ высокомъ берегу, у крутаго поворота, усѣлось село Лисица съ большой пятикупольной желтой церковью и высокой колокольней. Опять потянулись низины, скучныя и однообразныя. Бѣлыя стѣны съ башенками погоста въ Лисицахъ показались при поворотѣ рѣки и исчезли за холмомъ. Красива большая деревня Судимірка съ цвѣтущими яблочными садами. Новыя села, новыя церкви, новые овраги и обрывы. Село Городня нарушаетъ скучное однообразіе береговъ. На правомъ высокомъ берегу, надъ зеленымъ бугромъ живописно усѣлась желтая церковь во имя Св. Богородицы, одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, съ прекрасной

византійской живописью подъ сводами. Церковь окружена желѣзной оградой на бѣломъ фундаментѣ съ бѣлыми каменными столбами, которые рисуются громадной короной или бѣлымъ зубчатымъ вѣнцомъ. Весь бугоръ былъ покрытъ яркими желтыми цвѣтами, что придало особенную прелесть этому маленькому уголку, когда-то составлявшему особое удѣльное княжество, разрушенное Іоанномъ Грознымъ, который заподозрилъ жителей Городни въ измѣнѣ и перебилъ ихъ всѣхъ. Московское шоссе легло возлѣ самаго берега среди полей и луговъ, подняло свои пестрые верстовые столбы надъ обрывами къ рѣкѣ, и перебравшись по каменному мосту черезъ оврагъ, свернуло въ сторону. Пароходъ остановился въ первый разъ у большаго села Мелкова, лежащаго среди полей, противъ села Едимонова. Село Едимоново извѣстно своимъ образцовымъ молочнымъ хозяйствомъ Н. Верещагина. Тутъ приготовляются всевозможные сыры и масла машинами, устройство которыхъ—послѣднее слово науки, тутъ при хозяйствѣ и школа сыродѣланія, и кэфирная мастерская, и лабораторія для анализовъ. Пассажировъ приняла подъѣхавшая лодка. Берега стали еще скучнѣе. Громадныя пространства заросли густымъ ивнякомъ, который торчалъ повсюду изъ воды, заполоняя берега и отмели. Волга приняла Шошу у села Воскресенскаго, стоящаго при сліяніи рѣкъ уже въ Московской губерніи, которая небольшимъ своимъ краемъ касается Волги. Принявъ Шошу, Волга круто поворачиваетъ на сѣверъ. Это замѣчательная особенность Волги. Она направляетъ всякій разъ при встрѣчѣ своего притока всѣ свои воды по направленію теченія этого притока. Деревня Городище лежитъ на самомъ изгибѣ Волги и, какъ

по положенію, такъ и по названію, ясно говоритъ о былой крѣпости въ этомъ мѣстѣ. Теперь это мирная маленькая деревенька, даже забывшая свое прошлое, полное пожаровъ, грабежей, нашествій и моровъ. Большое село Новое, съ хорошими домами подъ желѣзными крышами, съ большимъ соборомъ стараго фасона, надъ которымъ высится высокая колокольня, съ оживленной толчеей на пристани, выдѣляется въ ряду прочихъ Волжскихъ селъ... Мы плыли дальше. По берегу медленно шагали вереницы лошадей, устало переступая ногами и волоча баржу съ лѣсомъ. Это теперешніе бурлаки, повсюду работающіе на Волгѣ.

Село Сухарино совсѣмъ скрылось въ темномъ морѣ сосенъ, мрачной щетиной покрывшихъ берегъ, и опять скучные, унылые берега потянулись на долгія версты... Наконецъ изъ-за угла при поворотѣ рѣки показался уѣздный городъ Корчева съ двумя высокими церквями, тѣнистымъ городскимъ садомъ у самаго берега и съ бульваромъ изъ молодыхъ сосенъ. Отъ городка вѣетъ скукой. И его Преображенскій соборъ, и ограда его погоста съ часовенками по угламъ и высокими бѣлыми воротами печально глядѣли на нашъ пароходъ. Невозмутимое спокойствіе царитъ на улицахъ городка, поросшихъ крапивой, подорожникомъ и пастушей сумкой. Это типъ захолустнаго провинціальнаго городка, съ его крошечными интересами, подавляющей тишиной, непробуднымъ сномъ, пасущимися на площади овцами и громоздкими сѣрыми ставнями. Капитанъ и лоцмана все время указывали мнѣ на берега, называя села и деревни, и я не хотѣлъ уходить съ своего балкончика, наслаждаясь поѣздкой, несмотря на частое однообразіе береговъ. За Корчевой, ко-

торая славится своими кожаными издѣліями, потянулись снова скучные берега.

— Это теперь такъ много воды, сказалъ мнѣ капитанъ, а то бѣда. Не знаю, какъ нынче и сдѣлаемся. Ужъ въ половинѣ іюня вода совсѣмъ спадаетъ и отъ Твери до Рыбинска хоть не ѣзди. Нынче въ Угличѣ будутъ празднества лѣтомъ такъ, чтобы пароходы могли пройти, откроютъ Волжскій бейшлотъ. Въ іюлѣ совсѣмъ здѣсь не проѣхать. Дно больно каменисто.

Потянулись лѣса. Волга поглотила новый притокъ Дубну, при сліяніи съ которой стоитъ деревенька „Городище“. Двѣ деревни Нутромова и Багунина улеглись другъ противъ друга, перегородивъ рѣку каменной грядой. Багунина спустилась домиками, заборами и садиками къ самой рѣкѣ, одѣвъ всю покатость берега. Лѣсъ покрылъ оба берега и погостъ Іоанна Предтечи съ его церковью выступилъ на зеленомъ фонѣ. Снова живописный уголокъ, такъ и просящійся на полотно художника. Красноватый обрывъ круто поднялся надъ рѣкой и несетъ одну сосну, такъ живописно раскинувшую свои вѣтви, словно итальянская пиннія гдѣ нибудь на Ривьерѣ. Кругомъ кусты въ весенней яркой зелени и темнокрасная часовенка, пріютившаяся въ ихъ чащѣ. Вотъ печально свѣсившая свои вѣтви плакучая береза. Она наклонилась къ самой водѣ и пробѣгающія воды треплютъ ея длинныя вѣтви, а рядомъ бѣлѣетъ одинокій крестъ...

Въ Кимры мы пріѣхали около 4-хъ часовъ дня и простояли у пристани до 6 часовъ, какъ въ росписаніи былъ назначенъ часъ отхода. Конечно, я воспользовался двухчасовой стоянкой и полѣзъ по длиннымъ лѣстницамъ вверхъ по крутому обрыву

къ высоко лежащему богатому селу. Еще издали громадные два собора блистали куполами, глядя далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Это богатое благоустроенное село, съ 6-ю тысячами жителей, съ каменными домами, кожевенными заводами, четырьмя церквями, превосходящее многіе уѣздные города, служитъ центромъ кустарной промышленности, которая здѣсь сильно развилась, благодаря тому, что мѣстность не благопріятствуетъ сельскому хозяйству. Все населеніе отъ мала до велика занялось кожевеннымъ производствомъ и чемоданы, сапоги, сумки, сдѣланные въ Кимрахъ, пользуются громкой и вполнѣ заслуженной славой. Обувь, приготовляемая здѣсь, крайне разнообразна и сапожники могутъ удовлетворить самому требовательному вкусу столичнаго щеголя.

— Кимряки извѣстны своей политурой, сказалъ мнѣ одинъ купецъ, съ которымъ я разговорился.

— Это что такое? спросилъ я.

— А такой составъ изъ всякой дряни, тряпокъ, глины и Богъ знаетъ еще чего. Обувь изъ политуры очень дешева, но за то очень скоро развалилается на ногѣ.

— Какое богатое село! воскликнулъ я, глядя на высокія церкви.

— Только снаружи, сказалъ купецъ, это золото храмовъ блеститъ, а внутри большое обѣдненіе. Подрядовъ, большихъ заказовъ нѣтъ. Это главное. По субботамъ у Гостиннаго двора, расположеннаго на базарной площади, еженедѣльно бываютъ шумные торги, на которые съѣзжаются окрестные жители, купцы и заводчики ближнихъ городовъ и Москвы. По гребню откоса тянется красивый бульваръ, который сбѣгаетъ змѣистыми дорогами къ

пароходной пристани, прорѣзывая весенній бархатъ откоса. На пристани и на бульварѣ было большое оживленіе. Красныя рубашки крестьянъ, словно распустившійся макъ, выдѣлялись на фонѣ зеленаго откоса. Высокая колокольня съ часами и каланча поднялись надъ Кимрами и глядятъ на село Квастуново, лежащее на правомъ берегу Волги.

Соборъ и церковь Св. Троицы производятъ сильное впечатлѣніе своей грандіозностью и блескомъ. Они высовываются изъ-за зелени поэтическаго кладбища, терассами обрывающагося къ Волгѣ и обнесеннаго каменной оградой съ красивыми башенками по угламъ. Ниже кладбища, надъ отвѣсной стѣной обрыва небольшой прелестный садикъ. Издали громадный соборъ, въ видѣ ящика, несущій пять гигантскихъ серебряныхъ куполовъ, крытыхъ чешуей, кажется сдѣланнымъ изъ глины. Этотъ его кофейный, землистый цвѣтъ придаетъ ему много прелести. Рядомъ высится бѣлая колокольня съ зеленой крышей, а возлѣ сереброголоваго Покровскаго собора жмется еще пристройка съ бѣлой башней. Церковь Троицы, стоящая рядомъ, тоже грандіозный храмъ съ пестро разрисованными фресками стѣнами. Холмъ, на вершинѣ котораго сгруппировались церкви и колокольни, обрывается къ рѣчкѣ Кимеркѣ и открываетъ чудные виды и на бѣлую церковь съ колокольней по ту сторону Кимерки, и на Волгу, и на самое село. Внутри церкви производятъ еще болѣе сильное впечатлѣніе. Величественные иконостасы, громадные пилоны, обиліе золотыхъ украшеній, тяжелые свѣтильники, голубыя стѣны Троицкой церкви съ громадными иконами, въ ярко-бѣлыхъ рамкахъ, все это такъ грандіозно и богато, что было бы подстать столичнымъ храмамъ, а не

сельскимъ. Раскинувшееся вокругъ кладбище полно затѣйливыхъ памятниковъ. Тутъ высятся пирамиды и оригинальные саркофаги, поднимаются изъ-за зелени кустовъ часовенки и колонны съ прихотливыми украшеніями. Этотъ хаосъ памятниковъ, расположенныхъ среди сада по откосу, крайне поэтиченъ. Къ сожалѣнію, время не позволило мнѣ долго бродить по этому оживленному и людному селу и пришлось спуститься снова къ пристани, чтобы двинуться дальше внизъ по Волгѣ. Ниже Кимръ, верстахъ въ 3-хъ, выступили большіе каменные корпуса кожевеннаго завода Потапенко. Вѣтреная мельница лѣниво перебирала по воздуху своими большими сѣрыми крыльями. Пароходъ остановился возлѣ села Абрамова, вблизи заводовъ Потапенко, для принятія нефти. Маленькая, ярко расписанная въ разные цвѣта бесѣдочка, осѣненная крестомъ, вѣроятно мѣсто водосвятія, кокетливо выставила изъ-за зелени садика свои бѣлыя колонны. Опять потянулись обрывы, то одѣтые лѣсомъ, то голые. Ракиты образовали большія заросли, мѣстами совсѣмъ затонувъ въ высокой водѣ. Къ сожалѣнію, эти высокія воды Волги быстро спадаютъ, со дна выступаютъ камни, съ береговъ ползутъ въ рѣку гряды валуновъ, желтыя мели поднимаютъ свои плоскія спины и пароходы принуждены бываютъ прекратить свои рейсы.

— Въ прошломъ году, разсказывалъ капитанъ, въ половинѣ мая ужъ нельзя было пускать пароходы. Сначала хоть каждую недѣлю мѣняй росписаніе, а потомъ и ни съ чѣмъ нельзя было сообразоваться. Ночами ѣхать опасно, здѣсь Волга плохо освѣщена, не то что на нижнихъ плёсахъ, ночи приходится сидѣть на якорѣ, а то налетишь на камень. Въ

большую воду противъ теченія тоже трудно идти. Скверный плесъ.

Въ Волгу впала рѣчка Медвѣдица у села Медвѣдицкаго, которое подняло свою красную церковную колоколенку надъ холмомъ увѣнчаннымъ березами. При сліяніи рѣкъ стоитъ старый помѣщичій домъ съ большой терассой и двумя бесѣдками и глядитъ на выступившій среди Волги небольшой островъ. Этотъ домъ въ былыя времена принадлежалъ Борису Годунову, который пріѣзжалъ сюда на Волгу, теперь же имъ владѣетъ купецъ Лепешкинъ.

Вотъ проплыла усадьба Салтыковыхъ, отъ которой вѣетъ Пошехонской стариной, Головлевыми и всѣми тѣми ужасами, которые заставляли содрогаться читателя, усадьба, гдѣ въ дѣтствѣ проживалъ знаменитый сатирикъ.

Въ 12 верстахъ отъ Волги лежитъ старый Кашинъ, весь въ церквяхъ и въ садахъ, знаменитый винодѣліемъ, хотя виноградники лежатъ за тысячами верстъ отъ него. Это обстоятельство не смущало Кашинцевъ и они по собственному рецепту изготовляли и портвейнъ, и малагу, и хересъ, и сотернъ, фабрикуя вина изъ самыхъ невозможныхъ составовъ и съ спокойной совѣстью наклеивая на бутылки ярлыки съ такими названіями какъ: го-сотернъ, остъиндская мадера и т. п.

Къ вечеру холодъ прогналъ меня съ балкона въ рубку. Дождь полилъ, какъ изъ ведра, а вѣтеръ замутилъ Волгу и вздулъ большія сѣрыя волны. Пароходъ покачивался и скрипѣлъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Дождь злобно билъ въ окна и застлалъ густой сѣрой пеленой всю окрестность. Когда ночью мы прибыли въ Калязинъ, непогода прекратилась. Сильный вѣтеръ разогналъ тучи и безоблачное небо

сіяло милліонами звѣздъ. Яркая луна облила весь берегъ и придала много таинственности заснувшему мирнымъ сномъ захолустному городу Калязину. Городъ растянулся на высокомъ правомъ берегу, по откосу котораго поднимаются высокія лѣстницы. Оригинальный соборъ раскинулся надъ откосомъ. Это небольшой каменный ящикъ съ пятью куполами, отъ котораго тянется длинное, низкое, каменное зданіе, переходящее въ галлерею и соединяющее соборъ съ великолѣпной пятиэтажной колокольней, поднявшей въ самыя небеса свой высокій шпиль. Калязинская колокольня необыкновенно грандіозна и пропорціональна. Каждый изъ ея этажей меньше нижележащаго и представляетъ полную гармонію со всей колокольней, вышина которой выигрываетъ и отъ того высокаго берега, на которомъ она стоитъ, и низкаго длиннаго растянувшагося около нее, но крайне, оригинальнаго собора. Семи-оконная пристройка связывающая тѣло собора и колокольни, въ освѣщеніи луны сіяла своими окнами, а сама колокольня замерла, полная таинственности надъ тихимъ городомъ. Воспользовавшись двухчасовой стоянкой, я пошелъ бродить по городу. Тишина полнѣйшая. Всюду закрыты ставни. Кое-гдѣ сторожъ билъ въ доску, да лаяли собаки. Громадная площадь съ непроходимой грязью и лужами раскинулась у собора. Всюду были погашены огни и только въ одномъ трактирѣ на набережной двери были раскрыты настежъ. Я вошелъ. Нѣсколько Калязинцевъ, игравшихъ въ бильярдъ, изумленно поглядѣли на меня, но когда я имъ объяснилъ, что я пріѣзжій и забрелъ сюда на полчасика, чтобы поразвѣдать о Калязинѣ, они миролюбиво и охотно присѣли къ столику выпить предложеннаго имъ пива.

— Ничего у насъ интереснаго нѣтъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, слава Богу всю жизнь прожилъ. Вотъ на колокольню любуются. Говорятъ, самая высокая по всей Волгѣ. Лѣтъ 100 будетъ, какъ Никольскій соборъ выстроили. Всѣхъ здѣсь семь церквей, только соборъ Святаго Николы всѣхъ лучше. Вотъ по ту сторону Волги лежитъ монастырь, въ которомъ находятся мощи Святаго Макарія Калязинскаго. 26-го мая ихъ обносятъ кругомъ монастыря. Народу бываетъ видимо-невидимо.

Святый Макарій Калязинскій поступилъ въ Николо-Каблуковскій монастырь, потерявъ жену. Не довольствуясь жизнью въ монастырѣ, онъ удалился на рѣчку Жабню, въ непроходимые лѣса, на мѣстѣ теперешняго города. Вокругъ отшельника поселились многіе жители окрестныхъ деревень, привлеченные особенно чудесами старца. Однажды Макарій исцѣлилъ бѣсновавшагося юношу и этотъ послѣдній поступилъ инокомъ во вновь основанный Макаріемъ монастырь. Разсказываютъ, что воры украли монастырское стадо, но, пораженные слѣпотой, долго блуждали и пригнали стадо обратно къ монастырю, гдѣ, раскаявшись, пали въ ноги Макарію, который исцѣлилъ ихъ отъ слѣпоты. Берега рѣчки Жабни, вплоть до впаденія ея въ Волгу, принадлежали тогда боярину Калягѣ, который, услышавъ про чудеса Макарія, пожелалъ его увидѣть и такъ плѣнился его кроткой рѣчью и подвигами, что подарилъ ему земли, на которыхъ Макарій и выстроилъ Троицкій Калязинскій монастырь, окруженный бѣлой стѣной съ сторожевыми башенками по угламъ, передавшій имя Калязина городу. Въ Троицкомъ монастырѣ жилъ дважды знаменитый Никонъ и кельи, гдѣ онъ останавливался, показываются во

всемъ ихъ прежнемъ скромномъ убранствѣ. Ни того, кто строилъ соборъ, ни по какому случаю онъ былъ выстроенъ, никто изъ сидѣвшихъ въ трактирѣ Калязинцевъ объяснить мнѣ не съумѣлъ.

— Да кто же его знаетъ, говорилъ самый словоохотливый изъ нихъ. Вотъ, что разъ съ самаго верха колокольни одинъ человѣкъ бросился — это помнятъ, хотя и давно было. Замертво подняли.

— Отчего же онъ бросился? спросилъ я, ожидая услышать какую нибудь драматическую страницу изъ калязинской хроники.

— Да, говорятъ, пьянъ былъ.

Раздался первый свистокъ, я поспѣшилъ къ пароходу, страшась опоздать и остаться въ скучномъ Калязинѣ. Грязь была ужасная. Сѣрое утро начало брезжить на востокѣ, вѣтеръ дулъ съ прежней силой и вздувалъ валы на Волгѣ. Я поспѣшилъ къ пароходу и, поскользнувшись, такъ растянулся на улицѣ и зашибъ себѣ бокъ, что еле доплелся до моей каюты. По небу мчались темныя свинцовыя тучи, которыя по мѣрѣ приближенія разсвѣта загорались по краямъ зловѣщимъ малиновымъ огнемъ. Казалось, что поднимались огненные пологи, которые, отражаясь въ желтыхъ волнахъ Волги, отороченныхъ горностаемъ, производили своеобразный эфектъ. Когда пароходъ подошелъ къ большому селу Васильеву, послѣднему въ Тверской губерніи, облака уже пылали и малиновые края тучъ стали пурпуромъ. Пурпуръ смѣнился вскорѣ багрецомъ, багрецъ пламенемъ, а пламя перешло въ расплавленное золото и залило всю окрестность своими яркими волнами свѣта. Я задремалъ и не замѣтилъ, какъ мы подошли къ Угличу и остановились у его пристани. Когда я вышелъ на рубку

и увидѣлъ берега Волги, мнѣ показалось, что я вижу сонъ, будто я попалъ въ старую Россію. Я хорошо помню наши игрушки въ дѣтствѣ, въ видѣ домиковъ и церквей, пестрыхъ и аляповатыхъ, которые, бывало, мы разставляли въ хаотическомъ порядкѣ, чуть не нагромождая зданіе на зданіе. Таковъ Угличъ съ Волги. Въ немъ нѣтъ ни улицъ, ни рядовъ домовъ, всѣ его церкви и монастыри и дома точно были просыпаны, брошены сюда на берегъ Волги въ полнѣйшемъ безпорядкѣ и куда упала башня, тамъ она и стоитъ, то среди якобы улицы, то на дворѣ дома, то на откосѣ. Пестро все неимовѣрно, пестро до того, что сразу не разобраться. Красныя, синіи, желтыя, зеленыя, бѣлыя зданія перепутались до того, что образовали какой то хаосъ. Теперь этотъ незначительный уѣздный городъ, съ 12 тысячами жителей, основанный чуть ли не во времена Святой Ольги, замолкъ и хранитъ нѣсколько памятниковъ такой старины и такого прихотливаго зодчества, что дѣлаетъ городъ въ высшей степени интереснымъ. Одна общая физіономія этого города колоколенъ, церквей и монастырей стоитъ того, чтобы пробраться въ этотъ уголокъ Волги, гдѣ она, узкая, протекаетъ подъ высокимъ обрывомъ, несущимъ когда-то удѣльный городъ Ростовскаго княженія. Это городъ прошлаго, сѣдаго прошлаго, основанный, по преданію, родственникомъ Святой Ольги воеводой Яномъ, который, обозрѣвая, по порученію Ольги, сѣверные предѣлы Руси, прибылъ въ мѣстечко Углече поле. Оно ему такъ понравилось, что онъ построилъ здѣсь свой теремъ и неоднократно пріѣзжалъ сюда на отдыхъ. Угличъ впервые упоминается въ 1148 году на страницахъ лѣтописи и сдѣлался ареной крова-

вой трагедіи въ 1592 году. Убійство царевича Дмитрія, приписываемое Борису Годунову, наложило на городъ историческую печать. Борисъ Годуновъ велѣлъ многимъ Угличанамъ отрубить головы, многимъ отрѣзать языки, за то что зазвонили въ колоколъ, возвѣщая смерть царевича, многихъ утопить, а остальныхъ разослалъ въ разныя мѣста, главнымъ образомъ въ Пелымъ. Колоколъ, въ который звонили священникъ Ѳедотъ и соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ, созывая весь городъ, былъ наказанъ кнутомъ и съ вырваннымъ ухомъ отосланъ въ ссылку въ Тобольскъ. Шумный Угличъ съ его 150 тысячами жителей опустѣлъ, изъ его 150 церквей осталось только около 30. Остальныя разрушились и сгорѣли во время погрома при Самозванцѣ. И вотъ прошло 300 лѣтъ съ того времени, когда младшій сынъ Іоанна Грознаго упалъ мертвый подъ ножами убійцъ. На самомъ мѣстѣ убіенія стоитъ теперь церковь „Св. Дмитрія на крови", красная, оригинальная, построенная Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Рядомъ знаменитый теремъ Дмитрія царевича реставрированный теперь въ своемъ первоначальномъ видѣ. Я бродилъ по Угличу, глядя на его курьезныя церкви, на его покосившіяся башни, на его старыя стѣны и восхищался этимъ удивительнымъ стариннымъ зодчествомъ, въ которомъ столько красоты. Гвоздь всего Углича это теремъ царевича Дмитрія. Этотъ грустный памятникъ, гдѣ нѣкогда жилъ царевичъ съ матерью своей Маріей, изъ рода Нагихъ, и ея родственниками, этотъ небольшой дворецъ, около 150 лѣтъ стоявшій полуразрушенный, безъ крыши и, какъ многіе памятники русской старины, служившій клоакомъ для города, представляетъ безцѣнный памятникъ нашей

древней архитектуры. Съ прошлаго вѣка теремъ стали поддерживать, а нынче его реставрировали въ прежнемъ видѣ, какъ его выстроилъ князь Андрей Васильевичъ въ 1462 году. Это небольшое двухъэтажное строеніе, сложенное изъ красноватыхъ кирпичей, съ великолѣпной кедровой лѣстницей и галлереей на толстыхъ столбахъ, представляющей чудное, замысловатое крыльцо. Снаружи теремъ— очаровательная бездѣлушка съ узорчатымъ гребнемъ на крышѣ, со старой иконой Св. Дмитрія на одной изъ его стѣнъ и узкими слюдянными окнами. Неимовѣрно толстыя стѣны скрѣплены желѣзными связями и покрыты фресковой живописью. Въ этомъ теремѣ хранятся деревянныя носилки, обитыя краснымъ сукномъ. На этихъ носилкахъ были перенесены мощи Дмитрія царевича въ Москву въ 1606 году. Михаилъ Θеодоровичъ ихъ прислалъ обратно въ Угличъ, гдѣ онѣ и хранятся до сихъ поръ. Внизу, въ подвальномъ помѣщеніи дворца давалъ пиры Шемяка, здѣсь же томился въ заточеніи Шведскій царевичъ Густавъ, умершій позже въ Кашинѣ, запертый за свой отказъ жениться на дочери Годунова. Возлѣ самаго терема, грустно глядящаго изъ-за группы деревьевъ своими узкими окошечками, надъ крутизной къ Волгѣ стоитъ кроваво-красная церковь „Дмитрія на крови". Она кажется обитой бархатомъ, особенно рядомъ съ темносиними главами, покрытыми звѣздами. Небольшая колокольня тоже красная съ бѣлыми разводами, покосившаяся на сторону, и старинное низкое крыльцо необыкновенно характерны. Внутри церковь низкая, массивные ея своды со скрѣпами покрываютъ гробницу, стоящую на мѣстѣ, гдѣ былъ зарѣзанъ Дмитрій. Во второмъ этажѣ церковь болѣе поздняго

времени; въ ней любопытна плащаница работы инокини Марфы, бывшей Маріи Нагой, матери царевича, и икона Дмитрія съ вдѣланными въ нее орѣхами. Сторожъ объяснилъ, что это тѣ самые орѣхи, которыми царевичъ игралъ передъ смертью. Тутъ же хранится окровавленная земля. По стѣнамъ фрески, изъ которыхъ одна изображаетъ трагическую смерть Дмитрія.

Недалеко отъ церкви на столбахъ виситъ знаменитый колоколъ, возвращенный изъ Тобольска на родину. Это небольшой колоколъ, нѣсколько странной формы, въ видѣ купола, который, какъ говорятъ, вѣситъ около 19 пудовъ. Его оторванное ухо, его курьезная форма, а еще болѣе его судьба придаютъ ему особый интересъ. Ученые доказали, что это фальшивый колоколъ, отлитый гораздо позже изъ кусковъ знаменитаго опальнаго колокола, сгорѣвшаго въ Тобольскѣ во время страшнаго пожара (1677 г.).

Курьезенъ по старинѣ соборъ Преображенія Господня. Это громоздкій, некрасивый, желтый, каменный ящикъ, какъ всѣ наши старинные соборы, съ пятью плоскими большими яркозелеными луковками, несущими кресты и съ высокой, отдѣльно стоящей трехъэтажной колокольней, надъ шпилемъ которой красуется громадная чаша съ крестомъ въ серединѣ. Отъ креста къ краямъ чаши протянулись цѣпи, словно паутина, связавшія ихъ и придавшія много оригинальности. Внутри оба собора, и лѣтній и зимній, пестро расписаны академиковъ Медвѣдевымъ. Когда я вошелъ въ зимній соборъ, я былъ пораженъ пестротой стѣнъ, но среди многочисленныхъ иконъ и фресокъ, одна, „Спаситель несущій крестъ“, плѣнила меня своей красотой. Лицо усталаго Спасителя, поднимающаго крестъ, его кроткій, всепрощающій взоръ—глядятъ

вамъ въ душу и заставляютъ остановиться. Въ лѣтнемъ соборѣ покоятся остатки мощей князя Романа Угличскаго, сожженнаго поляками въ бѣдственный годъ—погрома города, въ тотъ годъ, когда измѣнникъ Иванъ Пашинъ, опоивъ стражу, отворилъ врагамъ городскіе ворота и поляки, взорвавъ башню, предали городъ огню и раззоренію, когда жители были перебиты, стѣны, башни и колокольни съ трескомъ рушились въ море огня, а кровь лилась рѣками въ Волгу и стоны несчастныхъ сливались съ грохотомъ падающаго Углича.

Отъ красной церкви Св. Дмитрія на крови тянется вдоль Волги березовая аллея, открывая чудный видъ на ту сторону Волги съ ея курьезными церквями и длинной каменной дачей Хомутова. Церкви Леонтія и бѣлая Введенія особенно выдѣляются курьезной своей постройкой. Но между всѣми церквями Углича, по старинѣ и оригинальности, особенно заслуживаетъ вниманія церковь Флора и Лавра. Это курьезное сѣрое зданіе съ какой-то необыкновенной восьми-угольной покачнувшейся колокольней. Отъ церкви вѣетъ глубокой старинной. Колокольня, словно затерянная, словно пережившая свое время, грустно стоитъ надъ обрывомъ, чувствуя свою полнѣйшую неумѣстность рядомъ съ пароходами и современнымъ строемъ жизни. Внутри—это рядъ низкихъ переходовъ и каморокъ съ такими курьезными и аляповатыми рисунками по стѣнамъ, что трудно оторваться и скоро выйти изъ этого удивительнаго памятника славныхъ временъ Углича. Любопытна въ городскомъ саду бесѣдка, выстроенная на мѣстѣ монастыря, въ которомъ насильственно была пострижена царица Марія Нагая, мать Дмитрія, и наречена инокинею Марфой. Какъ ни хороши

Угличскія церкви, какъ ни богатъ прекрасными фресками соборъ Алексѣевскаго монастыря, издали сверкающій своими золотыми главами, какъ ни вѣетъ стариной отъ каждой колокольни, отъ каждаго крыльца съ пузатыми каменными столбами, видъ на городъ съ парохода превосходитъ все. Волга описываетъ рѣзкій уголъ, который вѣроятно и далъ названіе Углича городу, прославленному его колбасой, крѣпкой, какъ камень, и неудобоваримой, окороками и приговленіемъ мѣшковъ для муки. Этотъ пестрый безпорядокъ, эта масса зеленыхъ главъ, золотыхъ луковицъ, пестрыхъ колоколенъ, то толстыхъ и низкихъ, то высокихъ и тонкихъ, церквей всѣхъ формъ и цвѣтовъ—производитъ оригинальное впечатлѣніе. Когда мы отъѣзжали отъ Углича и дѣлали поворотъ вмѣстѣ съ отбѣгающей Волгой, всѣ колокольни и церкви ежеминутно переставлялись съ мѣста на мѣсто, забѣгали одна за другую, высовывались одна изъ-за другой, складывались въ причудливую мозаику камешковъ калейдоскопа и пестрили неимовѣрно. Самая высокая церковь Филиппа Апостола словно сорвалась съ своего фундамента и то забѣгала къ Дмитрію на крови, то пряталась за высокій золотой шпиль Успенской церкви, то обѣгала золотые купола Алексѣевскаго монастыря. Синіи колокольни прятались за сѣрыя, сѣрыя за красныя, красныя за желтыя и т. д. Словно всѣ зданія бѣгали на берегу, блистая пестрыми головами и привѣтствуя весенній, солнечный день, позабывъ свои почтенные лѣта и всю свою важность, какъ замѣчательныхъ памятниковъ старины. Я не могъ оторвать глазъ отъ Углича, пока онъ совсѣмъ не скрылся изъ виду и не пропалъ за выступами и поворотами Волги...

6.

Тверской плесъ.

(Продолженіе).

(До Мологи. Молога. Рыбинскъ).

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ...
Пушкинъ.

Земная жизнь для смерти послана.
Она предверіе къ безсмертной жизни.
Тикъ.

Отъ Углича до Рыбинска Волга представляетъ очень мало интереса. Правда, теперь это уже рѣка въ 200 сажень шириной, но ея берега однообразно скучны и тѣ немногіе красивые уголки, которые встрѣчаются на этомъ разстояніи 114 верстъ, не искупаютъ многочасоваго однообразія и скуки. Отъ впаденія рѣки Дубны, еще немного ниже, на разстояніи 223-хъ верстъ, вплоть до города Мологи Волга течетъ почти по прямой линіи на сѣверъ и поднимается на одну паралель съ Валдайскимъ озеромъ.

Сначала за Угличемъ проплыло красиво лежащее село Золоторучьи надъ крутыми обрывами, которые изрѣзаны многочисленными оврагами, гдѣ,

судя по названію села, въ ручьяхъ въ былыя счастливыя времена находили золото. Затѣмъ берега стали каменистыми, выставляющими каменныя опасныя гряды и около скучнаго городишки Мышкина, лежащаго въ 30 верстахъ отъ Углича, перегородившими рѣку заборомъ изъ большихъ валуновъ. Скучный городишко съ острогомъ и соборомъ, съ покосившимися заборами, съ давящей тишиной, представляетъ настоящее захолустье, гдѣ можно утонуть въ грязи, на улицахъ и площадяхъ. Преданіе говоритъ, что Мышкинъ былъ основанъ каменщикомъ Мышкинымъ, строившимъ Успенскій соборъ въ Москвѣ и удалившимся сюда въ 15 вѣкѣ. Большія вѣтряныя мельницы машутъ своими сѣрыми крыльями, расположенными не крестомъ, какъ обыкновенно водится, а звѣздой. Только село Круглецы, вблизи Мышкина, красиво лежитъ надъ совершенно отвѣснымъ краснымъ обрывомъ, украшеннымъ деревьями. Свѣжая зелень особенно хороша рядомъ съ красной землей. Далѣе берега все болѣе и болѣе загромождаются валунами, словно здѣсь шелъ каменный дождь. Противъ деревни Нижній Каменецъ берегъ сплошь покрытъ камнями, которые покрыли все дно рѣки и, по спадѣ водъ, дѣлаютъ судоходство и затруднительнымъ и опаснымъ. Частыя каменныя гряды перерѣзаютъ рѣку, покрывшую ихъ теперь совершенно. На правомъ берегу выдѣляется село Городокъ, высоко лежащее надъ Волгой, съ большою церковью, состоящей изъ лѣтняго и зимняго храмовъ и колокольней между ними. Около Городка показываются издали громадные устои моста Рыбинско-Бологовской дороги возлѣ желѣзнодорожный станціи Волго. Этотъ третій желѣзнодорожный мостъ, связавшій

берега Волги, покоится на 3-хъ башняхъ, поднявшихся со дна рѣки и поддерживающихъ рѣшетчатые пролеты. Издали кажется, что мостъ виситъ такъ низко надъ водой, что невозможно пройти подъ его пролетами. Около моста сгруппировались 5 деревень и издали виднѣется красивый уголокъ на правомъ берегу. Глубокій оврагъ раздѣлилъ два холма, обрывающихся къ Волгѣ и покрытыхъ рощами. На одномъ изъ нихъ среди зелени кокетливо подняла свою зеленоватую колокольню церковь села Глѣбова, а на другомъ погостъ села Иванова выставилъ свою желтую церковную колокольню. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ цѣлая масса деревень и опять долгія версты тянутся то ивняки, то скучные пологіе берега, то однообразные обрывы. Только у села Коприно въ Волгу вдается острый высокій мысъ, увѣнчанный церковью съ синимъ куполомъ, лежащій среди сосновой рощи и представляющій меланхолическій, прелестный уголокъ. Далѣе идутъ безконечные ивняки, скучныя, желтыя мели, уже теперь, при глубокой водѣ, выставившія свои пески. Лошади-бурлаки идутъ въ бродъ по водѣ отъ мели до мели, таща бичеву. Волга дѣлаетъ извилины и почти при каждомъ поворотѣ выставляетъ все большія и большія мели. Наконецъ, вотъ и городъ Молога. 54 версты отъ Мышкина остались за нами. Слава Богу, Рыбинскъ въ двухъ шагахъ, такъ какъ извѣстно, что во время сильныхъ разливовъ воды Мологи сливаются съ водами Шексны, но, увы, до Рыбинска еще 30 верстъ, а Молога—рѣка такъ оригинальна и представляетъ столько необычайныхъ явленій, что къ ней слѣдуетъ отнестись внимательнѣе. Эта большая рѣка протекаетъ Новгородскую, Тверскую и Ярославскую

губерніи и, вытекая изъ болотъ, образуетъ массу озеръ своими расширеніями, безконечныя извилины и такія громадныя петли, что можно идти по берегу Мологи чуть не цѣлый день и вернуться къ тому же самому мѣсту, такъ какъ рѣка, описавъ гигантскій кругъ, возвращается обратно и протекаетъ, отдѣленная чуть ли не нѣсколькими саженями берега отъ верхней своей части. Ея тихое теченіе напоминаетъ стоячую болотную воду, особенно въ верховьяхъ. Пробѣжавъ старый Бѣжецкъ, она уже несетъ баржи и отъ Устюжны, лежащей въ 225 верстахъ отъ Мологи, плоты, а отъ Весьегонска небольшіе пароходы. Кромѣ изъ ряду вонъ выходящей извилистости и тихаго теченія, Молога образуетъ такіе грозные и гигантскіе разливы, что окрестности наводняются на громадное разстояніе. Особенно ужасны бываютъ разливы Мологи, когда Волга, вслѣдствіе накопленія льда, образуетъ ледяную плотину или заторъ и бросается въ русло Мологи, заставляя ея воды течь отъ устья къ верховью. Мѣстность между Мологой и Шексной такъ низменна, что ихъ весеннія воды сливаются. Молога интересна еще тѣмъ, что она постоянно отступаетъ на западъ, оставляя на старомъ руслѣ ряды змѣевидныхъ озеръ и что въ ея окрестностяхъ (ст. Пищалкино по Рыбинско-Бологовской жел. дорогѣ) находится мѣсто на исторической рѣкѣ Сити, гдѣ 4-го марта 1238-го года произошла блистательная побѣда русскихъ надъ татарами, имѣвшая рѣшающее значеніе для судьбинъ Россіи. Самъ городъ Молога, стоящій на правомъ берегу рѣки Мологи поневолѣ долженъ отступать также на западъ, такъ какъ его берегъ падаетъ въ рѣку и среди Мологи, показываютъ мѣсто, на которомъ на прежнемъ кру-

томъ берегу возвышался соборъ. Во многихъ мѣстахъ у берега торчатъ полусгнившія балки, остатки былыхъ зданій на этихъ мѣстахъ. Прежде живой и торговый городъ Молога, упоминаемый въ лѣтописяхъ еще въ 12-мъ вѣкѣ, былъ ключемъ Тихвинской системы, посредствомъ каналовъ которой притоки Мологи связались черезъ Сязь и Тихвинку съ Ладожскимъ озеромъ. Но съ обмеленіемъ Волги, съ устройствомъ Маріинской системы, ключъ которой составляетъ Рыбинскъ при устьѣ Шексны, всего въ 30 верстахъ отъ Мологи, старая Молога заглохла, ея торговля и жизнь пришли въ упадокъ и теперь это скучный городокъ съ чистыми, прямыми улицами, съ дѣтскимъ садомъ, гимнастическимъ заломъ, съ тремя церквями, городокъ, представляющій нѣкоторый очень ничтожный интересъ по наружному виду и только. Любопытна въ этомъ отношеніи странная многоэтажная церковь съ узкой небольшой колокольней и церковь у пристани, главы и купола которой напоминаютъ кожу фантастической змѣи. Они чешуйчатые, сѣрые съ черными полосками и пятнами въ оранжевыхъ ободкахъ. Старый соборъ Святаго Ильи все тотъ же неизмѣнный громоздкій ящикъ, увѣнчанный 5 куполами. Когда то шумная и богатая Молога, имѣвшая въ 60 верстахъ въ „Холопьемъ Городкѣ" большую ярмарку, на которую съѣзжался весь торговый міръ, теперь совсѣмъ замолкла. Вдали по р. Мологѣ виднѣлись большія зданія съ блестящими большими куполами и высокой колокольней, принадлежащія женскому Афанасьевскому монастырю.

Снова потянулись скучные берега, оживленные немного красивой дачей близъ села Юшина, Юшскимъ монастыремъ и селомъ Балобановымъ, около

котораго на самомъ берегу рѣки стоитъ монастырская часовенка.

Принявъ Мологу, Волга понесла свои сразу сильно вздувшіяся воды по направленію своего притока на юго-востокъ и, проглотивъ Шексну, подошла къ Рыбинску мощной рѣкою.

Рыбинскъ красиво разлегся по берегу Волги противъ устья Шексны, превратившись въ 1777 году изъ Рыбной слободы, жители которой долгое время платили оброкъ стерлядями, бѣлорыбицей и осетрами, въ большой торговый городъ, связавшій посредствомъ Шексны и Бѣлоозера Маріинской системой Балтійское и Каспійское моря, убившій и Мологу и Тверь, сдѣлавшійся въ короткое время одной изъ главныхъ хлѣбныхъ пристаней и кипучимъ торговымъ центромъ. Предположеніе, что Рыбная слобода существовала здѣсь въ видѣ селенія рыбаковъ очень давно, подтверждается Новгородской уставной грамотой 1137 года, въ которой сказано, что Рыбная слобода обязана платить Волжскую гривну. Рыбинскъ, связанный Рыбинско-Бологовской дорогой съ столицами, служитъ не только исходнымъ пунктомъ торговаго пароходства, но также и началомъ путешествій по Волгѣ для туристовъ. Съ Волги городъ замѣчательно красивъ. Надъ его прекрасной набережной возвышаются громады соборовъ, гостинаго двора и каменныхъ домовъ, а сама Волга переполнена судами и пароходами и моетъ голубыми струями зеленые откосы, несущіе желѣзную рѣшетку. Рыбинскъ типъ Волжскаго торговаго города, переполненнаго торговыми рядами, постоялыми дворами, трактирами и гостинницами. Пыль, жара, шумъ и гамъ, лязгъ цѣпей, скрипъ воротъ, крики, стукъ, все перемѣшивается въ не-

вообразимый хаосъ на его пристаняхъ, гдѣ цѣлыя вереницы ломовыхъ подвозятъ товары, сбрасывая ихъ на набережную для перегрузки на пароходы. Здѣсь лежатъ цѣлыя кучи мѣшковъ, высокія стѣны тюковъ и кулей, цѣлыя башни бочекъ и ящиковъ, а надъ синими струями Волги среди хаоса баржъ высовываютъ свои желѣзныя груди и ярко-красные животы пароходы разныхъ обществъ. Тутъ и громадные пароходы американской компаніи Зевеке, многоэтажные, съ висячими балконами, съ четырьмя колесами, прикрѣпленными въ хвостѣ, въ видѣ громаднаго вала, шлепающаго по водѣ сзади парохода, съ трубами, поднявшимися надъ всѣмъ корпусомъ, въ видѣ рогъ фантастической улитки; тутъ и быстроходные пароходы Самолета, мчащіеся, какъ ласточки, съ быстротою стрѣлы, по Волжскимъ волнамъ, и громоздкіе буксирные пароходы, аляповатые, некрасивые, но сильные, коренастые, и маленькіе пароходики, бѣгающіе по Мологѣ къ Весьегонску и Устюжнѣ, и Шекснинскіе, доходящіе до Череповца и пугающіе знаменитыхъ по вкусу Шекснинскихъ стерлядей. Цѣлые караваны судовъ заполонили Волгу, образовавъ передъ Рыбинскомъ свой особенный плавучій городъ, между отдѣльными зданіями котораго снуютъ пароходики и лодки. Пыль стоитъ столбомъ и на пристаняхъ, и въ торговомъ ряду, и на базарной площади, окруженной со всѣхъ сторонъ торговыми рядами. Весь Рыбинскъ пыльный, душный городъ, живущій только торговлей, а потому и видъ его дѣловой, торговый и всѣ зданія носятъ этотъ серьезный видъ. Такъ его большой каменный театръ, сложенный изъ красныхъ кирпичей, большое хорошее зданіе, но безъ малѣйшихъ украшеній, а внизу въ зданіи театра при-

мостился городской ломбардъ. Зданіе почты, отдѣленіе государственнаго банка,—все выглядитъ дѣловито и какъ разъ къ лицу этому городу, въ которомъ все устроено только ради дѣла. Биржи, пароходныя конторы, провіантская комиссія, все глядитъ дѣловито на улицы, по довольно сквернымъ мостовымъ которыхъ ползутъ обозы тяжело нагруженныхъ ломовиковъ. Магазины Рыбинска, расположенные по главной улицѣ города Крестовой, которая тянется параллельно набережной и перерѣзываетъ весь городъ, имѣютъ тотъ же дѣловитый видъ и не блещутъ выставкой своихъ товаровъ Здѣсь средоточіе хлѣбныхъ комиссіонерствъ, конторъ, страховыхъ и транспортныхъ обществъ. Величественное зданіе Преображенскаго новаго собора на большой площади у пристаней паритъ своими пятью серебряными куполами и высокой четырехъэтажной (44 сажени) колокольней, украшенной бѣлыми колоннами, надъ всѣмъ Рыбинскомъ. Соборъ съ фресковыми рисунками по наружнымъ стѣнамъ придаетъ много красоты всему городу, вырѣзываясь своими чрезвычайно изящными контурами на фонѣ голубаго неба. Внутри соборъ, выстроенный въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, полонъ золота, громадныхъ фресокъ по стѣнамъ и фигуръ святыхъ, украшающихъ своды потолка. Надъ папертью гигантская фреска „Страшный судъ“, а при входѣ въ соборъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе геенны огненной, полной огня, грѣшниковъ и ожидающихъ ихъ казней. Гвоздь Рыбинска—это старый приземистый соборъ св. Николая, лежащій тутъ-же на площади, между элегантнымъ новымъ соборомъ и откосомъ къ Волгѣ. Старичекъ чувствуетъ себя неловко среди этого

гвалта, шума, крика и среди сѣрыхъ облаковъ пыли. Его когда то нарядная одежда рѣжетъ теперь глазъ своей оригинальностью, особенно рядомъ съ новыми громадными зданіями, дѣловито глядящими на улицы, а пестрая глава собора напоминаетъ старомодный чепецъ, вызывающій улыбку. Его стѣны покрыты изображеніями столбниковъ и святыхъ и украшены, какъ и края крыши, желтыми жестяными кружевами, которыя некрасиво, но характерно выдѣляются на грязно-лиловомъ фонѣ этого страннаго зданія. Большая глава, сидящая на высокой шейкѣ, покрытой пестрыми фресками, одѣта въ чешую зеленыхъ, голубыхъ и розовыхъ черепицъ. Некрасиво, пестро, но вѣетъ стариной. Внутри этотъ соборъ, сгорѣвшій до тла съ городомъ въ 1635 году и вновь выстроенный десять лѣтъ спустя, полонъ древности. Низкіе тяжелые своды, скрѣпленные громадными связями, старинная живопись и утварь, массивные свѣтильники и лампады, блестящіе и богатые золотые вѣнцы святыхъ, все говоритъ о старости собора. Хорошо барельефное изображеніе Тайной вечери на царскихъ дверяхъ. Апостолы и Христосъ въ золотыхъ одеждахъ у стола, покрытаго серебряной скатертью и установленнаго золотыми сосудами. Въ фонѣ изображены четыре раскрытыхъ окна.

Въ городѣ еще нѣсколько церквей поднимаютъ свои колокольни надъ крышами домовъ, но между ними заслуживаетъ вниманія только Казанская церковь съ изящной отдѣльно стоящей колокольней, любопытная, какъ старѣйшій храмъ города, основанный въ 1697-мъ году.

Вдоль рѣчки Черемхи, лѣтомъ совсѣмъ высыхающаго рва, устроенъ бульваръ и небольшой садикъ. Это единственный уголокъ, куда я спасался

отъ жары, пыли, шума и грома, царящихъ повсюду въ Рыбинскѣ и особенно у пристаней и красивой сѣрой Николаевской часовни съ тринадцатью золотыми главами, изъ которыхъ одна увѣнчала пирамидальную крышу часовни, а остальныя 12 поменьше разсѣлись по три надъ каждой стороной, надъ зубцами съ поясными изображеніями святыхъ. Съ Волги эта часовенка придаетъ красоты общему виду торговаго и шумнаго города, съ его вѣчной толчеей, базарами и наплывомъ судовъ и народа.

Шексна на столько мало интересна для туриста, на столько торговая рѣка, а города Череповецъ, Кириловъ и Бѣлозерскъ представляютъ такъ мало любопытнаго и требуютъ на посѣщеніе ихъ такъ много времени, что путешествіе по Шекснѣ кромѣ скуки ни даетъ ничего. Череповецъ славится обиліемъ своихъ училищъ, въ которыя стремится молодежь изъ всѣхъ окрестностей и которыя туриста привлечь не могутъ.

Отъ Рыбинска Волга, хотя еще не та царица Европейскихъ рѣкъ, какой она является, проглотивъ воды Оки, и гдѣ ея Волжскій просторъ поражаетъ каждаго, но судоходство здѣсь уже возможно постоянно въ теченіи лѣта, хотя высовывающіяся лѣтомъ громадныя мели сильно затрудняютъ его. Здѣсь отъ Рыбинска внизъ по рѣкѣ до Нижняго Новгорода, хотя и ходятъ прекрасные пароходы, удовлетворяющіе самый прихотливый вкусъ, но это еще не тѣ многоэтажные гиганты, которые совершаютъ свои рейсы отъ Нижняго до Астрахани и которые напоминаютъ своимъ внѣшнимъ видомъ рѣчныхъ чудовищъ. Путешествіе на пароходѣ отъ Рыбинска до Нижняго такъ удобно, такъ пріятно, берега, усѣянные монастырями и прекрасными

городами, такъ красивы, что, несмотря на ихъ нѣкоторое однообразіе, зритель остается восхищеннымъ мимо проплывающей панорамой и навсегда уноситъ самое свѣтлое и пріятное воспоминаніе о поѣздкѣ по этому плесу. Особенно пріятна эта прогулка весной, когда высокія воды Волги, закрывъ желтыя и скучныя отмели и подбѣжавъ къ самымъ стѣнамъ монастырей и городскимъ набережнымъ, мощно несутъ пароходъ по голубымъ струямъ, а съ береговъ вѣетъ на васъ свѣжей зеленью и цвѣтами... Мнѣ случалось нѣсколько разъ проѣзжать этотъ плесъ отъ Рыбинска до Нижняго и, потомъ сидя въ Петербургѣ или гдѣ-либо далеко за границей, я всегда съ наслажденіемъ вспоминалъ и вспоминаю мои поѣздки по Волгѣ отъ Рыбинска и всегда надѣюсь, что мнѣ удастся еще разъ перевернуть страницы моихъ прошлыхъ воспоминаній и снова окунуться въ впечатлѣнія этихъ милыхъ поѣздокъ, которыя всецѣло поглощаютъ васъ.

7.

Ярославль.

(По Волгѣ до Ярославля мимо Романова-Борисоглѣбска. Ярославль. Его достопримѣчательности и памятники старины).

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
По платьямъ нашимъ — можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ.
Шекспиръ.

На свѣтѣ есть только одно положительно прекрасное лицо — Христосъ.
Ѳ. Достоевскій.

Тебѣ привѣтливый поклонъ,
Любви вѣнокъ и лиры звонъ...
Пушкинъ.

Мой Самолетскій пароходъ, вышедши изъ хаоса судовъ Рыбинской пристани, полетѣлъ внизъ по Волгѣ мимо зеленыхъ береговъ березовыхъ рощъ, деревенекъ и селъ. Яркозеленые весенніе луга спустились до самой воды, которая волнами набѣгала на свѣжую зелень, трепала плети затонувшихъ березъ и играла цвѣтами распустившейся черемухи, любовно цѣлуя ея бѣлыя кисти. Деревеньки и села съ бѣлыми и желтыми церковками выгля-

дывали изъ-за зелени рощъ или съ обрывовъ. Берега то поднимались, то опускались, то съ одной, то съ другой стороны, а порой оба круто обрывались въ рѣку или зеленѣли оба заразъ своими полями и лугами. Серебряныя луковки церкви села Богоявленскаго заблестѣли издали пятью яркими звѣздочками на фонѣ зеленаго моря. Красные обрывы, одѣтые зеленью луга, порой выступали мысами въ Волгу, которая грызла ихъ весенними волнами и заставляла дернъ свѣшиваться зеленымъ мѣхомъ надъ головами этихъ обрывовъ. Порой мимо пробѣгали пароходы, привѣтствуя насъ рѣзкими свистками, разносившимися далеко по водѣ, порой проплывали мирные плоты съ костромъ по серединѣ и группой людей и этотъ проплывающій трещащій огонекъ среди голубыхъ струй Волги придавалъ ей массу задумчивой поэзіи. Чудныя картинки проплывали мимо. Вотъ цѣлая вереница плотовъ тихо спускалась вдоль берега и плотовщики съ большими шестами въ рукахъ пѣли какія-то пѣсни и эти пѣсни надъ Волгой получали особенную прелесть, особенный ореолъ. Вотъ тяжело пыхтящій черный, прокопченный буксирный пароходъ, надрываясь и кряхтя отъ тяжести, тянулъ цѣлую вереницу баржъ. Онъ жалобно закричалъ при встрѣчѣ съ нами, словно жалуясь на непосильную работу, и поплылъ дальше, тяжело пыхтя и выпуская цѣлыя тучи чернаго дыма изъ покосившейся черной, прокопченной трубы.

Яркіе цвѣта одеждъ населенія пестрѣли на пристаняхъ, какъ вешніе букеты цвѣтовъ, и придавали много поэтичности.

Издали на обоихъ высокихъ берегахъ замелькали золотыя главы церквей. Это былъ прославленный

своей красотой Романовъ-Борисоглѣбскъ, основанный еще княземъ Романомъ Васильевичемъ во времена Дмитрія Донскаго (въ 1370 году), когда-то въ конецъ раззоренный Литвою, перерѣзанный пополамъ голубою лентой Волги, сбѣгающій къ водѣ своими домиками и церквями. Дѣйствительно это дивное, живописное мѣстечко. Оба города, Романовъ на лѣвомъ берегу, Борисоглѣбскъ на правомъ, такъ поэтично, такъ красиво разлеглись по берегамъ, что трудно оторвать глазъ отъ этого уголка. Бѣлыя церкви съ длинными бѣлыми колокольнями расположились на зеленомъ берегу Романова, словно стая лебедей, вытянувшихъ свои длинныя шеи. Одна изъ церквей Романова, старая, курьезная, съѣхала къ самому берегу, оставивъ свою колокольню выше надъ обрывомъ, словно на сторожѣ. Пестрыя луковки церквей ползутъ красивымъ силуэтомъ надъ гребнемъ берега, а Крестовоздвиженскій соборъ съ ажурной колоколенкой, несущей старинные колокола, съ фресками и бѣлыми украшеніями по желтымъ стѣнамъ церкви, хранящей старыя почернѣвшія иконы, высится надъ всѣмъ берегомъ, надъ живописно разбросанными по холмамъ домиками и глядитъ на ту сторону Волги, гдѣ въ Борисоглѣбскѣ поднялся чудной красоты Воскресенскій соборъ, основанный въ 1652 году. Это дивное зданіе съ чешуйчатыми куполами, съ громадными яркими фресками двунадесятыхъ праздниковъ, поясомъ обѣгающихъ тѣло собора въ самой его верхней части подъ выдавшейся своими концами крышей, съ восхитительной бѣлой, блистающей на солнцѣ двухъэтажной галлереей изъ толстыхъ старинныхъ русскихъ колоннъ, съ граціозной колоколенкой и пестрой каменной стѣной, прерванной тремя воро-

тами съ башенками. Въ этомъ прелестномъ соборѣ, такъ кокетливо выставившимъ аркады галерей, хранится нерукотворный образъ Спасителя, собирающій 16-го августа толпы богомольцевъ.

У самаго берега поднялась большая льняная фабрика Классена, къ которой совсѣмъ подбѣжали вешнія воды.

Соборъ Борисоглѣбска далеко виднѣется и когда пароходъ забѣгаетъ за мысы, онъ исчезаетъ, какъ чудное видѣніе, и становится жаль, что пароходъ такъ мало стоитъ у пристани и бѣжитъ все дальше и дальше по Волгѣ мимо проплывающихъ береговъ.

То тамъ, то сямъ мелькаютъ церковки, то сбѣжавшія къ самому берегу, то взгромоздившіяся на холмы и крутики. Ихъ желтыя и бѣлыя колоколенки, эти Волжскіе минареты, торчатъ, рѣзко вырѣзаясь то на фонѣ неба, то на фонѣ лѣса.

Громадная Константиновская фабрика разлеглась цѣлымъ селеніемъ на правомъ берегу. Основанный Рагозинымъ и Компаніей, заводъ занимается переработкой нефти. Гигантскія цистерны, по 250 тысячъ пудовъ каждая, выставили свои красные и бурые бока на самомъ берегу, длинные дома и корпуса завода громоздятся у Волги по холмамъ, а у берега, среди голубыхъ струй, качается красивая пароходная пристань съ кверху загнутыми краями китаеобразныхъ крышъ въ розовыхъ и лиловыхъ паркетикахъ. Среди зелени сада и высокихъ елочныхъ пирамидъ стоитъ красивый домъ, бывшій самого Рагозина. Здѣсь на берегу кипитъ работа. У громадныхъ амбаровъ цѣлыя горы бочекъ, весь берегъ усѣянъ бочками, словно здѣсь протекалъ бочечный потокъ. Бѣложелтыя лежатъ онѣ цѣлыми грудами и блестятъ среди вешней зелени своими

лоснящимися животами, перехваченными деревянными ободами...

Опять мелькаютъ деревни, посады и села, опять высятся заостренныя колоколенки церквей, пока не выплываетъ длинное Норское селеніе съ четырьмя церквями, растянувшееся на большое разстояніе по Волжскому берегу до самаго хлопчатобумажнаго, громаднаго, яркокраснаго кирпичнаго завода, украшеннаго двумя четырехъугольными башенками съ массой мигающихъ огоньковъ въ его безчисленныхъ окнахъ. Темная зелень еловаго лѣса обступила заводъ и одѣла весь берегъ красивой рощей. Одна изъ церквей села высокая, блѣдная, точно испуганная, прижалась къ своей колокольнѣ и сжала свои 5 серебряныхъ луковокъ въ комокъ. Такая она неуклюжая и вмѣстѣ съ тѣмъ красивая, что долго не оторвешь отъ нея глазъ, а вдали вырисовываются церки и колокольни Толгскаго монастыря, которыя приковываютъ все ваше вниманіе. Тихій, теплый вечеръ спустился надъ Волгой и окуталъ своимъ прозрачнымъ сумракомъ берега, придавая имъ много фантастичности. Берега и лѣса съ каждой минутой все болѣе и болѣе тонули въ сгущавшемся сумракѣ, и съ горизонта ужъ поднималась луна. Вѣяло березой и тополемъ, струи меланхолично рокотали у колесъ парохода, самъ пароходъ однообразно пыхтѣлъ, и вдругъ будто послышалось пѣніе, такое тихое, робкое, что я принялъ его за свое разъигравшееся воображеніе. Съ каждой минутой пѣніе доносилось яснѣе. Это пѣли монахи на пристани Толгскаго монастыря. Чарующее впечатлѣніе производитъ это пѣніе молитвъ, далеко разносящееся надъ водой въ тихій весенній вечеръ подъ рокотъ струекъ могучей рѣки. Громадная бѣлая стѣна съ

башенками растянулась по зеленому берегу. Высокая бѣлая колокольня поднялась надъ монастырскими церквями. Основанный еще въ 1314 году святителемъ Трифономъ, названный Толгскимъ по имени рѣчки Толги, у устья которой онъ построенъ, монастырь этотъ является однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ старины. Здѣсь въ старыхъ храмахъ много драгоцѣнностей и рѣдкихъ иконъ, а въ храмѣ Введенія находится мѣстная святыня икона Толгской Божіей Матери. Въ часовенкѣ, устроенной у самой пристани, монахи служатъ молебенъ, собирающій большинство пароходныхъ пассажировъ, проѣзжающихъ мимо, но непремѣнно сходящихъ здѣсь на берегъ, чтобы или поставить свѣчку или поклониться Божіей Матери. Нашъ пароходъ отходилъ отъ пристани, а изъ часовенки неслось молитвенное пѣніе и по мѣрѣ нашего удаленія оно замирало, сливаясь съ рокотомъ струй Волги. Впечатлѣніе было сильное, и когда Толгскій монастырь уже давно остался позади, я все не могъ отдѣлаться отъ навѣянныхъ монастыремъ и службой грезъ... Вотъ показался плотъ, на половину затонувшій, съ костромъ по серединѣ, плавно скользящій по Волгѣ. Пламя костра отражалось въ рѣкѣ, убѣгая въ ея глубину красноватыми струйками.

Отъ Толгскаго монастыря до Ярославля 8 верстъ и вскорѣ этотъ красавецъ, одинъ изъ прелестнѣйшихъ Волжскихъ городовъ, показался вдали, весь залитый луннымъ свѣтомъ, сверкая тысячами огоньковъ, вырѣзываясь удивительнымъ силуэтомъ, съ своими оригинальными башнями, съ старыми, покачнувшимися колокольнями, съ прихотливо построенными церквями, горѣвшими серебромъ въ своихъ луковкахъ.

Я много слышалъ о красотѣ Ярославля, объ его удивительныхъ церквяхъ, не имѣющихъ себѣ равныхъ, объ его чудныхъ бульварахъ и городскомъ благоустройствѣ, я давно пріучилъ себя къ мысли, что Ярославль что-то особенное, но, когда я осмотрѣлъ городъ, то увидѣлъ, что Ярославль превзошелъ всѣ мои ожиданія. Это такой удивительный городъ по памятникамъ старины и дорогой и для археолога, и для туриста, такой красивый по своей пестротѣ и исключительной оригинальности—для художника, такой богатый музей по святымъ предметамъ—для теолога, такой дорогой памятникъ по своей старинѣ для историка и такой хорошій городъ для жителя, что я совсѣмъ плѣнился Ярославлемъ и восхищался до безконечности всѣми его необыкновенными колокольнями и церквями, которыхъ здѣсь въ Ярославлѣ непочатый уголъ.

Видъ набережной съ ея віадуками, бульварами темныхъ липъ, выглядывающими шатровыми колокольнями, разноцвѣтными куполами церквей, моремъ крышъ, плѣняетъ каждаго. Ярославль, какъ сказочный красавецъ, полный чарующей старинной фантастичности, полный прихотливаго поэтичнаго зодчества, оковалъ меня въ первую минуту, какъ его восхитительная панорама развернулась предъ моими глазами. Онъ не лежитъ на крутыхъ горахъ, какъ Нижній или Кіевъ, онъ не построенъ на холмахъ, какъ Москва, онъ не блещетъ элегантностью Одессы или Петербурга, но его старина, его пестрота, его благоустройство ставятъ его, по крайней мѣрѣ при первомъ впечатлѣніи, на одну доску и съ Нижнимъ и съ Кіевомъ, а по интересу онъ превосходитъ, конечно, цѣлыя плеяды и Итальянскихъ, и Баварскихъ, и Саксонскихъ городовъ, къ которымъ

тащатся наши русскіе туристы изъ за тридевять земель, нисколько не интересуясь нашими памятниками старины, красотами и достопримѣчательностями нашихъ городовъ.

И вотъ я очутился въ Ярославлѣ, городѣ, который имѣетъ право гордиться первой полотняной фабрикой, основанной купцомъ Затрапезновымъ, первой частной газетой „Уединенный Пешехонецъ", первымъ русскимъ театромъ, созданнымъ Волковымъ, городѣ, основанномъ, по нѣкоторымъ изысканіямъ, чуть ли не ранѣе всѣхъ другихъ городовъ нашей родины и называвшимся „Русь". Легенда передаетъ, однако, что городъ основанъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ (въ 1025—1030 годахъ) на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во времена сѣдой древности Ярославъ Мудрый убилъ медвѣдицу. И тамъ, гдѣ стояли непроходимыя дебри, выросъ теперь такой прекрасный городъ. Рѣка Которость, впадая въ Волгу, образуетъ уголъ, на которомъ и былъ заложенъ старинный Ярославль. Это мѣсто и теперь зовется рубленнымъ городомъ, такъ какъ здѣсь была срублена первая деревянная Ильинская церковь. Бурное прошлое пронеслось надъ городомъ. Раззоряемый и уничтожаемый и многочисленными пожарами, и новгородцами, и во время воинъ Василія Темнаго и Шемяки, онъ ужъ давно не хранитъ остатковъ этого времени. Упоминаемый въ лѣтописяхъ еще въ 1071 году, обстроенный и разросшійся, но, какъ всегда въ старину, деревянный Ярославль, обращался при каждомъ пожарѣ въ груду пепла и всѣ памятники первыхъ вѣковъ существованія города исчезли безслѣдно. Грабили его и татары и православные люди, и свои князьки, которые жили только въ свое благополу-

чіе, и въ 15 вѣкѣ Ярославское княжество покончило съ своей самостоятельностью, подчинившись Москвѣ. Присоединенный къ Москвѣ—Ярославль долгое время считался мятежнымъ городомъ. Во время смутнаго времени городъ передался на сторону Самозванца, принялъ Марину Мнишекъ, которая проживала здѣсь до 1608 года, послалъ въ Тушинскій лагерь нѣсколько тысячъ рублей и снабдилъ Самозванца тысячью всадниковъ. Но спустя нѣкоторое время ярославцы словно опомнились и, желая показать свое усердіе Москвѣ, изгнали поляковъ, жестоко покончивъ съ однимъ изъ ихъ военноначальниковъ.

Здѣсь жилъ князь Пожарскій, здѣсь останавливался первый русскій царь дома Романовыхъ, здѣсь былъ митрополитомъ Филаретъ, здѣсь бывалъ Великій Петръ, который пѣшкомъ исходилъ берега Шексны, отъискивая мѣсто для канала, и который проложилъ первую дорогу изъ Ярославля къ отдаленному Архангельску. Здѣсь окончилъ свои дни величавый старецъ, безвинно пострадавшій патріархъ Никонъ, котораго безчеловѣчно травили въ теченіи 18 лѣтъ мстительные, ничтожные попы, попирая всякіе права, законы и справедливость, пользуясь слабостью царей. Съ какимъ почетомъ встрѣчала русская Волга русскаго больнаго патріарха. Толгскій монастырь принялъ благословеніе этой великой личности, этого орла русской исторіи. Самъ Спасо-Ярославскій архимандритъ Сергій, эта ничтожная личность, дерзко глумившаяся во время собора, судившаго Никона, надъ патріархомъ, униженно валялся въ ногахъ и молилъ прощенія. Великій Никонъ простилъ это пресмыкающее, дерзавшее носить духовный санъ. Съ какимъ почетомъ

былъ встрѣченъ стругъ Никона въ Которости, съ какимъ торжествомъ вынесъ народъ на рукахъ патріарха на берегъ, когда стругъ изъ-за мелководія не могъ пристать. Ярославль осчастливленъ событіемъ торжества хоть поздней справедливости и принялъ умирающаго старца. Никонъ видѣлъ еще тысячи народа, склонившагося передъ нимъ и умеръ тутъ на берегу Которости подъ благовѣстъ тысячи колоколовъ, сзывавшихъ къ вечернѣ. Новый Ярославль возродился на пеплѣ и развалинахъ стараго и новыя сравнительно его церкви и колокольни такъ хороши, такъ стары, что нельзя не посвятить хоть одного дня этому Волжскому красавцу.

Спросите каждаго бывавшаго въ Ярославлѣ, нравится ли ему городъ, и, если онъ даже ничего не видѣлъ, онъ непремѣнно съ восторгомъ отзовется о бульварахъ и набережной, которые, дѣйствительно, составляютъ гордость Ярославля. Вдоль Волги по высокому зеленому откосу, лежащему у рѣки, словно крѣпостной валъ, ползетъ великолѣпная набережная съ бульваромъ кленовъ, липъ и вязовъ, изъ-за зелени которыхъ поднялась масса самыхъ причудливыхъ колоколенъ и пестрыхъ главъ церквей. Мѣстами набережная прервана съѣздами къ рѣкѣ, надъ которыми повисли мосты и віадуки. Бульвары изъ великолѣпныхъ тѣнистыхъ деревьевъ разросшихся на мѣстѣ прежнихъ валовъ Землянаго города, широкою полосой убѣгаютъ отъ рѣки въ городъ, составляя истинное украшеніе его. Панорама Ярославля такъ великолѣпна, что совѣтую каждому прокатиться въ лодочкѣ вдоль города и полюбоваться его внѣшнимъ видомъ. Особенно городъ хорошъ съ Волги подъ вечеръ, когда чернѣющій силуэтъ его, необыкновенно узорчатый и рѣзной, съ

его падающими башнями, выступаетъ на краснѣющемъ небѣ и когда освѣщенныя вечерней зарей безчисленныя главы и луковки церквей горятъ, какъ раскаленные уголья, надъ сливающимся въ одну общую массу чернѣющимъ городомъ.

Главные памятники Ярославля—его церкви, по числу которыхъ онъ уступаетъ только Москвѣ и Кіеву, которыхъ здѣсь такая масса и которыя такъ пестры и оригинальны, что затрудняешься которой отдать предпочтеніе. У самой пристани пароходовъ на высокомъ холмѣ надъ Волгой васъ встрѣчаетъ красивая Петро-Павловская церковь, одѣвшая свои пять чудовищно большихъ луковокъ ярко-зеленой чешуей и посадившая ихъ на длинныя и тонкія башенки. Къ ней склонилась на своемъ основаніи бѣлая колоколенка, отдѣльно стоящая, и столько красоты въ этой церкви, что останавливаешься передъ ней. Легенда разсказываетъ, что на мѣстѣ этой церкви жилъ старецъ Симеонъ, проводившій все свое время въ молитвахъ. Вышедши изъ своей кельи, онъ пораженъ былъ необычайнымъ свѣтомъ, исходившимъ со дна рѣки отъ тяжелыхъ желѣзныхъ веригъ, принадлежавшихъ нѣкогда Никитѣ Столпнику. Эти вериги, которыя Столпникъ носилъ на тѣлѣ, однажды блеснули при лунномъ свѣтѣ, какъ серебро, въ ту самую минуту, когда нѣсколько человѣкъ подошли за благословеніемъ. Желая завладѣть мнимымъ сокровищемъ, пришедшіе умертвили Никиту и схватили вериги. Къ великому своему отчаянію и ужасу они увидѣли, что вериги желѣзныя и бросили ихъ въ Волгу. Найденныя Симеономъ, онѣ совершили нѣсколько исцѣленій и здѣсь на мѣстѣ, гдѣ ихъ нашли, была построена эта церковь, а сами вериги посланы на мѣсто родины

Никиты въ Переяславъ. Рядомъ высится своими закругленіями и куполами массивное бѣлое тѣло Пятницкой, что въ Калачной, церкви.

Всѣ оригинальныя церкви Ярославля такъ многочисленны, что имъ возможно посвятить только бѣглый обзоръ, но нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ особеннаго вниманія.

Въ рубленномъ городѣ на самомъ углу у сліянія Которости съ Волгой высятся зданія прекраснаго Успенскаго собора и четырехъэтажной, красивой, отдѣльно стоящей, колокольни. 5 главъ собора и шестая на колокольнѣ блестятъ отовсюду въ городѣ своимъ золотомъ. Внутри соборъ напоминаетъ московскія церкви Кремля. Тѣ же узкія окна, тотъ же трепетный свѣтъ лампадъ, тѣ же толстыя стѣны и пилоны, сплошь покрытые фресками, такой же громадный пятиярусный иконостасъ, съ громадными фигурами святыхъ. Кромѣ замѣчательныхъ фресокъ 17-го вѣка, здѣсь находится дожившая до насъ со времени 12 вѣка чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Здѣсь же подъ сводами въ дорогой ракѣ уцѣлѣвшія отъ пожаровъ части мощей Св. князей Василія и Константина, основателей собора. Прекрасный ликъ Спасителя находится противъ Смоленской Божіей Матери и составляетъ сокровище собора. Сторожъ обратилъ мое вниманіе на икону Св. Николая съ мечемъ въ одной рукѣ и церковью въ другой. Въ ризницѣ собора много старинной утвари, евангелія на пергаментѣ и другія рѣдкія вещи. Въ соборѣ хранятся знамена и хоругви ополченія 1612 года, когда князь Пожарскій служилъ здѣсь молебенъ и двинулся съ этими окропленными святой водой хоругвями со всенароднымъ ополченіемъ для спасанія Москвы отъ Си-

гизмунда, желавшаго короновать Владислава русской короной. За соборомъ растянулось великолѣпное зданіе съ портиками—Демидовскаго лицея, памятникъ основателю котораго, въ видѣ высокой бронзовой колонны съ орломъ и глобусомъ на вершинѣ, поставленъ среди сквера на большой Ильинской площади передъ грандіознымъ зданіемъ городской думы, убранной колоннами и лѣпными украшеніями. Демидовъ—настоящій Американецъ по своей жертвѣ и лицей—его лучшій памятникъ. При лицеѣ любопытный естественно-историческій музей фауны, флоры и минералловъ Ярославской губерніи. Заговоривъ о музеѣ, приходится упомянуть о прекрасной коллекціи рукописей славянскихъ и русскихъ, собранной бывшимъ городскимъ головою Вахрамѣевымъ и находящейся въ его великолѣпномъ домѣ, выстроеннымъ знаменитымъ Растрелли.

Не смотря на скверную мостовую, на проростающую между камнями траву и пыль, царящую на улицахъ, я наслаждался, глядя на старую архитектуру всѣхъ этихъ пестрыхъ церквей, выдѣляющихся своей оригинальностью еще болѣе, рядомъ съ прекрасными современными зданіями суда, губернаторскаго дворца, Кокуевской гостинницы, гостинныхъ дворовъ, многихъ превосходныхъ частныхъ домовъ и гимназіи, изъ которой былъ исключенъ поэтъ Некрасовъ за страсть писать стихи. До чего оригинальна Власьевская церковь съ ея отдѣльной низкой колокольней, въ видѣ воротъ, украшенныхъ башенкой, и двумя корпусами церквей. Одинъ изъ нихъ закрытъ большимъ, одинокимъ, зеленымъ куполомъ, другой съ пятью главами, изъ которыхъ четыре покрыты золотыми чешуями, а средняя глава, самая большая, словно повернута на своей высокой

башнѣ, отчего образовались косо идущія отъ основанія къ кресту ярко-синія и золотыя борозды и волны. На одной изъ стѣнъ Власьевской башни помѣщена икона Господа Вседержителя. Вся церковь производитъ оригинальное впечатлѣніе. Еще красивѣе Ильинская церковь, старая и курьезная, съ двумя отдѣльно стоящими по сторонамъ, словно часовые, совсѣмъ не похожими другъ на друга колокольнями. Это одна изъ немногихъ Ярославскихъ церквей сохранившая съ 17-го вѣка неискаженнымъ свой внѣшній видъ. Даже стѣнная живопись сохранилась настолько хорошо, что не можетъ не возбуждать интереса и улыбки, благодаря наивности сюжетовъ и ихъ выполненія. Особенно хороша галерея, окружающая церковь, на стѣнѣ которой изображенъ страшный судъ. Безконечный змѣй тянется во всю стѣну, а вокругъ—разныя муки грѣшниковъ. Тутъ вся адская нечисть на лицо, тутъ всѣ казни за всѣ грѣхи, удивительно образно, наивно и сильно изображенныя. Великолѣпная икона, шести-ярусный, сверкающій золотомъ, иконостасъ, интересныя фрески, не говоря уже объ удивительной внѣшности храма въ видѣ паралеллограмма, съ двумя курьезными, наклонившимися осьмигранными башнями,—требуютъ посѣщенія всякаго пріѣзжаго. Прелестная церковь Богоявленья, кокетливо стоящая на берегу Которости—положительный шедевръ. Эта темно-малиновая, словно обитая плюшемъ, церковь съ бѣлыми украшеніями, съ очаровательными пестрыми башнями подъ главами, съ пестрыми фресками по стѣнамъ и съ осьмигранной малиновой же колокольней, производитъ впечатлѣніе драгоцѣнной бездѣлушки. Рядомъ съ ней у стѣнъ Спасскаго монастыря жмется прелестная церковка Рож-

дества Богородицы. Не менѣе интересна старая церковь Николы Мокраго съ двумя шатровыми башенками, вся въ муравленныхъ поясахъ и въ фигурчатыхъ арабескахъ. Внутри находятся уцѣлѣвшія царскія сѣдалища. Это часовенки съ конусообразными крышами, вытянутыми въ шпили. Сѣдалища украшены фигурами ангеловъ, орловъ и голубей, превосходно вырѣзанныхъ изъ дерева. Главная достопримѣчательность—рѣзные царскіе врата. Это шедевръ древней рѣзьбы. Виноградныя вѣтви переплетаются съ удивительной капризной граціей и свѣшиваютъ свои грозди и листья, поражающіе художествомъ исполненія. Все это церкви 17-го вѣка, на мѣстѣ которыхъ стояли въ старину деревянные храмы, сожженные поляками и обращенные ими въ груды развалинъ. Покосившаяся на сторону колоколенка Рождества Богородицы маленькая, пестренькая, очаровательная, жмется около зданія почты, отбѣжавъ немного отъ своей церкви и рядомъ съ блестящимъ Богоявленьемъ имѣетъ какой-то запуганный видъ.

Рядомъ по берегу Которости высятся толстыя, зубчатыя, бѣлыя стѣны съ слѣдами амбразуръ, съ остатками башенъ и золотыми куполами надъ хаосомъ бѣлыхъ зданій Спасскаго монастыря съ Архіерейскимъ домомъ. Башни и стѣны сохранились съ начала 14 вѣка и мрачно глядятъ своими бойницами и зубцами на болѣе позднія зданія монастыря. Здѣсь въ Преображенскомъ соборѣ находится удивительный образъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ, вылѣпленный изъ воска, а въ церкви Ѳеодора, Давида и Константина покоятся мощи этихъ святителей. Масса древнихъ иконъ и фресокъ наполняютъ старинный монастырь, знаменитый своей богатой риз-

ницей и библіотекой. Превращаясь много разъ въ груды развалинъ, монастырь сохранилъ свои стѣны, которыя незыблено стоятъ вѣка на берегахъ Которости и стерегутъ свои святыни и могилы Ростовскихъ архіепископовъ. Изъ подъ одной башни, говорятъ, существуетъ подземный ходъ подъ Которость.

Прелестный общественный садъ зеленымъ озеромъ расположился среди домовъ, а великолѣпный бульваръ, протянувшись мимо бѣлыхъ стѣнъ Казанскаго монастыря, подошелъ къ красивому блѣдно-лиловому городскому театру, съ лирою, масками и вѣнками по фасаду.

Ярославль—колыбель театральнаго дѣла въ Россіи, такъ какъ здѣсь былъ основанъ первый русскій театръ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ. Получивъ первоначальное образованіе отъ пастора, сосланнаго Бирономъ въ Ярославль, затѣмъ пробывши около трехъ лѣтъ въ Московской Заиконоспасской академіи, Волковъ прибылъ въ Петербургъ по промышленнымъ дѣламъ своего вотчима и, попавши въ придворный театръ, былъ до глубины души потрясенъ этимъ новымъ для него зрѣлищемъ. Два года, которые Волковъ прожилъ въ Петербургѣ, онъ занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ, сцены и искусствъ и когда, послѣ смерти вотчима, дѣла потребовали его возвращенія въ Ярославль, онъ собралъ труппу и далъ свой первый спектакль въ каменномъ амбарѣ 29 іюня 1750 года. Для перваго спектакля были поставлены драмы: „Эсѳирь" и пастораль: „Эвмонъ и Берфа". Энергичный, страстно любящій свое дѣло Волковъ такъ увлекъ Ярославцевъ своими представленіями, что горожане не только переполняли каменный амбаръ, но вскорѣ на собранныя пожертвованія выстроили въ Ярос-

лавлѣ первый деревянный театръ, архитекторомъ котораго явился самъ Волковъ. Екатерина II вызвала Ярославцевъ въ Петербургъ, гдѣ они исполнили передъ дворомъ трагедію „Хоревъ“ и съ этого момента судьба русскаго театра встала на прочную почву. Императрица во время пребыванія своего въ Ярославлѣ написала тамъ двѣ піесы: „О время“ и „Именины Госпожи Ворчалкиной“ спеціально для Волкова. Самъ Волковъ, не создавъ школы, отличался реальнымъ изображеніемъ трагическихъ ролей, особенно въ то время, когда декламація стояла такъ высоко. Это отсутствіе афектаціи перешло ко всѣмъ русскимъ артистамъ отъ отца нашего театра и служитъ его отличительнымъ и лучшимъ украшеніемъ и славой. Будучи и драматургомъ, и актеромъ, и поэтомъ, и музыкантомъ, и скульпторомъ, и живописцемъ, Волковъ всю душу вложилъ въ свое новое дѣло и насадилъ сценическое искусство на Руси, воздвигнувъ его свѣтлый храмъ въ каменномъ амбарѣ на берегу величавой Волги. Прекрасный Ярославль навсегда украшенъ и этой славой и его блѣдно-сиреневый театръ изящный и красивый, съ бѣлой лирой на фронтонѣ, служитъ памятникомъ этому мирному, хотя и великому событію для насъ русскихъ. Въ фойэ театра стоитъ прекрасный бюстъ Волкова. На этой сценѣ выступало много славныхъ именъ артистическаго міра. Здѣсь начала свою карьеру П. А. Стрепетова.

По ту сторону Волги раскинулась заволжская слобода „Тверицы“ съ вокзаломъ Вологодской желѣзной дороги, а за Которостью раскинулись предмѣстья города, тоже слободы, съ другимъ вокзаломъ желѣзной дороги на Ростовъ и Москву. Между этими слободами за Которостью, двѣ, Коровники и

Толчково, обладаютъ такими двумя сокровищами и по старинѣ и по архитектурѣ, что, если бы Ярославль не существовалъ, а здѣсь стояло бы одно Толчково, то оно одно требовало бы визита всякаго мимо проѣзжающаго. Это тоже двѣ церкви. Одна Іоанна Златоуста, другая Іоанна Предтечи. Церковь въ Коровникахъ стоитъ на самомъ берегу Волги. Это два пятиглавыхъ храма въ видѣ ящиковъ, старинной постройки, съ далеко выступающими крыльцами, съ старыми толстыми колоннами, съ фресками по стѣнамъ. Теплый храмъ, съ двумя прислонившимися колоколенками, съ желтоватымъ тѣломъ, на фонѣ котораго рѣзко выдѣляются толстыя колонны, стѣнныя украшенія и пестрыя ребра башенокъ, до того красивъ и оригиналенъ, что приковываетъ взглядъ. Между обѣими церквями высится высокая, отдѣльно стоящая, пестрая осьмигранная башня, она склонилась на сторону и торчитъ покосившимся минаретомъ надъ берегомъ и обѣ церкви съ этой курьезной башней уносятъ васъ изъ современнаго Ярославля въ прошедшіе вѣка, рисуя прихотливое, отжившее зодчество, полное капризныхъ и дикихъ для насъ контуровъ, полное старой русской красоты. Вотъ почему эта удивительная церковь особенно хороша здѣсь на берегу Волги. Онѣ дополняютъ другъ друга, придаютъ несказанную прелесть одна другой, безмолвно переглядываясь и дѣлая Волгу—Волгой. Внутри таже старина, какъ и снаружи. Темныя иконы, золотые вѣнцы, прихотливый иконостасъ. старые свѣтильники, толстыя связи чуть не саженныхъ стѣнъ, все вызываетъ васъ изъ настоящей жизни, унося въ прошедшія времена.

Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ еще своеобразнѣе, еще красивѣе, еще замѣчательнѣе и пред-

ставляетъ такое архитектурное сокровище, какихъ не много не только на Руси, но и въ Европѣ. Выстроенная въ 1680-хъ годахъ, она напоминаетъ церкви: Василія Блаженнаго въ Москвѣ, Петра и Павла въ Казани, Строгановскую въ Нижнемъ. Все это—драгоцѣнности нашего зодчества, какія-то пестрыя православныя пагоды, сказочные храмы по своей оригинальной красотѣ. Предтеченская церковь стрѣляетъ въ небо, какъ готическіе храмы Рейна, но пестра, какъ индійская пагода. Она вся кирпичная съ пристроенными папертями, испещрена муравленными поясами, прихотливыми арабесками, бѣлыми звѣздами и фестонами, точеными изъ кирпича фигурами птицъ и фантастическихъ цвѣтовъ, пятнадцатью золотыми главами, изъ которыхъ самая средняя представляетъ цѣлый рядъ главъ, сидящихъ одна на другой. Двѣ симетричныя башни, каждая съ пятью куполами, высятся около церкви, а рядомъ поднялась великолѣпная, пестрая, многоэтажная колокольня, склонившаяся по капризу архитектора въ сторону церкви. Это наша Пизанская падающая башня, не уступающая своей оригинальной красотой всесвѣтно прославленной итальянской бѣло-мраморной красавицѣ. И насколько башня Пизы была бы неумѣстна здѣсь на Волгѣ, насколько ея мраморная галерея обворожительна на фонѣ темно-синяго итальянскаго неба, настолько хороша и краситъ Волжскіе берега Толчковская падающая колокольня. Какъ кожистый листъ плюща и плети виноградниковъ красятъ развалины по берегамъ Рейна, какъ скалы и разбойничьи замки и готическіе соборы дѣлаютъ Рейнъ сказочнымъ красавцемъ, придавая ему средневѣковой, рыцарскій ореолъ, вызывая на берега его тѣни прошлаго величія, такъ

Волгу дѣлаютъ Волгой ея задумчивые монастыри, ея старинные бѣлые храмы, ея молчаливые погосты, ея румяныя яблони, ея полуразвалившіеся кремли. И падающія башни Волги имѣютъ свой характеръ, свою мѣстную красоту, почему нельзя сравнивать Волжскіе берега съ другими берегами, можетъ быть болѣе красивыми, другихъ, можетъ быть болѣе красивыхъ рѣкъ. Волга тѣмъ хороша, что другой Волги нѣтъ и однообразіе ея береговъ, которое мѣстами вызываетъ скуку, тоже идетъ къ Волгѣ. Эти ракитники и на долгія версты растянувшіеся обрывы имѣютъ свою красоту, придавая типическую физіономію царицѣ Европейскихъ рѣкъ, священной водѣ финновъ и славянъ, національной рѣкѣ всей Россіи.

Внутри церковь Іоанна Предтечи тоже поразительна. Ея старинный иконостасъ, а еще болѣе царскіе врата въ предѣлѣ Св. Гурія и Варсонофія совсѣмъ поразили меня. Художественная рѣзьба царскихъ вратъ, изображающая эпизоды изъ жизни святыхъ, трогательна по наивности и старинѣ. Замѣчателенъ иконостасъ въ шесть ярусовъ съ четырьмя гигантскими руками, выходящими изъ полу и поддерживающими второй ярусъ иконъ, окруженныхъ удивительной рѣзьбой и рисунками. Витыя колонки и арки дополняютъ красоту церкви.

Богомольный Ярославль съ своими 77-ю оригинальными церквями, богатъ священнно-торжественными процессіями и крестными ходами и почти всегда можно бываетъ застать одинъ изъ мѣстныхъ церковныхъ праздниковъ, участіе въ которыхъ принимаетъ почти всегда большинство изъ горожанъ. Красивое зрѣлище представляютъ по вечерамъ многочисленные заводы на Которости, сіяющіе огнями,

съ сотнями своихъ оконъ, которыя массой звѣздочекъ отражаются въ рѣкѣ. Особенно хороша фабрика Корзинкина. Всѣ ея окна горѣли, точно въ зданіи было запрятано солнце и лучи его снопами вылетали изъ оконъ. Совсѣмъ очарованный замокъ. По благоустройству она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Больницы, бани, школы, библіотека и читальня, клубъ для служащихъ, богадѣльня, безупречное устройство прекрасно вентелируемыхъ громадныхъ корпусовъ, все это дѣлаетъ обязательнымъ видѣть этотъ особенный, отдѣльно живущій, бумагопрядильный городокъ Ярославля.

Изъ Ярославля я уѣхалъ вечеромъ, совсѣмъ очарованный его удивительными церквями, твердо рѣшившись вскорѣ снова посѣтить этотъ красивый городъ, въ которомъ туристъ найдетъ гораздо болѣе интереснаго, чѣмъ въ очень многихъ прославленныхъ итальянскихъ городахъ. Ярославль совсѣмъ мало знакомъ, а его падающія башни и поразительные храмы совсѣмъ не пользуются той громкой извѣстностью, какую заслуживаютъ своей странной и прихотливой красотой.

8.

Кострома.

(Панорама. Центральная площадь. Соборъ. Воскресенье на Дебрѣ. Ипатьевскій и Богоявленскій монастыри).

Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе. И никогда намъ, сударь, не выбиться изъ этой коры.

Островскій.

Въ ночной темнотѣ проплыла мимо усадьба Некрасова—это сельцо Грешнево, сверкавшее своими отдѣльными огоньками. Здѣсь на берегахъ величавой Волги провелъ поэтъ лучшіе годы своей жизни, здѣсь гигантская рѣка, полная русскихъ звуковъ и стоновъ, полная вопля и пѣсенъ, вливала въ его юную душу тѣ чудные стихи, которые поетъ теперь вся Россія, здѣсь вдохновляла его „мать кормилица" широкая Волга, сюда приносила она къ нему плачъ и пѣсни изъ далекихъ сторонъ и волны, ударяясь о берега, пѣли ему, зажигая священное пламя великаго поэта. Въ его стихахъ звучитъ и ширь, и слеза, и унылая пѣсня бурлака, и могучее раздолье національной рѣки. Она, эта—Волга, диктовала ему мысли, она вспаивала его своей взмученной водой, какъ мать вспаиваетъ сына, и вложила

въ его сердце состраданіе къ угнетеннымъ и несчастнымъ Волжскимъ берегамъ, и ту любовь, которую всегда поэтъ питалъ къ великолѣпной рѣкѣ. И онъ, какъ богатырь, испивши воды, бросалъ мѣткія стрѣлы своими стихами и народъ понималъ его, любилъ его, пѣлъ и поетъ его стихи, какъ свои родныя пѣсни.

Недалеко отъ села Дѣево-Городище среди кущи черемухъ и березъ, на берегу совсѣмъ высыхающей лѣтомъ рѣченки, находится мѣсто, гдѣ будто бы стоялъ домъ боярина Ѳомы Колычева, знаменитаго впослѣдствіи Филиппа, митрополита Московскаго, окончившаго дни въ Отрочскомъ Тверскомъ монастырѣ подъ ножомъ Малюты Скуратова.

На половинѣ пути между Ярославлемъ и Костромой выплываетъ бѣлая стѣна Бабаевскаго монастыря, опоясавшая громадныя каменныя зданія, соборы и церкви. Это самое интересное мѣсто на всемъ 60-ти верстномъ разстояніи. Преданіе говоритъ, что здѣшняя церковь выстроена изъ бабаекъ, особенныхъ веселъ при сплавѣ лѣса, которыя всегда отдавались и отдаются монастырю сплавщиками, такъ какъ далѣе бабайки становятся ненужными. Волга лижетъ своими мокрыми губами берега, подтачиваетъ крутики и мчится мимо деревень и селъ, которыя выплываютъ изъ сумрака весенней ночи, блеснувъ порой тусклымъ огонькомъ, и снова молчаливо пропадаютъ вмѣстѣ съ пробѣгающей мимо панорамой. Дѣево-Городище съ обгрызенными временемъ развалинами на горѣ, печальное теперь— въ старину удѣлъ ярославскихъ князей Дѣевыхъ и Львовыхъ, таинственно смотритъ на рѣку амбразурами полуразвалившихся оконъ.

Но вотъ и Кострома. Съ этимъ названіемъ у меня связано представленіе страшной глуши, темныхъ

лѣсовъ, холода, жалкаго, далекаго и пустыннаго городишки, лежащаго гдѣ-то тамъ, чуть не на концѣ свѣта. И что же? Предо мной по террасамъ лѣваго берега раскинулся громадный городъ на разстояніи многихъ верстъ, поднялъ свои кокетливыя колокольни надъ многочисленными прекрасными, каменными зданіями и сбѣжалъ къ самой рѣкѣ съ высокаго берега то кривыми спусками, то бульварами, то прямыми улицами. Это Кострома! Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Это та самая Кострома, лежащая на краю свѣта, куда удалялись князья, отъискивая спасенья. Такъ сюда спасался въ 1382 году съ своей семьей Дмитрій Донской отъ Тохтамыша, полагая, что здѣсь въ Костромѣ онъ вдали отъ всякой бѣды, здѣсь жилъ Василій Дмитріевичъ, убѣгая отъ Эдигея, здѣсь въ Ипатьевскомъ монастырѣ пребывалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ полнѣйшей безопасности, несмотря на всѣ усилія поляковъ проникнуть къ нему. И вотъ эта старая Кострома, основанная въ 1213 году княземъ Ростовскимъ Константиномъ, этотъ городъ ссыльныхъ, городъ на Сибирскомъ торговомъ пути, построенный тамъ гдѣ-то далеко на Волгѣ, лежалъ передо мной, сіяя золотыми главами и кокетничая своимъ прелестнымъ положеніемъ и громадностью. Бѣлая, нарядная Кострома развернулась предо мной длинной пестрой панорамой отъ самаго Ипатьевскаго монастыря за рѣкой Костромой до Татарской слободки съ ея дрянными домишками. Цѣлый хаосъ башенъ и колоколенъ по холмамъ и ложбинамъ придаетъ много красоты этому старому Волжскому городу, сохранившему, не смотря на сильные пожары и раззоренія, много цѣнныхъ памятниковъ глубокой старины. Какъ городъ, Кострома не составляетъ исключенія изъ общаго правила провинціальныхъ

городовъ. Скверныя мостовыя, вытрясающія мѣстами душу, тучи пыли или непроходимая грязь, таже жизнь города, живущаго большою рѣкой съ его оживающей лѣтней дѣятельностью и замираніемъ зимой.

Пароходы всѣхъ компаній, пробѣжавъ длинные торговые ряды, высоко расположенные на крутикѣ, миновавъ громадныя зданія мужской семинаріи, стоящія возлѣ самой воды, поворачиваютъ за мысъ, на вершинѣ котораго на высокой бѣлой террасѣ высятся колокольня и зданія собора, и подходятъ къ пристанямъ у нижняго города. Среди длинной панорамы Костромы особенно рельефно поднимаются выступившій въ Волгу на своемъ высокомъ пьедесталѣ красивый соборъ и его высокая снѣжно-бѣлая колокольня, вся убранная колоннами, золотыми вазами, рѣшетками.

Выше пристаней по гребню откоса отъ самаго собора вдоль Волги книзу въ сторону Татарской слободы тянется аллея изъ подстриженныхъ акацій, переползающая насыпи, называемая „Муравьевкой", въ память губернатора Муравьева, устроившаго эту прогулку. Изъ-за зелени акацій высовываются красивая розовая церковь Іоанна Богослова и изящная церковь Бориса и Глѣба, лежащая возлѣ самаго губернаторскаго дома. Еще далѣе изъ-за Муравьевки глядитъ на Волгу прекрасное зданіе мужской гимназіи и церковь Всѣхъ Святыхъ, а снизу церковь Вознесенья подняла свои купола такъ, что они горятъ золотомъ на фонѣ Муравьевки, словно фантастическіе цвѣты. Виды на Кострому отовсюду съ Волги и всѣ виды на Волгу отовсюду изъ Костромы прелестны и только одна мукомольная мельница, громадная и некрасивая, словно болячка, сидитъ на берегу Волги у пристаней, закрывая видъ и къ

губернаторскому дому и отъ гуляющихъ по Муравьевкѣ къ пристанямъ. Вопреки просьбамъ всѣхъ Костромичей, губернаторъ Андреевскій, преслѣдуя болѣе интересы своихъ кармановъ, чѣмъ интересы города, вошелъ въ соглашеніе съ Аристовымъ и допустилъ выстроить это уродливое зданіе, которое портитъ всю прекрасную панораму города.

Центръ Костромы,—это памятникъ Ивану Сусанину и царю Михаилу Ѳеодоровичу, стоящій на громадной площади, отъ которой улицы расходятся лучами во всѣ стороны города и вокругъ которой собраны всѣ общественныя зданія Костромы. Тутъ и Окружный Судъ съ казеннымъ портикомъ бѣлыхъ колоннъ, и плохонькое зданіе городской думы, совсѣмъ не идущее къ такому городу, какъ Кострома, и часть съ высокой каланчей, и гауптвахта, и мучные ряды, и гостинный дворъ, и лучшія гостинницы, и небольшой общественный садъ, спрятавшійся за думу и закрывшій своей зеленью небольшой ресторанъ, около котораго трижды въ недѣлю играетъ музыка и гдѣ собираются по вечерамъ Костромичи. Этотъ памятникъ Сусанину, составляющій центръ Костромы, высится въ видѣ гранитной колонны на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ съ бронзовымъ бюстомъ царя Михаила Ѳеодоровича на вершинѣ. У подножія колонны колѣнопреклоненный молящійся Сусанинъ также изъ бронзы, а на гранитномъ пьедесталѣ красивый барельефъ изображаетъ мученическую смерть Сусанина, такъ геніально обезсмерченную оперой Глинки. Тутъ же на колоннѣ два герба: Россіи и Костромской губерніи и надпись: „Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему, благодарное потомство", и годы: „1613 и 1851". Это настоящій памятникъ

„Жизнь за царя“ и когда глядишь на бронзовую фигуру Сусанина, горячо молящагося у подножія колонны, въ ушахъ звучатъ геніальныя мелодіи Глинки и, какъ живые, возстаютъ лица былой трагедіи: этотъ великій патріотъ Иванъ Сусанинъ, который спасъ царя отъ злаго умысла литовцевъ, намѣревавшихся погубить Михаила Ѳеодоровича Романова, жившаго съ своей матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ, и который изъ простаго крестьянина села Домнино, превратился въ героя, эти литовцы, стремившіеся въ Костромскую глушь, чтобы убить боярина Романова, эти мужественные нижегородцы, возставшіе на защиту терзаемой родины. Вокругъ памятника рѣшетка, украшенная топориками. Во время уличныхъ демонстрацій шумѣвшая толпа сбила топорики и отломала поднятую руку Сусанина. Теперь все исправлено, но курьезно звучатъ эти слова: „демонстрація въ Костромѣ“ и печально, что онѣ выражаются такъ грубо и такимъ вандализмомъ.

Здѣсь же вблизи памятника на площади находятся двѣ маленькія старыя церкви, одна возлѣ другой, съ бѣлой низенькой колоколенкой посерединѣ и съ старыми иконами внутри. Это теплый и холодный храмы церкви Воскресенья на Площадкѣ, словно игрушки разставленныя своими миніатюрными зданіями возлѣ думы. Отъ этихъ зданьицъ начинается лучшая улица Костромы—Кинишемская или Руссина, съ многочисленными каменными домами и лучшими магазинами города... Кромѣ Воскресенья на Площадкѣ на большой площади стоитъ часовенка въ память Александра II-го. Пустынно и уныло на громадной площади. На одной изъ убѣгающихъ улицъ выдѣляется театръ съ прекраснымъ расположеніемъ зрительныхъ мѣстъ, что составляетъ его

большую достопримѣчательность, и зданіе дворянскаго собранія съ красивой концертной залой.

Я направился къ Успенскому собору, такъ красиво расположенному надъ рѣкой и хранящему чтимую икону Ѳеодоровской Божіей Матери. Легенда говоритъ, что братъ Александра Невскаго Василій Квашня нашелъ эту икону въ окрестностяхъ Костромы, сѣвернѣе города, на деревѣ, что и изображено на образѣ надъ входными воротами во дворѣ. Сами ворота необыкновенно оригинальны, украшены высокими каменными пирамидами, вазами и гигантскими металлическими фигурами ангеловъ на рѣшеткахъ. Бѣлыя массивныя зданія новаго или зимняго собора и колокольня высовываются изъ зелени сада и кромѣ наружной красоты и драгоцѣнной иконы Ѳеодоровской Божіей Матери, риза которой оцѣнивается въ 25 тысячъ рублей, ничего интереснаго не имѣютъ, за то рядомъ стоящій старый Успенскій лѣтній соборъ съ его толстыми луковками на пестрыхъ шейкахъ, съ его фресками по наружнымъ стѣнамъ, съ блистающимъ золотомъ великолѣпнымъ иконостасомъ, съ старинными лампадами, иконами и фресковой живописью по стѣнамъ, пилонамъ и длинной галлереѣ, обходящей вокругъ храма внутри, представляетъ безконечный интересъ. Въ галереѣ поразительны и по старинѣ и по наивности многія фрески, особенно изображающія сотвореніе міра, адъ съ его смертными грѣхами и страшными казнями за нихъ, невѣдомые Апокалипсическіе звѣри и др. Курьезъ этой церкви заключается въ томъ, что ея алтарь обращенъ не на востокъ, а на сѣверо-западъ по направленію того мѣста, гдѣ была найдена Ѳеодоровская икона. На наружной стѣнѣ, выходящей на

Волгу въ сторону Ярославля, вдѣланъ громадный образъ—копія Ѳеодоровской иконы. Божія Матерь, въ блестящей серебряной ризѣ, сіяетъ сквозь ночную тьму, освѣщенная сіяющимъ предъ ней фонаремъ, и служитъ маякомъ для плавающихъ по Волгѣ. Въ стѣнѣ, которая окружаетъ соборъ и архіерейскіе дома, есть крошечная дверца, выходящая на маленькую террасу, похожую на ласточкино гнѣздо и висящую высоко и надъ обрывомъ, и надъ рѣкой, и надъ спускомъ отъ торговыхъ рядовъ къ Волгѣ. Видъ отсюда восхитителенъ. Волга во всемъ своемъ величіи съ заливчиками и съ зелеными берегами, съ бабочками парусныхъ лодокъ виднѣется далеко въ сторону Ярославля. По той сторонѣ бѣлѣютъ церкви селъ Богоявленскаго, Городища съ вокзаломъ желѣзной дороги на Ярославль, Спасскаго и Никольскаго, утонувшихъ въ зелени рощъ. Черезъ далеко разлившуюся рѣку пыхтя и шипя ползетъ пароходикъ Бычкова, волоча паромъ и совершая безпрерывно путешествія отъ одного берега къ другому. Крутой берегъ Волги съ торговыми рядами и съ такъ называемой Молочной горой, съ массой древнихъ церквей, миніатюрныхъ и оригинальныхъ, съ бѣлыми колоколенками, развертывается почти до самаго Ипатьевскаго монастыря, который нѣсколько закрытъ церковью Козьмы и Дамьяна „на Гноющѣ“, какъ ее называютъ. По другую сторону, внѣ стѣны окружающей соборы, съ холмовъ къ Волгѣ сбѣгаетъ маленькій березовый бульваръ, добѣгающій до небольшой бесѣдки у самой воды. Видъ изъ этой бесѣдки также прекрасенъ, какъ съ террасы по ту сторону соборовъ. Вся Муравьевка какъ на ладони и весь городъ, растянувшійся по берегу до самой Татарской сло-

бодки, передъ глазами. Тутъ въ хаосѣ зданій, садовъ, скученныхъ домиковъ и рощъ торчитъ колокольня Вознесенской церкви съ крышей изъ красныхъ паркетиковъ, а далеко въ концѣ города высятся колокольни Стефана Сурожскаго и „на Дебрѣ“, какъ въ Костромѣ называютъ глухое мѣсто съ лѣсами крапивы и чистотѣла. Почти въ предмѣстьи города высится поразительно прекрасная пестрая церковь Воскресенья съ высокой колокольней.

Эта церковь Воскресенья на Дебрѣ представляетъ удивительный образчикъ стариннаго зодчества, пестраго и прихотливаго. Между деревянными заборами, кучами мусора и плохими домиками совсѣмъ въ концѣ города, въ самой его глухой части, стоитъ этотъ оригинальный памятникъ. Кажется нигдѣ не сохранились старинныя фрески такъ хорошо, кромѣ Кіевскаго собора Св. Софіи, какъ здѣсь, въ этой церкви, построенной на мѣстѣ деревянной времени Василія Квашни. Воскресенье на Дебрѣ по своей окраскѣ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ пестрыхъ церквей Россіи. Наружныя стѣны покрыты пестрыми гранями, купола въ ихъ черепитчатой одеждѣ посажены на высокія башенки съ изображеніями святыхъ, ворота при входѣ въ галерею, ведущую съ улицы къ церкви, представляютъ что-то сказочное. Это перевитые пестрые пояса, это плетеніе разноцвѣтныхъ лентъ, которыя окаменѣли, это поразительная каменная мозаика, отъ которой трудно оторвать глаза, такъ она хороша. Въ двухъ аркахъ, покоящихся на неимовѣрно толстыхъ фигурчатыхъ колоннахъ тяжелые желѣзные ворота. Заспанный, еле поднятый на ноги сторожъ, долго вертѣлъ ключами въ ржавыхъ замкахъ. Ворота жалобно заскрипѣли и про-

пустили насъ въ галерею, совсѣмъ скрытую въ густой зелени садика. Эта галерея и паперть, а въ особенности стѣны церкви сплошь покрыты такими рисунками, что можно долгіе часы разглядывать фрески и не наглядѣться. Тутъ и ангелы, встрѣчающіе васъ у дверей, и драконы, извергающіе пламя, и праведники съ пальмовыми вѣтками, и краснокрылые херувимы, и курьезныя сцены изъ Апокалипсиса, и гигантскіе змѣи, завернувшіе петлями и кольцами свои безконечные хвосты и придавливающіе грѣшниковъ съ такими искаженными лицами, что нельзя удержаться отъ улыбки. Тутъ и громадный зеленый лупоглазый драгонъ, съѣдающій Еноха и Илью, покорно прыгающихъ ему въ пасть, вѣроятно сознавая, что сія судьба имъ давно была уготована и что они сдѣлаютъ самое лучшее, если, не говоря ни слова, покорятся ей. Тутъ и такое красное отъ огня паденіе Вавилона, что съ перваго взгляда я принялъ его за адъ, тѣмъ болѣе, что горожане очень напоминаютъ жителей преисподни. Но особенно поразительны фрески въ церкви. Это такое милое дѣтское толкованіе священнаго Писанія, что приковываетъ и умиляетъ васъ. Вотъ семь дней творенія, всѣ наивные и курьезные, но 7-й день самый милый. Господь Богъ изображенъ почивающимъ отъ трудовъ Своихъ на современной кровати. Великолѣпны Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Они три сидятъ рядышкомъ, одѣтые въ темные рясы, и у каждаго изъ-за пазухи торчатъ кучки людей, на основаніи словъ, что праведники почіютъ на лонѣ Авраама, Исаака и Іакова. И такихъ рисунковъ масса.

При входѣ въ церковь выдѣляются бѣлые англійскіе гербы: лебедь и носорогъ, сдѣланные изъ бѣлаго камня. Они помѣщены здѣсь въ память того,

что церковь частью построена на англійскія деньги. Легенда говоритъ, что московскій купецъ Исаковъ, торговецъ красками, чуть не погибъ, возвращаясь изъ Англіи, и во время бури далъ обѣтъ послать красокъ въ Кострому на церковь, если спасется. Между присланными красками оказался боченокъ съ англійскими червонцами, на которые и выстроили эту церковь, такъ пестро раскрашенную красками Исакова. Три двери на паперти поражаютъ своей красотой. Каждая изъ нихъ—это длинный рядъ пестрыхъ сводовъ, вставленныхъ одинъ въ другой. Двѣ древнія чудотворныя иконы стараго письма на камнѣ почернѣли и потускнѣли. Поразительны два сказочно прекрасныхъ иконостаса, оба въ боковыхъ придѣлахъ. Одинъ низенькій, весь пестрый, словно сложенный изъ пестрыхъ мелкихъ кусочковъ, удивительно прихотливой рѣзбы, оставшійся отъ прежде здѣсь бывшей деревянной церкви. Другой—совершенная пара великолѣпному иконостасу Ярославской церкви въ Толчковѣ. Тѣ же четыре гигантскія руки, высунувшіяся изъ полу и поддерживающія своими мертвыми пальцами остальные ярусы необыкновеннаго иконостаса. Здѣсь, въ этой церкви, въ каждомъ углу ея вѣетъ ото всего древностью и вы чувствуете, какъ съ той минуты, какъ вы переступите порогъ, вы погружаетесь въ фресочное море, какъ васъ затягиваетъ эта пестрая старина, какъ вы уходите въ область сказаній и легендъ, ко временамъ чуть ли не царей Салтановъ, золотыхъ пѣтушковъ, прежней Руси, о которой мы только имѣемъ представленіе по разсказамъ.

Другой такой же удивительный, пестрый и историческій, еще болѣе интересный старикъ — это Ипатьевскій монастырь, лежащій по ту сторону го-

рода, за рѣкой Костромой, эта колыбель дома Романовыхъ, эта знаменитая старая обитель, гдѣ изъ каждаго угла глядитъ своими потускнѣвшими глазами историческій призракъ. Ипатьевскій монастырь, окруженный бѣлыми зубчатыми стѣнами, стоитъ на стрѣлкѣ при сліяніи Костромы съ Волгой и поднимаетъ свои золотые купола изъ-за кудрявой зелени березъ, изъ-за темныхъ шубъ сибирскихъ кедровъ. Добравшись до берега сильно разлившейся Костромы, затопившей берега, превратившей монастырь въ островъ, мы, я съ моими спутниками Костромичами, усѣлись въ лодку и поплыли по волнамъ къ круглымъ сторожевымъ башнямъ по угламъ стѣнъ, къ большому двухъэтажному зданію келій съ воротами въ серединѣ и съ куполомъ надъ крышей. Въ эти ворота, по преданію, стучался Ваня, пріемный сынъ Ивана Сусанина, будя спящую обитель и предупреждая о грозящей бѣдѣ.

Вотъ я и въ монастырѣ, среди златоверхихъ храмовъ, пестро расписанныхъ фресками, съ могилами Годуновыхъ въ подвалѣ одного изъ нихъ, возлѣ удивительной четырехъугольной пестрой колокольни, стѣны которой представляютъ цѣлую картинную галерею и производятъ стройное впечатлѣніе этой чрезмѣрной пестротой. Среди келій, ризницы, богатыхъ храмовъ, на зеленой лужайкѣ, покрывшейся яркожелтыми звѣздочками одуванчиковъ, окруженный рѣшетками возвышается каменный столбъ, осѣненный крестомъ. На этомъ столбѣ высѣчены года всѣхъ выдающихся событій монастыря. Стѣны его не были обагрены кровью и запятнаны убійствомъ. Этотъ дворъ не былъ ареной раздирающихъ трагедій. Монастырь прославился великимъ событіемъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, скрыв-

шагося съ своею матерью инокиней Мароой здѣсь въ то время, когда поляки шли въ Кострому съ цѣлью убить только что избраннаго на Москвѣ новаго царя. Послѣ ужаснаго времени междуцарствія, послѣ сокрушительныхъ смутъ, воинъ, убійствъ, новый лучъ солнца долженъ былъ блеснуть изъ этого тихаго монастыря и внести миръ и спокойствіе въ конецъ разбитое и истомленное бѣдствіями государство. И вотъ 13 марта 1613 года посольство земскаго совѣта прибыло изъ Москвы и остановилось въ пригородномъ селѣ Новоселкахъ, куда устремилась вся Кострома, чтобы поклониться прибывшимъ Московскимъ иконамъ. 14-го марта въ чудный солнечный день направилось все Костромское духовенство съ своею чудотворной Ѳеодоровской иконой, въ сопровожденіи тысячъ и тысячъ людей, одѣтыхъ по праздничному, изъ собора въ Ипатьевскій монастырь, куда ползла такая же пестрая толпа москвичей съ Владимірской чудотворной иконой. Священное пѣніе огласило берега Костромы и эти старыя зубчатыя стѣны обители, поставленныя татарскимъ мурзою Четомъ, видѣвшимъ на этомъ мѣстѣ Божію Матерь и принявшимъ христіанство въ 1330 году. Весь соборъ, весь монастырь переполнился народомъ, встрѣченнымъ Михаиломъ и Мароою, которыхъ повели въ соборъ. И Михаилъ и Мароа горько плакали, страшась царства, которое имъ предлагали. Мароа видѣла много горя, видѣла растерзанную Москву, ужасы безначалія, кончины многихъ царей и не хотѣла, чтобъ Михаилъ принялъ этотъ вѣнецъ, который неминуемо толкалъ его въ сѣти бояръ, въ раздоръ, въ кипящую измѣну и крамолы, въ безконечныя безурядицы. Послѣ молебна, архіепископъ Ѳеодоритъ склонился передъ Михаиломъ.

— Московскаго государства митрополитъ Кириллъ, Ростовскій и Ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь священный соборъ благословляютъ тебя великаго Государя Царя и великаго Князя Михаила Θеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ, проговорилъ онъ и началъ громогласно читать посланіе земскаго совѣта. Онъ говорилъ о пресѣченіи царскаго корня на московскомъ престолѣ, о насиліи поляковъ, желавшихъ попрать православную вѣру, о бѣдствіяхъ Руси, что наконецъ Москва опять очищена, церкви стоятъ въ прежней красотѣ, но нѣтъ Государя на Руси и все посольство стало молить Михаила принять царство. И Марθа и Михаилъ твердо отрекались, не желая этой чести. Напрасно молилъ Θеодоритъ, напрасно говорилъ бояринъ Шереметьевъ, и мать и сынъ были непреклонны. Тогда Θеодоритъ взялъ икону Владимірской Богоматери, а келарь Авраамій образъ Московскихъ Чудотворцевъ и поднесли иконы къ Михаилу.

— Если вѣришь имъ, воскликнулъ Θеодоритъ, не нашей, а ихъ волей ты избранъ, они дадутъ тебѣ силы царствовать. Преклонись предъ ними и повинуйся. Михаилъ, рыдая, бросился къ матери, а духовенство съ сіяющими образами, войска въ ихъ парадномъ облаченіи, послы, народъ, всѣ упали на каменныя плиты собора и простерли руки съ горькой мольбой. И всѣ двери храма раскрылись настежь и за ними Михаилъ увидалъ тысячи воиновъ и толпы народа, упавшихъ на землю и молившихъ о пощадѣ. Стоны, рыданія, мольбы потрясли каменные своды и зубчатыя монастырскія стѣны, а Михаилъ и Марθа оставались непреклонными. Тогда поднялся Θеодоритъ и голосъ его зазвучалъ грозой и негодованіемъ.

— Вы не внемлите нашимъ мольбамъ, воскликнулъ онъ. Довольно, будь по вашему. Идемъ назадъ въ Москву и скажемъ, что вы отвергли наши мольбы. Бѣдствуй, несчастная Русь. Возстань прежнее безначаліе, плачь народъ, глядя, какъ позорятся твои храмы. Но помни, царь Михаилъ, бѣдствія отчизны падутъ отнынѣ на тебя и ты, инокиня, отвѣтишь Богу за кровь и пролитыя слезы. Да настанетъ вновь междуусобіе, да расточится царство Московское, да услышатъ о безгосударствѣ враги наши, да прійдутъ и расхитятъ насъ.

Пораженная Марѳа упала передъ образами и дала свое согласіе. И тутъ же въ этомъ соборѣ Ипатьевскаго монастыря Ѳеодоритъ благословилъ Михаила на царство, возложилъ на него наперстный крестъ и вручилъ ему царскій посохъ. И радостные, восторженные крики огласили Волжскіе берега, понеслось благодарственное пѣніе, полились радостныя умилительныя слезы, загудѣли всѣ монастырскіе колокола, а имъ зазвенѣли восторженно въ отвѣтъ всѣ колокола далекой Костромы, привѣтствуя новаго царя, кроткаго Михаила и синяя Волга заплескала своими волнами о каменныя ограды, о зубчатыя стѣны Ипатьевской обители и понесла радостную вѣсть по всей русской землѣ до самаго Хвалынскаго моря. Три дня звенѣли колокола, три дня пѣли молебны и служили благодарственныя литургіи, три дня ликовала Кострома, принимая юнаго царя, три дня восторженно несла Волга свои струи къ монастырскимъ берегамъ, звеня и рокоча ими о прибрежные камни. 19 марта двинулся торжественный царскій поѣздъ изъ Ипатьевскаго монастыря на Ярославль, Ростовъ, Троицкую Лавру и Москву. Опустѣла обитель, но эти три дня воз-

вели ее на степень крупнаго историческаго памятника и, блуждая по ея пустынному двору, по ея храмамъ и тихимъ стѣнамъ, ежесекундно вспоминается это грандіозное событіе прошлаго времени, окружившее ореоломъ Ипатьевскій монастырь.

Вотъ онъ, этотъ пестрый старый соборъ съ бѣлымъ колончатымъ крыльцомъ, съ потускнѣвшими образами, подаренными монастырю Годуновыми, съ старыми паникадилами, съ превосходнымъ мозаичнымъ образомъ Святителя Николая и иконой Божіей Матери, явившейся Чету, тотъ самый соборъ Св. Троицы, въ которомъ упрашивали Михаила принять царство. Въ ризницѣ собора масса рѣдкостей. Тутъ и митры, блестящія жемчугами и самоцвѣтными камнями, панагіи, архіерейскія одежды, два распятія, принадлежавшія Дмитрію Годунову, старинныя евангелія, рѣдкостные псалтыри, тутъ громоздкій старый фонарь, икона и крестъ, съ которыми встрѣтила Москва молодаго царя, тутъ и икона, которой благословила инокиня Мароа сына на царство. Остальные церкви и могилы Годуновыхъ, потомковъ мурзы Чета, не такъ интересны, какъ зеленый весь грановитый, реставрированный въ 60-хъ годахъ архитекторомъ Рихтеромъ, дворецъ Михаила Өеодоровича, въ которомъ онъ жилъ до избранія на царство, и который теперь мало даетъ понятія, особенно по изящному наружному виду, о томъ скромномъ домикѣ, который здѣсь стоялъ въ началѣ XVII вѣка. Крошечныя комнаты съ сводчатыми потолками, съ небольшими окошечками и съ громадными пестрыми изразцовыми печками—очень любопытны. Двѣ большія печки сплошь покрыты рисунками, съ надписями подъ каждымъ изъ нихъ, напоминающими загадки. Такъ возлѣ рисунка, изо-

бражающаго дерево съ висящей на немъ змѣей, написано: „съ тобою засыхаю“, возлѣ ласточки — надпись: „весну вѣщаетъ“, подъ пузатой бочкой— „былъ бы ромъ, а то что толку въ немъ“, подъ черепахой—„по-малу по малу“ и т. п.

Бѣлыя стѣны монастыря, укутанныя кудрями березъ и черной хвоей кедра монастырскаго сада, ползутъ по берегамъ Волги и Костромы и открываютъ прелестные виды во всѣ стороны. Одинъ изъ монаховъ, сопутствовавшій намъ по всѣмъ закоулкамъ монастыря, повелъ насъ по его зубчатымъ широкимъ стѣнамъ. Лучшій видъ открывается съ зеленой башни, изъ которой видны села Святое и Богословское и небольшая часовенка въ память Ивана Сусанина, а Волга, широкая, прекрасная Волга разлилась во всѣ стороны, затопивъ прибрежныя деревеньки и рощи. На монастырскомъ дворѣ внизу у стѣнъ стояли на длинныхъ столахъ громадные ящики съ воскомъ, отъ темно-желтаго до снѣжнобѣлаго, и запахъ нѣжный и пріятный воска, свѣжесть воды, смолистый ароматъ молодой зелени, эти бойницы, церковки по берегамъ Волги, золотыя главы Ипатьевскихъ храмовъ, эти стѣны у могучей рѣки, все вмѣстѣ навѣвало задумчивость, а обаяніе прошедшаго совсѣмъ уносило съ земли. Я былъ готовъ часы просидѣть здѣсь въ этомъ тихомъ уголкѣ. Черемуха перебросила вѣтви, полныя цвѣтовъ, и ничего не хотѣла знать о монастырской старинѣ, объ облупившихся фрескахъ на колокольнѣ, о старыхъ и мрачныхъ могилахъ Годуновыхъ, она дышала полной грудью и лила свой ароматъ надъ молчаливыми стѣнами.

Но сидѣть долго не пришлось: надо было еще осмотрѣть одну изъ достопримѣчательностей Ко-

стромы, его Богоявленскій монастырь, лежащій въ центрѣ города и сіяющій своими пестрыми главами и серебряной броней церквей, заключенныхъ въ высокую каменную ограду. Это новый Богоявленскій монастырь, старый сгорѣлъ до тла въ послѣднемъ страшномъ пожарѣ 1887 года съ большою частью города. Пламя лизало уже соборный храмъ и его башню, гдѣ, задыхаясь отъ дыма и жара, отчаянно звонила монахиня. Весь монастырь пылалъ, зданія съ трескомъ валились въ груды черныхъ дымящихся развалинъ, гибли часовни, келіи церкви и только соборъ и его башня уцѣлѣли отъ этого моря огня. Созданный изъ ряду вонъ выходящей по способностямъ и энергіи игуменьей Маріей, бывшей въ міру Орловой Давыдовой, недавно умершей и покоящейся подъ чернымъ саркофагомъ въ усыпальницѣ, монастырь блещетъ своимъ благолѣпіемъ и красотой. Соборъ замѣчательно роскошенъ, но его особенную красоту составляетъ крестъ изъ разноцвѣтныхъ горящихъ лампадъ, помѣщенный высоко надъ царскими вратами въ темной нишѣ, откуда онъ таинственно сіяетъ своими разноцвѣтными огоньками. Въ этомъ храмѣ вмѣсто свѣчекъ зажигаются лампадки и, смотря по цѣнѣ, какъ при покупкѣ свѣчей, зажигаютъ большую или меньшую цвѣтную лампадку и весь соборъ сіяетъ этими цвѣтистыми пламечками, парящими, словно пестрые свѣтляки, предъ образами и мигающими и трепетно дрожащими, какъ звѣздочки. Меня водили и по келіямъ, и на необыкновенно пеструю колокольню у входа, и въ трапезу, и по комнатамъ, гдѣ жила игуменья Марія, и въ усыпальницу, гдѣ спитъ эта выдающаяся личность съ желѣзнымъ характеромъ и изумительной силой воли, подлѣ князей Салты-

ковыхъ и нетлѣнныхъ мощей, найденныхъ во время пожара 47-го года... Возлѣ самаго монастыря стоитъ красивая и очень старая Троицкая церковь, расписанная въ желтый и голубой цвѣтъ такъ прихотливо, такъ странно, съ такой красивой колокольней, что притягиваетъ ваше вниманіе, хотя оно и утомлено. Въ Костромѣ такъ много церквей съ интересными фресками и колокольнями, что устаешь глядѣть на нихъ и что всѣ эти луковки то зеленыя, то бѣлыя, то желтыя, то пестрыя, то металлическія, уже не привлекаютъ вашего вниманія... Здѣсь въ Костромской гимназіи учились братья Потѣхины и А. О. Писемскій, родившійся въ захолустной Чухломѣ, въ которой онъ почерпнулъ матерьялъ для своей Горькой Судьбины. Здѣсь родился поэтъ Плещеевъ и жилъ авторъ извѣстной книги „Годъ на сѣверѣ“ Максимовъ, уроженецъ этой же губерніи. Здѣсь въ Костромѣ на паперти одной изъ такихъ пестрыхъ церквей Катерина Кабанова, эта излюбленная всѣми русскими трагическими актрисами роль въ драмѣ Островскаго, этотъ своего рода Гамлетъ для трагической актрисы, увидала страшную фреску „послѣдняго суда“ и, испугавшись грозы, повинилась всенародно въ своемъ грѣхѣ. Здѣсь въ Костромѣ жила Кабаниха и благоденствовалъ Дикой, да пожалуй, они живутъ и благоденствуютъ и по сіе время, а гдѣ-нибудь на Муравьевкѣ на скамеечкѣ сидитъ Кулигинъ и любуется цѣлыми днями на Волгу, восклицая: „Восторгъ! Приглядѣлись вы, либо не понимаете, какая красота въ природѣ разлита“. И онъ понимаетъ и чувствуетъ ее, какъ понималъ грозу и наслаждается ею безконечно.

9.

До Нижняго.

(Виды. Кинешма. Юрьевецъ. Воскресный вечеръ. Разсвѣтъ на Волгѣ).

Есть много звуковъ въ сердца
глубинѣ, неясныхъ думъ, непѣ-
тыхъ пѣсенъ много...

А. Толстой.

Лучъ ясный играетъ на свѣтлыхъ
водахъ,
Но тьма подъ сіяньемъ въ холод-
ныхъ волнахъ.

Муръ.

Рано утромъ въ пятомъ часу утра, едва розовыя зори успѣли озолотить облака, я уже сидѣлъ на палубѣ парохода. Бѣлокаменная Кострома словно вынырнула изъ Волги, отряхнулась и живописно разсѣлась, по общему правилу игры Волжскихъ городовъ, какъ дама, на своемъ лѣвомъ берегу. Почти всѣ мужчины—города лежатъ на правомъ. Такъ прелестный старичекъ Ярославль, ветхій и курьезный Угличъ, молодой краснощекій купчикъ Рыбинскъ, маленькій веселый Плессъ, стройный Юрьевецъ, безшабашный богатый Нижній, стерляжій царь Василь-Сурскъ, старый баринъ помѣщикъ знатнаго рода—Симбирскъ, ревностный раскольникъ

Хвалынскъ, молодой среброголовый Вольскъ, самъ Волжскій король—Саратовъ, арбузный Камышинъ, песчаный и пыльный Царицынъ, всѣ они на правомъ берегу. Дамы разсѣлись на лѣвомъ, какъ и старая, гордая и сановитая барыня Кострома, такъ и узорчатая съ татарской кровью въ жилахъ Казань, и молодая формирующаяся, какъ нѣмцы называютъ Backfisch, жаркая Самара, и сама рыбная торговка, загорѣлая отъ зноя, Астрахань, всѣ лежатъ на лѣвомъ берегу. Ни одинъ мужчина не рѣшился нарушить правъ дамы, и только Ржевъ улегся на обоихъ берегахъ, за то дамы, вѣрныя себѣ, подтвердили поговорку, что нѣтъ правила безъ исключенія и что для дамъ законъ не писанъ. Три изъ нихъ не усидѣли на своемъ берегу и предпочли общество мужчинъ: это скучная Тверь, живописная Кинешма и торговая Сызрань.

Прогулка по Волгѣ весной, когда съ луговъ несется ароматъ полей, восхитительна. Лѣтомъ все перемѣнитъ свою физіономію. Пропадетъ зеленый бархатъ луговъ, спадутъ воды, выступятъ отмели, стѣны монастырей убѣгутъ далеко отъ береговъ рѣки, исчезнетъ чудный ароматъ. Чудное устройство пароходовъ, полныхъ удобствъ, подчеркиваетъ удовольствіе поѣздки, и это довольство и прекрасное расположеніе украшаютъ еще болѣе красивое, смягчаютъ слишкомъ рѣзкое, оживляютъ слишкомъ блѣдное.

За Костромой проплыла татарская слобода — городское предмѣстье, славящееся своими великолѣпными кружевами. Замелькали села, деревни, усадьбы. Васильевское село прошумѣло своими темными рощами, лежа надъ отвѣсными высокими яркожелтыми обрывами. Рощи зелеными шапками высовывались изъ за горъ и холмовъ, порою одѣвая ихъ зе-

ными ризами, бархаты травъ улеглись на красноватыхъ глинахъ, линіи береговъ капризно ломались, подымаясь и опускаясь, выступая мысами, образуя заливчики, высовывая деревни и села. Темныя ели красиво оттѣняли бѣлыя церковки, а пароходъ, скрипя всѣмъ корпусомъ, летѣлъ по рѣкѣ, слѣдуя всѣмъ ея капризнымъ извивамъ, забѣгая къ пристанямъ. Берега стали совсѣмъ красные и такъ понятно это названіе красиваго села „Красное" съ тремя церквями, торчащими среди хаоса сѣренькихъ домиковъ. Берега все дѣлались выше и начинали все болѣе и болѣе сдавливать Волгу и вотъ въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ, гдѣ она пробѣгаетъ между высокими обоими берегами, разлегся хорошенькій городокъ Плессъ, выстроенный еще Василіемъ Дмитріевичемъ (1410 году) для отраженія набѣговъ татаръ. Городокъ весело глядѣлъ своими бѣленькими домиками и церквями. Возлѣ собора торчало нѣсколько обломковъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежней крѣпости, съ каждымъ годомъ падающихъ кусками. Выбѣжавъ изъ живописной тѣснины, Волга разливается цѣлымъ озеромъ, вьется вокругъ лѣсовъ, обѣгаетъ острова, отражаетъ фабрики, села и деревни.

Вотъ и Кинешма, залѣзшая на вершину высокой горы, оборвавшейся крутымъ обрывомъ въ рѣку, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Волга сдѣлала поворотъ. Съ палубы парохода Кинешма прелестна. Изъ-за зеленаго гребня бульвара высится бѣлая колокольня Троицкаго собора и крыши домиковъ. Бѣлыя строенія въ безпорядкѣ спускаются по холмамъ къ рѣченкѣ Кинешмѣ, а дорога къ пароходной пристани красиво прорѣзываетъ высокіе обрывы къ Волгѣ. Но стоитъ хоть недолго побродить по городскимъ улицамъ съ покосившимися заборами,

маленькими домиками, среди облаковъ удушающей пыли и грязи, погрязнуть ногами въ невылазные пески, поглядѣть на нѣсколько очень скучныхъ и старыхъ по виду церквей, стоящихъ съ 15-го вѣка, чтобы васъ охватила тоска и какое-то томительное сознаніе оторванности отъ міра, хотя Кинешма и соединена желѣзной дорогою съ Москвой. Городокъ мнѣ показался такимъ скучнымъ, такимъ неустроеннымъ и заброшеннымъ, что я съ удовольствіемъ поглядѣлъ на его исчезающую въ синеватомъ полуденномъ туманѣ высокую четырехъэтажную колокольню. Одно только прелестно въ Кинешмѣ,— это удивительный видъ на Волгу съ бульвара, кстати очень грязнаго и скверно содержимаго, вполнѣ по провинціальному. Скамейки изрѣзаны, кусты поломаны, деревья болтаютъ своими засохшими оборванными вѣтвями. Волга съ ея заворотами, съ выступающими въ воду горами, съ мелькающими вдали селами—поразительна. Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ видовъ, какихъ немного и на Волгѣ. Широкій, далекій, полный свѣтовыхъ эфектовъ, полный поэзіи, которая навѣваетъ раздумье и уноситъ мысли въ золотистую невѣдомую даль. Этотъ видъ съ Кишемскаго бульвара приковываетъ васъ къ мѣсту. Глядишь, самъ не знаешь, куда, туда—въ мерцающую даль. Есть въ Кинешмѣ маленькая часовенка, мало интересная и заслуживающая вниманіе только, какъ памятникъ, воздвигнутый въ воспоминаніе убитыхъ здѣсь во время смутнаго времени горожанъ пришедшими въ Кинешму поляками.

Всѣ пароходы останавливаются у Кинешмы на нѣсколько часовъ и даютъ возможность подняться къ собору на бульваръ и насладиться выдающимся видомъ на рѣку.

Снова замелькали церкви, села, обрывы, деревни, снова заискрилась Волга, на поверхности которой пароходъ оставлялъ длинный слѣдъ. Вотъ проплыло большое Никольское село съ массивнымъ зданіемъ полотняной фабрики, еще далѣе на горахъ показалось бѣдное село Рѣшмы съ покосившимися заборами, съ сѣрыми хатками и тремя церквями, изъ которыхъ одна, очень старинная, во имя Св. Троицы, вся разрисованная фресками, словно надѣвшая когда-то роскошное, но теперь полинявшее и ветхое платье, глядитъ съ высокаго холма на пробѣгающій пароходъ. На сосѣдней горкѣ возлѣ бѣднаго села Рѣшмъ стоитъ монастырь. Бѣдный, неприглядный, забытый, печально глядящій на окружающую его улыбающуюся весну, Макарьевскій монастырь прислонился своими старыми печальными стѣнами къ нѣсколькимъ старикамъ-деревьямъ. Монастырь среди зелени и цвѣтовъ кажется еще печальнѣе, еще бѣднѣе.

По желтой дорожкѣ, вьющейся, какъ змѣя, съ вершины холма къ пристани, спускалось нѣсколько монаховъ. Въ часовнѣ на пристани шелъ молебенъ, передъ образами теплились свѣчи и грустное пѣніе, полное слезъ, полное отреченья, полное забвенья весны и цвѣтовъ, неслось надъ рѣкой, и она вторила ему своимъ монотоннымъ плескомъ, какъ и сладкій, полный молодой истомы, шелестъ смолистыхъ березъ, и каждый спѣшилъ положить на металлическую тарелку свою лепту, свой вкладъ въ этотъ бѣдный монастырь.

На нашъ пароходъ сѣлъ молодой монахъ въ потертой одеждѣ. Худой, блѣдный, съ небольшой бородкой, съ мечтательнымъ взглядомъ, съ развѣвающимися темными волосами, онъ показался мнѣ и кра-

сивымъ, и симпатичнымъ и такимъ несчастнымъ. Кто онъ? Откуда? Что его загнало въ монастырь въ лучшую пору его жизни? Онъ сидѣлъ, облокотившись на пароходный бортъ и, опустивъ голову на руки, глядѣлъ на пропадавшую вдали свою бѣдную обитель, на проплывающіе мимо смѣняющіяся берега.

Вдали показались башни и купола.

— Это что?

— Это красавецъ Юрьевецъ Поволжскій, крикнулъ рулевой.

Юрьевецъ красиво лежитъ у склона крутой горы низко по берегу Волги противъ самаго впаденія въ нея Унжи. Городъ дѣйствительно очень красивъ съ его 10-ю церквями, которыя онъ живописно переставляетъ одну за другую, пока пароходъ описываетъ дугу, чтобы подойти къ его пристани. Фабрики, массивные каменные амбары, громадные склады дровъ, зеленѣющіе сады, все смѣшалось вмѣстѣ. Отъ стараго Юрьевца, существовавшаго еще въ 14 вѣкѣ, почти ничего не осталось. Казанцы во время набѣговъ въ 16 вѣкѣ неоднократно сжигали городъ, а когда въ 1609 году на городъ напалъ Лисовскій, онъ его нашелъ и пустымъ, и обращеннымъ въ пепелъ и развалины самими Юрьевцами, бѣжавшими въ лѣса. Черезъ пять лѣтъ послѣ Лисовскаго казаки взяли городъ и совсѣмъ разрушили его. И всетаки изъ глубокой старины, не смотря на погромы и пожары, уцѣлѣли стѣны и пять каменныхъ башенъ. Увы, этотъ памятникъ былъ разобранъ на кирпичи для постройки присутственныхъ мѣстъ, хотя 2 башни при этомъ уцѣлѣли и продолжали въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ служить и замѣчательнымъ памятникомъ

старины, и истиннымъ украшеніемъ города и Волги. Но и эти послѣднія башни были проданы съ аукціона въ частныя руки и исчезли безслѣдно.

— Возмутительно у насъ поступаютъ съ нашими памятниками, воскликнулъ капитанъ, разсказавшій мнѣ о Юрьевскихъ башняхъ. Теперь за городомъ есть какой-то валъ и два пруда. Говорятъ, что это уцѣлѣло отъ прежней крѣпости. Да кто ихъ знаетъ!

На пристани была великая суета. Торговцы съ лодками и припасами осаждали пассажировъ. Публика поспѣшила кто на нашъ пароходъ, кто на Унжинскій—пароходъ Самолетской компаніи, чтобы двинуться вверхъ по судоходной только весной Унжѣ до города Макарьева.

Пароходъ полетѣлъ внизъ по Волгѣ. Цѣлые караваны баржъ плыли намъ на встрѣчу. На плотахъ горѣли огоньки. Подъ вечеръ мы оставили Пучежъ, прелестный городокъ съ березовой густой аллеей на берегу Волги, съ прекраснымъ соборомъ, серебряный куполъ котораго красиво выдѣлялся среди остальныхъ шести церквей. Здѣсь въ старой Воскресенской церкви, когда-то бывшей монастырской и существовавшей еще до основанія города, хранятся рѣдкія иконы времени митрополита Іова. Волга отодвинула противуположный берегъ на двѣ версты, высунула острова, и, омывая правый высокій берегъ, разлилась на громадное разстояніе по низинамъ лѣваго берега.

Повсюду во всѣхъ Волжскихъ городахъ и селахъ много церквей, всѣ онѣ бѣлыя, всѣ съ колокольнями и всѣ придаютъ этотъ характерный Волжскій видъ. Пучежъ именно такой Волжскій городокъ.

На высокомъ правомъ берегу нерѣдко шлепали своими разодранными крыльями вѣтряныя

мельницы. Сколько прелести въ подобной машинѣ, стоящей надъ Волжскимъ обрывомъ, молчаливо перебирающей воздухъ своими неуклюжими лапами... Затѣмъ потянулись низины, безконечныя, однообразныя, невѣроятно скучныя. Ни пригорка, ни селенья, ни рощи. Мимо проплывали острова, покрытые, какъ щетиной, кустарникомъ. Солнце совсѣмъ ушло на западъ и катилось краснымъ шаромъ все ниже и ниже, все скорѣе и скорѣе. Вотъ его красный дискъ обрисовалъ ярко-черный силуэтъ прибрежной вербы, затѣмъ понемногу ушелъ за низкій берегъ. Только небо дрожало золотыми полосами и горѣло зарей, которая купалась въ тихихъ Волжскихъ водахъ. И чѣмъ больше купалась заря, тѣмъ она становилась блѣднѣе и блѣднѣе, смывая свой золотой румянецъ въ холодныхъ струяхъ. А луна блѣдная и чахлая уже выкатывалась на темнѣющее небо. Ея ликъ словно застывалъ съ каждой минутой, наливаясь серебромъ и свѣтомъ, который она выпивала изъ потухающей зари. Теплый, чудный, воскресный вечеръ спустился надъ Волгой, которая снова подбѣжала къ крутымъ обрывамъ песчаныхъ холмовъ.

Пароходъ пронзительно закричалъ и, завернувши носомъ вверхъ противъ теченія, сталъ подходить къ пристани села Катунокъ. Все богатое и дѣятельное село, знаменитое своими оживленными и многолюдными базарами по понедѣльникамъ, прославленное своимъ кожанымъ производствомъ, живописно разсѣлось на груди высокихъ холмовъ, которые, то острыми, то закругленными шапками щеголяли вышиной одинъ передъ другимъ, обрываясь отвѣсными песчаными обрывами въ рѣку. Волга грызетъ своими вешними водами берега, под-

мываетъ холмы, рушитъ обрывы и въ ея объятія падаютъ пески, падаютъ заборы, падаютъ дома. Прибрежные домики уже подперты досками и балками и висятъ на балконахъ надъ рѣкой. Волны грызутъ берега и грозятъ обрушить и эти избушки на подпоркахъ. Гдѣ-то на высокомъ холмѣ звучала гармоника, съ рѣки также неслось пѣніе. Многочисленные лодочки бороздили залитую серебромъ поверхность рѣки. Огоньки въ окнахъ роняли свой отблескъ въ Волгу и она топила до самаго дна эти огненные взгляды подпертыхъ домиковъ. Веселые голоса и смѣхъ доносились съ холмовъ на пароходъ. Деревенская молодежь въ красныхъ рубашкахъ и пестрыхъ сарафанахъ гуляла, упиваясь чуднымъ весеннимъ, воскреснымъ вечеромъ.

На пароходѣ толпа окружила молодаго парня въ красной рубашкѣ, который пришелъ повидаться съ знакомыми матросами. Лицо его сіяло безпредѣльнымъ счастьемъ, онъ размахивалъ руками и смѣялся, его большіе глаза, наивные и дѣтскіе, блестѣли невыразимой радостью. Оказалось, что послѣ долгихъ препятствій онъ на этихъ дняхъ женился и теперь прибѣжалъ сюда на пароходъ, чтобы подѣлиться своимъ счастьемъ съ знакомыми матросами. Онъ разсказывалъ, усиленно махалъ руками, смѣялся весело, отъ всего сердца. Его сбивчивая рѣчь, точно стрекотанье кузнечика, неслась по всей палубѣ. Его переполненная душа требовала изліянія, ему было все равно, какъ его слушаютъ и сочувствуютъ ли ему, онъ тонулъ въ блаженствѣ, пожималъ руки всѣмъ ближе стоящимъ и знакомымъ и незнакомымъ и снова смѣялся такъ весело, беззаботно и счастливо, какъ рѣдко смѣется человѣкъ. Пришли еще парни и онъ убѣжалъ съ ними, а слушатели оста-

лись въ глубокомъ молчаньи и раздумьи. Я тоже стоялъ недвижимо и во мнѣ шевельнулось странное чувство... Какое-то томительное желаніе счастья. Захотѣлось также смѣяться, также всѣмъ пожимать руки. Вѣроятно, и всѣхъ охватило это минутное желаніе счастья, потому что всѣ замерли въ раздумьи. Я оглянулся. У борта сидѣлъ молодой монахъ изъ Рѣшмы и плакалъ. Ему тоже захотѣлось счастья. Можетъ быть въ эту минуту, въ этотъ чудный вечеръ, когда пѣсни весны и любви, пѣсни страсти и нѣги неслись съ рѣки, когда сладко вѣяло черемухой и съ холмовъ доносилось рыданье гармоники, когда слова счастливаго парня ножемъ врѣзались въ сердца слушателей, онъ пожалѣлъ, что отрекся отъ всего... Меня самого стали душить слезы и я убѣжалъ въ каюту и уткнулся лицомъ въ подушку. Я понялъ тогда, что можно плакать на Волгѣ отъ пѣсни, разносящейся надъ ея струями, отъ запаха молодаго листа березы, отъ шепота весеннихъ струй, отъ избытка впечатлѣній, наполнившихъ душу...

Серебряный свѣтъ луны падалъ широкими снопами съ темнаго неба и купался въ тихихъ струяхъ Волги. Какой величественный покой громадной рѣки, сколько гордости и силы въ этомъ царственномъ молчаніи, сколько равнодушія ко всему, что происходитъ на ея берегахъ и поверхности. Мимо проплывали громадныя молчаливыя бѣляны, сложенныя изъ лѣса такъ, что по прибытіи на мѣсто, когда ихъ разберутъ по частямъ на доски, и тѣни не останется отъ этого громоздкаго судна, какъ чудовище дремлющаго на поверхности рѣки. Вотъ проплылъ мимо громадный пароходъ Американской компаніи, эта титаническая улитка на Волжскихъ

водахъ съ громаднымъ бѣлымъ тѣломъ, съ двумя рожками, изрыгающими дымъ, и разноцвѣтными глазами, роняющими красные и зеленые лучи въ темныя воды рѣки. Выше Рѣшмы я видѣлъ такое рѣчное чудовище, пароходъ Магдалену, по неосмотрительности попавшее на мель. Воды спали и Магдалена очутилась на островѣ всѣмъ своимъ громоздкимъ тѣломъ, безпомощно поднявъ свои рожки и не будучи въ силахъ шлепать своимъ широкимъ хвостомъ. Около нее копошились люди, словно муравьи, стараясь оживить этотъ Волжскій моллюскъ, спихнувъ его снова въ воду, гдѣ по прежнему забьется его каленое сердце и снова засвѣтятъ его разноцвѣтные глаза.

Совсѣмъ ночью подошли мы къ Городцу. Я вышелъ полюбоваться на сонный городъ съ его темными башнями. Собственно это большое село, образовавшееся изъ прежняго города Радислава, раззореннаго и изпепеленнаго Батыемъ и прославленное въ настоящее время вкусными городецкими пряниками, которые охотно покупаются на пристани проѣзжими. Высокія трубы кожаныхъ и желѣзныхъ заводовъ черными пальцами торчали надъ селомъ, а многочисленныя церкви сонно застыли на своихъ основаніяхъ.

— Вотъ Ѳеодоровскій монастырь, указалъ мнѣ рулевой на торчащіе вдали купола и зданія, когдато соженные Батыемъ и вновь отстроенные чуть не въ 1767 году, знаменитые тѣмъ, что Александръ Невскій, возвращаясь изъ Орды въ Владиміръ и заболѣвъ по дорогѣ, провелъ здѣсь монахомъ свои послѣдніе дни и умеръ въ этихъ стѣнахъ 14 ноября 1263 года. — А вонъ гора Оползень, тамъ много могилъ здѣшнихъ князей и по ночамъ тамъ свѣтят-

ся огни. Говорятъ, всѣ эти могилы откроются передъ свѣтопредставленіемъ. А тамъ вонъ Кирилова гора, туда ночью и не ходи, нечисто.

Ночной холодный вѣтерокъ пронизывалъ изрядно; пришлось спуститься въ каюту, но едва заалѣлъ востокъ и пароходъ пронзительно засвисталъ, оглашая утренніе туманы и возвѣщая Балахну, я поспѣшилъ снова наверхъ.

Балахна съ ея многочисленными церквями, которыхъ въ этомъ широко раскинувшемся городѣ чуть ли не болѣе 12-ти, вынырнула изъ тумановъ. Пароходъ, пыхтя и дрожжа, остановился у пристани Балахны, потонувшей въ зеленомъ морѣ садовъ. Деревья, смоченныя росой, сонно перебирали листьями при вѣяньи утренняго вѣтерка. Городъ паутинчатыхъ кружевъ, которыя здѣсь плетутся искусными руками, городъ прекрасныхъ блондъ, со всѣми своими блестящими куполами, съ красивой Покровской церковью и съ удивительно красивой думой, бывшимъ дворцомъ князя Пожарскаго, стоящей на площади во всей своей красотѣ стараго памятника русской архитектуры 17 вѣка, въ этотъ утренній часъ былъ подернутъ воздушнымъ кружевомъ изъ утренняго марева, которое окутало береговыя молчаливыя рощи и крутики и повисло прозрачнымъ туманомъ надъ рѣкой.

Балахна тоже страдаетъ отъ Волги. Рѣка ожесточенно грызетъ городской берегъ и смываетъ улицы и зданія. Въ 1678 г. вся нижняя часть города была разрушена, еще позже почти весь городъ былъ подъ водой. Страдая отъ казанцевъ и казаковъ, Балахна всего болѣе страдала отъ воды. „Городъ Балахна стоитъ полы распахня“, говоритъ поговорка, характеризуя растянутость

города вдоль берега, у откосовъ котораго постоянно качаются суда. Балахна знаменита также своимъ судостроеніемъ и въ правѣ гордиться, что въ 1636 году балахнинцы первые выстроили первый русскій корабль подъ присмотромъ иностранца Кордеса. Этотъ корабль „Фридрихъ" отправлялся въ Персію, а въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ Балахнѣ былъ построенъ первый русскій пароходъ „Пермь".

Масса солеварницъ, благодаря обилію соляныхъ ключей, окружаетъ городъ.

— Что здѣсь соли, страсть, разсказывалъ рулевой, что ни ручей—все соль.

— А ты часто бывалъ здѣсь? спросилъ я его.

— Еще бы, я уже болѣ тридцати лѣтъ по Волгѣ ѣзжу.

— Что, есть ли здѣсь что-нибудь интересное?

— Въ Балахнѣ-то? Нѣтъ.

— Можетъ быть въ церквяхъ? Иконы рѣдкія?

— Развѣ, что въ Вознесенскомъ соборѣ, а то нѣтъ, не знаю. Вотъ развѣ въ Пурихѣ, село есть такое, верстахъ въ 40 отъ города, тамъ знамя есть, съ которымъ нижегородцы противъ поляковъ ходили. А то въ Юрьевцѣ, тамъ икона есть Георгія, изъ которой будто свѣтъ идетъ. Сказываютъ, что эту икону давнимъ давно, пока еще и города не было, одинъ князь нашелъ, тамъ, гдѣ Юрьевецъ нынѣ стоитъ. Онъ охотился что-ль, его ночь и застигла. Вдругъ это видитъ онъ яркій свѣтъ въ лѣсу. Пошли на свѣтъ, глядятъ, а на деревѣ икона и вся горитъ и свѣтится. Князь сейчасъ же велѣлъ церковь выстроить. Эта икона и по сію пору въ Юрьевцѣ, въ соборѣ. Говорятъ, будто изъ нее свѣтъ порой исходитъ, когда какое бѣдствіе на

Россію ждать надо. Ужъ правда ли, не знаю, а въ Юрьевцѣ многіе говорили.

Мы отошли отъ Балахны. Мнѣ уже не спалось и я остался сидѣть на палубѣ. Села, закутанныя въ бѣлыя завѣсы тумановъ, проплывали мимо, какъ мечта.

— Это вонъ большое село, Большое Козино зовется, пояснялъ мнѣ рулевой, а вонъ островъ, теперь-то много воды, а то чистый грѣхъ лѣтомъ.

— А вонъ Сормово.

Отмели желтѣли большими островами и блестѣли, освященныя яркимъ восходомъ. Все больше и больше становились эти желтыя овалы песковъ, а также многочисленнѣе, точно стадо гигантскихъ животныхъ спало на днѣ рѣки, которая играла волнами на блестящей кожѣ ихъ высунувшихся горбатыхъ спинъ. Пароходъ еле пробирался между отмелями, вилялъ и заворачивалъ во всѣ стороны. Опять по берегамъ потянулись низины, на которыя набѣгали воды весенняго разлива, а вдали въ воздухѣ предсталъ предо мною миражъ. Храмы, монастыри, золотые купола, блиставшіе на солнцѣ, зелень садовъ, зубчатыя стѣны, толстыя башни, дома... Весь призрачный городъ, висѣвшій высоко на воздухѣ передо мной, дрожалъ, переливался синеватыми струйками, то блѣднѣлъ, сливаясь съ туманами, то ярче выступалъ и вырѣзывался на фонѣ облаковъ. Вѣроятно, подобные города являлись праведникамъ въ ихъ грезахъ. Но что же это было за зрѣлище, откуда взялась эта волшебная картина!

— Это Нижній, сказалъ рулевой, видя мое недоумѣніе.

Такъ это былъ не миражъ, не видѣніе святаго града намъ грѣшнымъ, не обманъ зрѣнія. Это

былъ Нижній Новгородъ, высоко лежащій по горамъ и закутанный въ утренніе туманы, совсѣмъ затопившіе горы и вознесшіе церкви и монастыри за облака. А солнце играло въ разноцвѣтныхъ луковкахъ, въ золотыхъ куполахъ, въ бѣлыхъ стѣнахъ и огненнымъ водопадомъ лилось съ небесъ золотыми струями, освѣщая всю фантастическую панораму Нижняго. Это былъ Нижній, городъ глубокой старины, городъ всемірной торговли, городъ безшабашнаго разгула, городъ дивныхъ видовъ, легендъ и преданій, центръ громадной Волги, столица всей ея сѣверной части... Это былъ Нижній Новгородъ.

10.

Нижній Новгородъ.

(Виды и легенды. Нижній базаръ. Строгановская церковь. Муравьевская башня. Откосъ).

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты,
Кругомъ стѣны посады потянулись,
Далеко въ поле слободы легли.
Все по горамъ сады, на церквяхъ главы
Все золотыя...

Островскій.

Вѣдь Нижній ключъ всей Волги, за него бы
Король Жигмонтъ аль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили.

Островскій.

И вотъ я снова въ Нижнемъ. Говорю „снова", потому что нѣсколько разъ мнѣ случалось бывать здѣсь. Впервые я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Москвы и, вышедши изъ вагона, взявъ извозчика полетѣлъ къ пароходнымъ пристанямъ черезъ пригородъ Кунавино, гдѣ помѣщается вокзалъ, черезъ ярмарочную часть, по мосту, перекинутому черезъ Оку, въ нижнюю часть города у подножія горъ, гдѣ сгруппировались всѣ пароходы

всѣхъ компаній. Первое впечатлѣніе было то, что я Оку принялъ за Волгу и только позже узналъ, что имѣлъ полное право на эту ошибку. Ока не уступаетъ, а даже превосходитъ шириной Волгу, особенно весной.

Нижній—городъ видовъ, городъ панорамъ. Я думаю, трудно найти другой городъ, который открывалъ-бы буквально отовсюду, и съ рѣки, и съ горъ, и снизу, и сверху и отъ всякаго угла, такіе очаровательные виды. Эта картинность города, расположившагося по крутикамъ, обрывамъ, при сліяніи двухъ громадныхъ рѣкъ, перебросившагося черезъ Оку, заполонившаго низины, топитъ васъ въ морѣ впечатлѣній и вы затрудняетесь разобраться въ нихъ въ первое время. Теперь на зарѣ пароходъ подошелъ къ городскимъ пристанямъ у самой набережной въ нижней части города. Я сидѣлъ на палубѣ, совсѣмъ очарованный. Съ рѣки Нижній удивительно красивъ. Столица сѣвернаго Поволжья, городъ величайшей въ Европѣ ярмарки, первый торговый тузъ, всползъ на вершины горъ, изрѣзанныхъ оврагами, спустился по откосамъ, крутинамъ и террасамъ, по изумрудному фону вешней зелени, припалъ пестрымъ хаосомъ зданій къ самой рѣкѣ, заползъ зубчатыми стѣнами кремля, толстыми сѣрыми башнями и соборами на угловой крутикъ между Окой и Волгой и образовалъ такую панораму зданій, зелени, золотыхъ куполовъ, какъ раскаленный уголь, горящихъ на утреннемъ солнцѣ, что глаза разбѣгаются во всѣ стороны и нѣтъ силъ сразу сохранить впечатлѣніе этого чуднаго вида.

Нижній Новгородъ имѣетъ столько интереса и по памятникамъ старины, и по видамъ, и по торговлѣ, и по совсѣмъ особенной жизни во время ярмарки,

составляющей гвоздь диковинокъ для всякаго прі-ѣзжаго, источникъ жизни всего города, ключъ цѣ-намъ всѣмъ поволжскимъ товарамъ, магнитъ для всего, что разсчитываетъ зашибить лишній грошъ, что посѣщенію этого Волжскаго старика, которому пошелъ уже 67-й десятокъ лѣтъ, необходимо удѣ-лить нѣсколько дней.

Первымъ дѣломъ я поднялся по Ивановскому спуску, по желтымъ дорогамъ, вьющимся среди зе-лени луговъ къ кремлю и усѣлся среди прелест-наго садика, возлѣ обелиска въ память Минина и Пожарскаго на скамеечку. Весь Нижній отсюда на ладони. Здѣсь легко оріентироваться и сразу позна-комиться съ птичьяго полета съ большею частью города. Подо мной по зеленымъ откосамъ ползли дорожки, дѣлая прихотливые зигзаги и проползая въ ворота кремлевской башни къ нижнему торго-вому городу у пароходныхъ пристаней, откуда я только что поднялся сюда на крутики. Вокругъ меня была зелень сада и бѣлыя зданія древнихъ соборовъ, сгруппированныхъ въ кремлѣ. Толстыя кремлевскія башни поднялись изъ-за деревьевъ, а зубчатыя стѣны уступами сбѣжали съ горъ. Волга съ Окой сливаются, образуя стрѣлку, гро-мадный полуостровъ, съ зданіями Макарьевской яр-марки, среди хаоса зданій которой величественно под-нялся новый соборъ. Ширина необъятная. Внизу въ пестромъ хаосѣ зданій копошится дѣятельный Нижній, здѣсь въ кремлѣ вѣетъ просторомъ и изъ каждаго угла глядитъ старина съ ея легендами, а впереди необъятная Волга и туманная даль, пропа-дающая гдѣ-то тамъ на горизонтѣ, гдѣ небесная синева слилась съ землей. Противуположный берегъ Волги съ блескомъ озеръ, съ деревеньками и се-

лами слился съ туманомъ... Тутъ и тамъ глядятъ церкви отдаленныхъ селъ, между которыми серебрятся излучины Волги, а въ самомъ низу серебряная величавая Ока сливается мощно и могуче съ своей сестрой, чтобы, превратившись только теперь въ знаменитую широкую, безбрежную Волгу, бѣжать внизъ къ Хвалынскому морю этой массой водъ, напоминающихъ по ширинѣ озеро. Самъ городъ громоздится среди душистыхъ садовъ по горамъ, жмется у откосовъ, поднимаетъ безчисленныя церкви и глядитъ внизъ, въ толчею баржъ, пароходовъ, лодочекъ, копошащихся среди лѣса мачтъ и горъ товаровъ. Глядишь, глядишь и не наглядишься. Это лучшій видъ на всей Волгѣ, превосходящій и Кинишемскій, и Костромской, и всѣ виды нижняго теченія рѣки. Не знаешь только, которому виду въ Нижнемъ отдать предпочтеніе: съ башенъ ли, отсюда ли изъ сада или съ откоса, этой любимой прогулки Нижегородцевъ за кремлевскими стѣнами, надъ обрывомъ къ Волгѣ.

Здѣсь Волга является во всемъ своемъ величіи и ея вѣрный спутникъ тополь съ дрожащимъ листомъ, стройный и душистый, образующій повсюду по островамъ и берегамъ свои прозрачныя рощи, отъ Нижняго заполоняетъ Волжскіе берега, сопутствуя имъ до самыхъ низинъ. Тополь-осокорь также характеренъ для Волги, какъ пирамидальный тополь и цвѣтущая черешня для Днѣпра, какъ виноградъ и плющъ для Рейна, какъ альпійская роза для Швейцаріи, какъ зонтичная пиннія для Ривьеры, какъ розовый верескъ для грозныхъ скалъ Норвежскихъ фіордовъ, или пальма для оазиса пустыни. Рощи осокорей— это Волжскіе природные храмы съ ихъ бѣлесоватыми колоннами стволовъ, съ ихъ постояннымъ таинственнымъ шопотомъ темной листвы. Осокорь

словно ждалъ величія Волги и не хотѣлъ раскинуть свои вѣтви надъ ея берегами и островами до впаденія Оки. Только теперь, когда двѣ громадныя рѣки слились вмѣстѣ, онъ вступилъ съ ними въ союзъ, украсивъ все ихъ теченіе и, какъ вѣрный другъ, не покинулъ ихъ до самыхъ горячихъ Астраханскихъ степей.

Весной Волга и Ока сливаются надъ стрѣлкой, топя всю ярмарку, которая превращается на это время въ Венецію. Луговой берегъ Волги превращается въ гигантское озеро и село Боръ, словно изъ водъ рѣки, поднимаетъ свой бѣлый соборъ, отражая въ немъ золотые купола. Величію Волги у Нижняго способствуетъ ея сестра прекрасная Ока, прибѣжавшая изъ-за 1400 верстъ, проглотившая такіе притоки, какъ Зушу, Упу, Жиздру, Нару, Москву, Мокшу съ Цной, Клязьму, протекшая у рядовъ горныхъ кряжей, видѣвшая Орелъ, Перемышль, Бѣлевъ, Калугу, Серпуховъ, Коломну, Рязань, Касимовъ, Муромъ, омывшая историческія мѣста битвъ съ татарами, выбѣжавшая изъ сказочныхъ Брынскихъ лѣсовъ и здѣсь у Дятловыхъ горъ отдающая всю массу своей воды Волгѣ, въ которую она вливается яркой замѣтной струей совсѣмъ другого цвѣта, чѣмъ воды Волги.

Весь торговый Нижній стоитъ на берегу Оки и его набережная тянется у подножія Дятловыхъ горъ мимо плошкоутнаго моста, соединяющаго городъ съ Заокской ярмарочной стороной.

Здѣсь на этихъ зеленыхъ Дятловыхъ горахъ въ стародавнія времена, какъ говоритъ легенда, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья Разбойника, страшилище окрестныхъ лѣсовъ. У Скворца было 18 женъ и 70 сыновей, которые пасли свои стада

по откосамъ горъ. Въ одной изъ лощинъ горы жилъ чародѣй Дятелъ, передавшій имя этимъ горамъ. Онъ предсказалъ Скворцу, что независимость и сила его семьи будетъ непоколебима, пока миръ между сыновьями не будетъ нарушенъ, но случись ссора, нагрянутъ русскіе, покорятъ его и построятъ здѣсь крѣпкій городъ. Умеръ Дятелъ, умеръ Скворецъ, разсорились сыновья, забывъ завѣтъ отцовскій и свершилось предсказаніе. Юрій 2-й Всеволодовичъ прогналъ мордву съ Дятловыхъ горъ, гдѣ разросся нынѣшній Нижній Новгородъ.

На пристаняхъ царитъ невѣроятная толчея и суголока. Вся набережная сплошь застроена лавками, трактирами, складами, гостинницами и представляетъ необычайно пестрый видъ. Пыль здѣсь невообразимая. На рѣкѣ у набережной цѣлый лѣсъ мачтъ, цѣлый плавучій городъ. Гигантскіе пароходы въ ихъ желѣзныхъ броняхъ, съ домами и балконами, цѣлыя плавучія зданія, баржи, разнообразныя суда, все это толчется здѣсь въ пестрой смѣси. Свистки, звонки, крики, стукъ, визжанье крановъ, лязгъ цѣпей, ругань сливаются въ необразимый хаосъ. Горы бочекъ, мѣшковъ, тюковъ и ящиковъ стоятъ длинными стѣнами. Цѣлый муравейникъ шевелится безпрестанно на пристаняхъ. Люди, изнемогая подъ тяжестью товаровъ, копошатся на берегу и на судахъ, нагружая и разгружая ихъ. Эта торговая часть Нижняго прорѣзывается прекрасной Рождественской улицей, параллельной набережной. Это главная артерія нижняго города. Всѣ дома этой улицы, трактиры, съѣстныя, гостинницы, все это маленькія торговыя биржи, гдѣ за чаемъ и селянкой устраиваютъ всякую сдѣлку. Здѣсь же находится большой Ермолаевскій трактиръ, главная

биржа, главное мѣсто торговыхъ сдѣлокъ, засѣданій, переговоровъ, вѣчно полный народомъ, съ вѣчнымъ шумомъ, съ вѣчной суетой, съ музыкой излюбленнаго органа. Вся эта торговая часть города, съ ея толкучками, трактирами, рядами, представляетъ одинъ сплошной оживленный базаръ. Здѣсь самому дѣлается жарко, когда взглянешь на весь этотъ хаосъ людей съ тюками, зацѣпленными желѣзными крючьями, и на эти безконечно катящіяся по желобамъ бочки, когда видишь эти столбы и тучи пыли, когда самъ окунешься въ этотъ дымъ и чадъ, царящіе здѣсь отъ зари и до зари. Громадные пароходы пожираютъ цѣлыя горы товаровъ, укладывая ихъ въ свои необъятныя нѣдра, а тысячи и тысячи рабочихъ волокутъ новые тюки, ящики и мѣшки, и безконечные обозы ломовыхъ подвозятъ новыя горы товаровъ.

Центръ нижняго базара прекрасная Сафроновская площадь, выходящая на набережную Оки. Здѣсь въ прекрасномъ зданіи помѣщается Блиновскій пассажъ, очень характерный для этой части Нижняго Новгорода. Великолѣпный фасадъ снаружи, зеркальныя витрины внутри, а на выставкѣ за ними кули, кожи, ящики, рогожи и между ними магазинъ модистки съ французской фамиліей. Истинно смѣсь французскаго съ нижегородскимъ. Въ скверѣ, разбитомъ на площади, брызжетъ фонтанъ „благотворителей", переливая воды по двумъ зеленымъ чашамъ съ надписями на нихъ, гласящими, что онъ воздвигнутъ въ память почетныхъ гражданъ города Блиновыхъ, Курбатовыхъ и Бугровыхъ, устроившихъ городу водопроводъ. Тутъ же на площади старая церковь съ ветхой колоколенкой, съ нѣсколькими древними изразцами на фасадѣ, вросла на значительный ку-

сокъ въ землю. Отъ нея вѣетъ стариной. Это церковь Кузьмы и Дамьяна, потерянно глядящая на шумъ, гвалтъ и торговлю, царящую вокругъ. Рядомъ выстроенная новая церковь совсѣмъ придавила старую колокольню, которая робко выглядываетъ своей пирамидальной крышей изъ-за новыхъ домовъ. Эта старая церковка видѣла древнюю Русь, она была свидѣтельницей княжескихъ междуусобій, она слышала горе и стоны во время татарскихъ погромовъ и громкія патріотическія воззванія Минина, раздовавшіяся тутъ не въ далекѣ, у хорошенькой Никольской малиновой церкви, воззванія, поднявшія весь городъ на защиту несчастной Москвы. Эта церковка устояла отъ раззореній и многочисленныхъ пожаровъ, она видала, какъ на этой площади воевода Алябьевъ повѣсилъ князя Вяземскаго, приверженца Лжедимитрія, осаждавшаго городъ и взятаго въ плѣнъ, она пережила ужасный обвалъ снѣга, завалившій ее съ сотнями людей, и громадный обвалъ возвышенности съ лѣсомъ, погубившій 150 домовъ, и теперь стоитъ молчаливая и забытая, ожидая, когда совсѣмъ упадетъ ея покачнувшаяся колоколенка.

Изъ этого хаоса и вѣчнаго базара, отъ пристаней поднимается въ гору Зеленинскій съѣздъ, соединяя нижній и верхній городъ. Зеленинскій съѣздъ, проползая между толкучкой, трактирами и церквями, поднимается по оврагу, гдѣ прежде была рѣчка Почайна, въ гору, перерѣзываетъ оврагъ, проходя по Лысковой дамбѣ, насыпанной здѣсь, и, пробѣжавъ вдоль зубчатыхъ стѣнъ кремля, вдоль бульвара, выходитъ въ центрѣ верхняго города, у прекрасной Благовѣщенской площади. Весь этотъ оврагъ рѣчки Почайны въ былыя и не столь еще отдаленныя времена былъ покрытъ глухими дебрями и лѣ-

сами и служилъ мѣстомъ жительства разбойникамъ. Теперь красивый бульваръ вьется возлѣ кремлевскихъ стѣнъ и по оврагу сбѣгаетъ Зеленинкій спускъ. Здѣсь въ оврагѣ лежитъ большой камень, изъ подъ котораго, по преданію, хлынетъ вода и затопитъ оврагъ, а затѣмъ и весь городъ вслѣдствіи проклятія Святаго Макарія, когда-то приплывшаго на этомъ камнѣ. Причаливъ къ берегу, Святой пожелалъ отдохнуть, но бабы, мывшія бѣлье, грубо прогнали старца и чуть ли не побили его. Разгнѣванный Макарій оставилъ здѣсь въ оврагѣ свой камень, проклялъ городъ и удалился въ лѣса. И когда настанетъ день, что грѣхи Нижегородцевъ перейдутъ мѣры, проклятіе Макарія должно будетъ исполниться и погубить городъ, такъ негостепріимно отнесшійся къ нему. Нижегородскія бабы отличались воинственностью. Онѣ же прогнали Святителя Алексѣя, переплывшаго на своемъ плащѣ Оку и тоже проклявшаго городъ. Обвалы горъ, разрушившіе много зданій и церквей, приписываютъ проклятію Святителя.

Вблизи моста, перевязывающаго въ теченіи лѣта Оку, которая здѣсь шириною въ это время около версты, и снимаемаго въ полноводье, стоитъ дивная Строгановская церковь. Она поднимаетъ свои купола вблизи пристаней, среди хаоса трактировъ и лавокъ и составляетъ жемчужину не только нижняго города, не только Нижняго Новгорода, но всего русскаго зодчества. Эта церковь такой шедевръ, такая красота, что даже въ очаровательной панорамѣ города, когда глазъ еще не успѣлъ разобраться, она уже вырѣзается на фонѣ всего хаоса зданій и горъ и не позволяетъ отвести взглядъ отъ ея удивительнаго тѣла. Эта церковь Рождества Богородицы, повсемѣстно извѣстная подъ именемъ

Строгановской, такъ какъ была построена въ 1719 году солепромышленникомъ Строгановымъ, имѣетъ свою легенду одинаковую съ легендой о построеніи Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Строитель, создавшій этотъ дивный храмъ, былъ ослѣпленъ, чтобы онъ не могъ выстроить вторую подобную церковь. Сидя на высокой каменной террасѣ, окруженной старой стѣной, Строгановская церковь поднимаетъ свое пестрое тѣло, въ четыре этажа, подъ пять восхитительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ курьезныхъ куполовъ. Стѣны церкви темно-малиноваго цвѣта и испещрены зеленоватыми змѣистыми линіями. Всѣ окна, всѣ стѣны одѣты безчисленными и самыми разнообразными снѣжно-бѣлыми колоннами, то гладкими, то ребристыми, то прихотливо извитыми и скрученными, то покрытыми виноградными гроздями и листьями. Самые прихотливые карнизы вьются по угламъ церкви, перебрасываются отъ окна къ окну, отъ колонны къ колоннѣ. Всюду вьется бѣлая каменная лоза, всюду висятъ ея снѣжныя грозди и узорчатые листья, ярко выдѣляясь на малиновой стѣнѣ. И эти безжизненныя бѣлыя вѣтви, охватившія и колонны, и карнизы, эти окошечки то овальные, то четырехъугольные, выглядывающіе изъ подъ пестрой одежды храма,—производятъ сильное впечатлѣніе. Рядомъ высится маленькая колоколенка, такая же прелестная какъ церковь, такъ же увитая словно закаменѣвшимъ виноградомъ, который ползетъ и тутъ по стѣнамъ, окружаетъ своды, падаетъ гроздями и стелетъ свои вѣтви до самой крыши, завивая колонны и темно-малиновую ризу съ зелеными разводами небольшой галереи, соединяющей колоколенку съ церковью. Отъ всего храма вѣетъ величавой стариной, особенной, неописуемой

красотой. Внутри Строгановская церковь не менѣе прекрасна. Виноградъ, затянувшій всю церковь снаружи, словно прободалъ стѣны, такъ какъ онъ вьется по старому иконостасу и по царскимъ вратамъ. Здѣсь находятся двѣ замѣчательныя иконы: „Христосъ“ и „Богородица“ кисти художника Каравадж̌іо, составляющія и истинное украшеніе и драгоцѣнность церкви. Заказанныя для Петербурга за границей Петромъ I-мъ, обѣ иконы, во время отсутствія Государя, были перекуплены Строгановымъ для своей церкви и увезены въ Нижній, а въ Петербургъ были посланы копіи съ нихъ. Проѣзжая Нижній въ 1722 году, Петръ Великій зашелъ въ Строгановскую церковь и тотчасъ-же узналъ иконы. Церковь, по его приказанію, была запечатана и только при воцареніи Екатерины вновь открыта.

У самаго моста стоитъ небольшая Алексѣевская часовенка съ резервуаромъ ключевой воды, выстроенная въ память митрополита Алексѣя. Отъ часовенки начинается подъемъ „Похвалинскій съѣздъ“, поднимающійся на вершины Дятловыхъ горъ къ знаменитому Гребешку. Съ Оки Дятловы горы, зеленыя, съ великолѣпнымъ пестрымъ Благовѣщенскимъ монастыремъ и Муравьевской башней на вершинѣ, прелестны. Монастырь словно игрушечный. Его зданія и церкви, размѣщенныя на груди Дятловыхъ горъ, необычайно пестры и красивы. Здѣсь въ соборѣ Благовѣщенскаго монастыря хранится икона Корсунской Богородицы, одна изъ старѣйшихъ на Руси, 993 года, слѣдовательно 5 лѣтъ спустя по введеніи христіанства въ Руси. На вершинѣ торчатъ громоздскія развалины Муравьевской „дылды“, какъ характерно называютъ въ Нижнемъ этотъ остатокъ башни. Муравьевъ, будучи губернаторомъ, выстроилъ

высокую башню съ часами для указанія времени на ярмарочной сторонѣ. Затѣя эта стоила чуть не 30 тысячъ. Часы на башнѣ немилосердно врали, а затѣмъ вскорѣ ея вершина обсыпалась и сама башня превратилась въ печальную руину, „дылду", отъ которой открывается восхитительный видъ и на Благовѣщенскій монастырь, и на серебрящуюся Оку перевязанную мостомъ, и на безчисленныя суда, и на всю ярмарочную стрѣлку, среди которой высится ярко-красный новый соборъ, и на Волгу, лентой прорѣзающую зеленыя низины, и на чудныя заволжскія дали, гдѣ точно бѣлыя пятнышки, блестятъ церковки далекихъ селъ, и на пароходы, бѣгущіе по Волгѣ и стелющіе по безоблачному небу свой дымокъ. Видъ очаровательный. Внизу черемуха сыплетъ свои цвѣты, которые при каждомъ вѣяніи вѣтерка бѣлыми роями летятъ къ золотымъ куполамъ Благовѣщенскаго монастырскаго собора, точно грибы, поднявшіеся надъ скатомъ горы.

Положеніе Нижняго Новгорода очень напоминаетъ Кіевъ. Тѣ же горы и крутики по берегу громадной рѣки, тотъ же шумный „Нижній базаръ", какъ и Кіевскій Подолъ, съ его пристанями и дѣятельностью, даже оврагъ съ ручейкомъ, носящимъ названіе Почайны, какъ въ Кіевѣ. По преданію Юрій 2-й былъ такъ изумленъ этимъ сходствомъ мѣста съ Кіевомъ, что основалъ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже города на Волгѣ Печерскій монастырь.

Тѣ же чудные виды открываются здѣсь повсюду съ горъ, какъ въ Кіевѣ. Одинъ видъ съ Гребешка у Муравьевской дылды на ярмарку до того хорошъ, что можно долгіе часы просидѣть здѣсь на скамейкѣ.

Вонъ слобода Кунавино разлеглась какъ разъ напротивъ, по ту сторону Оки. На мосту суета, а по

рѣкѣ плывутъ баржи, лодочки, пыхтятъ пароходы. Вонъ тянется ужъ совсѣмъ выходящій изъ моды кабестанъ съ двумя якорями, на который и Волжскіе жители глядятъ теперь чуть не какъ на диковинку. Возлѣ него суетится маленькій пароходикъ, забѣгаетъ впередъ, бросаетъ въ воду якорь и возвращается къ кабестану назадъ, а машина накручиваетъ канатъ и подтягиваетъ этимъ первобытнымъ способомъ грузное судно, волокущее за собой цѣлый хвостъ блестящихъ бѣлянъ. Маленькій пароходикъ радостно визжитъ, ему вторятъ то басы гигантовъ, то фантастическіе вопли моллюсковъ-американцевъ, то отчаянные, раздирающіе крики буксирныхъ, словно съ нихъ живыхъ сдираютъ кожу, то степенные возгласы, мощные и ровные „Кавказа и Меркурія“.

Благовѣщенская площадь или Верхній базаръ, составляетъ центръ Нижняго и соединяется съ кремлемъ Дмитріевскими воротами, за которыми начинается Ивановскій спускъ, прорѣзывающій кремль и идущій къ нижнему городу. Эта площадь узелъ всѣхъ улицъ и дорогъ всего города. Отъ нея идутъ три спуска и сюда къ ней, полукругомъ лежащей у зубчатой кремлевской стѣны, сходятся радіусами всѣ лучшія улицы верхняго города. Здѣсь постоянное движеніе, тѣмъ болѣе что вокругъ Благовѣщенской площади разсѣлись окружной судъ, театръ, почта, гимназія, семинарія, а среди площади брызжетъ прекрасный фонтанъ и стоятъ два храма Благовѣщенскій соборъ и церковь митрополита Алексѣя. Обѣ церкви очень пестрыя, особенно Благовѣщенье съ старыми фресками, основанное чуть ли не въ XIV вѣкѣ. Здѣсь въ одной изъ оживленныхъ улицъ находится фотографія Карелина, витрины которой по своей художественности

и новому способу сниманья разныхъ лицъ и предметовъ, находящихся на разныхъ планахъ, при различномъ освѣщенiи, принадлежатъ, конечно, къ достопримѣчательностямъ города. Дивишься, глядя на всѣ эти снимки, полные жизни и движенiя, дивишься, что можешь ихъ видѣть только въ Нижнемъ у Карелина и что его замѣчательный способъ не находитъ распространенiя. Впрочемъ и тутъ надо вспомнить мудрую поговорку, что нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ. Большое зданiе семинарiи, замѣчательное тѣмъ, что въ немъ кончилъ курсъ извѣстный писатель Н. А. Добролюбовъ и что въ немъ хранятся чертежи работъ извѣстнаго механика-самоучки Кулибина, смотритъ на красивый бульваръ, опаясавшiй кремлевскiя стѣны и соединяющiй Откосъ съ Благовѣщенской площадью...

Лучшiя улицы Нижняго, съ прекрасными домами, легли паутиной между радiусами, разбѣгающимися отъ главной площади, но мѣстомъ гулянья и самымъ шикарнымъ мѣстомъ считается Волжская набережная, составляющая вершину Откоса и пробѣгающая отъ кремлевскихъ стѣнъ, къ Печерскому монастырю. Откосъ это садъ разбитый по крутику надъ Волгой, это любимое мѣсто прогулокъ Нижегородцевъ, это ихъ гордость, полная красоты, чудныхъ уголковъ, террасъ, бесѣдокъ, извилистыхъ дорожекъ, то убѣгающихъ внизъ, то подымающихся къ набережной наверхъ. Эти дорожки сходятся и разбѣгаются, прорѣзывая чащи кустовъ и деревьевъ, то приводятъ васъ къ ресторану, въ которомъ по вечерамъ играетъ музыка, терзая уши маломальски прихотливому слушателю, или къ самой Волгѣ, гдѣ на берегу стоитъ красивый замокъ-водопроводъ, поэтично и живописно глядящiй изъ за деревьевъ. Этотъ Александ-

ровскій садъ доходитъ до самыхъ кремлевскихъ стѣнъ, которыя гигантскими лѣстницами спускаются съ горъ къ Волгѣ отъ Георгіевской башни и пропадаютъ въ зелени. Здѣсь по вершинамъ горъ по Откосу по вечерамъ гуляетъ Нижегородскій beau-monde. Экипажи тянутся тихой вереницей мимо великолѣпнаго дворца Рукавишниковыхъ и прелестной бѣлой, какъ снѣгъ, Георгіевской церкви, одѣтой въ бѣлые же карнизы, изящной и граціозной, легкой и кокетливой и придающей столько красоты виду съ Волги. Сквозь кусты сирени, одѣвшейся въ свои душистыя метелки цвѣтовъ, внизу виднѣется роскошный домъ и механическій заводъ мѣстнаго креза Курбатова. Виды очаровательны отовсюду. Отъ каждаго кіоска съ минеральной водой, съ каждой скамейки видъ имѣетъ своеобразную прелесть. На Откосѣ можно просидѣть часы, глядя въ растилающуюся даль. Когда пройдешь съ Благовѣщенской площади по бульвару и подойдешь къ Георгіевской башнѣ, отъ которой и начинается Откосъ, весь громадный горизонтъ сразу развертывается передъ вами. Зубцы стѣнъ торчасъ изъ за деревьевъ. Волга серебритъ своими волнами, за ней тамъ вдали бѣлѣетъ село Боръ, а сама Волга синяя, могучая, выставляя щетинистые острова и отмели при спадѣ водъ, мчитъ свои безчисленныя струи мимо горъ. Лодочки, словно муравьи, несутся по волнамъ, пароходы, словно игрушечные, бороздятъ рѣчную броню, а караваны баржъ кажутся необыкновенно маленькими и ничтожными. Бѣлый парусъ судна, словно бабочка, мчится по Волгѣ, а чудная синяя даль бѣжитъ по равнинѣ луговъ за Волгой съ сіяющими озерками туда, гдѣ небо сходится съ землей. За Откосомъ выступаетъ

село съ Печерскимъ монастыремъ, живописно усѣвшимся на крутикахъ. Вѣетъ зеленью и цвѣтами, съ Волги доносятся пѣсни и свистки пароходовъ и сидишь зачарованный видомъ, не смѣя шелохнуться какъ бы страшась, что пропадетъ очарованье.

Вечеромъ, когда закатъ окраситъ воды опаловыми струями, а зори вырисуютъ силуеты судовъ, когда лиловатый сумракъ окутаетъ таинственною пеленою и Откосъ и эти гиганскія ступени кремлевской стѣны, когда сирень и черемуха наполнятъ ароматомъ воздухъ, очарованье еще сильнѣе. Расплавленное золото льется въ рѣку и все горитъ въ лучахъ заката. Помню, я долго сидѣлъ на скамьѣ. Сумракъ окуталъ туманную даль, село Боръ утонуло во мракѣ. Но выплыла луна и разлила новыя чары. Волга загорѣлась серебряной броней, рѣзко выступили черные силуэты башенъ кремля, а въ отдаленномъ селѣ Боръ бѣлая церковь, замерцала своими куполами, словно упавшими звѣздочками. Красота была поразительная, опьяняющая. Гдѣ-то на башнѣ били часы. Съ рѣки неслась задумчивая пѣсня.

— Что хлопокъ, раздалось возлѣ меня, я уже сало доставилъ.

— А ты слышалъ, Моловъ нагрѣлъ Ивана Ивановича, по гривеннику съ рубля взялъ лишку... Развѣ въ винтъ отыграется...

Они прошли, не видя этой красоты, она приглядѣлась имъ, имъ дорого ихъ сало, ихъ пароходы, вчерашній проигрышъ въ винтъ и только, а восторгаться видами Волги и Откоса, удивительной архитектурой Строгановской церкви они не умѣютъ и не могутъ, поклоняясь только одному мѣдному грошу.

11.

Нижній-Новгородъ.

(Продолженіе)

(Кремль и его соборы. Ярмарка. Кунавино).

Сила часто безмолвствуетъ. Богъ никогда не говоритъ.

Ой кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, жить начать сначала.
А. Толстой.

„Новгородъ—низовскія земли“, какъ его величали въ старину, служилъ оплотомъ русской земли противъ мордвы, жившей по Окѣ и его кремлевскія стѣны не разъ отражали набѣги враговъ. Эти стѣны и башни, такъ живописно усѣвшіяся по горамъ, къ сожалѣнію, утратили свой прежній грандіозный видъ вслѣдствіе перестроекъ, когда зубцы стѣнъ и вышина башенъ были сильно уменьшены. Въ старину крѣпости на Руси назывались дѣтинцами и для созданія нижегородской твердыни князь Василій IV выписалъ изъ Италіи архитектора Франческо или Фрязина, какъ его величали у насъ на Руси. Подъ первый камень кремля, по жестокому обычаю старины, былъ положенъ ребенокъ, такъ какъ „дѣтинецъ“ считался дѣйствительнымъ оплотомъ, только если онъ былъ обагренъ кровью живаго младенца“. Фрязинскій кремль ползетъ своими 11-ю башнями и стѣнами по кручамъ и рвамъ

Волжскихъ горъ. Гигантскіе контрофорсы были уперты въ стѣны, а родники и ключи отведены по каменнымъ трубамъ, чтобы придать прочность кремлю и не предоставить его гибельному размыванію водъ. Виды съ башенъ—очаровательны и не знаешь, которому отдать предпочтеніе. Поднимешься по шаткимъ ступенькамъ на верхъ и сразу развернется передъ глазами вся изумительная по пестротѣ, жизни, необозримой дали, цвѣтнымъ переливамъ—дивная Волжская панорама, которая, какъ чародѣйка, приковываетъ взглядъ и обращаетъ васъ въ соляной столбъ, парализуя своей красотой и ширью и желанія и движенія ваши. Вотъ толстая и невысокая Коромыслова башня. Много кирпичей выковыряло время изъ ея толстыхъ стѣнъ, мохъ и трава проросли въ расщелинахъ, она слѣпо глядитъ своими черными узкими щелями оконъ въ дальнюю равнину и споритъ по старинѣ со всѣми остальными башнями кремля. Подъ ея основаніемъ зарыта молодая женщина, пришедшая на Почайну за водой и завернувшая по дорогѣ къ кремлю, чтобы взглянуть на работы. Рабочіе только что порѣшили для прочности возводимой башни на кручѣ надъ Почайной зарыть въ ея основаніе первое подошедшее живое существо. И когда женщина подошла, ее схватили и, не смотря на отчайніе и мольбы, зарыли съ ведрами и коромысломъ въ землю и завалили камнями. Мой спутникъ—нижегородецъ, водившій меня по кремлю, разсказывалъ, что въ года сильныхъ обваловъ, пожаровъ и передъ опустошеніемъ города моровой язвой у Коромысловой башни слышались стоны. Въ эпоху борьбы Москвы съ Казанью кремль многократно былъ осажденъ татарами и оказалъ громадныя услуги городу. Многія

башни страдали и отъ пожаровъ и отъ раззоренія, одна Коромыслова башня стоитъ несокрушимо, непобѣдимо, словно заговоренная и побѣдно смотритъ своими черными щелями на окружающую суету. Она помнитъ, какъ въ 1536 году казанцы, опустошивъ окрестности, выжгли села и посады, осадили Нижній, какъ они пробовали овладѣть кремлемъ, какъ они хитростями пытались подкопаться подъ стѣны, смоченныя кровью младенца, какъ безсильные они должны были отступить, а за ними въ погоню бросились нижегородцы и только у Лыскова застигли ихъ. Темная ночь, какія опускаетъ на землю глухая осень, не допустила сразиться обѣ рати, выстроенныя въ боевомъ порядкѣ, а когда подошло утро и поднялся чахлый разсвѣтъ, онъ нашелъ равнины надъ Лысковымъ пустыми. Полчища исчезли, словно ихъ поглотила земля, словно они разстаяли съ пропадавшей темнотой. Случилось безпримѣрное событіе, и русскіе и татары разошлись во свояси, не вступая въ бой, воспользовавшись темною ночью.

Позднѣйшіе архитекторы, не слѣдовавшіе осторожности Фрязина, возвели часть стѣнъ и церковь Святаго Духа, причемъ засыпали нѣкоторыя трубы, отводившія воду. Родники подточили основанія, часть стѣны рухнула и церковь поползла книзу.

Весь кремль, перерѣзанный красивымъ Ивановскимъ спускомъ, хранитъ нѣсколько любопытныхъ памятниковъ ввидѣ соборовъ. Тутъ же среди его стѣнъ высится и дворецъ губернатора, и громадное зданіе Аракчеевскаго кадетскаго корпуса, и острая высокая игла-обелискъ памятника Минина и Пожарскаго.

На большой площади передъ арсеналомъ высит-

ся гигантское бѣлое, некрасивое до оригинальности зданіе Преображенскаго собора. Колоссально бѣлый кубъ съ пятью башнями на крышѣ и пятью приплюснутыми серебряными куполами, безъ малѣйшаго украшенія, безъ всякой прихоти и намека на красоту, составляетъ главную святыню кремля. Только зеленыя водосточныя трубы ползутъ тонкими полосками по его неуклюжему ящико-образному тѣлу. Рядомъ восьмигранная бѣлая колокольня, немного склонившаяся на сторону, словно перебѣжала черезъ площадь и замерла въ ожиданіи, что всесильное время скоро совсѣмъ уронитъ ее.

Нѣсколько прекрасныхъ образовъ украшаютъ просторный, но мало красивый соборъ внутри. „Спасъ нерукотворный", привезенный изъ Суздаля, стѣнныя фрески, писанныя Селезневымъ, нижегородскимъ живописцемъ, и двѣ иконы Иверской Божьей Матери и Одигитріи обращаютъ на себя вниманіе. Подъ соборомъ—крипты. Это мрачное подземелье, церковь съ тремя алтарями, къ которой спускается небольшая лѣсенка. Здѣсь во мракѣ стоятъ гробницы независимыхъ нижегородскихъ великихъ князей, нижегородскихъ митрополитовъ и гробница Минина. Козьма Мининъ, этотъ великій гражданинъ, поднявшій свой городъ на защиту упадавшей и гибнувшей Москвы, спитъ подъ высокимъ саркофагомъ среди знаменъ нижегородскаго ополченія 1812 г. Тусклый свѣтъ лампадъ освѣщаетъ позолоту иконъ и балдахинъ, раскинутый надъ гробницей. Среди чуднаго садика, надъ Ивановскимъ спускомъ, описывающимъ петли по зеленому откосу, среди цвѣтущихъ сиреней, торчитъ остроконечный гранитный обелискъ. Эту каменную иглу видно съ Волги, она вырѣзается своимъ острымъ силуэтомъ

на фонѣ синяго неба, говоря о тѣхъ, въ чью честь она высится надъ Волжскими горами. На основаніи памятника барельефъ изображаетъ Минина съ парящими надъ нимъ двумя геніями, въ рукахъ которыхъ вѣнокъ. „Гражданину Минину благодарное потомство 1826 г.“, гласитъ одна надпись, другая надъ бюстомъ князя Пожарскаго: „Князю Пожарскому благодарное потомство 1826“.

Старый Архангельскій соборъ, самый старый въ Нижнемъ, построенный еще Юріемъ 2-мъ въ 13 вѣкѣ, похожъ нѣсколько на пирамиду. Это старое зданіе, съ старыми иконами, старыми вѣчевыми колоколами на башнѣ, гробницами князей и съ маленькой сторожевой башенкой, усѣвшейся между куполомъ и колокольней, откуда наблюдали за непріятелемъ. Старый видъ собора сразу внушаетъ вамъ уваженіе, такъ онъ характеренъ, величавъ и курьезенъ въ одно и тоже время.

Кремль—это орлиное гнѣздо города, хотя и здѣсь слышны толки о рублѣ, о томъ, что такой-то товаръ тотъ-то продалъ на гривенникъ дешевле, столько-то привезено рогожи и тюковъ товара и т. д... Да это иначе и быть не можетъ. Весь Нижній, всѣ его самые отдаленные уголки пропитаны духомъ торговли. Это его сердце, въ этомъ жизнь города. Даже въ Печерскомъ монастырѣ, лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ по живописнымъ крутикамъ надъ Волгой, въ его молчаливыхъ бѣлыхъ стѣнахъ интересъ торговли волнуетъ умы. Печерскій монастырь гордится своими мелодичными колоколами, такъ музыкально звучащими на 5 различныхъ ладовъ. Эти колокола Иванъ Грозный взялъ изъ Юрьева, который раззорилъ, а въ Юрьевъ они попали изъ Мекленбурга, гдѣ ихъ отлили. При

церкви Вознесенія хранится любопытная картина, представляющая разрушеніе монастыря въ 1598 г., случившееся отъ оползня горы. Такъ странно и здѣсь, вдали отъ городскаго шума, среди бѣлыхъ стѣнъ и церквей, въ монастырскомъ уединеніи случайно услышать, какъ монахи передаютъ другъ другу послѣднія новости торговой жизни города. Это звучитъ здѣсь такимъ неблагозвучіемъ, что сразу теряется обаяніе и прекрасной мѣстности и задумчиваго вида монастыря.

Во всемъ виновата пресловутая Макарьевская ярмарка, которая придаетъ свою физіономію всему городу, которая дѣлаетъ Нижній Новгородъ такимъ изъ ряду вонъ выходящимъ городомъ.

Всероссійское шумное торжище, привлекая торговцевъ и произведенія всей Россіи, Сибири, Туркестана, Индіи, Кавказа, Персіи, Китая, увеличиваетъ населеніе Нижняго съ 67 тысячъ душъ до 400 тысячъ и превращаетъ весь городъ въ арену шума, суеты, сутолоки и движенія, доводя обороты до 200 милліоновъ рублей. Въ былыя времена ярмарка была въ Казани, куда съѣзжались торговцы со всѣхъ концовъ Россіи, но въ началѣ 16-го вѣка великій князь Василій IV запретилъ купцамъ ѣздить въ Казань послѣ того, какъ одинъ изъ казанскихъ царей велѣлъ во время ярмарки перерѣзать всѣхъ русскихъ купцовъ. Не привившаяся въ Василь-Сурскѣ ярмарка была перенесена къ озеру „Желтыя воды“ близъ Макарьевскаго монастыря, гдѣ и были выстроены амбары и ряды. Послѣ страшнаго пожара 1816 года, испепелившаго всю ярмарку, ее перевели въ Нижній-Новгородъ и вотъ на длинной косѣ между Волгой и Окой выросъ оригинальный городъ, мертвый и пустой въ продолженіи десяти съ поло-

виной мѣсяцевъ и живущій только въ теченіи ярмарочнаго времени съ конца іюля по 20 августа той безшабашной, шумной, безумной жизнью, которая составляетъ одну изъ величайшихъ достопримѣчательностей Нижняго. Въ іюлѣ и августѣ Нижній не живетъ, а горитъ. Пароходы и поѣзда подвозятъ новыя и новыя толпы. Это настоящее наводненіе, а тамъ за Окой, на ярмарочной сторонѣ,—столпотвореніе Вавилонское.

Весной разливающіяся воды Волги и Оки топятъ всю косу, превращая этотъ удивительный городъ въ русскую Венецію. Зданія, лавки, амбары, величавый соборъ, громадный театръ, все торчитъ изъ моря воды, а по улицамъ ѣздятъ лодки. Такъ странно глядѣть на этотъ мертвый, наводненный городъ, съ заколоченными окнами, по улицамъ котораго катятся волны. Вода, поднимаясь иногда на 17 аршинъ, затопляетъ не только ярмарку, но и вышележащее Кунавино у желѣзнодорожнаго вокзала и Нижній базаръ. Со спадомъ водъ выступаетъ все болѣе и болѣе изъ воды этотъ удивительный городъ и 15-го іюля ярмарка открывается. Въ соборѣ служится торжественная обѣдня, совершается крестный ходъ къ прелестной малиновой, словно покрытой плюшемъ, Макарьевской часовнѣ, стоящей близь моста на берегу Оки. На двухъ мачтахъ, по бокамъ часовни, взвиваются флаги и съ этой минуты начинается лихорадочная жизнь. Макарьевская часовенка, изящная и красивая, съ прелестнымъ рѣзнымъ иконостасомъ, увѣнчанная пятью золотыми куполами, хранящая замѣчательный образъ Спасителя и во время ярмарки образъ Макарія, который привозится сюда изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, представляетъ драгоцѣнную бездѣлку. Весь ярмароч-

ный городъ, крайне правильно изрѣзанный продольными и поперечными улицами, раскинулся вокругъ стараго и новаго соборовъ и прекраснаго Главнаго дома, въ которомъ помѣщается ярмарочная администрація. Старый соборъ печально и скучно глядитъ на суету, особенно убитый новымъ соборомъ во имя Александра Невскаго, величественнаго кирпичнаго зданія, съ великолѣпными иконами, высоко поднявшаго свои башни и главы надъ всѣмъ городомъ. У самаго собора на площади брызжетъ въ каменной чашѣ фонтанъ, а вокругъ стоятъ красивыя зданія въ китайскомъ стилѣ, съ загнутыми кверху углами крышъ, съ пестрыми стѣнами и циновками. Здѣсь начинается китайскій рядъ съ стѣнами яркихъ цибиковъ, съ характерными балаганами, въ которыхъ разгружается чай. Сутолока и шумъ здѣсь постоянные. Самое аристократическое мѣсто ярмарки это бульваръ. Здѣсь сутолока царитъ невыразимая. Хотя ярмарка открывается 15 іюля, но главное ея оживленіе бываетъ въ августѣ, тогда бульваръ представляетъ любопытное зрѣлище. Пестрота публики, невыразимые шумъ и гамъ, разнощики и продавцы у лавокъ, различные экипажи и костюмы, все вмѣстѣ представляетъ такой любопытный и разноцвѣтный калейдоскопъ, что не скоро уйдешь отсюда. Тутъ и персы, и китайцы, и русскіе купцы въ длиннополыхъ кафтанахъ, и черномазые кавказцы съ огненными глазами, и проныры-цыгане, и плосколицые азіаты, а въ витринахъ роскошные бархаты, легкія ткани востока, пестрые шелка, всевозможные предметы роскоши, хрусталь и бронза, брилліанты и фарфоръ. Здѣсь на ярмаркѣ среди хаоса лавокъ, магазиновъ, бараковъ, амбаровъ, поднимаютъ свои купола красивая татарская мечеть съ своимъ задумчивымъ

минаретомъ и рядомъ лежащими караванъ-сараями, и армянская церковь, вблизи большаго ярмарочнаго театра. Надо самому видѣть все это движеніе, царящее здѣсь между Волгой и Окой, чтобы судить о немъ. Мостъ, перевязывающій Оку, совершенно черенъ отъ толпы, запрудившей его. Это безчисленные муравьи, дѣятельно бѣгущіе по проторенной своей дорожкѣ. Все, что можно продать, везутъ сюда на ярмарку со всѣхъ концовъ русской земли. Персія прислала громадные мѣшки и ящики миндаля, фисташекъ, изюма, грецкихъ орѣховъ, финиковъ, коринокъ, гигантскіе тюки восхитительныхъ персидскихъ ковровъ, скатертей и туфель. Платки, вышивки, ковры заполняютъ персидскій рядъ, цѣлыя горы шепталы заманчиво лежатъ на каждомъ шагу, а черноглазые персы въ ихъ фескахъ флегматично сидятъ рядомъ за чашкой кофе. Кавказъ прислалъ своихъ красивыхъ сыновъ въ ихъ обольстительномъ пестромъ облаченіи, съ ихъ издѣліями, коврами, серебряными вещами, бирюзой, легкими шелками и другими вещами. Китай привезъ свой чай, который въ пестрыхъ цибикахъ образуетъ высокія стѣны въ китайскомъ ряду, замѣчательномъ и статуями, изображающими сыновъ Небесной Имперіи, и самими продавцами китайцами. Сибирь привезла мѣха, дорогихъ соболей, песцовъ и снѣжнобѣлыхъ, пушистыхъ горностаевъ или чудныхъ бурундуковъ, съ ихъ маленькими полосатыми шубками, возбуждающими особенный восторгъ. Здѣсь все оптомъ. Яблоки лежатъ пирамидами и продаются телѣгами, гвозди — ящиками и т. д. Всюду суета, всюду невообразимая смѣсь народовъ, языковъ, національностей. Легіонъ большихъ и мелкихъ торговцевъ, надѣясь зашибить деньгу, тащатся въ Нижній. За

купцами съ ихъ приказчиками и за покупателями и туристами, цѣлой оравой плывутъ пѣсенники, арфистки, плясуны, акробаты, пѣвички, дамы изъ Амстердама всѣхъ національностей, знаменитости и шушера, фокусники и звѣринцы, всевозможные труппы артистовъ, цирки и maman'ы во главѣ пансіоновъ своихъ подмалеванныхъ дѣвицъ. Всѣ гостинницы, квартиры и комнаты берутся на расхватъ. Цѣны на все возрастаютъ чуть не втрое. Мертвый городъ, вымытый весенними водами, совершившими свое великое дѣло дезинфекціи, превращается въ центръ особенно шумной и лихорадочной жизни. Всюду царятъ шумъ и гамъ, всюду обитаетъ долгій веселый праздникъ, всюду блеститъ пузатый самоваръ, безъ котораго не обойдется ни единый купецъ, всюду льются золотою рѣкою деньги изъ кармана въ карманъ, товары увозятся горами и обозами, а на ихъ мѣсто подвозятся новые и новые. Волга и Ока кишатъ отъ судовъ. Безконечные свистки сливаются въ общій разгульный хаосъ, приливающій еще болѣе шума къ общей сутолокѣ. Весь воздухъ дрожитъ отъ несуразнаго концерта звуковъ. Это какой-то кипящій котелъ, попавши въ который, самъ дурѣешь, самъ заражаешься царящей здѣсь лихорадкой и сливаешься съ общимъ ярмарочнымъ настроеніемъ. Словно всѣ эти люди имѣютъ право жить только два мѣсяца въ году, исчезая на остальное время съ лица земли, и стараются въ эти два мѣсяца накричать, нашумѣть и пожить за цѣлый годъ.

Любопытна Сибирская пристань, этотъ городъ сараевъ и амбаровъ, стѣнъ тюковъ и мѣшковъ, башенъ ящиковъ и товаровъ. Васъ поражаютъ эти пирамиды товаровъ, закрытые брезентами, васъ

останавливаютъ эти громады пузатыхъ бочекъ съ поташемъ, эти груды сырыхъ кожъ съ ихъ пріятнымъ запахомъ. Здѣсь въ этой суетѣ оживаютъ даже сонные бухарцы, общая сутолока увлекаетъ и ихъ въ свой потокъ и заставляетъ ихъ измѣнить своей натурѣ. Съ самаго разсвѣта до 9 часовъ вечера городъ шумитъ и гудитъ, словно взялъ на это подрядъ и только вечеромъ на ночь захлопываются лавки, закрываются склады и вся эта громада съ соборами во главѣ погружается въ кратковременный сонъ, чтобы съ разсвѣтомъ загудѣть съ новой силой.

У самаго моста на островѣ, выступившемъ изъ водъ Оки, выростаетъ на это краткое время городокъ съ торговлей желѣзомъ, съ массой легкихъ домиковъ кузницъ и лачугъ, съ загорѣлыми и прокопченными дымомъ людьми, съ лязгомъ и звономъ желѣза, съ грудами гвоздей, подковъ, желѣзной посуды и другими сюда принадлежащими товарами.

На Окѣ и Волгѣ жмутся тысячи баржъ и этотъ плавучій городъ поражаетъ своей оригинальностью особенно вечеромъ, когда на безчисленныхъ мачтахъ загораются огоньки и не знаешь, гдѣ больше этихъ блестящихъ и мигающихъ звѣздочекъ—на небѣ или на Волгѣ и Окѣ. Съ вечерами начинается трактирная жизнь. Еще недавно купцы, разбогатѣвшіе на ярмаркѣ, спускали деньги въ безчисленныхъ притонахъ и ежегодно здѣсь оставались массы жертвъ ярмарочнаго разгула. Теперь безобразный разгулъ исчезъ, исчезли грандіозныя и безобразныя оргіи, но караваны прибывающихъ и алчущихъ легкой наживы попрежнему осаждаютъ Нижній, заполняя всѣ рестораны, кабаки и трактиры. По вечерамъ публика осаждаетъ театръ, кафе-шантаны,

циркъ, увеселительные сады. И вотъ, когда засыпаетъ гремящая ярмарка, выступаетъ знаменитая слобода Кунавино, сосѣдка ярмарочнаго города, трактирное значеніе котораго разнеслось во всѣ стороны. Здѣсь по ночамъ царитъ особенно развеселое житье. Всюду звучатъ оркестры, всюду горятъ огни, поютъ хоры и всѣ многочисленные кафе-шантаны, погреба и гостинницы переполнены народомъ. Это мѣсто кутежей, гдѣ пьютъ чаекъ съ „постными сливками“ и спрыскиваютъ удачные сдѣлки. Названіе Кунавино объясняютъ различно. Кто говоритъ, что оно произошло отъ слова „Куны“ т. е. денежные знаки, которыми уплачивали за перевозъ, здѣсь существовавшій въ старину; кто говоритъ, что это названіе произошло отъ сочетанія словъ „Кума—вина“, такъ какъ, будто, въ старину у перевоза жила здѣсь хозяйка постоялаго двора, общая любимица, прозванная кумой за ея ласковый характеръ, а кто говоритъ, что названіе произошло отъ слова: „канавы“, когда-то здѣсь бывшія въ слободѣ и давшія ей имя Канавино, теперь измѣненное. Одно изъ извѣстныхъ преданій про красавицу куму послужило темой для трагедіи Шпажинскаго: „Чародѣйка“. По этому преданію, красавица кума слыла чародѣйкой и приманивала чарами простой народъ, а въ концѣ концовъ и самого Нижегородскаго воеводу, который безъ ума влюбился въ нее. Княжичъ, сынъ воеводы, узнавъ причину тоски и слезъ матери, рѣшился убить куму и, взявъ оружіе и вѣрныхъ слугъ, переправился темной ночью черезъ Оку къ кумѣ. Красота и чары кумы побѣдили княжича и, отославъ слугъ, онъ остался у чародѣйки до утра. Видя погибель и мужа и сына, княгиня, доставши зелье отъ колдуна, жившаго вблизи

Нижняго на Кудьмѣ рѣкѣ, отправилась сама за Оку въ трактиръ къ кумѣ, предварительно одѣвшись странницей къ Святымъ мѣстамъ, убогой черницей. Подливши яду въ питье кумы, княгиня отравила ее, но умирая кума сказала, что и княгиня погибнетъ вмѣстѣ съ ней. Воевода, ворвавшись въ избу и узнавъ въ чемъ дѣло отъ умирающей кумы, задушилъ жену, убилъ прибѣжавшаго сына и велѣлъ бросить всѣ три трупа въ рѣку. Надъ тѣломъ кумы вспыхнулъ красный зловѣщій огонекъ, а надъ трупами княгини и княжича — радужные. Эти три огонька повлекли за собой стараго князя и онъ поскакалъ за ними по берегу. Доплывши до Волги, трупы поплыли нѣкоторое разстояніе противъ теченія, затѣмъ всѣ три огонька ярко вспыхнули и погасли, а трупы пошли ко дну. Прислужники нашли князя на берегу безъ чувствъ. Слухи объ убійствѣ дошли и до царя въ Москву и въ одинъ прекрасный день, когда князь, по обыкновенію, съ утра до вечера молился, окруженный монахами и странниками, въ соборъ ворвались всадники, схватили обезумѣвшаго отъ горя и ужаса князя, связали его, бросили на дровни и повезли по скованной льдомъ Волгѣ. И вдругъ надъ льдомъ загорѣлись три огонька: два радужныхъ и одинъ красный—зловѣщій. Всадники обезглавили князя и бросили его тѣло въ прорубь и, какъ только затонуло тѣло князя, надъ Волгой вспыхнулъ четвертый огонекъ, слился съ прежними и освѣтилъ страшнымъ пламенемъ всю Волгу и весь городъ. Главы соборовъ и монастырей запылали кровавымъ пламенемъ и всѣ откосы и кремлевскія стѣны, словно днемъ, освѣтились огнемъ. Въ ужасѣ всадники поскакали въ Москву, захвативъ голову князя, кото-

рую сожгли, по приказанію царя, и пепелъ разсѣяли по вѣтру на всѣ четыре стороны.

Самое интересное въ Кунавинѣ пестрая, оригинальная и блестящая по архитектурѣ часовня Федоровскаго монастыря, словно роскошная бездѣлушка, упавшая съ туалета знатной дамы, стоящая среди трактировъ и гостинницъ. Лежа выше ярмарки, слобода почти никогда не заливается водой во время весеннихъ наводненій. Эта слобода памятникъ прежняго безшабашнаго разгула и тѣхъ неописуемыхъ безобразныхъ пирушекъ, которыя уже отошли въ область преданій, хотя и теперь нерѣдко случается что купеческіе сынки, сорвавшись съ цѣпи, поминаютъ старое время дебошами, битьемъ зеркалъ и попойками. По вечерамъ словно жизнь съ ярмарки переливается сюда въ Кунавино. И всю ночь здѣсь звучатъ пѣсни и шумитъ и гудитъ слобода, залитая огнями, а вѣтеръ несетъ черезъ Оку этотъ сумбуръ веселыхъ звуковъ къ мирно спящимъ величавымъ старикамъ—соборамъ и монастырямъ, купола которыхъ горятъ безстрастнымъ и спокойнымъ блескомъ въ холодномъ сіяніи луны. Кунавино засыпаетъ только съ разсвѣтомъ, когда летучія мыши и совы прячутся въ расщелины Муравьевской дылды и, какъ ночница, спитъ днемъ подъ оглушающій шумъ гремящей рядомъ ярмарки, не слыша и не видя жизни этого гиганта, утомленная попойками за ночь.

12.

Нижегородско-Казанскій плесъ.

(Села и деревни. Яблочное царство. Василь-Сурскъ. Ветлужскія легенды. Козьмодемьянскъ. Чебоксары. Соловьиное царство).

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Некрасовъ.

Ежедневно отъ Нижегородскихъ пристаней отходитъ масса пароходовъ. Одни направляются вверхъ по Волгѣ къ Рыбинску, другіе внизъ къ Казани и Астрахани, третьи въ Каму къ Перми, четвертые по Окѣ къ Рязани. Пароходы, спускающіеся внизъ по рѣкѣ, напоминаютъ цѣлые дома. Эти плавучіе дворцы полны благоустройства, удобствъ и роскоши. Тутъ и висячіе балконы, и нѣсколько этажей прекрасныхъ каютъ, и столовыя съ великолѣпной кухней, и гостинныя съ фортепьяно, и темныя нѣдра для кладей, и повсюду проведенное электричество. И пароходы общества Самолетъ, и „Кавказъ и Меркурій“, и Американскіе гиганты, выстроенные по образцу пароходовъ на Миссисиппи, и Волжскаго Общества, всѣ устроены отлично. Точно громад-

ныя чудовища, плывутъ они по Волгѣ, перебирая своими колесами холодныя волны и тяжело пыхтя. Громко бьется ихъ раскаленное сердце, не уставая отъ быстраго бѣга, зорко глядятъ въ ночную тьму или туманы два разноцвѣтные глаза, громко и испуганно кричатъ ихъ трубы по ночамъ или радостно привѣтствуя проплывающихъ мимо собратій, такихъ же громадныхъ, такихъ же глазастыхъ и страшныхъ. Всѣ эти Алабама, Ніагара, Колорадо, Мисури, Миссисиппи, Алегани и другіе Американцы, настоящіе плавучіе дворцы, возможные только на такой громадной рѣкѣ, какъ Волга.

Очень многіе туристы начинаютъ свое путешествіе по Волгѣ только отъ Нижняго, прибывши по Московской желѣзной дорогѣ на берега Волги. Весной Волга безмѣрно широка, но послѣ спада водъ повсюду высовываютъ мели свои желтыя песчаныя спины, появляются безчисленные острова, поросшіе щетиной кустарниковъ и травой, фарватеръ съуживается и пароходы, щупая дно промѣромъ, медленно двигаются впередъ. Матросъ, стоя на носу, мѣряетъ глубину длинной палкой съ дѣленіями и однообразно выкрикиваетъ число футовъ.

—8, 7, $6^{1}/_{2}$, кричитъ онъ, 6... Пароходъ задерживаетъ ходъ и тихо, осторожно пробирается по обмелѣвшей рѣкѣ, страшась наскочить на мель. Еще непріятнѣе бываютъ туманы, окутывающіе непроницаемыми пологами и берега, и рѣку. Пароходы, страшась столкновенія, поминутно кричатъ надрывающимъ душу крикомъ, предупреждая одинъ другаго. За то весной, когда Волга гонитъ свои воды надъ островами, когда ночи душисты, полны свѣта и тепла, пароходы беззаботно летятъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лѣтомъ будетъ бродить скотъ или гдѣ

потянутся повозки. Во время разливовъ Волга отодвигаетъ берега такъ далеко одинъ отъ другаго, что линія горъ пропадаетъ въ синеватой дали и, кажется, что плывешь по громадному чуть не безбрежному озеру.

Нижній заворачивался въ сторону. Вотъ обрисовалось со всѣми деталями пригородное село съ Печерскимъ монастыремъ и потянулись береговыя горы, поросшія лѣсомъ. Богатыя и торговыя села и деревни почти сплошь покрываютъ берега Волги за Нижнимъ. На вершинахъ горъ повсюду хлопаютъ своими неуклюжими крыльями вѣтряныя мельницы, зеленые кудри лѣса падаютъ до самой воды и только иногда ихъ прерываютъ чернѣющіе глубокіе овраги. Весь правый берегъ—горный кряжъ, то подымающійся, то понижающійся, то обрывающійся отвѣсно въ рѣку желтыми откосами, то отбѣгающій отъ Волги. Тополя и цвѣтущія черемухи вошли въ высокую воду. Съ вершины горы между зарослями вяза вьется змѣйкой дорожка, а въ оврагѣ гремитъ ручеекъ. Вотъ столица огурцовъ—Подновье, за нимъ потянулись мелкій кустарникъ и скучные пустыри, кое-гдѣ оживленные горящими кострами. Волга внесла насъ въ узкіе проливы между островами и отмелями. Куда ни глянешь—все низины. Только порой мелькнетъ встрѣчная лодочка, покажется толстая баржа или встрѣчный пароходъ, выступая изъ-за кустовъ, и крикнетъ пронзительно и жалобно, оживляя однообразіе и мертвенность береговъ. Лѣтомъ здѣсь еще скучнѣе. Весной хоть много воды и не видны эти безконечныя отмели, наводящія тоску. Правый берегъ, весь изрѣзанный оврагами, снова сталъ крутымъ и подошелъ своими обрывами къ рѣкѣ. Два боль-

шія торговыя села Великій Врагъ и Кетово проплыли мимо.

Пароходъ вошелъ въ узкій проходъ. Слѣва шумѣли листьями тополя большаго полузатонувшаго въ весеннемъ разливѣ острова. Справа отъ пролива среди поэтической мѣстности, среди кручъ и овраговъ раскинулось село Безводное. Его хорошенькая церковь взгромоздилась на вершину горы, а яблочные сады покрыли откосы. Многіе домики залѣзли въ воду и разливъ мылъ волнами ихъ стѣны. Это село удочекъ и проволочныхъ издѣлій.

Зеленые луга, одѣвшіе, какъ бархатомъ, горы, вдругъ отступили куда-то въ даль направо, излучины берега, синеватыя и сизыя, горбами рисовались по небу, а вдали среди Волги на высокомъ мысу заблисталъ куполъ церкви точно огненная звѣздочка. Эта бѣлая церковь села Кадницы видна изъ далека сквозь полуденное марево; ея бѣлая колоколенка словно висѣла въ воздухѣ.

Цѣлый рядъ Шереметьевскихъ селъ на правомъ берегу глядѣлъ на синія дали, на безконечныя низины противуположнаго берега, на березовыя чащи. Тутъ и Кувардина, и Голошубиха, и богатое, широко раскинувшееся село Работки, и село Татинецъ съ красивою церковью, и Юркино, противъ котораго лежитъ въ Волгѣ большой островъ, весь заросшій тополемъ.

На этомъ разстояніи Волга глотаетъ святыя для старообрядцевъ воды рѣки Керженца, заросшія дремучими лѣсами, въ которыхъ ютятся всякіе звѣри и раскинулись раскольничьи скиты. Тамъ вдали на его берегахъ жили разбойничьи шайки, туда, въ непролазную глушь, удалялись недовольные и воды Керженца выносили въ ладьяхъ удалыхъ молодцевъ

въ Волжское раздолье и уносили ихъ въ свою заповѣдную глушь обратно, когда они возвращались съ богатой добычей, въ ту глушь, куда проникали только иноки и гдѣ въ уединенныхъ скитахъ возносились жаркія молитвы — покинувшихъ суетный міръ. Мы вошли въ расширеніе Волги, въ одно изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ всего ея теченія. Еще изъ далека, словно среди воды, показались стѣны и церкви, полныя таинственности и величаваго покоя. Это былъ Старо-Макарьевъ, нѣкогда богатый, теперь обѣднѣвшій городокъ съ его тихимъ монастыремъ. На другомъ берегу за громадной отмелью, отрѣзавшей судоходную Волгу, лежитъ громадное и богатое село Лысково, выросшее на мѣстѣ древняго города Сундовита, этотъ разжившійся Волжскій кулакъ, этотъ неутомимый и дѣятельный торговецъ, засѣвшій здѣсь еще въ 15-мъ вѣкѣ. За его 9 церквями цѣлый лѣсъ вѣтряныхъ мельницъ. Я никогда не видалъ такой массы мельницъ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, а ихъ болѣе 150, быстро ворочали своими большими крыльями, застя и солнце и зарю. Въ Волжскомъ протокѣ, противъ отмели, около 50 водяныхъ мельницъ перебирало воду, вертя жернова, размалывая зерна, а около трехъ сотъ большихъ амбаровъ раскинулось по косогору, всѣ полные хлѣбнаго богатства. Пароходъ, пробѣжавъ Лысково, остановился у села Исадъ, необыкновенно поэтично лежащаго на груди Фадѣевыхъ горъ, оттѣняющихъ своимъ лѣсомъ бѣлую церковку, взгромоздившуюся на крутикъ. Деревянные мостки и лѣсенки поднимаются отъ пристани къ этому горному селу, къ его разбросаннымъ по кручамъ избамъ, къ высоко лежащей церкви, къ небольшому красивому саду. Волга здѣсь широка и образовала цѣлое озеро, ко-

торое подбѣгаетъ къ стѣнамъ Старо-Макарьевскаго монастыря и грызетъ ихъ. Одна изъ стѣнъ уже рухнула въ волны, теперь Волга работаетъ надъ второй, подтачивая ее денно и нощно, а тихій отшельникъ, этотъ одинокій монастырь глядитъ своими облупившимися круглыми башнями въ небеса, смиренно снося несчастья. Теперь это бѣдная обитель, живописно прильнувшая къ самой рѣкѣ, вырѣзывающаяся своими церквями и башнями на безоблачномъ небѣ. Въ былыя времена, когда въ Макарьевѣ царила ярмарка, перенесенная теперь въ Нижній, монастырь процвѣталъ и городъ жилъ шумной и веселой жизнью. Его основалъ св. Макарій, искавшій на Волгѣ уединенія и устроившій на Желтоводскомъ озерѣ, близь Макарьева, Троицкій монастырь. Увезенный во время татарскаго погрома въ плѣнъ, Макарій былъ отпущенъ съ условіемъ, не возстановлять Троицкій монастырь, и тогда былъ заложенъ этотъ Макарьевскій на самомъ берегу Волги. Онъ глядитъ своими тихими колокольнями въ далекія небеса и, словно мечта, словно чудная греза религіознаго сна, словно милое видѣніе, проплываетъ мимо старецъ-монастырь. Его покой кажется еще покойнѣе, его безмолвіе еще безмолвнѣе, его святость еще святѣе отъ близости шумнаго Лыскова, полнаго духа наживы, земныхъ вожделѣній, кипучей дѣятельности и свиста крыльевъ вѣтряныхъ мельницъ.

За Исадами ползутъ горы, зеленыя и кудрявыя, словно завитыя. Вотъ мелькнуло село Бормино съ красивой красной церковью и домиками на гребешкѣ горы и опять потянулась красивая Волжская панорама съ ея островами, селами, мысами, обрывами и появляющимися отмелями. Много поэтич-

ныхъ уголковъ, много глубокихъ, манящихъ овраговъ, много душистыхъ кущъ черемухъ и тополей. Но вотъ предо мной развернулась снова одна изъ прелестнѣйшихъ страницъ Волжскихъ береговъ. Это царство яблонь. Весной, во время цвѣтенія, берега полны неописуемыхъ красотъ. Всѣ эти села и деревни, какъ Фокино, Сомовка, Разнѣжки и др., потонули въ яблочныхъ садахъ. Всѣ горы, отъ самой Волги до гребней, сплошь покрыты яблонями, которыя ползутъ и цѣпляются по стѣнамъ обрывовъ и по крутикамъ. Все небольшія деревья, прекрасно окопанныя, сидящія въ круглыхъ чашахъ земли, выкопанныхъ для поливки. Эти яблочные сады такъ-же къ лицу Волгѣ, какъ виноградникъ—Рейну, съ его готическими соборами и старыми развалинами замковъ. Широкой Волгѣ, съ ея круглыми горушками, песчаными обрывами, торговыми селами, старыми монастырями, румяное яблоко пристало болѣе всего. Во время цвѣтенія всѣ горы покрыты розовато-бѣлымъ снѣгомъ цвѣтовъ. Всѣ откосы стоятъ словно въ свадебномъ нарядѣ, словно покрытые легкимъ кружевнымъ уборомъ. Сладкій ароматъ цвѣтовъ несется весною съ горъ, облитыхъ молокомъ цвѣтовъ, цѣлыя тучи пчелъ, мухъ и бабочекъ носятся надъ этимъ весеннимъ чуднымъ букетомъ и наполняютъ воздухъ жужжаніемъ. Изрѣдко мелькнетъ песчаный обрывъ или гладкій, зеленый, точно выстриженный холмъ, и пропадетъ въ волнахъ яблочнаго моря, которое топитъ въ своихъ цвѣточныхъ волнахъ и домики и села.

Мимо проплыло печальное мѣсто, могила цѣлаго села Ловецкаго, погребеннаго оползнями горы. Новые яблочные сады бѣлѣли на далекомъ разстояніи. Осенью горы получаютъ красноватый оттѣнокъ, деревья гнут-

ся подъ тяжестью плодовъ, а по Волгѣ плывутъ баржи и лодки съ горами яблокъ. Бываютъ года, что не знаютъ, куда дѣвать яблоки, хоть Волгу ими пруди. Снова потянулись низины и скучныя отмели, снова горы убѣжали куда-то вдаль отъ рѣки. Волга, проглотивъ воды Суры, разлилась озеромъ, а нашъ пароходъ, пересѣкая его, полетѣлъ къ мысу у слiянiя рѣкъ, гдѣ стоитъ Василь-Сурскъ, городъ прославленныхъ сурскихъ стерлядей, съ которыми спорятъ только шекснинскiя, уступая первенство стерляжей столицѣ Василю. Василь-Сурскъ типичный, скверный уѣздный городокъ, но прекрасно амфитеатромъ лежащiй по горамъ. Большое зданiе острога и двѣ церкви бросаются въ первую же минуту въ глаза. Прекрасный видъ открывается съ горы на долину Суры, которая громадными зигзагами подходитъ къ городку и усиленно грызетъ гору. Разсказываютъ, что давно въ день Преполовенiя въ воды рухнула церковь со всѣми молящимися, подточенная волнами. Многiе домики подперты, многiе обрушились въ Суру, многiе были снесены. Когда къ Василю подъѣзжаешь ночью, то множество огоньковъ заставляютъ предположить порядочный городъ, но при дневномъ свѣтѣ Василь—производитъ нехорошее впечатлѣнiе. Кромѣ стерлядей городъ гордится дубовой рощей, насаженной самимъ Петромъ Великимъ, и чуднымъ видомъ на почти несудоходную вслѣдствiи карякъ Суру. Вскорѣ исчезла изъ виду стерляжья столица и вдоль берега потянулись ломанныя линiи прелестныхъ, дикихъ и кудрявыхъ горъ. Липа, дубъ, кленъ, вязъ и неразлучный спутникъ Волги—тополь, образовали зеленыя кущи. Совсѣмъ дѣвственныя мѣста. Ни села, ни деревеньки, ни одинокаго жилья на разстоянiи 20

верстъ, только одинъ лѣсъ шумитъ по горамъ, да Волга плещется меланхолично и задумчиво у береговыхъ обрывовъ. Лѣтомъ, когда цвѣтетъ липа, ароматъ душистаго лѣса обдаетъ весь пароходъ. Словно чудныя, опьяняющія воздушныя волны охватываютъ васъ. Весной здѣсь дышатъ тополя и въ береговыхъ кустахъ перекликаются соловьи.

Кончился лѣсъ. За глубокимъ оврагомъ выплыло село Сумки, глядящее на большой Сумскій островъ по срединѣ Волги. Солнце зарумянило небо своимъ закатомъ и освѣтило красивую дачу Шереметьевыхъ, выстроенную въ видѣ стараго западно-европейскаго замка, лежащаго на плоскомъ лѣвомъ берегу рѣки. Яркое зарево заката зажгло всѣ волны и онѣ, заигравъ таинственными огнями, побѣжали въ тѣнь чернѣющаго лѣса, зубцами вырѣзывающагося по фону неба. Длинная коса, какъ узкая отмель, заползла далеко въ Волгу, отбѣжавъ отъ лѣваго берега. Ее намыла Ветлуга, эта рѣка лѣсовъ и глухихъ дебрей, рѣка плотовщиковъ и баржъ, рѣка сектантовъ и мнимыхъ кладовъ, полная таинственности и сказаній, рѣка чудесъ и легендъ, съ ея дивными озерами, въ которыхъ слышится колокольный звонъ и скрыты незримые города, на берегахъ которой постоянно ютились разбойники и куда скрывались всѣ недовольные и бѣглые.

До сихъ поръ живутъ легенды о несмѣтныхъ кладахъ Ветлужскихъ лѣсовъ и ея глухихъ дебрей и мѣстное населеніе охотно вѣритъ имъ, вѣритъ всякимъ намекамъ на кладъ, всякимъ подкиднымъ записямъ и идетъ на поиски. Давно исчезли непроходимые, глухіе Ветлужскіе лѣса, много селъ разсѣлось по берегамъ рѣки, а поэтичныя былины, таинственные разсказы до сихъ поръ окружаютъ эту мѣстность.

Въ верховьяхъ притока Ветлуги, рѣчки Люнды, лежитъ поэтичное и прекрасное озеро Свѣтлояръ или Китешъ, съ чудной, прозрачной водой, съ холмистыми берегами, покрытыми кудрявыми березовыми рощами, полное обаятельной тишины и священныхъ легендъ. Когда-то здѣсь на берегахъ стоялъ прекрасный городъ Китешъ, полный храмовъ, монастырей и высокихъ колоколенъ, выстроенный псковскимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Когда подъ зубчатыми стѣнами города явился Батый съ своими полчищами, разгромившими всю Русь, и окружилъ городъ, князь, не видя спасенія, упалъ на колѣни и обратился съ горячею мольбой къ Богу. И вдругъ городъ со всѣми его храмами, монастырями, жителями и съ княземъ погрузился въ нѣдра земли, а на его мѣстѣ сошлись прозрачныя, какъ слеза, воды озера Свѣтлояра, въ которомъ и теперь иногда слышится колокольный звонъ и таинственные голоса. Раскольники вѣрятъ, что въ Китешскомъ монастырѣ, незримо находящемся у водъ Свѣтлояра, живетъ извѣстное опредѣленное число благочестивыхъ старцевъ, убыль которыхъ всегда пополняется новыми. Поступаютъ старцы и избираются по внутреннему влеченію и должны слѣдовать по трудному и опасному пути, называемому „Батыева дорога", съ котораго нельзя обернуться, иначе надо навсегда отказаться отъ мысли попасть въ Китешъ. Другое святое мѣсто Нестіаръ-озеро, свѣтлое, прозрачное, съ таинственной невидимой обителью. Говорятъ, что скрытая церковь, въ которой живутъ 7 старцевъ, была чудомъ перенесена въ праздникъ Преполовенья Господня изъ Василь-Сурска во время обѣдни со всѣмъ молящимся въ ней народомъ и очутилась въ далекихъ Ветлуж-

скихъ лѣсахъ. Кто въ посту и молитвѣ проведетъ нѣсколько дней на берегахъ святаго озера, до того донесутся отдаленные колокола, тотъ услышитъ недоконченную обѣдню и стройное пѣніе, подымающееся съ прозрачныхъ глубинъ, тотъ увидитъ бѣлую колокольню Василь-Сурской церкви, блескъ ея золотыхъ крестовъ, свѣтъ ея горящихъ лампадъ, но набѣжавшая зыбь сразу унесетъ видѣніе и озеро снова тихое и прозрачное, молчаливое и таинственное, погрузится въ обычный покой. Въ Нестіаръ-озерѣ водится періодами рыба, то снѣдки, то щука и окунь, рыбы, не могущія жить вмѣстѣ, какъ враждебныя другъ другу. Замѣчательно, что при появленіи щуки и окуня, снѣдки совсѣмъ исчезаютъ. Періоды каждой рыбы длятся 20, 30, 40 и даже 50 лѣтъ. Предполагаютъ, странствованіе рыбъ по озерамъ съ подземными сообщеніями.

Противъ устья Ветлуги на правомъ берегу на маленькой рѣчкѣ Юнгѣ—лежатъ село Покровское (или Юнга) и Троицкій посадъ, а затѣмъ въ густѣющемъ сумракѣ, за горами и обрывами, показался Козьмодемьянскъ, красиво лежащій по откосу и высоко поднявшій серебряныя главы своей красной церкви. На самомъ берегу церковка, старая, дряхлая, съ курьезной колоколенкой ввидѣ сахарной головы, напоминаетъ о взятіи Азова, такъ какъ выстроена на мѣстѣ Спасской башни, когда-то воздвигнутой по обѣту здѣшнихъ ратниковъ, счастливо вернувшихся съ войны въ родной городъ. Безпорядочный, скучный городокъ черемисовъ уныло глядитъ на Волгу своими покосившимися домиками, въ которыхъ стали зажигаться огоньки. На пристани стояла суета. Бѣлые суконные кафтаны мужчинъ, подпоясанные ремнями, а также бѣлые бала-

хоны, обшитые по подолу и ободкамъ рукавовъ яркимъ кумачемъ, бѣлыя же косынки на головахъ женщинъ, массы бусъ, монетокъ, бисера и оригинальный четырехъугольникъ изъ кожи, повѣшенный на груди и весь зашитый бисеромъ и монетами, сейчасъ же выдѣлили черемисовъ изъ пестрой толпы, толкавшейся на пристани. Отъ Козьмодемьянска начинаются поселенія черемисовъ и чувашей, среди которыхъ долгое время процвѣтала страшная месть. Человѣкъ, чтобы досадить врагу, вѣшался на его воротахъ и тѣмъ заставлялъ его извѣдать всѣ муки волокиты по судамъ. Оживающій въ первые два лѣтніе мѣсяца, май и іюнь, во время лѣсной ярмарки Козьмодемьянскъ погружается на все остальное время въ безпробудный сонъ. За то въ первую половину лѣта здѣсь царитъ большое оживленіе. Безконечные плоты, бѣляны и баржи запружаютъ весь берегъ, всюду вздымаются яркіе огни костровъ и по вечерамъ Козьмодемьянскъ кажется красиво иллюминованнымъ. На пристани толкались продавщики палокъ и дубинокъ, именуемыхъ „козьмодемьянками“, нерѣдко прихотливо вырѣзанными и составляющими достопримѣчательность мѣстнаго производства, бойко раскупаемую туристами. За городомъ Волга покрылась островами. Полузатопленные, они выставили цѣлыя дебри кустовъ, которыя одѣли непроницаемой кущей всѣ отмели и отлогіе выступы берега. Луна играла въ многочисленныхъ протокахъ и рукавахъ рѣки, вѣяло прохладой, пахло водой и молодой зеленью смолистаго тополя, кудрявой березой и цвѣтами распускающагося луга. Съ острововъ неслись трели, серебряные колокольчики, хлестанье и трескъ соловьевъ, то томное и влюбленное, то веселое и беззаботное. Пѣсни этихъ весеннихъ

поэтовъ и пѣвцовъ ея прелестей, складывающихъ свои поэмы и романсы въ глухомъ уединеніи у плещущихъ или задумчивыхъ водъ, наполнили весь воздухъ. Казалось, что пѣли кусты, пѣли волны, пѣли воздушныя струи. Только соловьиное пѣніе оглашало величавую тишину Спасо-Гіеронтьевской пустыни, давно уже упраздненной и грустно смотрящей своими забытыми и заброшенными колокольнями на осеребренную рѣку. Въ свѣтѣ луны пустынь показалась еще болѣе мертвой и пустынной и охотно повѣрилось бы въ разсказы о привидѣніяхъ, населяющихъ эти мертвые, молчаливые своды и церкви около забытаго погоста. Кое-гдѣ по берегамъ теплились одинокіе огоньки въ деревушкахъ праваго берега, выступившихъ изъ черныхъ тѣней дубовыхъ лѣсовъ.

Столица чувашей, излюбленная ихъ обитель, любопытный уголокъ Поволжья, предстала, облитая луннымъ свѣтомъ. Всѣ пассажиры уже спали, такъ какъ въ Чебоксары пароходъ приходитъ довольно поздно. Я видѣлъ Чебоксары и неоднократно посѣщалъ городъ на пути изъ Казани въ Нижній. Странное впечатлѣніе производитъ онъ съ его кривыми улицами и закоулками, упирающимися въ заборы. Городъ расположенъ безъ всякаго плана по очень живописному откосу надъ рѣкой. Это большая деревня съ сѣрыми избушками, съ остатками древняго вала тѣхъ временъ, когда послѣ взятія Казани городъ сталъ играть большую роль и даже спорилъ своею наружною обстановкою съ Нижнимъ Новгородомъ. 14 церквей образовали группу, а вокругъ нихъ, какъ испуганное стадо вокругъ пастуха, сплотились домики. Скучно, уныло въ Чебоксарахъ, многія закрытыя церкви производятъ впечатлѣніе

забытыхъ памятниковъ кладбища. Повсюду растетъ трава. Около полуразрушенныхъ церковныхъ лѣстницъ лѣса крапивы и чистотѣла, груды обломковъ и мусора. Старинная колокольня Вознесенской церкви, представлявшая достопримѣчательность города, какъ падающая башня, вслѣдствіе опусканія почвы, утратила по перестройкѣ всякій интересъ. Осталась другая падающая башня, которая грозитъ паденіемъ. Она принадлежитъ къ маленькой ветхой церкви Михаила Архангела, поднялась нѣсколькими желтыми ярусами и склонилась въ сторону рядомъ стоящей церкви Владимірской Божьей Матери, тоже старой, тоже изгрызенной временемъ, уныло поднявшей свои пять куполовъ на длинныхъ шейкахъ.

Тутъ же въ кучѣ церквей стоитъ и Введенскій соборъ съ иконой Богоматери „Торарумъ", какъ ее называютъ чуваши, что означаетъ Матерь Божья. Это мѣстная святыня. Старый соборъ когда-то былъ истиннымъ украшеніемъ города и блисталъ своимъ устройствомъ, выцвѣтшемъ, полуразрушеннымъ теперь. Только знаменитые его колокола, подобранные по звуку, по прежнему гудятъ чуть ли не на 25 верстъ по Волгѣ. Здѣсь же въ городѣ въ Троицкомъ монастырѣ, основаніе котораго приписываютъ временамъ Іоанна Грознаго, за большой каменной стѣной въ часовнѣ находится величайшая мѣстная святыня: рѣзной изъ дерева образъ во весь ростъ Николая Чудотворца, держащаго въ одной рукѣ мечъ, а въ другой церковь, въ кованномъ серебряномъ и вызолоченномъ одѣяніи. Образъ зовется чувашами и черемисами: судьей. Передъ этой иконой всякій говоритъ правду и нерѣдко во из-

бѣжаніе судебныхъ дѣлъ тяжущіеся являются къ образу и кончаютъ дѣло миролюбивымъ путемъ.

За Чебоксарами снова красиво лежащія села Казанской губерніи, страны чувашей, черемисовъ—луговыхъ и горныхъ, т. е. обитателей лѣваго и праваго береговъ. За Маріинскимъ посадомъ, бывшимъ селомъ Сундырь, Волга бѣжитъ между многочисленными островами, образуя тихіе заливы, обсыпая желтыя береговыя кручи. Черныя сосны, подошедшія было къ самой рѣкѣ, смѣнились снова веселой зеленью липы и дуба, а желтыя кручи бархатомъ луговъ и холмовъ. Вотъ и Козловка, въ которую свозятъ для отправки на казанскіе мыловаренные заводы милліоны яицъ, осталась позади и издали среди тумановъ показался Свіяжскъ, выстроенный съ военными цѣлями, по приказанію Іоанна Грознаго, на отдѣльно стоящей плоской горѣ, при сліяніи Свіяги съ Волгой. Свіяжская гора, обрѣзанная кругомъ отвѣсными обрывами, лежитъ лѣтомъ среди множества озеръ и садовъ, исчезающихъ весною подъ весенними водами, которыя превращаютъ городъ въ крутой островъ. Благодаря вреднымъ испареніямъ по спадѣ водъ и постоянному болотному воздуху, Свіяжскъ нездоровое мѣсто и первые воины, присланные Іоанномъ въ городъ, выросшій, какъ по щучьему велѣнью, мерли отъ цынги и лихорадки, вызывая взрывы недовольства среди остававшихся въ живыхъ. Теперь это городъ соловьевъ, которыхъ здѣсь видимо-невидимо, которые возлюбили свіяжскіе сады, всѣ изрѣзанные озерами и протоками уходящей въ свое ложе Волги. Изъ-за зелени торчатъ колокольни церквей и двухъ монастырей, изъ которыхъ одинъ—Богородицкій, хранитъ мощи своего основателя Святителя Гермоге-

на, и придаютъ фантастичный видъ высоко лежащему надъ кручами среди воды—городу. Городской бульваръ, разведенный надъ обрывами, открываетъ во всѣ стороны такіе восхитительные виды на Волгу, на окружающія городъ съ трехъ сторонъ горы, на безконечные луга, изрѣзанные самыми прихотливыми по формѣ арабесками озеръ и протоковъ, на села, деревеньки, посады, рощи, удивительно живописно разбросанные кругомъ, на змѣистую Свіягу, которая серебрится среди полей и рощъ, что вполнѣ стоитъ подняться въ запущенный, унылый городъ, съ его развалившимися валами, и взглянуть на поразительную панораму. Соловьевъ здѣсь такая масса, что оркестръ ихъ поражаетъ всякаго. Особенно ихъ много въ сѣверо-западной части города, гдѣ раскинули свои старыя вѣтви гигантскіе вязы и куда горожане ходятъ слушать своихъ очаровательныхъ пѣвцовъ. Весной соловьи Свіяжска составляютъ положительную достопримѣчательность.

Тихая Макарьевская пустынь проплыла мимо, совсѣмъ прильнувъ къ рѣкѣ, стоя въ темномъ ущельи у крутыхъ лѣсистыхъ горныхъ обрывовъ. По преданію, и ее основалъ все тотъ же дѣятельный Макарій Желтоводскій, возвращаясь изъ татарскаго плѣна, и именемъ котораго, окруженнаго легіономъ сказаній, полонъ весь этотъ Казанскій плессъ. Снова потянулась красивая Волжская панорама съ ея прелестными, хотя и однообразными деталями, ласкающими глазъ, и за большимъ селомъ Моркваши и деревней Печище, съ ея плитными ломками и алебастровымъ заводомъ, показался Верхній Услонъ, противъ котораго впадаетъ въ Волгу рѣчка Казанка. Прекрасный ажурный силуэтъ Казани, стараго татарскаго города, выплылъ, подернутый легкой дым-

кой, которую произили стройные минареты мечетей, сквозь которую начерталась курьезная башня Сумбеки и христіанская пагода, одна изъ курьезнѣйшихъ церквей Руси, Петро-Павловскій соборъ, придавшіе Казани такой сказочный обликъ.

13.

Казань.

(Пристань. Братская Могила. Кремль. Сумбекова башня.)

Какъ тяжела борьба двухъ клятвъ,
Когда они другъ друга убиваютъ.
Шекспиръ.

На землѣ уйдешь дальше, когда скрываешь ошибки, чѣмъ когда показываешь добродѣтели.
Пети-Сеннъ.

Я знаю мало городовъ, которые имѣютъ такой сказочно-прекрасный силуэтъ, какъ старая татарская Казань, созданная на мѣстѣ Болгарской столицы. Въ первый разъ я увидѣлъ Казань на пути своемъ въ Сибирь, только что вернувшись изъ западной Европы. Чудный разсвѣтъ залилъ все небо розовой зарей и на ея дымчатомъ пологѣ высились черныя башни и колокольни съ золотящимися обожженными восходомъ верхушками. Минареты, кремль съ бѣлыми стѣнами и толстыми башнями, высоко сидящій на горѣ, Сумбекова башня, зелень садовъ, большіе купола церквей, хаосъ домовъ, все сложилось въ очаровательную картину, полную несказанныхъ чаръ. Долго я любовался отдаленно лежащей полувосточной красавицей, этого историческаго города съ кровавымъ прошлымъ, этого ключа Сибири, когда

то замкнутаго татарами, чтобы отрѣзать русскимъ путь на Каму и Уралъ, это легендарное гнѣздо змѣй, наводившихъ ужасъ на окрестности. Этотъ „умственный центръ Поволжья", какъ ее величаютъ теперь, этотъ прекрасный городокъ съ столичной жизнью, сидящій въ самой серединѣ Волги, на перекресткѣ громадныхъ путей, торговыхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, славный городъ Казань, сохранившій до нашихъ дней свою полувосточную физіономію рядомъ съ блескомъ прекраснаго современнаго города.

Стоя на рубежѣ Европы и Азіи, полная когда то восточнаго блеска, безчисленное число разъ горѣвшая, падавшая подъ ударами враговъ, взлетавшая на воздухъ, полная мусульманскаго фанатизма, заклятый врагъ Москвы, Казань окутала свое прошлое поэтичною вуалью и окружила его рядомъ сказаній и легендъ. Одна изъ нихъ говоритъ, что одинъ изъ хановъ Золотой Орды, разрушивъ Болгарское царство, спалилъ его столицу и казнилъ его царя. Скрывшійся сынъ казненнаго бѣжалъ и основалъ городъ при впаденіи рѣчки Казанки въ Волгу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ горы образовали крутой уголъ и гдѣ будто бы одинъ изъ слугъ царевича уронилъ въ рѣчку котелъ (по татарски „казанъ"), что и дало названіе и рѣкѣ и городу. Легенды разсказываютъ, что это мѣсто въ старину считалось „поганымъ", вслѣдствіи массы змѣй и кабановъ, которые водились здѣсь повсюду. И татарскія и русскія легенды разсказываютъ о колдунахъ и волхвахъ, уничтожившихъ змѣй. Они приготовили съ осени громадный костеръ изъ хвороста и соломы, въ который заползли всѣ змѣи, чтобы перезимовать въ готовомъ и тепломъ мѣстѣ, и до наступленія ве-

сенняго тепла, сожгли всѣхъ гадовъ. Казань виднѣется съ пристани длинной панорамой, слившаяся со всѣми многочисленными своими пригородами въ одно большое море зданій. Пароходныя пристани находятся лѣтомъ, когда Волга войдетъ въ берега въ 7 верстахъ, а весной въ 4 отъ города. Волга ушла отъ города и только во время весеннихъ разливовъ сливаетъ свои воды съ волнами Казанки, превращая всѣ возвышенныя мѣста громадной низменности въ острова. Всѣ пароходныя пристани всѣхъ многочисленныхъ Волжскихъ и Камскихъ компаній лежатъ рядомъ. Масса загорѣлыхъ бритыхъ татаръ денно и нощно таскаетъ гигантскіе тюки и ящики на спинахъ и удивляешься, какъ тяжесть не раздавитъ ихъ. Татары имѣютъ громадные желѣзные крючья, которыми они, какъ когтемъ, зацѣпляютъ за тюкъ и ловко взваливаютъ его себѣ на спину, придерживая тяжесть во время ходьбы этимъ желѣзнымъ когтемъ. Пристань представляетъ необыкновенно курьезное зрѣлище, особенно лѣтняя. Пестрая оживленная толпа, суетящаяся среди этого деревяннаго селенія, состоящаго изъ сплошныхъ трактировъ, гостинницъ съ скверными и дешевыми номерами, изъ амбаровъ, сараевъ и лавокъ съ горами товара. Длинная и высокая дамба соединяетъ пристань съ городомъ. Весеннія воды не заливаютъ ея полотно, по которому скользятъ конки. Здѣсь на пристани, въ этой деревянной слободѣ, цѣлый рынокъ всякой всячины. Среди сыпучаго песка, въ которомъ тонутъ ноги, разставлены прилавки со всевозможными припасами для рабочихъ. Осенью здѣсь лежатъ горы арбузовъ, винограда, яблоковъ и грушъ. Здѣсь продаютъ всякія мелочи, шапки, валенки, обувь, зелень, мясо, одежды, здѣсь стоятъ стѣны ящиковъ

и бочекъ, горы рогожъ и тюковъ, батареи сѣрыхъ, пыльныхъ мѣшковъ и кулей. Цѣлыя толпы загорѣлыхъ носильщиковъ снуютъ поминутно взадъ и впередъ, разгружая и нагружая пароходы, длинные обозы безпрестанно тянутся къ городу и обратно. Въ этихъ татарахъ-носильщикахъ и татарахъ-продавцахъ—столько оригинальнаго, столько интереснаго, что трудно отвести отъ нихъ глаза. Удивляешься только, что такой городъ, какъ Казань, имѣетъ такую отвратительную пристань.

По дорогѣ къ городу—ѣдешь пустырями и болотами къ Адмиралтейской слободѣ, которая служитъ весеннею пристанью. Здѣсь громадный крупчатый заводъ Романова или „Романовская мельница", какъ ее здѣсь всѣ называютъ, и старый сарай, въ которомъ хранятся галера „Тверь", та историческая галера, на которой прибыла Екатериная II-я въ Казань, и шлюпка Императора Павла.. Здѣсь же увеселительный садъ Тиволи съ музыкой и представленіями. Отъ слободы до города тянется высокая часть дамбы. Среди воды весной или на курганѣ лѣтомъ стоитъ курьезный памятникъ по убіеннымъ при взятіи Казани. Это часовня ввидѣ усѣченной, темной пирамиды, осѣненной крестомъ, съ колончатыми бѣлыми прекрасными входами, придающими видъ чего-то египетскаго зданію. Это мрачный и унылый памятникъ надъ безчисленными убитыми, сотни череповъ которыхъ виднѣются изъ подъ приподнятой крышки гроба въ подземной части часовни. 2-го октября ежегодно часовня оглашается заупокойнымъ пѣніемъ по убитымъ. Это надгробный памятникъ не только убитымъ, но цѣлому царству татаръ, былому блеску и силы этой соперницы Москвы, восточной Казани. Основатель Казани,

старый татарскій ханъ, при закладкѣ города велѣлъ закопать живымъ одного изъ трехъ пословъ, на котораго падетъ жребій и которыхъ онъ послалъ для отысканія мѣста. Жребій палъ на ханскаго сына, случайно бывшаго среди пословъ. Приближенные пожалѣли его и спрятали, а на выбранномъ мѣстѣ была зарыта собака. Когда обманъ раскрылся, старый ханъ очень обрадовался, что сынъ его живъ.

„Мы погубили сами себя, сказалъ онъ, отъ жестокой судьбы намъ не уйти. Если бы мое приказаніе было исполнено, никогда бы не могло пасть Казанское царство, а теперь пройдутъ года, придутъ враги-гяуры и покорятъ насъ". И дѣйствительно, прошли вѣка и Москва съ Казанью вступили въ борьбу. Кровью написана вся исторія этого города, кровью омыты всѣ стѣны, башни и холмы. Ханы, занимавшіе казанскій престолъ, смѣнялись, изгонялись и были убиваемы. Безконечныя мрачныя трагедіи омрачали узорчатые дворцы, воды Казанки приняли не мало мѣшковъ съ зашитыми въ нихъ несчастными. Всѣ эти ханы Ибрагимъ, Магметъ-Аминь, Шигъ-Алей, Саигъ-Гирей, Сафа-Гирей, Улу-Магметъ, жестокіе и деспотичные, ослабляли царство внутренними раздорами и, постоянно воюя съ Москвой, подготовили трагическій конецъ татарскому царству. Еще въ 1550 году отраженный казанцами, Іоаннъ 4-й въ (1552 году), послѣ отказа татаръ сдаться, обложилъ прекрасный городъ, поднявшій свои безчисленные минареты, башни и дворцы. 150 орудій громили городскія стѣны, заставивъ умолкнуть городскую пальбу. Не смотря на блестящій военный планъ татаръ, отдѣлившихъ часть войска, чтобы напасть на русскихъ съ тыла и отрѣзать подвозимую провизію, Курбскому удалось истре-

бить этотъ отрядъ въ теченіе 10 дней. Онъ перебилъ всѣхъ плѣнныхъ мужчинъ и привелъ въ лагерь женщинъ и дѣтей изъ всей на 150 верстъ опустошенной имъ мѣстности. Несчастныхъ подвели къ стѣнамъ города, предлагая казанцамъ сдаться, въ противномъ случаѣ угрожая убить всѣхъ плѣнныхъ. Сами казанцы убили въ негодованіи всѣхъ своихъ, выпустивъ тучи стрѣлъ съ высокихъ городскихъ стѣнъ. Узнавъ, что казанцы берутъ воду изъ рѣки, спускаясь по тайному ходу Тайницкой башни, Грозный велѣлъ подвести 11 бочекъ пороха подъ это мѣсто, и башня взлетѣла на воздухъ. Но казанцы нашли какой-то гнилой источникъ въ городѣ и, не смотря на болѣзни и смерть отъ употребенія этой воды, мужественно держались. Каждая вылазка оканчивалась рѣзней. Черезъ 5 недѣль осады взлетѣла на воздухъ другая башня и часть стѣны и русскіе овладѣли Арской башней. Началась ужасающая битва. Вся Казань превратилась въ боевое поле. Улицы, мосты, мечети и дома сдѣлались мѣстами смерти и ужаса. Кровь текла ручьями по ступенямъ домовъ и камнямъ. Однако утомленные русскіе, не получивъ поддержки, должны были отступить и, уходя, они зажигали дома. Казань запылала страшнымъ пожаромъ. Въ волны огня валились и стѣны и стройные минареты... Но татары справились и съ огнемъ и проломами. Перваго октября Іоаннъ собралъ все войско и объявилъ, что рѣшительный мигъ насталъ. И всѣ солдаты исповѣдались. Утро 2 октября поднялось ясное, тихое и озарило розовой зарей истомленный, измученный, полуразрушенный городъ. Всѣ стѣны были покрыты казанцами. Ни единая стрѣла, ни единый выстрѣлъ не нарушалъ тишину. Въ церкви Іоаннъ слушалъ читающаго діакона. Солнце

начинало подыматься и его лучи упали сквозь окна... И вдругъ грянулъ ужасающій громъ, задрожала земля, заколебалась церковь. Темное густое облако взвилось надъ городомъ, гдѣ съ трескомъ и грохотомъ рушились башни, падали стѣны и дома, стонали люди. Іоаннъ возвратился въ церковь, но вскорѣ второй взрывъ, еще сильнѣе перваго, повергъ въ гибель и разрушеніе чудный городъ. Раздался крикъ Іоанна „съ нами Богъ" и тысячи знаменъ задвигались, заиграли бубны и трубы и войска двинулись въ падающій городъ. Отчаянное, страшное, фанатическое: „Алла, Алла" раздалось въ несчастной Казани. Изъ города посыпались бревна, полилось кипящее масло, горячій варъ, загремѣли пушки... Это былъ адъ. Люди превратились въ львовъ. Стоны и вопли слились въ ужасающій хаосъ. Казань, чувствуя гибель, видя неизбѣжное паденіе, уже съ развѣвающимися христіанскими знаменами надъ кремлемъ, превратила всѣ закоулки, всѣ улицы, всѣ дома въ новыя крѣпости и твердыни. Казань рыдала, Казань стонала, Казань истекала кровью, умирая, и въ этотъ послѣдній мигъ смерти и паденія она была героиней, львицей, боровшейся изо всѣхъ силъ. Всѣ мечети превратились въ кровавыя бойни, а когда русскіе ворвались въ ханскій дворецъ, они встрѣтили тамъ царя Едигера, окруженнаго знатными татарами, и тысячи прелестныхъ нарядныхъ женщинъ. Но и этотъ блескъ, и эта парча и красота не остановили нападавшихъ. Тогда татары въ отчаяніи взвели Едигера на башню: „Слушайте, крикнули они, было у насъ царство и мы умирали за него, мы защищали его. Теперь Казань ваша, берите и царя, живаго, неуязвленнаго. Ведите его къ Іоанну, а мы идемъ въ поле

испить послѣднюю чашу". Они бросились съ стѣнъ, сбросили тяжелые доспѣхи и уплыли по Казанкѣ...

Эта темная пирамида—могильный памятникъ восточной Казани и тѣхъ безчисленныхъ героевъ, которые пали у ея стѣнъ. Волга ежегодно вымываетъ безчисленныя кости по всей луговинѣ вокругъ грустной братской могилы, гдѣ покоятся только немногія собранныя кости. Какъ темно, какъ жутко внизу, въ этомъ подземельѣ, при свѣтѣ восковой свѣчи около гроба съ приподнятой крышкой. Я поспѣшилъ наверхъ и сѣлъ въ лодку, которая повезла меня къ дамбѣ отъ этого одинокаго островка съ его памятникомъ, словно плавающимъ по весеннимъ высокимъ водамъ.

Далѣе отъ дамбы, тоже на островѣ, лежитъ Зелантовъ монастырь. Основанный въ 1552 году, онъ уже былъ однажды разрушенъ весенними водами и теперь перенесенъ на Змѣиную гору, гдѣ, по преданію, жилъ крылатый змѣй Зелантъ, имѣвшій двѣ головы: одну змѣиную, другую воловью, и наводилъ ужасъ на всю окрестность, пока какой-то кудесникъ не убилъ его.

Самъ городъ лежитъ на горѣ и заползъ своими кремлевскими стѣнами и круглыми, сѣрыми, тупыми башнями на самый мысъ у рѣки Казанки. При подъемѣ на гору бросаются въ глаза громадные и неуклюжіе корпуса казармъ въ кремлѣ, красивая Спасская башня изъ сѣраго камня у кремлевскихъ воротъ, увѣнчанная орломъ и хранящая набатный колоколъ, звонъ котораго такъ удручающе дѣйствуетъ на всякаго, возвѣщая пожаръ. Спасская башня стоитъ съ 16 вѣка незыблемо, сложенная прочно прежними каменщиками изъ прежняго кирпича. Она пережила бунтъ Пугачева, видѣла храбрый отрядъ гимназистовъ

и учителей, оборонявшихъ свой городъ, она выдержала ужасное разстрѣливаніе сильной батареи Пугачева, поставленной у гостиннаго двора и видѣла, какъ защитники кремля уже готовились къ смерти, она пережила страшный пожаръ и погромъ этого времени, когда рухнули 25 церквей и 3 монастыря, разграбленные и сожженные Пугачевымъ. Большой образъ Спаса Нерукотвореннаго, огражденный рѣшеткой, глядитъ съ лицевой ея стороны, около вѣчно теплящейся лампады. Сколько страшныхъ пожаровъ пережила эта башня и стоитъ до сихъ поръ, какъ стояла въ тѣ дни, когда Великій Петръ проходилъ рядомъ, занятый мыслями сдѣлать Казань торговымъ центромъ, для чего насаждалъ заводы, и прокладывалъ дороги въ далекую Сибирь, когда Екатерина 2-я въѣзжала въ рядомъ лежащіе кремлевскія ворота, направляясь къ дворцу. Спасская башня глядитъ на Воскресенскую улицу, этотъ Невскій Казани и на Іоанно-Предтечинскій монастырь съ главной церковью, построенной по образцу Василія Блаженнаго въ Москвѣ.

Я вошелъ въ кремль. Отъ прежнихъ двойныхъ деревянныхъ стѣнъ Улу-Магомета и слѣда не осталось. Нынѣшняя каменная стѣна сохранила со временъ Пугачевскаго погрома только три башни. Здѣсь, въ прежней крѣпости, толпились обезумѣвшія отъ ужаса жены и дѣти татаръ, осиротѣвшія во время страшныхъ войнъ, здѣсь они наполняли воздухъ жалобными криками, погибая отъ голода, неспособныя послѣ своихъ гаремовъ ни къ какой работѣ и давшія, должно быть, понятіе о „казанскихъ сиротахъ“, которое живетъ и теперь въ нашемъ разговорѣ.

Бывшій царскій дворецъ, превращенный въ гаупт-

вахту, и присутственныя мѣста первыми встрѣтили меня. Маленькая церковь Кипріана и Устиніи, прижавшаяся къ стѣнамъ Спасо-Преображенскаго монастыря, выдвинулась своимъ крылечкомъ впередъ. Она была построена по повелѣнію Грознаго въ память взятія Казани, основанная 2-го октября, въ знаменитый день побѣды. Рядомъ Спасо-Преображенскій монастырь спрятался за бѣлой стѣной, къ которой идетъ березовая аллейка. Здѣсь въ храмѣ покоятся мощи святителя Варсонофія, труженическая жизнь котораго протекла въ этихъ стѣнахъ. Здѣсь же надгробный памятникъ Кахетинскаго царевича Теймурза съ надписью: „стани здѣсь, путниче, надъ гробомъ умилися, помни смерть, о усопшемъ помолися".

Здѣсь же въ кремлѣ красивый зеленый дворецъ, въ которомъ живетъ губернаторъ, а рядомъ стоящая и связанная съ нимъ церковь выдаетъ по внѣшнему виду свое происхожденіе изъ прежней мечети. Хорошенькій скверъ покрылъ Кремлевскую площадь и разлегся между дворцомъ съ его колончатымъ фасадомъ и снѣжно-бѣлымъ прекраснымъ тѣломъ Благовѣщенскаго собора. Это изящное, красивое строеніе съ высокой колокольней, соединившей въ себѣ и татарское зодчество и московскія постройки. Соборъ этотъ основанъ въ 1552 году и его алтарь находится какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Іоаннъ IV водрузилъ русское знамя. Много драгоцѣнныхъ сосудовъ и предметовъ дѣлаютъ ризницу собора очень интересной. Въ соборѣ въ богатой ракѣ—мощи Святителя Григорія. Въ Тайницкой башнѣ кремля до сихъ поръ существуетъ на громадной глубинѣ тотъ источникъ, изъ котораго брали воду осажденные казанцы и надъ

которымъ выстроена на мѣсто взорванной башни еще во времена Іоанна IV-го нынѣ стоящая. Но лучшій памятникъ Казани, ея главная достопримѣчательность, полная оригинальности и восточности, это старая башня Сумбеки. Это многоэтажный, прекрасный минаретъ, единственный минаретъ мечети стараго ханскаго дворца, поднимающійся цѣлой системой башенъ, сидящей одна на другой, ввидѣ пирамиды, къ своему шпилю, на которомъ надъ государственнымъ гербомъ, помѣщеннымъ во времена Анны Іоанновны, блеститъ золотой шаръ. Башня поднялась на 35 сажень и придаетъ много своеобразной красоты всему кремлю. Облицованная въ послѣднее время кирпичемъ, башня много проиграла безъ своего цвѣта дикаго камня. Легенда разсказываетъ, что молодая, прелестная царица Сумбека, не будучи въ состояніи пережить паденіе Казанскаго царства, бросилась въ отчайніи съ вершины этой башни. Извѣстно, что 13-лѣтняя Сумбека, дочь хана Ногайскихъ татаръ, была отдана въ жены казанскому царю Эналею, умерщвленному черезъ годъ послѣ свадьбы. Сумбека плѣнила призваннаго казанцами Сафа-Гирея, который, не смотря на все ея нежеланіе и отвращеніе къ нему, женился на ней. Около 13 лѣтъ Сумбека страдала, пока Сафа-Гирей случайно не убился, напившись до безчувствія. Малютка сынъ Сумбеки былъ провозглашенъ царемъ, но когда прежній царь казанскій Шихъ-Алей, поддерживаемый Россіей, сталъ вновь претендовать на престолъ, Сумбека должна была сложить корону и была отправлена съ сыномъ въ Москву при громкомъ плачѣ всего народа, провожавшаго несчастную царицу до ея ладьи.

Я взобрался на верхній этажъ этого курьезнаго

памятника прошлой славы татарской Казани и остановился совсѣмъ очарованный восхитительнымъ видомъ, внезапно развернувшимся предо мной. Вся Казань, какъ на ладони, была у моихъ ногъ, особенно длинная, широкая равнина, гдѣ воды Казанки бросаются въ объятія Волги. Внизу подо мной былъ кремль, толстыя бѣлыя стѣны котораго тяжело огибали вмѣстѣ съ своими башнями это гнѣздо монастырей и церквей съ садикомъ въ серединѣ. Дворцовая церковь, эта былая мечеть, четырехъугольная, построенная этажами, какъ Сумбекова башня, съ тремя ярусами совершенно различныхъ оконъ, съ восточнымъ типомъ всего прелестнаго зданія, подняла рядомъ съ минаретомъ, на вершинѣ котораго я стоялъ, свою горящую на солнцѣ единственную луковку. Вся Казань, лежащая какъ древній Римъ, какъ бѣлокаменная Москва, на семи холмахъ, была передъ моими глазами. Безчисленныя церкви поднимали свои луковки, небольшія иголки минаретовъ высовывались изъ сѣраго хаоса лачугъ татарской части. Вонъ выглянулъ величавый куполъ Казанскаго монастыря съ его главной святыней иконой Казанской Божьей Матери, вонъ поднялись серебряные купола Воскресенской церкви и ослѣпительно сіяли на солнцѣ, вонъ высунулись бѣлыя готическія башенки прелестной и миніатюрной. какъ игрушечка, лютеранской церкви, съ краснымъ тѣломъ и бѣлыми карнизами, стрѣльчатыми окнами и колоннами. Зелеными пятнами разлеглись сады по ложбинамъ между холмовъ, а внизу подъ горой, на мысу которой стоитъ кремль и по гребню которой проходитъ Воскресенская улица, разлегся сѣрый невзрачный хаосъ лачугъ и сараевъ торговой части города. И среди этого моря складовъ, трактировъ,

рядовъ, скверныхъ домишекъ, которые сжались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ тамъ внизу у горы и у синѣющаго Кабанъ-озера, поднимаются безчисленныя желтыя, синіи, зеленыя, бѣлыя, розовыя церкви, безъ вкуса выстроенныя, какіе-то выродки архитектурнаго искусства, странныя и безобразныя до того, что производятъ оригинальное впечатлѣніе и придаютъ много прелести этому сѣрому, скверному торговому городу. Какія-то индійскія пагоды, курьезныя бесѣдки, фантастическіе грибы, толстыя башни высятся повсюду и вдали на окраинѣ у Кабанъ-озера смѣняются граціозными минаретами, этими мусульманскими свѣчами, воздвигнутыми, какъ побѣдоносныя копья, во славу Аллаха. И среди этой тѣсноты выдѣляется поразительный соборъ Петра и Павла, точно сказочный дворецъ Черномора, сидящій на крутикѣ, на спускѣ изъ верхняго города въ нижній. Воды разлива образовали громадное озеро, испещренное островами, перерѣзанное дамбой. Вонъ Зелантовъ монастырь съ его бѣлыми стѣнами и бѣлой же башней, занявшей вершину острова, вонъ живописныя Кизицы на поросшемъ черными соснами островѣ. Возлѣ небольшаго села Кизическій монастырь поднялъ свою красную колоколенку, которая отражается въ водѣ. Вонъ мрачная пирамида — казанской братской могилы. Памятникъ словно плыветъ по водѣ. Зеленыя рощи, слободы, извивы Волги раскинулись во всѣ стороны. Ширь и просторъ необъятные. Лѣтомъ, когда воды сбѣгутъ, вся равнина покрыта прудами и болотцами, между которыми вьется узенькой лентой Казанка, пробѣгая между всѣми этими пригородами Гривкой, Ягодной, Пороховской, Игуменовой, Адмиралтейской слободой, лежащими маленькими городками вмѣстѣ

съ прижавшимися къ нимъ рощами и кладбищами.

Отсюда съ вершины башни смотрѣла несчастная Сумбека на свое погибающее царство, на падающій восточный блескъ и исчезнувшее теперь зодчество, отъ котораго уцѣлѣлъ этотъ единственный чудный минаретъ.

Вокругъ кремля разведенъ бульваръ, обрывающійся зеленымъ откосомъ къ Казанкѣ. Весь городъ гуляетъ здѣсь, любуясь чудными видами весенняго разлива и островами, извивами Казанки, бѣгущей мимо любимыхъ поэтическихъ уголковъ Казани нѣмецкой и русской Швейцаріи, съ ихъ обрывами къ рѣкѣ и прекрасными садами, мимо знаменитаго Арскаго поля, гдѣ нѣтъ пяди земли не облитой, русской и татарской кровью, гдѣ происходили ожесточенныя битвы москвичей и казанцевъ и гдѣ еле виднѣются у самой рѣки толстые камни, остатки былаго историческаго моста, по которому прошло столько великихъ міра сего по пути ссылки въ Сибирь. Этотъ былой мостъ былъ Рубикономъ. Перешедшій его стоялъ уже одной ногой въ Азіи. Сколько героевъ, блиставшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ у троновъ царей и царицъ, прошло въ рубищахъ этотъ мостъ. Здѣсь на этомъ мосту на пути своемъ въ Пелымь знаменитый Биронъ, отправляемый въ ссылку, встрѣтилъ возвращаемаго назадъ къ жизни и свѣту Остермана, котораго остзейскій временщикъ заточилъ во время своего полновластія въ Сибирь и куда самъ теперь шелъ смѣнить его. Здѣсь на этомъ мосту они встрѣтились и, не сказавъ ни слова, смѣрили другъ друга краснорѣчивыми взглядами. По этому мосту проѣхала телѣга съ несчастной семьей Меншиковыхъ на пути своемъ

въ Березовъ. Должно быть мостъ не выдержалъ стоновъ и слезъ, раздававшихся здѣсь на порогѣ къ мраку и гибели, и рухнулъ въ Казанку, оставивъ еле замѣтные слѣды у береговыхъ обрывовъ...

14.

Казань.

(Продолженіе).

(Парадная Казань. Соборъ Петра и Павла. Казанскій монастырь. Татарская слобода. Услонъ. Раифская пустынь).

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ.
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатный.
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Державинъ.

Нынѣшняя Казань, съ ея многочисленными заводами, съ ея прославленнымъ казанскимъ мыломъ, которое здѣсь на Волгѣ въ Казани, играетъ роль пресловутаго одеколона на Рейнѣ — въ Кельнѣ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ и живыхъ городовъ всего Поволжья.

Главная Воскресенская улица, которая начинается отъ Спасской башни кремля, застроенная однообразными домами, сосредоточиваетъ лучшіе магазины города. Въ самомъ началѣ стоитъ большой гостинный дворъ, бывшій караванъ-сарай татаръ.

Торговля Казани давно упала, а было время, что казанскіе купцы имѣли свои чайные плантаціи въ Индіи, что всѣ товары съ Камы, Вятки и Бѣлой, а слѣдовательно и Сибири и Индіи, шли черезъ Казань, которая, какъ сторожевой песъ, улеглась у воротъ къ востоку, у впаденія Камы въ Волгу. Еще до существованія Казани въ этихъ мѣстахъ было богатое Болгарское царство, лежащее со временъ Батыя, ввидѣ жалкихъ развалинъ, царство, служившее складомъ западнымъ и восточнымъ товарамъ и передавшее это свое значеніе Казани. Еще теперь до 116 заводовъ и фабрикъ существуютъ въ Казани, но отдаленность отъ города пристаней и плохое ихъ устройство, а также возрастающее значеніе другихъ городовъ, какъ Рыбинска и Самары, заставляютъ караваны судовъ проплывать мимо.

Очень любопытный уголокъ Казани по его восточному колориту, по его суетѣ и пестротѣ „Толкучка“ или „Толчокъ“ какъ его здѣсь называютъ, находящійся возлѣ гостиннаго двора на Сѣнной площади. Здѣсь преимущественно торгуютъ татары, чуваши, черемисы и мордва. Что за типы! Что за любопытныя лавченки! Что за оригинальная суета! Тутъ продаютъ и платки, и халаты и старое платье, и обувь, и посуду, и лошадей. Здѣсь татаринъ является въ своей стихіи торговлѣ и расторопно и ловко зашибаетъ копѣйку, которую нерѣдко раститъ въ капиталъ, устраиваетъ заводы и магазины, становя торговлю на широкую ногу, честно и добросовѣстно ведя свои дѣла.

Здѣсь же на Воскресенской находится блестящій пассажъ, стоившій 10 милліоновъ мѣстному гражданину Александрову и выстроенный архитекторомъ Рушемъ съ изяществомъ и вкусомъ, ставящимъ эту

галерею магазиновъ на одну доску съ лучшими пассажами Европы. На колоннахъ у входа змѣи, намекающія на то, что городъ построенъ на змѣиныхъ горахъ.

Здѣсь же на Воскресенской красивый кирпичный соборъ Воскресенья съ четырьмя башнями по угламъ и одной громадной въ серединѣ, одѣтыми серебряными куполами, и съ большой четырехъ-ярусной колокольней. Здѣсь же и окружной судъ и казанская alma-mater университетъ, съ его ботаническимъ садомъ, зоологическимъ, физическимъ и ботаническимъ кабинетами, съ богатой и всѣмъ доступной библіотекой, химической лабораторіей. музеемъ древнихъ монетъ и этнографическимъ музеемъ, съ интереснымъ собраніемъ костюмовъ и предметовъ обихода Казанскаго царства, а также и каменныхъ орудій, отрытыхъ на берегахъ Волги на мѣстѣ древнихъ Болгаръ. Зданіе университета, медицинскій и восточный факультеты котораго особенно хороши, украшено рядомъ колоннъ. Въ анатомическомъ музеѣ находятся два любопытные скелета разбойниковъ Бычкова и Чайкина, былой грозы всей губерніи, перерѣзавшихъ массу народа и умершихъ подъ плетьми. При университетѣ еще недавно были женскіе курсы, которые закрылись за неимѣніемъ средствъ. Здѣсь же вблизи находится громоздкое и неуклюжее зданіе клиники. Не смотря на университетъ, вліяніе котораго почти не сказывается на обывателей, не смотря на многочисленныя училища, академіи, гимназіи и институтъ, не смотря на библіотеки, которыхъ нѣсколько въ городѣ, и на довольно многочисленныя изданія періодической печати, Казань все-таки—тотъ же провинціяльный городъ съ его сплетнями и стремленіемъ къ внѣшнему

блеску, какъ почти всѣ многочисленные города нашей обширной Руси.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ Казани, конечно, ея Петро-Павловскій соборъ, лежащій на спускѣ Гостинnодворской улицы въ нижнюю, скверную торговую часть города. Это какая-то сказочная фантазія, какое-то необычайное строеніе далекаго волшебнаго Востока, это задумчивая пагода Индіи, принесшаяся съ береговъ священныхъ рѣкъ, это таинственный дворецъ очарованнаго принца гдѣ-нибудь въ Дамаскѣ или Багдадѣ временъ сказокъ 1001 ночи, это поэтическій капризъ геніальнаго архитектора, давшаго образецъ поразительнаго зодчества. Это громадныхъ размѣровъ соборъ, рядомъ стоящій съ маленькой совершенно другаго стиля отдѣльной колоколенкой. У насъ на Руси четыре такихъ изумительныхъ сказочныхъ церкви: одна Василій Блаженный въ Москвѣ и три на Волгѣ: Іоанна Крестителя въ Толчковскомъ пригородѣ Ярославля, Строгановская въ Нижнемъ-Новгородѣ и этотъ соборъ въ Казани. По оригинальной окраскѣ къ нимъ примыкаетъ еще пятая курьезная церковь Костромы: Воскресенье на Дебрѣ. Петро-Павловскій соборъ выстроенъ купцомъ Микляевымъ въ 1726 году въ память пребыванія Петра Великаго въ Казани. Много разъ онъ горѣлъ, много разъ рушился, но теперь возстановленъ во всемъ своемъ оригинальномъ видѣ, вычурной красотѣ и удивительной окраскѣ—на деньги, завѣщанныя для этой цѣли однимъ священникомъ. Желтый съ удивительными бѣлыми, зелеными и красными карнизами и рисунками, пестрыми торчащими вверхъ, какъ зубцы короны, язычками по краямъ далеко выдающихся крышъ, съ прелестными колоннами въ виноградныхъ

листьяхъ и гроздяхъ, несущій на среднемъ четырехъугольномъ корпусѣ восьмигранный, двухъэтажный пестрый павильонъ, крытый курьезной крышей съ рѣшетчатыми гребешками и небольшой башней въ серединѣ, соборъ давитъ маленькую, очаровательную башенку, стоящую пестрымъ многоэтажнымъ и многоугольнымъ минаретомъ рядомъ. Ни грандіозность, ни прелесть архитектуры современныхъ церквей, ни блескъ ихъ живописи, ни богатство ихъ убранства изъ золота и драгоцѣнныхъ камней не сравнятся съ этими курьезными до геніальности старичками русскаго стариннаго зодчества, съ ихъ дѣтски наивными фресками, съ ихъ пузатыми колоннами, съ ихъ таинственностью и обаятельнымъ впечатлѣніемъ, которое они производятъ до сихъ поръ.

Блестящая Казань лежитъ въ Грузинской улицѣ, у Никольской площади, у Чернаго озера и въ Покровской улицѣ. Черное озеро—это провалъ, глубокій ровъ среди улицы, въ которомъ разведенъ тѣнистый садъ съ цвѣтниками, гдѣ играетъ музыка и куда собираются по вечерамъ гуляющіе. Здѣсь любопытны татарскія семьи. Молодыя татарскія женщины и дѣвушки, жизнь которыхъ прежде была обречена на вѣчное сидѣніе дома, ѣду и ничего недѣланье, подъ вліяніемъ Европы, покинули свои терема и являются и на улицахъ, и на гуляньяхъ. Ихъ пестрые, вышитые золотомъ и парчей костюмы, масса позументовъ и продырявленныхъ монетъ, которыми онѣ украшаютъ груди, перевязи и бусы въ волосахъ и на шеѣ, ихъ окрашенные зубы и ногти въ черный цвѣтъ, подведенныя брови и рѣсницы сюрьмой, набѣленныя и нарумяненныя щеки придаютъ имъ до сихъ поръ обликъ гаремной затворницы. Очень многія надѣваютъ вуали и чадры только въ силу старин-

наго обычая. Многіе татарскіе молодые люди давно уже облеклись въ европейскій костюмъ, а въ танцахъ заткнули за поясъ патентованныхъ танцоровъ.

Хорошъ рядомъ лежащій садикъ съ памятникомъ Державину, на который глядятъ прекрасныя зданія городскаго театра и Дворянскаго собранія съ великолѣпной концертной залой. Какъ отрадно видѣть памятникъ русскому поэту! Ихъ такъ мало у насъ на Руси, что каждый изъ нихъ является истинной драгоцѣнностью. Державинъ сидитъ съ арфой въ рукахъ на высокомъ пьедесталѣ, изрѣзанномъ барельефами. Тутъ и музы, вѣнчающія поэта, и онъ самъ, воспѣвающій Фелицу. Потомокъ татарскаго мурзы, Багрима, воспитанникъ Казани, его родины, ученикъ здѣшней гимназіи, онъ навсегда остался въ своемъ родномъ городѣ, который прославилъ своимъ величіемъ. Кругомъ раскинулись цвѣтники до самой Николаевской обширной площади, когда-то страшнаго пустыря, гдѣ снимали шубы съ прохожихъ и гдѣ стояли кругомъ жалкія лачуги. Со временъ Николая I площадь измѣнила свою физіономію и на одной изъ сторонъ ея выросъ удивительный садъ, нѣчто въ родѣ пресловутыхъ садовъ Семирамиды. Садъ растетъ на вышинѣ одного этажа. Вязы и клены, цвѣтники и бесѣдки прихотливо раскинулись красивыми группами надъ длиннымъ рядомъ лавокъ, которыя выставили свои дымовыя трубы среди зелени сада на подобіе обелисковъ... Эта курьезная затѣя принадлежитъ домовладѣльцу Юшкову.

Каждый, посѣщающій Казань, считаетъ долгомъ поклониться мѣстной святынѣ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, случайно найденной послѣ страшнаго пожара 1579 года, испепелившаго

большую часть города. Икону эту нашла дочь стрѣльца 10-ти лѣтняя Матрена, которая, какъ говоритъ легенда, видѣла во снѣ Божію Матерь, указавшую ей мѣсто нахожденія своего образа. Найденный образъ оказался точнымъ спискомъ съ иконы, привезенной изъ Іерусалима въ Константинополь греческой царицей Евдокіей. Во вновь основанный монастырь въ честь Казанской Божіей Матери первой инокиней вступила Матрена. Копія съ этой творившей чудеса иконы была увезена въ смутное время въ Москву ратниками изъ Казани, шедшими на спасеніе первостольной и ей, этой Казанской Божіей Матери, приписано спасеніе Москвы отъ поляковъ. Въ ея честь былъ выстроенъ соборъ въ Москвѣ, гдѣ она долго находилась, пока Петръ Великій не увезъ ее въ Петербургъ, гдѣ икона, спасшая Москву, копія Казанской, находится въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ земли—въ Казанскомъ соборѣ. Въ Казани икона стоитъ въ великолѣпномъ соборѣ Казанскаго монастыря, богато убраннаго колоннами, съ 7 ярусной красивой колокольней, куполъ которой паритъ надъ всѣмъ городомъ. Казанскій дѣвичій монастырь, окруженный стѣной, совсѣмъ отдѣльный маленькій городокъ. Здѣсь въ соборѣ постоянная толпа народа, здѣсь сходятся странники со всей Россіи поклониться Казанской Божіей Матери, сіяющей богатствомъ своихъ ризъ. Одна риза жемчужная, въ которой я и увидѣлъ впервые Богородицу. Это море жемчуга ихъ великолѣпныхъ сіяющихъ зеренъ. 1700 драгоцѣнныхъ камней горятъ пестрыми огнями отъ тысячей лампадъ и бросаютъ трепетные, пестрые лучи на чудную ризу. Около 500 великолѣпныхъ брильянтовъ горятъ въ вѣнцѣ Богородицы, производя ослѣп-

ляющій блескъ. Другую ризу я видѣлъ въ ризницѣ собора. Она считается праздничной и въ праздникъ Казанской Богоматери смѣняетъ жемчужную одежду. Червонное золото горитъ огнемъ, а по нему разбросаны 18 гигантскихъ брильянтовыхъ зеренъ и 422 драгоцѣнныхъ камня. Яхонты чудовищной величины сверкаютъ повсюду, а красные и синіи самоцвѣтные камни дарятъ свой блескъ брильянтамъ. У иконы, въ той или другой она ризѣ, всегда горитъ чудная небольшая корона изъ отборныхъ брильянтовъ, которую приложила Екатерина II-я къ иконѣ, отслушавъ здѣсь обѣдню.

Широкое озеро Кабанъ раскинулось внизу города у старой татарской слободы, куда ушла вся прежняя татарская Казань, оставивъ свой городъ побѣдителямъ. Давно прошла вѣковая вражда русскихъ и татаръ, постоянныя сношенія сгладили прежнюю ненависть и татаринъ своимъ уживчивымъ и миролюбивымъ характеромъ сошелся съ своимъ побѣдителемъ, хотя вслѣдствіи религіи, обычаевъ и условій жизни и отдѣлился отъ него въ особый городокъ. Эта татарская Казань съ ея немощеными улицами, двухъэтажными деревянными домиками, съ амбарами въ нижнемъ и жильемъ въ верхнемъ, съ садами, мечетями особенными обычаями крайне любопытна и заслуживаетъ посѣщенія всякаго пріѣзжаго.

Чистые дома, выложенные циновками и коврами, мягкими кошмами, съ нарядными одеждами, развѣшенными по стѣнамъ, съ подушками и перинами по скамьямъ—сразу переносятъ васъ въ другой міръ, а гостепріимство татаръ сразу подкупаетъ васъ. Въ татарской слободѣ вы не встрѣтите бѣдности, покосившихся заборовъ и избъ, безпорядка

и грязи торговой нижней Казани. Напротивъ, опрятность и чистота поразятъ васъ.

Мнѣ случилось познакомиться съ однимъ татариномъ на пароходѣ и, когда онъ пригласилъ меня посѣтить его, я, конечно, съ удовольствiемъ согласился. Хотя я уже и пообѣдалъ въ Казани, я долженъ былъ ѣсть и мясо, и овощи, которыми меня угощалъ хозяинъ. Онъ такъ обидѣлся и огорчился, когда я сказалъ, что уже обѣдалъ, что я поспѣшилъ заявить, что это была только закуска. Мой хозяинъ, еще молодой человѣкъ, занимался торговлей шелковыхъ тканей и его домъ представлялъ полную чашу. Обѣдали мы вдвоемъ, жена моего хозяина, по случаю моего визита, скрывалась гдѣ-то въ глубинѣ. Его сынишка 7 лѣтъ уже бѣгалъ въ школу, находящуюся при мечети, куда по моей просьбѣ, и провелъ меня мой татаринъ. Школа—оказалась довольно просторной комнатой, полъ которой на половину былъ приподнятъ. Тутъ лежали и подушки, и посуда, и книги, такъ какъ ученики живутъ и варятъ себѣ пищу, учатся, сидя съ поджатыми ногами на подушкахъ, все въ той же комнатѣ. Учитель не только занимается обученiемъ грамотѣ, школьнымъ предметамъ, толкованiю корана, но и разнымъ ремесламъ, такъ: чинить сапоги, столярничать и т. д. Неграмотныхъ среди татаръ не существуетъ, также и нищихъ. Всѣ они способны къ торговлѣ, всѣ трудолюбивы, всѣ любятъ деньгу и каждый старается ее заработать.

Шумно на татарскихъ улицахъ въ базарные дни. Минареты мечетей придаютъ необыкновенно красивый оттѣнокъ этому городку на берегу Кабана-озера, съ его пестрой толпой у базаровъ и лавокъ, съ его костюмами и толчеей. Рядомъ раскинулась

новая татарская слобода съ великолѣпной новой Азимовской мечетью, стройный, ребристый минаретъ которой полонъ граціи, легкости и красоты и напомнилъ мнѣ чудныя минареты мечети Орта-Кой близъ Константинополя. Сама мечеть прелестное зданіе, словно вырѣзанное изъ камня. Ея карнизы, ея розетки характерныхъ восточныхъ оконъ придаютъ необыкновенную легкость зданію. И здѣсь въ татарскихъ мечетяхъ вмѣстѣ съ молельнями находятся школы, общественные дворы и колодцы, какъ въ далекой Турціи, гдѣ каждая мечеть—отдѣльный городокъ и благотворительности, и пріютовъ, и школъ. И здѣсь гнѣздятся по минаретамъ стаи голубей, которыхъ тревожитъ правовѣрный призыватель къ молитвѣ своимъ однообразнымъ крикомъ среди вечерней тишины.

Любопытенъ татарскій праздникъ Сабанъ въ началѣ весны, справляемый на большомъ лугу у слободы. Въ теченіи недѣли отъ одной пятницы до другой татары веселятся, устраивая бѣшенныя скачки, соревнованія въ пѣніи, танцахъ и борьбѣ, причемъ женщины имѣютъ право только издали смотрѣть на участниковъ.

По ту сторону Волги лежитъ Услонъ. Это село замѣчательно тѣмъ, что тамъ подъ могильнымъ камнемъ спитъ княгиня Дарья Михайловна Меншикова, подруга Екатерины I-й, эта чудная женщина, многихъ спасавшая отъ гнѣва мужа. Она улеглась здѣсь разбитая, измученная и оскорбленіями, и страшной ссылкой, и дорогой, и душевными муками. Съ выѣзда изъ Петербурга начались страданія. Она видѣла издѣвательства надъ мужемъ и дѣтьми, она слышала грубыя насмѣшки солдатъ, когда ихъ, уже безсильныхъ, везли въ Сибирь, въ

отдаленный Березовъ. У нихъ все отняли, у ея сына вытащили послѣднее зеркальце изъ кармана, у княженъ послѣднія ленты и тряпки бросили на дорогу. Не вынесла несчастная княгиня, заболѣла и, не доѣхавъ до страшной Сибири, на вѣки закрыла свои глаза, здѣсь на берегахъ величавой Волги, въ виду прекрасной Казани. Съ горькимъ рыданіемъ, съ душевными муками вырылъ свѣтлѣйшій князь могилу своей дорогой спутницѣ и блестящаго прошлаго, и горькихъ послѣднихъ дней, съ раздирающимъ воплемъ уложилъ онъ свою несчастную Дарьюшку въ одинокую могилу и засыпалъ землей. Ушелъ старый князь съ княжнами и княжичемъ далеко, далеко, въ ту страну снѣговъ, гдѣ полгода черная ночь давитъ своимъ мракомъ все живущее, и осталась бѣдная княгиня одна забытая на Волгѣ. Среди крапивы и бурьяна видна надгробная плита съ надписью: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...“. Время грызетъ плиту, силясь стереть и эту надпись съ позабытой могилы, но горькая судьба несчастной семьи никогда не умретъ и исторія навсегда сохранитъ этотъ примѣръ ничтожества величія земнаго.

Въ окрестностяхъ Казани есть еще одинъ любопытный уголокъ—это Раифская пустыня. Къ ней можно пробраться по Волгѣ до посада Сумки, а тамъ верстъ 8 и до пустыни, окруженной бѣлыми зубчатыми стѣнами. Высокая четырехъярусная колокольня, коричневая съ рисункомъ, усѣлась надъ воротами, какъ привратникъ, и сторожитъ одинокую обитель, основанную еще іеромонахомъ Филаретомъ въ 1613 году. 8 башенъ поднимаются надъ стѣнами и красиво выступаютъ на фонѣ пріютившагося внутри монастыря сада. Въ соборномъ храмѣ здѣсь

хранится чудотворная икона Грузинской Божьей Матери, поклониться которой постоянно стекаются въ эту тихую, одинокую обитель богомольцы. Здѣсь же вблизи обители прелестная дорожка ведетъ по темному сосновому бору къ полянкѣ съ большой часовней, покрытой громаднымъ зеленымъ куполомъ.

Какъ хороша Казань съ Волги, когда подымаешься по рѣкѣ съ юга, и она, являясь туманной, еле очерченной, все болѣе и болѣе выступаетъ. Силуэтъ города вырѣзывается необыкновенно тонкими линіями. Особенно она хороша съ парохода въ лунную ночь, залитая таинственнымъ свѣтомъ, выступающая своими черными башнями и соборами. Сумбекова башня, тѣло собора Петра и Павла, иголки минаретовъ татарской слободы, все это является чудной картиной, напоминающей видѣніе. Еще лучше Казань на зарѣ. Помню, я уѣзжалъ въ Сибирь на пароходѣ компаніи Каменскихъ. Мы оставили шумную пристань и быстро спускались по обожженной подымающимися зорями Волгѣ. Городъ былъ залитъ дрожащимъ пурпуромъ и черный выступалъ, горя своими куполами, на фонѣ золотисто-румяной зари. Розоватая мгла все болѣе и болѣе расходилась, снопы утренней зари все болѣе и болѣе прорывались густыми снопами между церквями и колокольнями, падали въ равнину и зажигали сонную поверхность озеръ. Дивный узорчатый силуэтъ сказачно-прекраснаго города съ Волги все болѣе утопалъ въ волнахъ свѣта, а внизу слободы и рощи тонули въ утреннемъ маревѣ, которое убаюкивало, нѣжило и ласкало ихъ.

15.

По Самарскому плесу.

(Кама. Остатки древнихъ Болгаръ. Вдоль горъ. Симбирскъ).

> Надъ городомъ лежало оцѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города.
>
> *Гончаровъ.*

> Кто не знаетъ родины на землѣ, тотъ въ небѣ не можетъ найти неба.
>
> *Шеферъ.*

Оставивъ Казань пароходъ сталъ спускаться вдоль мало интересныхъ береговъ Волги. Сзади насъ остался печальный Нижній Услонъ, и села и деревни мелькали мимо насъ на низкихъ берегахъ, пока мы не поравнялись съ селомъ Красновидовымъ, гдѣ берегъ оборвался крутиками въ рѣкѣ и горы совсѣмъ близко придвинулись къ водѣ. Вотъ проплыло село Антоновка, прославленное своими яблоками, потонувшее въ фруктовыхъ садахъ, разсыпавшись домиками по откосу крутаго берега. И чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе становился правый берегъ, тѣмъ круче онъ обрывался въ Волгу. Вотъ показалось на покатостяхъ

большое и богатое село Богородское, лежащее въ 67 верстахъ отъ Казани, блистающее куполами церквей и черными крестами вѣтряныхъ мельницъ, рѣзко выступившихъ на бѣловатомъ фонѣ горъ. Пароходъ останавливается далеко выше села, отдѣленнаго песчаной косой. На пристани царило оживленіе. Татары, мордва, русскіе смѣшались въ пестрый букетъ, покидая пароходъ и всходя на него. Еще пять верстъ ниже въ Волгу бросается гигантская Кама, прибѣжавшая съ далекаго сѣвера, принесшая воды Вятки, Чусовой и Бѣлой изъ разтаявшихъ Уральскихъ снѣговъ. Весной здѣсь безбрежное море. Низменные берега обѣихъ сестеръ рѣкъ исчезаютъ въ водной массѣ и необъятное море стелется отъ Богородскаго села во всѣ стороны. Весною пароходы, направляющіеся въ Каму, несутся высоко надъ пастбищами, вершинами кустарниковыхъ зарослей и на много верстъ сокращаютъ свой путь. Лѣтомъ громадныя низины и острова совершенно закрываютъ впаденіе Камы и только Волга, выпивъ гигантскую водную струю, сразу вспухаетъ, сразу вдвое расширяется и превращается въ воднаго великана, въ европейскую царицу рѣкъ. Весенній поцѣлуй сестеръ образуетъ озеро, берега котораго, испуганные объятіями великанш, отбѣгаютъ на 30 верстъ другъ отъ друга. Кама поражаетъ своей грандіозностью, своей массой воды, своими суровыми, дикими, мало-оживленными берегами и много говорилось и писалось, что Кама—верховье Волги, а Волга до Богородска притокъ царицы рѣкъ, но свойства и цвѣтъ воды рѣкъ различенъ и струи Камы, вторгающіяся въ Волгу, легко бываетъ отличить. Кама—естественный грандіозный путь въ Сибирь и Азію и вдоль ея дикихъ

и крутыхъ береговъ съ отдаленными другъ отъ друга селеніями, съ глухими лѣсными дебрями и чудными поэтическими уголками плывутъ внизъ караваны судовъ, баржи съ хлѣбомъ, льнянымъ сѣменемъ, пенькой, саломъ, масломъ, солью, желѣзомъ, мѣдью и чаемъ, большія бѣляны, сложенныя изъ лѣса, спускаются въ Волгу изъ далекихъ Камскихъ селеній и городовъ, а вверхъ поднимаются всевозможныя произведенія фабрикъ и иностранные товары. Громадныя водяныя чудовища, пароходы различныхъ компаній, поднимаются до Перьми и Чердыни, плаваютъ до Уфы по Бѣлой и по Вяткѣ. У самаго устья Кама образуетъ большой уголъ и, проползая между многочисленными островами, вливаетъ свои чистыя, прозрачныя воды въ мутную Волгу. Бѣлый Итиль древнихъ племенъ, уступающая только Уралу, Дону и Днѣпру, превосходящая всѣ западно-европейскія рѣки, Кама несется изъ далекой стороны съ Уралъ-Тау, откуда бѣгутъ притоки Печоры, этой рѣки Ледовитаго океана. Она связываетъ Волгу съ Ураломъ и сибирскими рѣками, она связываетъ отдаленный ледяной сѣверъ съ душнымъ и знойнымъ югомъ и соединяетъ три міра: Сѣверъ, Западъ и Востокъ. Это древнѣйшій путь древнѣйшихъ народовъ, полный дикой прелести, грозныхъ видовъ, бурнаго прошлаго, любопытныхъ остатковъ, и путешествіе по Камѣ на Уралъ до того полно интереса, такъ удобно обставлено и настолько не дорого, что поѣздку на Уралъ могу всѣмъ посовѣтовать. Неоднократно путешествуя въ Сибирь, я съ особеннымъ удовольствіемъ плылъ по прекрасной Камѣ и любовался великолѣпной, хотя и суровой, панорамой ея грозныхъ береговъ.

Поглотивъ воды Камы, Волга, сильная, могучая, полная мощи, шири и простора, катится къ югу. Здѣсь начинается ея прелестный Самарскій плесъ, полный чудныхъ картинокъ и видовъ, которые неизгладимо врѣзываются въ душу каждаго видѣвшаго ихъ. Пароходы скользятъ, словно по озеру, а отдаленные берега тонутъ въ голубоватой дымкѣ. Вотъ въ бѣловатыхъ лощинахъ берега усѣлось село Кирельское, высунувъ свою церковную колоколенку изъ кучи избъ, крытыхъ соломой и отливающихъ золотомъ. Видъ съ этихъ прибрежныхъ горъ восхитительный. Камскія низины съ ихъ бархатомъ луговъ, синіи протоки двухъ сливающихся рѣкъ, золотые пески, привольныя дали, безконечная ширь, убѣгающая подъ клубящіяся облака, темная зелень сосновыхъ рощицъ, кудри дуба и липы, едва синѣющія черты отдаленныхъ горъ, все лежитъ, какъ чудная живая картина, передъ глазами. Необъятная ширь, безбрежныя понизи, голубыя дали... И тамъ и сямъ бѣлыя крошечныя колоколенки, дымящіяся избы и цвѣтущія луговины. И эта тишина поражаетъ, величіе подавляетъ и готовъ долгіе часы молча простоять на мѣстѣ, глядя на чарующую картину съ высокаго Волжскаго берега.

Село Кирельское или Воскресенское лежитъ у Сокольей высокой горы среди обширныхъ полей, рядомъ съ нимъ лежитъ село Рождественское, замѣчательное своими двумя пещерами. Одна зовется крестьянами: „ледяною". Она находится въ нѣскольких саженяхъ отъ села у самаго берега и сіяетъ своимъ небольшимъ полукруглымъ отверстіемъ, войдя въ которое, попадаешь въ довольно большую пещеру съ гладкими стѣнами. Въ этой пещерѣ въ ея темномъ углу находится еще отвер-

стіе, черезъ которое можно проникнуть въ далеко лежащую подъ горой другую комнату. При свѣтѣ свѣчи или лучины виденъ удивительный полъ: поверхность льда. Вмѣсто дна здѣсь замерзшее озеро, которое, говорятъ, рѣдко оттаиваетъ. Другая пещера, тоже находящаяся въ алебастровыхъ, скалистыхъ берегахъ, зовется водяною. Это обширная зала съ синей поверхностью никогда не замерзающаго подземнаго озера. Вода дрожитъ подъ свѣтомъ свѣчи и таинственно убѣгаетъ съ своей кристальной поверхностью въ темные углы пещеры. Уровень воды этого подземнаго озера мѣняется вмѣстѣ съ уровнемъ воды Волги. Противъ села Рождественскаго за островами и мелями лежитъ на лѣвомъ берегу Спасскій Затонъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго находится уѣздный городъ Спасскъ. Изъ Спасска въ городъ Тетюши ведетъ почтовый трактъ, почти на половинѣ котораго, возлѣ самаго села Успенскаго, лежащаго въ 6 верстахъ отъ Волги на рѣченкѣ Меленкѣ, лежатъ замѣчательныя развалины древнихъ Болгаръ. Весной, когда воды высоки, очень удобно проѣхать отъ Спасскаго Затона на лодкѣ почти до развалинъ, въ другое время приходится ѣхать на лошадяхъ. Развалины Болгаръ, уцѣлѣвшія отъ X, XIII и XIV вѣковъ, стоятъ почти забытыми могильными памятниками города блиставшаго богатствомъ и торговлей, арабскими зданіями Багдада и Дамаска и громаднымъ оживленіемъ. Грустно, уныло, тяжело бродить среди кучъ камней, валяющихся обломковъ, обсыпающихся валовъ и еле стоящихъ нѣсколькихъ удивительныхъ памятниковъ. Просто душа вопіетъ, когда глядишь на эти остатки сказочной старины, оставленные безъ призрѣнія, растаскиваемые по

камнямъ, сокрушаемые и временемъ и вандализмомъ. Петръ Великій поддерживалъ эти развалины столицы Болгарскаго царства, льющія свѣтъ изъ темнаго мрака прошедшихъ временъ, а современники 19-вѣка рушатъ ихъ святотатными руками, погрязая въ своемъ невѣжествѣ и не умѣя цѣнить и хранить дорогіе памятники отечественной старины. Церковь села Успенскаго—музей старинныхъ камней. Ея стѣны сложены изъ камней, покрытыхъ удивительными арабскими, татарскими и армянскими надписями. Отъ всѣхъ мечетей, дворцовъ, базаровъ и зданій, отъ громадныхъ построекъ, завершавшихся круглыми куполами, и маленькихъ съ острыми крышами, до насъ дошло только нѣсколько развалинъ, сложенныхъ такъ прочно изъ облицованныхъ камней, спаянныхъ такимъ цементомъ, что онѣ могли устоять подъ безпощадными ударами войнъ, разрушенія, огня и долгаго времени. Всего лучше сохранился „Малый минаретъ" съ лѣстницею винтомъ, подымающеюся на вершину этой арабской башни. Этотъ старый минаретъ виденъ даже съ Волги и открываетъ съ своего балкончика, обѣгающаго вершину, чудный видъ на далекое разстояніе. Здѣсь когда-то благочестивый муэдзинъ призывалъ болгаръ на молитву, а теперь глядишь на мертвое царство камней, на поля и избы села Успенскаго. Отсюда съ вершины видны всѣ развалины. Тутъ вблизи нѣчто въ родѣ стараго кладбища, гдѣ погребены святые, и куда постоянно приходятъ Волжскіе татары на поклоненіе. Тутъ же виденъ „Малый Городокъ", бывшая крѣпость болгаръ, представляющая кучи рухнувшихъ камней, сложенныхъ четырехъугольной изгородью около вала и рва. Тутъ же стоитъ „Черная или Судная Палата", толстая полуразвалив-

шаяся башня, заросшая травой. Черныя отверстія, какъ слѣпые глаза, мрачно смотрятъ на унылое поле. Когда-то эти стѣны слышали страшные вопли и стоны. Тамерланъ, овладѣвъ Болгарами, осадилъ эту башню съ толстыми стѣнами, гдѣ заперся ханъ Абдуллахъ, царь Болгарскій, съ женами и дѣтьми, и, заваливъ ее бревнами и соломой, обливъ горючими веществами, велѣлъ зажечь этотъ костеръ. Страшное пламя поднялось надъ Судной Палатой и сожгло всѣхъ несчастныхъ заключенныхъ, задушило ихъ и жарой и дымомъ и покрыло черной копотью всѣ камни. Только одна дочь болгарскаго владыки осталась въ живыхъ среди этого ада. Она сидѣла въ бѣлой одеждѣ подъ сводомъ Черной Палаты и этимъ еще болѣе укрѣпила молву святой, которую давно заслужила за свою доброту и цѣломудренность, какъ и наименованіе райской гуріи за свою красоту. Тамерланъ увезъ ее съ собой, какъ лучшій трофей Болгарскаго царства.

Недалеко отъ Черной стоитъ плохо сохранившаяся „Бѣлая Палата“ съ слѣдами бассейна въ серединѣ, на основаніи котораго полагаютъ, что это была баня. Камней и теперь лежитъ много. Много ямъ зіяетъ среди пустыря. Невѣжественные искатели кладовъ, монетъ, каменныхъ орудій, бронзовыхъ предметовъ, талисмановъ съ кабалистическими словами, зеркалъ, которыя погребались по старинному обычаю съ покойниками и находятся здѣсь въ большомъ количествѣ, цѣпей, гвоздей, обломковъ китайскаго фарфора, глиняной утвари, перстней, бусъ, браслетовъ и другихъ предметовъ, рушатъ стѣны, подкапываясь подъ основанія башенъ, и эти малочисленные, драгоцѣнные и единственные памятники грозятъ рухнуть, какъ уже рухнулъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1841 году,

Большой Минаретъ, окованный желѣзными обручами еще по повелѣнію Петра Великаго, восхищавшагося этимъ былымъ лучшимъ памятникомъ древнихъ Болгаръ.

По правому возвышенному берегу въ горахъ бѣгутъ нефтяные и сѣрные ключи. Горы, богатыя самородной сѣрой, зигзагами ломаются на фонѣ неба, кое-гдѣ мелькаетъ деревушка или уединенный домикъ, а по Волгѣ плывутъ громадные плоты, пыхтятъ нынѣшніе Волжскіе бурлаки—буксирные пароходы, оглашая всю окрестность своимъ отчаяннымъ крикомъ, словно съ нихъ живыхъ сдираютъ кожу. Село Сюкеево показывается сейчасъ же за Рождественскимъ, разсыпанное своими домиками по откосу горы и сверкающее, точно золотомъ, своими соломенными кровлями. Сюда пріѣзжаютъ лечиться изъ окрестностей мѣстные обыватели. Ихъ привлекаетъ нефтяной ручей, пользующійся славой цѣлебнаго. Тутъ же недалеко отъ села любопытныя пещеры, по стѣнамъ которыхъ медленно текутъ сѣрные и нефтяные ручьи. Еще дальше любопытна деревня Лобышка, запрятавшаяся въ горную долинку. Здѣсь находится громадная яма до 8-ми саженъ глубиной, вырытая будто бы мордвой для рыболовства и наполняющаяся красной рыбой весною во время разлива. Уловъ бываетъ до 1600 пудовъ, однихъ стерлядей до 1000 пудовъ. Съ луговой стороны глядитъ село Тенишево на синѣющую линію горъ за широкой Волгой.

Тетюши запрятались въ изумрудное море зелени, да и вся Волга здѣсь покрыта лѣсомъ. Густые дубовые лѣса карабкаются по холмамъ, чудные осокори, эти Волжскіе спутники, покрыли всѣ острова и таинственно шепчутся при вѣтеркѣ, а горы то подбѣгаютъ къ рѣкѣ, то убѣгаютъ въ даль, капризно

ломаются, высовываютъ мысы, рушатся долинками и падаютъ желтыми обрывами въ пробѣгающія волны. Тутъ что ни уголокъ, то поэзія, что ни видъ, то восторгъ. Старые Тетюши, основанные татарскимъ княземъ Тетюшемъ послѣ Тамерланова погрома, запрятались за гору, а у Волги на горѣ торчитъ церковка съ нѣсколькими татарскими домиками и амбарами. На луговомъ берегу стоитъ одинокая часовенка, украшенная поэтической легендой объ одномъ болгарскомъ царѣ, взявшемъ себѣ женой русскую царевну, свою плѣнницу. Сюда, гдѣ стоитъ эта часовенка, удалялась бѣдная царевна плакать и молиться, здѣсь она и умерла среди цвѣтущихъ луговинъ. Говорятъ, что нерѣдко въ теплую ночь можно замѣтить легкую тѣнь, скользящую въ часовенку и услышать тихое жалобное пѣніе, полное слезъ и молитвъ. Легенда говоритъ, что на этомъ мѣстѣ былъ найденъ образъ Казанской Божьей Матери и въ честь его основанъ большой Казанскій монастырь въ 1589 г. Въ 17 вѣкѣ монастырь сгорѣлъ и рухнулъ, сожженный Волжскою вольницей.

Щучьи горы, то зеленыя, то желтобокія, тянутся длинной цѣпью, а деревня Балымеръ, стоящая на развалинахъ болгарскаго города Балымата, отъ котораго и слѣда не осталось, жмется къ обрывамъ горъ. Здѣсь около берега есть громадная насыпь, уже порытая искателями кладовъ и потому чернѣющая своими ямами. Этотъ курганъ называется „шеломъ“ и преданіе говоритъ, что здѣсь гдѣ-то существуютъ желѣзныя двери, ведущія въ подтаенныя камеры, гдѣ сложены несмѣтныя богатства.

Въ Волгу влилась Майна, одинъ берегъ которой принадлежитъ Самарской губерніи. Съ береговъ повѣяло сладкимъ ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ.

Снова потянулись яблочные сады и чѣмъ дальше, тѣмъ больше это новое яблочное царство, а у Симбирска цѣлые водопады яблочной цвѣточной пѣны льются въ Волгу съ высокихъ горъ.

Симбирскъ такъ далеко и высоко забрался на гору, что съ пристани его совсѣмъ не видно и въ городъ приходится подыматься по довольно крутому, изогнутому змѣей Петропавловскому спуску. Лежа на горѣ между Волгой и Свіягой, которая пробѣгаетъ своими верховьями совсѣмъ рядомъ съ старшей своей сестрой, Симбирскъ совсѣмъ заснулъ на высокомъ своемъ пьедесталѣ, съ крутыми обрывами къ обѣимъ рѣкамъ. Это старое, дворянское гнѣздо, съ славой и весельемъ въ прошломъ, съ преданіями жизни прежнихъ помѣщиковъ и важныхъ баръ, центръ въ былые дни провинціальнаго блеска, всего моднаго и изящнаго, старый баринъ среди Волжскихъ городовъ, обѣднѣвшій, заснувшій и полузабытый нынче, когда вся аристократія его испарилась. Скучно и вяло глядитъ, прежде веселый, городъ, эта родина Гончарова, Карамзина и Языкова, эта столица дворянства и особыхъ симбирскихъ татаръ. Симбирскъ, выстроенный въ 17-мъ вѣкѣ для охраны края отъ набѣговъ татаръ, дважды счастливо отразилъ Разина съ его 20 т. войска и Ѳедьку Шелудяка, а во время Пугачевщины оставался вѣрнымъ Екатеринѣ II и видѣлъ Пугачева, разбитаго Михельсономъ и имъ засаженнаго въ желѣзную клѣтку при отправкѣ въ Москву на казнь. За вѣрность Екатерина II-я пожаловала гербъ дворянамъ Симбирска, ввидѣ столба съ золотою на немъ короною, помѣщеннаго на синемъ полѣ. Говорятъ, что этотъ гербъ создалъ выраженіе „столбовой дворянинъ“. Пожары разогнали дворянство, а

прежній блескъ, ослѣпительныя празднества, прославленные балы, все осталось, какъ милое преданіе хорошей старины, во всѣхъ этихъ большихъ зданіяхъ и губернаторскаго дворца, и дворянскаго собранія, и частныхъ помѣщичьихъ домовъ. Душный, среди облаковъ пыли спитъ городъ съ своимъ Вѣнцомъ, очевидно бывшимъ кремлемъ, гдѣ отъ прежнихъ крѣпостей, палиссадъ и стѣнъ, отъ многочисленныхъ башенъ и слѣда не осталось. Вѣнецъ—высшій пунктъ города и видъ съ него на Волгу прекрасенъ. Въ сторону къ Свіягѣ—горы падаютъ отъ Вѣнца уступами. Здѣсь прекрасныя большія зданія, молчаливо глядящія на пыльныя и скучныя улицы, тихіе сады и бульвары.

На Карамзинской площади, окруженной хорошими зданіями, курьезный и очень неудачный памятникъ историку Карамзину. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ фигура музы Кліо съ трубой и скрижалью, а на барельефахъ изображено: на одномъ бюстъ Карамзина въ римской тогѣ, по крайне дикой фантазіи скульптора Гольберга, на другомъ: чтеніе Карамзинымъ своей исторіи Александру I, на третьемъ: врученіе умирающему Карамзину благодарственнаго рескрипта Императора Николая. Барельефы плохи, фигуры, въ подражаніе Риму, полуобнажены и смѣшны въ Россіи, а фигура Кліо подала поводъ народу думать, что памятникъ поставленъ какой-то покаявшейся Волжской разбойницѣ и назвать его чугунной бабой. Противъ памятника прекрасная и богатая Карамзинская публичная библіотека. Главная улица Симбирска—„Широкая“, съ бульваромъ деревьевъ по серединѣ, такая же скучная, какъ и остальныя улицы города. Уныло глядитъ зданіе театра на площади, въ которую упирается Широкая

улица, уныло глядитъ большой гостиный дворъ тоже на площади, на другомъ концѣ Симбирскаго Невскаго.

Соборъ Св. Троицы на Вѣнцѣ, выстроенный въ память отечественной войны 1812 года, величественно высится своей колокольней и бѣлыми стѣнами и глядитъ на заволжскія дали. Другой—Никольскій соборъ, полный историческихъ и церковныхъ вещей, какъ и Вознесенскій, такъ и старая очень любопытная единовѣрческая церковь, такъ всѣ остальныя 24 церкви Симбирска и 2 его монастыря придаютъ городу богатый и красивый видъ и всетаки тоска бѣжитъ слѣдомъ за вами. Словно попалъ въ старый домъ, ставни котораго давно не отворялись и все, начиная съ стѣнъ, пріобрѣло специфическій затхлый запахъ сырости. Даже далекій видъ съ городскаго бульвара и съ Вѣнца на безбрежныя дали, на далекую ровную площадь не имѣетъ ни разнообразія, ни веселья другихъ Волжскихъ видовъ и радуешься, когда приходитъ время отъѣзда и кажется, что былъ въ дому, гдѣ нѣтъ хозяина. Только во время Сборной ярмарки Симбирскъ оживаетъ и сбрасываетъ съ себя этотъ заколдованный сонъ, а также во время ежегодняго торжественнаго Крестнаго хода въ память избавленія города отъ Стеньки Разина, во время котораго при торжественномъ перезвонѣ всѣхъ церквей, народъ и духовенство совершаютъ шествіе по той самой исторической дорогѣ, по которой горожане во время осады, болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, совершали Крестный ходъ съ воеводой Милославскимъ во главѣ. Здѣсь около Симбирска въ $3^1/_2$ верстахъ отъ города находится „Киндяковка“, гдѣ жили и Вѣра, и Марфинька, и бабушка, гдѣ у забора дожидалъ Маркъ Волоховъ Вѣру, гдѣ пока-

зываютъ обрывъ, увѣряя, что это тотъ самый, именемъ котораго Гончаровъ назвалъ одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ. И благодаря этой легендѣ глядишь совсѣмъ иными глазами на эти свѣсившіяся черемухи, на эту гущу кустовъ, на эти желтые пески и въ ушахъ раздаются знакомыя рѣчи, а передъ глазами скользятъ знакомыя тѣни, дорогія каждому русскому сердцу и, кажется, что вотъ—вотъ изъ-за кустовъ покажется милая бабушка или эта сонная тишина огласится рѣзвымъ смѣхомъ Марфиньки. Киндяковскій обрывъ, здѣсь на берегахъ Волги, сталъ достопримѣчательностью, и симбирцы часто избираютъ его поэтическіе уголки цѣлью лѣтнихъ прогулокъ. Другое прелестное мѣстечко около Симбирска, лежащее на самомъ Волжскомъ берегу, въ 7 верстахъ отъ города, гдѣ помѣщается лагерь Симбирскаго кадетскаго корпуса—Поливный врагъ возлѣ деревеньки Поливны. Маленькія дачки жмутся по изломамъ берега, горы высятся красивой зеленой декораціей, а цвѣтущія луговины пестрыми коврами сбѣгаютъ къ рѣкѣ. Бѣлыя палатки сверкаютъ на солнцѣ и оживляютъ этотъ красивый уголокъ. Для туриста въ Симбирскѣ любопытнаго мало, если не считать старинный иностасъ Николаевскаго собора, весь золотой, курьезной рѣзьбы, съ старыми потускнѣвшими иконами, блѣдные лики которыхъ сурово и печально глядятъ на обширную церковь и на напрестольный крестъ, находящійся въ томъ же соборѣ, присланный Алексѣемъ Михаиловичемъ. Крестъ пробитъ пулей однимъ изъ ратниковъ Стеньки Разина, во время Крестнаго хода, когда Симбирцы несли вокругъ города этотъ серебряный крестъ съ святыми мощами. Изъ предметовъ старины интересна утварь изъ Соловецкаго монастыря,

хранящаяся въ Смоленской приходской церкви. Масса садовъ, которыхъ въ городѣ до 300, скверы, разбитые на многочисленныхъ площадяхъ, придаютъ Симбирску нарядный видъ, котораго нельзя предполатать, глядя на торговую слободу у пристаней, полную трактировъ, амбаровъ, скверныхъ деревянныхъ домишекъ и конторъ. По дорогѣ къ городу, гдѣ Петропавловскій спускъ выходитъ на площадку, на половинѣ горы, и гдѣ онъ соединяется съ другимъ болѣе крутымъ Тихвинскимъ спускомъ, плещетъ среди садика фонтанъ, придавая много живописности этому уголку.

Небольшой пароходикъ постоянно переѣзжаетъ Волгу, бѣгая отъ Симбирской пристани къ противуположному Самарскому берегу къ заволжскимъ слободамъ и оживляетъ своимъ безпрестаннымъ рѣзкимъ крикомъ покой величавой рѣки, катящей свои волны къ синѣющимъ вдали горамъ, къ прославленнымъ Жегулямъ, лучшей части не только этого Самарскаго плёса, но и всей Волги, Жегулямъ, полнымъ легендъ и преданій, полнымъ разсказамъ и исторіи, полнымъ мягкой, поэтической красоты и темныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ, гдѣ Волга, еще болѣе широкая, еще болѣе могучая, еще болѣе прекрасная, является во всемъ ореолѣ русской царицы европейскихъ рѣкъ и до того поглощаетъ вниманіе каждаго проѣзжаго развертывающимися картинами, что жалѣешь, оставляя Самарскую луку, этотъ капризный зигзагъ, этотъ внезапный короткій забѣгъ Волги на востокъ.

16.

По Самарскому плесу.

(Продолженіе).

(Жегули. Легенды. Ночь въ горахъ. Самара).

Ненависть къ врагу портитъ нашу собственную жизнь больше, чѣмъ жизнь врага.

Пети-Сенъ.

Чѣмъ жирнѣе почва, тѣмъ болѣе плевелъ.

Шекспиръ.

Ужъ народецъ
У насъ на Волгѣ. Нечего сказать.
Новогородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.

Островскій.

На разстояніи отъ Симбирска до Самары Волга пробѣгаетъ Жегулевскія горы, которыя отклоняютъ гигантскую рѣку на востокъ и заставляютъ ее образовать петлю „Самарскую луку". Это самая живописная часть Волги, но, къ сожалѣнію, большинство пароходовъ пробѣгаетъ горы ночью, приходя въ Самару около 9 часовъ утра. Самыя красивыя мѣста находятся на разстояніи отъ села Новодѣвичья до Самары или даже отъ Ставрополя, гдѣ пароходы останавливаются на зарѣ. Для ѣдущихъ изъ Симбирска всего удобнѣе американскіе пароходы Зевеке, отходящіе въ

1 часъ ночи и подходящіе къ Самарѣ въ полдень. Еще лучше воспользоваться пароходами изъ Самары, такъ какъ, выѣхавъ около 9 часовъ утра, проѣзжаешь чудную горную панораму днемъ и такъ какъ берега гораздо живописнѣе и красивѣе, когда поднимаешься по рѣкѣ.

За Симбирскомъ цѣлый рядъ селъ и деревень. Села Кріуши, съ массой баржъ у берега, первое большое село, которое остановило мое вниманіе. Самъ городъ Сенгилей съ его новой красивой часовенкой, въ память спасенія царской семьи 17 октября 1891 г. во время желѣзнодорожной катастрофы, жалкое село, окруженное высокими горами: „Сенгилеевыми ушами". Основанный еще въ 17 столѣтіи, лежитъ онъ противъ большаго острова, на большое разстояніе растянувшагося среди Волги.

Затѣмъ начинаются Жегули. Я столько слышалъ о нихъ, что не безъ волненія вглядывался въ эти синія очертанія горъ, все рѣзче вырѣзавшіяся по небу. Жегулевскія горы—это былое царство молодецкой удали, гдѣ до сихъ поръ въ темныхъ обрывахъ звучатъ имена Стеньки Разина, Василія Буслаева, Ѳеодора Шелудяка и другихъ. Сколько въ въ этомъ словѣ: „Жегули" Волги, а въ самой Волгѣ Жегулей. Какъ безконечно эти горы и эта рѣка дополняютъ другъ друга! Жегули одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ для туриста, одна изъ характернѣйшихъ картинъ береговъ русской царственной красавицы. Бывшее разбойничье гнѣздо, царство Булавина и Заметаева, Разина и Шелудяка, этой грозы окрестностей, Жегули наводили неописуемый ужасъ на всѣхъ, кто долженъ былъ проплыть эту часть Волги. Здѣсь между непроходимыми лѣсами, темными оврагами, грозными скалами, безконечнымъ

небомъ и безбрежной водой сама природа свила страшное неприступное хищническое гнѣздо. Жегулевскія горы, одѣтыя въ зеленые кудри лѣса, вступили въ Волгу, оттѣснили ее на Востокъ, заставили ее описать громадную дугу... Не такъ еще давно Жегули наводили ужасъ и караваны судовъ съ трепетомъ пробирались этими мѣстами по широкой водной дорогѣ среди обступившихъ дикихъ горъ. Слова: „сарынь на кичку", раздававшіяся съ берега, какъ небесный громъ, заставляли всѣхъ бросаться на полъ и лежать безъ движенія, пока подплывшіе разбойники очищали судно. Хозяева судовъ съ приближеніемъ къ Жегулямъ заискивали у рабочихъ, поили ихъ водкой и всячески ублажали. Довольно было малѣйшей жалобы одного изъ нихъ на хозяина разбойникамъ, чтобы онъ живой не выѣхалъ изъ Жегулей. И хозяинъ лежалъ ницъ передъ теплящимися лампадами и образами, моля Бога, живымъ пройти Жегули, проливая слезы и давая всяческія обѣщанія. Какъ часто эти хозяева пили кровь своихъ рабочихъ и потому отлично знали сами, что здѣсь имъ не будетъ пощады. Тѣни горъ приближались, какъ неминуемый рокъ, и заставляли трепетать каждое человѣческое сердце, проплывавшее мимо этихъ красивыхъ береговъ. Много смертныхъ стоновъ слышали эти берега, много труповъ поглотила здѣсь Волга, много мрачныхъ трагедій разыгрались здѣсь въ полумракѣ, бросаемомъ горами на рѣку, гдѣ вольно купается мѣсяцъ и плачутъ жалобно по ночамъ совы. Весь громъ Жегулей, вся ихъ трескучая, разбойничья слава, весь ужасъ безчисленныхъ разсказовъ теперь уже въ прошломъ и живетъ легендой, и только эхо повторяетъ былыя грозныя имена.

Зеленый лѣсъ по прежнему одѣваетъ своимъ нарядомъ горы, по прежнему щетиной торчатъ ели, да мѣстами изъ подъ лѣсистаго крова высовываются мордастыя скалы и глядятъ, все ли спокойно на рѣкѣ, а въ воздухѣ рѣютъ орлы, глядя въ глубокіе, черные овраги. Только по рѣкѣ бѣгутъ гигантскіе многоэтажные пароходы, цѣлые караваны баржъ спокойно проходятъ къ Самарѣ и къ Ставрополю, суетятся многочисленные суденышки и лодки. Былое времечко отзвенѣло, улетѣло, какъ дымъ, и разсѣялось...

Жегули это кряжи зеленыхъ поэтичныхъ холмовъ, грозность ихъ въ многочисленности, мягкость въ ихъ зелени, красота въ ихъ дикости. Это безконечные бугры то забѣжавшіе въ Волгу, то сплотившіеся цѣлыми кучами и узлами вдали отъ берега и спускающіеся въ Волгу холмами. Вся Самарская лука—море горъ и рѣка бѣжитъ въ прелестной мѣстности, хотя нѣсколько и однообразной. Зеленыя горы съ срѣзанными туманомъ вершинами кажутся ниже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, такъ широка здѣсь Волга. Сколько въ нихъ угрюмыхъ, дикихъ уголковъ, крутыхъ и морщинистыхъ утесовъ, сколько чудныхъ безконечныхъ лѣсовъ, сплетенныхъ изъ вѣковыхъ деревьевъ, покрывающихъ отъ подножія до вершинъ горы. Жилья совсѣмъ не видно. Въ Жегуляхъ нѣтъ грознаго величья горъ Норвегіи, нѣтъ вѣчныхъ снѣговъ и глетчеровъ Швейцарскихъ альпъ и Кавказа, но въ нихъ столько зелени, столько поэзіи, что онѣ приковываютъ все ваше вниманіе. Поднимаясь на 100, 120 и 160 саженъ надъ Волгой, Жегули грозными гигантами глядятъ въ рѣку, молчаливые и безлюдные, неприступные и суровые, причудливые и оригинальные, изрѣзан-

ные обрывами ввидѣ замковъ, крѣпостей и стѣнъ, ввидѣ развалинъ и монастырей.

До Ставрополя горы тянутся только по правому берегу непрерывной зеленой цѣпью. Вотъ село Новодѣвичье съ многочисленными хлѣбными амбарами, еще дальше село Усолье, окруженное курганами. Въ былыя времена сюда пришли съ Камы русскіе, привлеченные богатыми залежами соли и соляными ключами, и устроили здѣсь валы и башни для отраженія кочующихъ татаръ. На одномъ изъ кургановъ высится каменная башня съ массой оконъ. Это Усольская Свѣтелка, перестроенная Орловымъ-Давыдовымъ, которому со времени Екатерины II принадлежитъ вся эта красивая мѣстность. „Усольская Свѣтелка“ открываетъ прелестный видъ на 90 верстъ во всѣ стороны. Отсюда видны изломы Новодѣвичьихъ горъ, неприступные Стенькины курганы, горы Сенгелейскія уши и многочисленные курганы—могилы славныхъ витязей и мурзъ нагайскихъ татаръ, а также и лѣсокъ, прозываемый: „рубленое мѣсто“. Легенда говоритъ, что на этомъ мѣстѣ во время схватки русскихъ съ татарами, со стороны русскихъ появилась женщина-богатырь, воодушевившая своимъ появленіемъ русскихъ и разбившая татаръ.

Пароходъ скользитъ все дальше и дальше. Горы надвигаются ближе, ползутъ одна на другую, жмутся и темнятъ глубокіе овраги. Рѣка Уса бросается въ Волгу, пробѣжавъ всю Самарскую луку поперекъ и начавшись всего въ трехъ верстахъ отъ Волги же. Буераки, это узкія долины, служившіе пріютомъ разбойничьимъ шайкамъ, темнѣютъ тамъ и сямъ. Здѣсь сѣкли пойманныхъ проѣзжихъ горящими вѣниками, жгли и поджаривали несчастныхъ,

допытываясь, гдѣ находятся ихъ деньги, что, по всей вѣроятности, и дало поводъ назвать эти горы „Жегулями“.

Мелькнуло село Морквашь и пароходъ подошелъ къ Ставрополю, лежащему на лѣвомъ берегу Волги, среди низинъ, почти противъ Морквашей, около которыхъ зіяетъ чернотой узкое ущелье, называемое: „Жегулевская труба“.

Впервые я попалъ въ Ставрополь изъ Самары. Прибывъ изъ Сибири и поѣхалъ полюбоваться Жегулевскими горами. Я подъѣхалъ тогда къ пристани Ставрополя уже въ густѣвшемъ мракѣ. Заря давно уже погасла за горами, а овраги утонули въ темнотѣ и горы приняли грозное очертаніе фантастическихъ звѣрей, выставившихъ свои высокія морщинистыя спины. Я вышелъ на пристань, чтобы остаться здѣсь до разсвѣта и ожидать парохода въ Самару. На той сторонѣ Волги у впаденія Усы поднялась черная гора, вершина которой зовется „Молодецкимъ гребнемъ“ или „Молодецкимъ камнемъ“, а дальше чернѣли „Дѣвичій курганъ“ и „Два брата“. Все разстояніе отъ Новодѣвичья до Ставрополя полно отдѣльныхъ горъ, поднимающихся своими крутиками и зелеными вершинами надъ длинной цѣпью, сбѣгающихъ къ Волгѣ холмовъ, и всѣ эти горы и лощины, начиная отъ Караульнаго бугра близъ Усолья, полны легендъ и сказаній. Но легенды и сказанія Волги могучи и полны удали и безконечнаго молодечества, какъ сама рѣка. Дѣвы здѣсь богатырши, которымъ побить полки, порвать цѣпи, ограбить суда—ничего не стоитъ, богатыри здѣсь сильны и могучи, какъ сами стихіи, а калики-перехожіе и святые, побѣждающіе всякую нечисть и сокрушающіе татаръ, одолѣваютъ и богаты-

рей и богатырскихъ дѣвъ. Стенькины курганы полны разсказовъ о Стенькѣ Разинѣ. Дѣвичій курганъ, какъ говоритъ сказаніе, принадлежалъ 12 дѣвамъ, немилосердно бившимъ татаръ и всѣхъ проѣзжихъ. Много витязей и богатырей пыталось побѣдить ихъ, но всѣ пали въ битвѣ съ сестрами, пока одинъ калика-перехожій, несмотря на свою старость и сѣдину, не только побѣдилъ ихъ, но и превратилъ ихъ всѣхъ въ одну ночь изъ дѣвокъ-богатыршъ въ безсильныхъ бабъ...

Отъ Ставрополя Волга круто сворачиваетъ на востокъ и, снова повернувъ у Самары на западъ, катитъ свои волны до Сызрани, сдѣлавъ крюкъ по Самарской лукѣ въ 183 версты, тогда какъ, если бы Волга не мѣняла свое направленіе и перерѣзала бы горы, ей пришлось бы сдѣлать путь только въ 15 верстъ.

Долго я смотрѣлъ съ Ставропольской пристани, лежащей въ трехъ верстахъ отъ скучнаго городка, основаннаго въ 1737 году для крещеныхъ калмыковъ, на темную рѣку, еще болѣе величественную въ ночномъ мракѣ, полную таинственности отъ серебрянаго свѣта восходящаго мѣсяца. Ждать приходилось всю ночь. Кузнечики однообразно трещали въ кустахъ и это однообразное стрекотанье, наполнявшее воздухъ монотонными звуками, дѣлало ночь еще прекраснѣе и таинственнѣе. Что-то плеснуло у пристани и до меня долетѣли голоса рыбаковъ, переправлявшихся на другой берегъ Волги, туда, гдѣ чернѣли горы. Не долго думая, я сговорился съ крестьянами, оставилъ мой багажъ у сторожа на пристани и черезъ нѣсколько минутъ уже плылъ по темной, могучей рѣкѣ въ небольшой рыбачьей лодочкѣ къ отдаленному берегу, гдѣ ры-

баки обѣщались угостить меня стерляжьей ухой и привести обратно на пристань до прихода моего парохода.

Трудно забыть когда-нибудь эту ночь и она навсегда останется одной изъ лучшихъ, изъ самыхъ поэтическихъ страницъ воспоминаній моихъ многочисленныхъ и далекихъ поѣздокъ по всему бѣлу-свѣту. Все соединилось, чтобы сдѣлать эту ночь, проведенную въ Жегулевскомъ оврагѣ у трещащаго костра прекрасной. И чудная луна, освѣтившая какіе-то фантастическіе замки скалъ съ ихъ черными бойницами и стѣнами и залившая своимъ волшебнымъ серебромъ гигантскую Волгу. И милліоны звѣздъ, купавшихся въ рѣкѣ, и теплый лѣтній вѣтерокъ, шалившій съ задремавшими дубами, и сладкій ароматъ цвѣтущей липы и клевера, который душистыми волнами охватывалъ меня, и стрекотня кузнечиковъ, и отдаленные крики на проплывающихъ по Волгѣ баржахъ, освѣщенныхъ мигающими огоньками, и великолѣпная стерляжья уха, сваренная въ котелкѣ на берегу рѣки въ пламени весело трещащаго костра, и рыбаки, славные, веселые парни, безъ умолку болтавшіе, и холодный утренній вѣтерокъ, налетѣвшій съ Волги, за которой небо уже начало алѣть предъ наступленіемъ зари. Въ моей головѣ звучалъ дивный ноктюрнъ, навѣянный Волгой, волшебной ночью на ея берегахъ и чудными Жегулями, пропитанными запахомъ цвѣтущаго липняка.

Рано утромъ я перебрался на подошедшій пароходъ и снова прекрасная панорама горъ потянулась по берегамъ, но теперь и лѣвый берегъ поднялся, и Волга внесла меня въ царство горъ. Налѣво, вскорѣ за Ставрополемъ, показался Царевъ Кур-

ганъ. Плоскій, курьезный бугоръ, съ скошенными сѣрыми боками, съ срѣзанной, покрытой зеленой луговиной вершиной, показался онъ нѣсколько въ отдаленіи отъ рѣки за низменнымъ островомъ. Курганъ стоитъ совершенно отдѣльно, окруженный съ трехъ сторонъ двумя маленькими рѣченками, изъ которыхъ одна замѣчательна тѣмъ, что ея воды отвратительно пахнутъ сѣрой.

Разсказываютъ, что въ стародавнія времена какой-то сказочный царь, проходя по этимъ мѣстамъ съ своимъ войскомъ, велѣлъ каждому изъ своихъ воиновъ принести по шапкѣ земли и такимъ образомъ насыпать колоссальный курганъ, чтобы показать свое могущество. Прошло много годовъ. Проходилъ этими мѣстами царь Іоаннъ Грозный и, увидѣвъ курганъ, повелѣлъ каждому солдату унести по шапкѣ земли, чтобы и слѣда кургана не осталось. Но громадная рать Грознаго царя могла снять только вершину кургана, почему онъ и выглядитъ теперь какъ бы скошенный.

Грозные берега, отвѣсные обрывы, темные лѣса, два-три маленькихъ поселка на разстояніи около 70 верстъ дѣлаютъ эту часть Самарской луки совсѣмъ дикой. Рѣка Уса какъ-бы обрѣзываетъ этотъ гористый полуостровъ, впадая у Ставрополя въ Волгу и начинаясь всего въ 3-хъ верстахъ отъ нея, гдѣ находится волокъ и гдѣ лежитъ село Переволоки.

Панорамы горъ бѣжали по обоимъ берегамъ, тѣсня все болѣе и болѣе Волгу, пока не вогнали ее въ самое узкое мѣсто, Самарскіе ворота. Красивыя Сокольи горы лѣваго берега, отроги Общаго Сырта, вступили въ рѣку, а справа наперли громадные бугры, готовые совсѣмъ запрудить Волгу.

Особенно хороши Самарскіе ворота, когда ѣдешь вверхъ по рѣкѣ и за мало возвышенными берегами у Самары все яснѣе выступаютъ синѣющія вдали горы, въ которыя пароходъ въѣзжаетъ сквозь этотъ прекрасный проходъ.

За горами потянулись луга, песчаные обрывы, проплыла Аннаевская дача, сидящая среди зелени сада, поднявшая свои башни и балконы, манящая въ свое кумысо-лечебное заведеніе, куда съѣзжаются массы больныхъ во время сезона, и среди знойныхъ степей, сидя по береговымъ холмамъ, блистая куполами церквей, показалась очаровательная съ Волги Самара. Громадный прекрасный городъ все болѣе и болѣе развертывался передъ нами, красиво разлегшись по скатамъ берега до самыхъ пароходныхъ пристаней. Но насколько Самара хороша съ Волги, насколько живописно она улеглась амфитеатромъ надъ рѣкой, выставивъ прелестное зданіе собора на вершинѣ своего холма, какъ богатую корону, настолько этотъ богатый, громадный городъ некрасивъ внутри, тосливъ, пыленъ и представляетъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ печь Вавилонскую. Трижды я былъ въ Самарѣ и всѣ три раза это первое впечатлѣніе усиливалось. Распланированъ городъ по американски, правильно и отлично, но улицы грязны, содержатся неряшливо и производятъ впечатлѣніе далекаго и скучнаго захолустья. Правда, Самара растетъ, растетъ какъ американскій городъ, постоянно появляются новые дома, превосходящіе другъ друга, но отпечатокъ скуки остается все тотъ же. Самара пьетъ соки окрестныхъ городовъ, забираетъ въ свои лапы всю торговлю и, какъ паукъ, сидя въ центрѣ громадной паутины, сидитъ на пересѣченіи великой Сибирской желѣзной доро-

ги и связываетъ востокъ съ западомъ. Здѣсь проходятъ товары Оренбурга, Уфы, всей богатой Самарской губерніи, сюда плывутъ по Волгѣ караваны судовъ и здѣсь перегружаются въ Самарскихъ пристаняхъ въ вагоны поѣздовъ. Самара растетъ и толстѣетъ на счетъ своихъ вымирающихъ, какъ Симбирскъ, сосѣдей, богатѣетъ и, какъ жадный кулакъ, думаетъ только о томъ, чтобы ея карманъ былъ толще. Выстроенная по взятіи Астрахани въ 16 вѣкѣ, Самара не имѣетъ никакихъ памятниковъ старины. Ея старый кремль, бойницы и башни давно канули въ Лету и только двѣ старушки церкви, Алексѣя митрополита и старый соборъ, сохранились отъ былаго времени. И тутъ легенда объ Алексѣѣ митрополитѣ, возвращавшемся изъ Золотой Орды и насадившемъ обитель въ этихъ тогда еще глухихъ мѣстахъ.

На берегу Волги, на каменномъ высокомъ фундаментѣ, стоитъ маленькая часовенка митрополита Алексѣя, выстроенная на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высаживался Алексѣй. Большой четырехъугольный куполъ одѣлъ часовенку съ фреской Алексѣя на внѣшней стѣнѣ и съ неугасаемой лампадой передъ образомъ митрополита... Часовенка стоитъ у базара, гдѣ происходитъ оживленный торгъ, и сѣрый людъ толпами ходитъ помолиться въ эту церковку надъ Волжскимъ обрывомъ. Самара молодой городъ, который растетъ и выправляется, словно человѣкъ, переходящій изъ дѣтскаго въ юношескій возрастъ, несуразый, подурнѣвшій, съ длинными непомѣрно руками, съ обѣщаніемъ похорошѣть со временемъ. У Самары всѣ задатки стать Волжской красавицей, такъ какъ ей все для этого дано, и она несомнѣнно займетъ выдающееся положеніе среди всѣхъ

своихъ собратовъ. Она уже теперь отпускаетъ по 400 тысячъ пудовъ всевозможныхъ сортовъ табака, а весной, когда Самарка вскрывается раньше Волги ото льда, тамъ на берегахъ, въ этомъ курьезномъ городкѣ колоссальныхъ амбаровъ, неуклюжихъ и громоздкихъ, кипитъ такая горячая дѣятельность при нагрузкѣ тысячей баржъ, что кажется, что попалъ въ громадный приморскій портъ. Тысячи и тысячи людей таскаютъ мѣшки и кули пшеницы. Скрипъ, крики, трескъ, стукъ—сливаются въ дикій хаосъ, а разлившаяся Самарка, съ ея берегомъ и курьезнымъ амбарнымъ городкомъ, представляетъ замѣчательное зрѣлище. Сами по себѣ эти хлѣбные амбары любопытны. Выстроенные въ 3, 4 и 5 этажей, деревянные, безъ оконъ, словно слѣпые, всѣ они стоятъ отдѣльно другъ отъ друга и во время обмеленія рѣчки образуютъ унылый, пустынный, мертвый пригородъ, наводящій тягостное чувство. Эти амбары, стоящіе вблизи устья Самарки, также старинныя зданія Самары и находятся вблизи того мѣста, гдѣ когда-то возвышался кремль съ его башнями.

Самара сползла своими заборами, деревянными домишками, лавками и лачугами, крутыми и скверными улицами къ самой Волгѣ съ ея многочисленными пароходными пристанями на берегу. Ни достопримѣчательностей, ни красивыхъ частныхъ зданій здѣсь нѣтъ. Пыльныя улицы, пыльныя площади, многія поросшія травой пустыри, духота и жара, вотъ что находишь въ Самарѣ. Каменные дома Самары, имѣя кирпичные фасады, выглядятъ недоконченными. Длинныя, прямыя, параллельныя Волгѣ улицы, тянутся безконечно, пробѣгая по знойнымъ пустырямъ. Въ высшей точкѣ города среди гигант-

скаго пустыря, окруженный скверомъ, высится прекрасный соборъ Александра Невскаго. Ярко красный, кирпичный, съ 14-ю серебряными куполами и очень красивой колокольней, одѣтый кирпичными колоннами, онъ прелестно вѣнчаетъ городъ и придаетъ ему красивый обликъ, привлекающій всякаго ѣдущаго по Волгѣ. Внутри соборъ богато отдѣланъ и производитъ пріятное впечатлѣніе и живописью, и архитектурой.

Торговый центръ города Алексѣевская площадь. Здѣсь и лучшіе магазины Самары, и уныло глядящій губернаторскій домъ, и длинное двухъэтажное, зеленоватое зданіе Окружнаго суда съ бѣлыми карнизами и полуколоннами, и красивый скверъ, въ которомъ поставленъ памятникъ Александру II. Этотъ памятникъ лучшая достопримѣчательность Самары. Государь стоитъ на высокомъ, красномъ, гранитномъ пьедесталѣ, окруженный аллегорическими группами, изображающими важные моменты царствованія великаго Государя, военные подвиги котораго стоятъ рядомъ съ его гражданскими. Этотъ памятникъ—памятникъ той Россіи, какой ее сдѣлалъ покойный Государь, даруя благодѣтельныя реформы, стремясь впередъ къ свѣту. Поневолѣ останавливаешься въ грустной задумчивости передъ этими группами, олицетворяющими освобожденіе крестьянъ, покореніе Кавказа, завоеванія въ Средней Азіи, освобожденія славянскихъ племенъ и еще болѣе передъ этими многочисленными надписями и на щитахъ, и у группъ: отмѣна тѣлесныхъ наказаній (1863 г.), земскія учрежденія (1864 г.), гласное судопроизводство (1862 г.), городовое положеніе (1870), всесословная воинская повинность (1874), сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ и моста черезъ

Волгу (1861—1880). Эти побѣды стоютъ и Хивы, и Кокана, и Бухары, и Ташкента, и Карса съ Батумомъ, и Амурскаго края. Фигура Императора очень хороша и памятникъ, конечно, лучшее украшеніе пыльнаго города.

Въ концѣ Дворянской, главной улицы города, на самомъ берегу Волги, раскинулся небольшой, но хорошенькій Струковскій садъ съ тѣнистыми аллеями, цвѣтниками, плещущимъ фонтаномъ и рестораномъ, съ терасы котораго открывается дивный видъ на Волгу. Противоположный берегъ, съ зелеными скатами луговъ къ рѣкѣ, съ домиками и рощами ольшанника и осокори, съ буграми и холмами, лежалъ предо мной, какъ на ладони. Жегули синѣли ломанной линіей вдали, маня въ свои темныя и прохладныя ущелья изъ жаркой и противной Самары, а Волга плескалась, широкая, мощная, вся въ золотыхъ блесткахъ, словно разбилась баржа золотаго жемчуга и волны несли сверкающее богатсво въ далекое море. По вечерамъ сюда въ садъ сходится вся Самара подышать воздухомъ, послушать музыку, посѣтить лѣтній театръ.

Здѣсь-же около Струковскаго сада, сохранившаго имя своего прежняго владѣльца, среди большой площади стоитъ прекрасный театръ. Онъ тоже кирпичный, но пестрые изразцы и четыре пирамидальныя въ паркетикахъ башенки придаютъ ему очень кокетливый и элегантный видъ. И отъ театра видъ на необъятную рѣку восхитителенъ. Жгло такъ немилосердно, что я поспѣшилъ спастись въ соборъ Иверскаго монастыря, живописно сбѣжавшаго по откосу своими бѣлыми стѣнами, высокой одинокой колокольней и красивымъ соборомъ краснаго цвѣта подъ пятью луковками. Внутри соборъ блѣдно-голу-

бой, необыкновенно пустъ и унылъ. Большая картина „Снятіе со креста“ рѣзко выдѣляется на блѣдной стѣнѣ. Грустное пѣніе монахинь нагнало на меня тоску. Евангеліе вышла читать монахиня. Ея голосъ громко звучалъ подъ пустынными сводами собора и сливался въ гулъ, слова въ которомъ нельзя было разобрать. И эта пустота храма, это унылое пѣніе, это скромное, если не бѣдное убранство большаго храма, эта заглядывающая въ окна васильковая, лѣтняя синева неба, все это показалось мнѣ такъ печально, что я поспѣшилъ выйти на поросшій травой, раскаленный пустырь и побрелъ обратно въ городъ.

Здѣсь въ монастырѣ живетъ замѣчательная личность—игуменья мать Сусанна, которая является чуть не на каждый мимо проходящій пароходъ, прося подаянія на монастырь. Всѣ, кто часто ѣздятъ по Волгѣ, хорошо знаютъ мать Сусанну, которую ни погода, ни время года не удерживаютъ отъ сбиранія скудной лепты.

Я съ ней тоже познакомился. Это сгорбленная, небольшая старушка, съ лицомъ покрытымъ глубокими морщинами, съ проницательнымъ взглядомъ, полнымъ неутомимой дѣятельности, съ толстой клюкой въ рукахъ, съ кожаннымъ мѣшкомъ и съ копилкой у пояса. Она со всѣми знакомится, со всѣми разговариваетъ, прося свою лепту. „И даютъ, даютъ прохожіе. Такъ изъ лепты трудовой выростаютъ храмы Божіи по лицу земли родной“... Мать Сусанна для каждаго находитъ ласковое слово, умѣетъ съ каждымъ говорить и по грошамъ неустанно собираетъ свою лепту.

Самара служитъ центромъ кумысныхъ заведеній и со всѣхъ сторонъ съѣзжаются больные на май и

іюнь во всѣ эти многочисленныя и благоустроенныя заведенія, которыя окружаютъ городъ. „Аннаевка“ заслуживаетъ всѣхъ больше вниманія и своимъ положеніемъ на берегу Волги, на такъ называемомъ „Висячемъ камнѣ“, и благоустройствомъ, и прекраснымъ садомъ, и чудными видами на рѣку. Съ разныхъ балконовъ и башенокъ красивой Аннаевской дачи виды еще лучше и шире. Когда я отъѣзжалъ отъ Самары, городъ снова показался мнѣ во всей красотѣ. Серебряные купола собора сіяли на солнцѣ, а дома, церкви и лачуги слились въ пестрый и живописный хаосъ. Самара пропадала вдали, обѣщая затмить въ будущемъ всѣ Поволжскіе города и красотой, и благоустройствомъ, и торговлей и, припавъ къ самой Волгѣ, она съ жадностью пила ея воду и купалась въ ней, черпая силы въ могучей рѣкѣ, ея кормилицѣ, понимая, что только Волгой она станетъ и красива, и богата, и сильна.

17.

Хлѣбная Волга.

(Села до Сызрани. Мостъ. Раскольничья Палестина: Хвалынскъ, Вольскъ. Нѣмецкія колоніи).

Всякое ученіе истины — мечта для заблудшихъ.

Кругомъ все таже даль и ширь,
Все тотъ-же виденъ монастырь
На острову среди песковъ...
Некрасовъ.

Если страданіе не улучшаетъ, оно ухудшаетъ.
Англійская поговорка.

Мой пароходъ круто повернулъ вмѣстѣ съ поворотомъ рѣки и Самара, уже утопавшая въ полуденной дымкѣ, исчезла за выступами береговъ. Мельницы, села, деревни, зеленые луга, живописныя горы плыли мимо въ безконечной панорамѣ, а пароходъ несся снова на западъ, огибая гористый полуостровъ, эту Самарскую луку, такъ капризно вдавшуюся въ Поволжскія степи, такъ далеко заползшую на востокъ и оттѣснившую на сотню верстъ гигантскую рѣку къ Уралу и Азіи. Богатыя плодородныя поля съ колосящейся пшеницей, тяжелые колосья которой гнулись подъ зернами, разлеглись во всѣ стороны, а села и деревни съ громадными хлѣбными амбарами чуть не сплошной цѣпью покрыли эти бога-

тые и плодородные берега. Деревня Екатериновка, лежащая противъ длиннаго острова, при устьи рѣчки Степнаго Безенчука, выглянула своими громоздкими, слѣпыми амбарами и хорошими многочисленными домиками изъ золотыхъ морей хлѣбовъ, покрывшихъ всѣ пригорки и холмы. Золотыя волны катились шелковистыми водопадами въ Волгу и въ нихъ мелькали пламечки мака, какъ красные огоньки. Вотъ проплыла и Переваловка, прижатая къ горамъ, выглядывающая изъ лощинъ праваго берега. Въ трехъ верстахъ, на которыхъ существуетъ волокъ черезъ горы, начинается рѣка Уса, прорѣзывающая луку и впадающая въ Волгу выше Ставрополя. Здѣсь кончаются Жегули, обрываясь отвѣсными уступами къ Волгѣ, выставляя известковыя и песчаныя скалы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 40 саженъ вышиной. Здѣсь Волга входитъ въ царство арбузовъ. Село Печерское, кокетливо лежа амфитеатромъ по склону высокаго праваго берега надъ крутыми обрывами, выступило, залитое солнцемъ.

— Здѣсь возлѣ села есть большой интересъ, сказалъ мнѣ купчикъ, ѣхавшій въ Астрахань и съ которымъ, какъ сосѣди по койкамъ, мы сейчасъ же познакомились.

— Въ чемъ же интересъ? спросилъ я.

— Ключи есть любопытные, противъ болѣзней помогаютъ. По берегамъ ключей такъ всюду накипь и на вкусъ такая, что въ ротъ взять невозможно, и соленая вода, и горькая. А многіе пользуются и, говорятъ, очень помогаетъ. Я въ позапрошломъ году въ Печерскомъ по дѣламъ былъ, тамъ очень много любопытнаго.

— Что же еще? интересовался я.

— А вотъ окаменѣвшее зерно. Я самъ видѣлъ. Точь

въ точь зерно. Говорятъ, будто еще разбойниками было припрятано, ну и закаменѣло. Кто ихъ разберетъ, только это точно, мнѣ показывали.

Богатое село золотилось своими соломенными, словно вызолоченными, кровлями, своими богатыми пшеничными полями и казалось, что миръ и благоденствіе царствуютъ въ этомъ золоченомъ уголкѣ Волги, лежащемъ надъ обрывами, въ которыхъ рѣка образовала многочисленныя пещеры („печоры"), давшія названіе селу.

Сейчасъ же за селомъ Печерскимъ вдали показались паутинки и тоненькія соломинки, торчащія изъ воды.

— Это мостъ, объяснилъ мнѣ купчикъ.

Да, это былъ одинъ изъ величайшихъ мостовъ на Землѣ, Александровскій мостъ, лежащій на 20 верстъ выше Сызрани, связавшій Европу и Азію, поражающій и величиной (696 саж. длины), и легкостью, и смѣлостью постройки. Словно тонкое кружево, словно сплетенный изъ тончайшихъ проволокъ повисъ вдали надъ самой водой Александровскій мостъ и кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы нашъ плавучій дворецъ, этотъ гигантскій пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій" могъ пройти подъ его пролетами. Все ближе и ближе придвигался мостъ и съ каждой минутой онъ все выше и выше забирался въ облака, соломинки превращались въ колонны, колонны въ башни, а тонкая паутина все рельефнѣе выступала предо мной, вырисовывая мостъ во всемъ его головоломномъ величіи. Наконецъ мы подошли къ мосту, связавшему берега гигантской Волги, которая здѣсь во всемъ величіи катитъ свои волны, полныя и Камской, и Окской и другихъ рѣкъ воды. Всѣ тринадцать гигантскихъ пролетовъ

парятъ высоко надъ рѣкой, опираясь своимъ желѣзнымъ кружевомъ на 12 колоссальныхъ башенъ, поднявшихся изъ глубокихъ Волжскихъ водъ. Мостъ уперся на берегахъ въ громадныя, каменныя дамбы и, не смотря на свою грандіозность, такъ легокъ, такъ прозраченъ, что кажется, что легкій вѣтеръ можетъ сдунуть съ башенъ эти проволочные коридоры. И нашъ громадный пароходъ и встрѣчный „Коллорадо", этотъ сказочный американскій моллюскъ, показались подъ устоями моста—лодочками, а поѣздъ, съ грохотомъ мчавшійся по полотну, казался крошечной, ничтожной змѣйкой, волочащей свои миніатюрные вагончики отъ одной башни къ другой. Сама Волга синяя, могучая струилась у подножія толстыхъ башенъ, безсильно злясь на камни и препоны, воздвигнутые на ея пути, и грозя смыть эту затѣю человѣческой дерзости и погребсти ее въ своихъ волнахъ...

Видъ съ моста въ обѣ стороны восхитительный, особенно во время ледохода. Мнѣ случилось однажды по дорогѣ на Уралъ видѣть эту грандіозную картину. Волга несла ледяныя глыбы, которыя съ оглушительнымъ трескомъ рушились, наскакивая одна на другую у каменныхъ башенъ. Внизу подо мной клокоталъ цѣлый адъ. Воздвигались горы блиставшаго на солнцѣ льда и рушились въ ледяныя волны, какъ феерическіе замки и башни. Мостъ лежитъ среди слившихся селъ и деревень. Волга сплошь заселена и оба ея берега оживлены невѣроятно. Новые и Старые Костычи, послѣдніе, выстроенные на мѣстѣ прежней татарской крѣпости, полны жизни. Повсюду товарные вагоны, желѣзнодорожные будки, тяжело-пыхтящіе поѣзда. Громадныя цистерны съ нефтью разсѣлись по при-

брежнымъ скатамъ, а по вершинамъ бугровъ лѣниво ворочаютъ своими крыльями вѣтряныя мельницы. И снова мостъ превращается въ легкій призракъ, башни въ колонны, колонны въ соломинки, а висящіе пролеты въ легкія паутины. Село переходитъ въ село и не замѣчаешь, гдѣ конецъ одному, гдѣ начало другому. Вотъ Батраки съ желѣзнодорожной станціей, а дальше тянется цѣпь домовъ, амбаровъ и сараевъ и такъ на разстояніи болѣе 20 верстъ до самой Сызрани, совсѣмъ запрятанной за высокій берегъ на воложкѣ. Только порою ея церкви высовываютъ свои колокольни, стоящія на мѣстѣ древней крѣпости, отъ которой не осталось ни малѣйшаго слѣда. Мы подошли къ пристани, далеко отстоящей отъ города и только весною, когда воложка дѣлается судоходна, пароходы подходятъ къ самому городу, лежащему по рѣкамъ Сызрану и Крымзѣ. Это пыльный, некрасивый уѣздный городъ, живущій своей хлѣбной торговлей и его монастырь Вознесенія Господня, съ древнѣйшей церковью въ городѣ, въ которой находится икона Ѳеодоровской Божьей Матери, найденная у села Кашпиръ, и соборная башенная церковь, курьезная, потому что выстроена въ пирамидообразной башнѣ, уныло глядятъ на торговую суету города, главный, если не единственный интересъ котораго—только нажива.

За Сызранью, скрывшейся совсѣмъ за береговыми кустами, пошла уже степь, безконечная, длинная степь, покрывающаяся весною чуднымъ ковромъ цвѣтовъ, благоухающая въ теченіи короткихъ весеннихъ дней и сгорающая подъ калеными лучами солнца лѣтомъ, крутящая на своей спинѣ бураны и снѣжныя вьюги въ зимніе дни. Уже у Са-

мары Волга подошла къ степямъ, но у Сызрани, сдѣлавъ поворотъ на югъ и принявъ свое старое направленіе, она катитъ свои волны по знойнымъ степямъ каленаго юга, она пробѣгаетъ самое богатое и заселенное пространство, взращивая тѣ поля пшеницы, которыя дали этимъ берегамъ названіе Волжской житницы. И громадные и многочисленные амбары молча говорятъ о томъ золотѣ, которое собирается въ ихъ громадныя и убористыя нѣдра. Повороты Волги, за очень немногими исключеніями, поражаютъ тѣмъ, что эта могучая громадная рѣка постоянно принимаетъ направленіе впавшаго въ нее даже небольшаго притока. Оттѣсненная горами на востокъ, встрѣтивъ небольшую рѣку Сокъ, она сворачиваетъ, образуя вершину Самарской луки и бѣжитъ къ югу до города и устья рѣки Самарки, слившись съ которой, она круто поворачиваетъ на западъ, словно впала въ Самарку, и бѣжитъ до селъ Костычей, около которыхъ сама, не принявъ никакого притока, поворачиваетъ на югъ, и этотъ поворотъ, чуть ли не единственный, что воды Волги не столкнуты слабыми сравнительно струями притока съ прежняго направленія.

Сейчасъ-же за Сызранью потянулись гряды довольно живописныхъ холмовъ. Кашпирскія горы, у подножья которыхъ примостилось село Кашпиръ, нѣкогда крѣпость, болѣе старая, чѣмъ Сызрань, окруженное курганами, называемыми жителями: Ногайскими могилами.

Среди горъ и холмовъ стоитъ старая церковь Благовѣщенскаго монастыря, давно упраздненнаго. Маленькіе домики жмутся къ старымъ стѣнамъ церкви, стоящимъ болѣе 150 лѣтъ въ этомъ поэтич-

номъ уголкѣ. Въ Волгѣ лежатъ острова, Кашпирскія горы убѣжали за воложку, а у села Спасскаго поднялись новые холмы, сложившіеся въ цѣпь Чернозатонскихъ горъ. Вотъ село Черный Затонъ среди полей проса, пшеницы, арбузныхъ и дынныхъ бакчей и мы въ Саратовской губерніи. Солнце палитъ невыносимо и зрѣющія поля кажутся золотыми коврами, разложенными по береговымъ холмамъ. Вотъ село Ѳедоровка, знаменитое своими оползнями, изъ которыхъ послѣдній въ 1839 году разрушилъ много домовъ. Село широко раскинулось на Волжскихъ скатахъ и живописно глядитъ на сдавленную въ этомъ мѣстѣ берегами Волгу, которая, напирая на правый берегъ, давно подтачивала его и грызла основаніе горы. Оползень 39-го года, въ ночь съ 16 по 17 іюня, былъ вызванъ этой продолжительной работой рѣки, которой помогли просачивающіяся въ грунтѣ весеннія воды. И съ страшнымъ шумомъ и трескомъ часть горы поползла къ Волгѣ, волоча рушащіеся дома, и волнуясь и трескаясь. 70 домовъ пали развалинами этой катастрофы. За деревней Вострая Лука показался Хвалынскъ съ его громадными хлѣбными амбарами на самомъ берегу, точно съ толпой великановъ, съ его соборами и церквями и бѣлыми отъ мѣла обрывами, на фонѣ которыхъ красныя рубашки крестьянъ казались огненными цвѣтами распустившагося мака. Хвалынскъ это раскольничій центръ, а его Черемшанскіе скиты, лежащіе въ живописной мѣстности въ 4-хъ верстахъ отъ города, Кааба для всѣхъ раскольниковъ, куда каждый считаетъ своею обязанностью хоть разъ въ жизни явиться, какъ мусульманинъ въ Мекку, какъ католикъ въ Римъ. Весь Хвалынскъ—городъ раскольниковъ, гдѣ православное

населеніе очень незначительно и гдѣ всѣ должности и вся торговля находится въ рукахъ раскольниковъ. Гонимые и преслѣдуемые въ началѣ этого столѣтія, раскольники переселились съ береговъ рѣки Иргиза въ Черемшанскіе непроходимые лѣса вблизи Хвалынска и основали тамъ монастырь, который служитъ теперь центромъ всего „австрійскаго" толка, назначая епископовъ и священниковъ и сосредоточивая высшее духовное мѣсто въ своихъ стѣнахъ. Вся Волга, отъ Сызрани чуть не до Царицина, раскольничья Волга, гдѣ теперь раскольники спокойно живутъ внѣ преслѣдованія, разводятъ свои прелестные фруктовые сады, полные абрикосовыхъ, персичныхъ и грушевыхъ деревьевъ, и ведутъ оживленную торговлю. Тутъ всѣ секты, всѣ толки, всѣ подраздѣленія. Мнѣ называли и сухарниковъ, и поморцевъ, и тропарщиковъ, и филипповцевъ, и спасовцевъ-нѣтовцевъ, и спасовцевъ вѣнчающихъ и крестящихъ въ православныхъ церквяхъ, и спасовцевъ-самокрещенцовъ, и ѳедосѣевцевъ-женатыхъ и ѳедосѣевцевъ-дѣвственниковъ, и молоканъ, и пашковцевъ, и скопцовъ, и голубцовъ, и хлыстовъ, и многихъ другихъ. И всѣ они имѣютъ свои молельни, всѣ имѣютъ свои любопытныя стороны, а нѣкоторыя поражаютъ своими мрачными, невѣжественными и ужасными, кровавыми обрядами. Для туриста Хвалынскъ представляетъ мало любопытнаго, такъ какъ раскольничьи молельни не интересны и заслуживаютъ вниманія только Черемшанскіе скиты, къ которымъ ведетъ крайне живописная дорога, поднимающая васъ на холмы съ чудными видами на Волгу, заваленную островами, на оставшійся гдѣ-то внизу среди мѣловыхъ вершинъ Хвалынскъ, на синеватую заволжскую даль и на без-

конечные холмы, потонувшіе въ зелени богатыхъ садовъ, орошенныхъ говорливыми ручьями. Скиты, и мужскіе и женскіе, отличаются необычайной строгостью жизни монаховъ и монахинь, крайнею замкнутостью и замѣчательно живописнымъ расположеніемъ. И многочисленныя старинныя иконы съ строгими и почернѣвшими ликами святыхъ прежняго курьезнаго письма, и удивительные короткіе костюмы монаховъ съ капорами на головѣ, тоже остатокъ старины, заслуживаютъ полнаго вниманія.

За Хвалынскомъ потянулись Дѣвичьи горы, изорванныя оврагами, отрѣзанныя обрывами, подымающіяся цѣпью шапкообразныхъ холмовъ. Здѣсь въ старину жили богатыри-дѣвушки, Волжскія амазонки, и грабили прохожихъ и проѣзжихъ, не зная ни пощады, ни сожалѣнія, и если одна изъ богатыршъ готова была сдѣлаться матерью, сестры сталкивали ее въ Волгу съ крутаго обрыва, считая свою силу несокрушимой въ дѣвственности.

Вотъ мелькнуло село Алексѣевка, а за нимъ село Широкое съ высокой и красивой церковью среди богатыхъ домовъ, съ барской усадьбой и помѣщичьимъ домомъ, выглядывающимъ изъ-за густой зелени тѣнистаго сада, и показалось со своими многочисленными громоздкими амбарами богатое, хлѣбное Балаково, этотъ второй хлѣбный рынокъ Волги, уступающій первенство только Самарѣ. Это цѣлый амбарный городъ, покрывшій берегъ Волги и придающій странный видъ всему богатому селу, которое по своему виду заткнетъ многіе Волжскіе города.

Въ Балаковѣ вышла больная барыня, направлявшаяся въ Столыпинскія минеральныя воды, лежащія въ 50 верстахъ отъ Волжскаго берега и очень

восхваляемыя барыней, которая ѣхала туда уже во второй разъ.

За селомъ Терсой съ большимъ механическимъ заводомъ, трубы котораго коптили синее и ясное небо, въ Волгу впала рѣка. Это былъ неимовѣрно извилистый Большой Иргизъ, излюбленная раскольничья рѣка, по берегамъ которой въ дикихъ и поэтическихъ уголкахъ сохранились многочисленные единовѣрческіе монастыри.

— А это что за средневѣковой замокъ? указалъ я моему купчику на красивое зданіе около самаго села Терса.

— Это? Это дача князя Ливенъ, отвѣтилъ онъ, богатѣйшее помѣстье. А теперь сейчасъ и Вольскъ будетъ. Отсюда до него верстъ 12. Вонъ мѣлъ-то пошелъ.

Ослѣпительно бѣлыя горы выступили своими очертаніями на фонѣ неба у самой рѣки и казались среди этой синевы и воды и неба еще бѣлѣе, еще ослѣпительнѣе. Чтобы дать мѣсто Вольску, горы описали дугу и, убранныя крайне прихотливо садами и рощами, придали всему красивому городу особенную прелесть. Вольскъ рано утромъ, когда небо запылало зарями и пурпуромъ разсвѣта, показался мнѣ очень красивъ. Эта масса мѣла, эти бѣлые домики, эти курьезныя, бѣлыя, желѣзныя крыши единовѣрческой церкви, этотъ громадный, реброголовый соборъ Іоанна Предтечи, все было залито пурпуровыми волнами, и этотъ красноватый отблескъ бѣлаго города произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Вольскъ—тоже раскольничій городъ, тоже имѣетъ мало замѣчательнаго и интереснаго для туриста, кромѣ своего исключительнаго живописнаго положенія. Замѣчательная древняя плащаница и старинныя 4 евангелія единовѣрческой

церкви, красивая арка у пароходныхъ пристаней и Покровская церковь, выстроенная Сапожниковымъ, мѣстнымъ обывателемъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ повѣшенъ его дѣдъ Пугачевымъ и гдѣ теперь интересенъ иконостасъ, вотъ главныя достопримѣчательности Вольска, города, поднятаго изъ полнаго ничтожества энергіей и неутомимыми трудами купца Злобина, бывшаго волостнаго писаря, съумѣвшаго горячо любить свой родной уголъ и выдвинуть его къ свѣту. Небольшой садъ Сапожникова открываетъ чудные виды на Волгу и на мѣловыя горы, представляя сборный пунктъ горожанъ.

Сейчасъ же за Вольскомъ потянулась новая горная цѣпь.

— Это Змѣевы горы, пояснилъ мнѣ купчикъ; здѣсь въ старину живалъ страшный змѣй и никому не давалъ ни прохода, ни проѣзда. Вотъ и взмолились къ нему, чтобы онъ поля не мялъ, купеческія суда не топилъ, народъ христіанскій не грабилъ. Хорошо, говоритъ, я оставлю васъ, только чтобы за этотъ убытокъ мнѣ каждый годъ, что ни на есть, первую красавицу приводить и ту я пожру. Посудили, порядили да такъ и порѣшили. Ужъ очень силенъ былъ поганый. И каждый годъ приведутъ дѣвицу сюда въ горы, привяжутъ къ столбу, змѣй вылѣзетъ изъ своей дыры и пожретъ ее, и костей не оставитъ. Только ужъ при Иванѣ-царѣ пришелъ сюда московскій молодецъ съ мечемъ, что, какъ крестъ православный, вылитъ былъ и побѣдилъ проклятаго змѣя.

Эта легенда напомнила мнѣ цѣлый рядъ подобныхъ же легендъ, слышанныхъ мной за границей. На Рейнѣ есть совершенно такое же сказаніе объ ужасномъ драконѣ „Драконовыхъ горъ“ (Drachen-

fels), очень можетъ быть, что и это сказаніе о Волжскомъ змѣѣ занесли сюда нѣмцы, большой волной нахлынувшіе во времена Екатерины II на берега Волги. Горы обрываются отвѣсными крутиками въ Волгу, покрыты кустами и рощами, иногда поднимаются почти на 500 футъ и образуютъ красивыя лощинки и овраги. За селомъ Рыбнымъ, на правомъ берегу, Волга дѣлается нѣмецкой и мнѣ показалось, что я попалъ не то на берега Майна или Эльбы, не то на Западную Двину. Острые шпили нѣмецкихъ кирокъ, благоустроенныя колоніи—совсѣмъ крошечные западно-европейскіе городки съ прямыми до педантизма улицами, непремѣнно обсаженными деревьями, домики акуратные, чистые, крытые безукоризненными тесовыми крышами, амбары и мельницы, съ цѣлыми крыльями,—тянутся на большомъ разстояніи. И всѣ эти колоніи похожи одна на другую, какъ капли воды, какъ солдаты. Повсюду акуратность, чистота, порядокъ, повсюду тихая, мирная жизнь, до педантизма втиснутая въ положенныя рамки, нигдѣ нѣтъ золотящейся соломенной крыши, покачнувшейся старой колокольни, изорваннаго крыла вѣтряной мельницы, сквозь которое глядитъ пламя зари. Все до того въ порядкѣ, что дѣлается скучно. Нѣтъ живописности, нѣтъ Волги, нѣтъ удали и той жизни, которая ключемъ бьетъ повсюду. А что за названія! Всѣ эти колоніи, лежащія въ степяхъ Самарскаго лѣваго берега, среди громадныхъ табачныхъ плантацій, переносятъ насъ на далекій западъ.

— Вотъ Шафгаузенъ. Это Ааргау. А вонъ, гдѣ виднѣется шпиль кирки, это Гларусъ. Изъ-за моря розовыхъ цвѣтовъ высокаго табака, разводимаго вѣроятно для сѣмянъ, вынырнулъ Базель, еще далѣе

Цюрихъ, Золотурнъ, Цугъ, Люцернъ, Унтервальденъ, Сузенталь. Вся Швейцарія здѣсь на Волгѣ.

— Все нѣмецъ сидитъ, сказалъ купчикъ, они и Саратовъ чуть не за свой городъ почитаютъ. И тамъ у нихъ много нѣмецкихъ вывѣсокъ. А ужъ если гдѣ пивная, такъ все нѣмцы и на вывѣскѣ кружка пива или старикъ въ ермолкѣ съ бритымъ лицомъ, только подъ подбородкомъ щетина торчитъ и въ рукахъ опять кружка пива. Русскихъ не любятъ. Сами нашъ хлѣбъ ѣдятъ, а насъ ругаютъ. На пароходѣ, начиная отъ Самары, слышалась нѣмецкая рѣчь. Колонисты въ своихъ куцыхъ куртахъ, колонистки въ бѣлыхъ чепчикахъ, въ передникахъ съ традиціонными для всякой нѣмки корзинками въ рукахъ, сидѣли отдѣльными кружками и, слушая ихъ нѣмецкую рѣчь, не вѣрилось, что находишься на далекомъ юговостокѣ матушки Россіи. Татары съ ихъ неподвижными лицами держались тоже въ сторонѣ и, когда солнце шло къ западу, они благоговѣйно раскладывали на палубѣ свои коврики и совершали свою вечернюю молитву. Что за неизгладимыя впечатлѣнія, что за характерныя сценки, что за пестрая, разноколиберная толпа этихъ нѣмцевъ-колонистовъ, пестро одѣтыхъ татаръ, башкиръ и киргизовъ! Тутъ Золотая Орда и нѣметчина, по которымъ катитъ свои мощныя волны Волга. Татары свято исполняютъ въ положенные часы свои молитвы, раскладываютъ коврики, снимаютъ обувь и опускаются на колѣни, призывая Аллаха и Магомета.

Онѣмечился край еще во времена Екатерины Великой, призвавшей нѣмцевъ, давшей имъ богатыя земли и деньги для построекъ, и нѣмцы съумѣли извлечь пользу и сдѣлать цвѣтущими эти и безъ того прекрасныя по землѣ мѣста, но съумѣли и

остаться нѣмцами, замкнуться совершенно и попрежнему смотрѣть на русскаго, какъ на ими облагодѣтельствованнаго варвара. Самая главная и значительная нѣмецкая колонія — Баронскъ или Екатеринштадтъ, основанная въ 1765 году барономъ Борегардомъ, отъ титула котораго и получила свое названіе. Это чистенькій, мирный, нѣмецкій городокъ, съ хорошенькой главной киркой, высокій, черный шпиль которой виденъ изъ далека съ Волги. Школы, заводы, мельницы, сады, гигантскіе многочисленные амбары, прямыя, широкія улицы, все необыкновенно чисто и опрятно, а на главной площади высится бронзовый памятникъ Екатерины II, на гранитномъ пьедесталѣ котораго нѣмецкія и русскія надписи, гласящія: „Императрицѣ Екатеринѣ II изъ благодарности отъ Саратовскихъ переселенцевъ, 24 ноября 1840 года“. Государыня держитъ въ рукахъ полуразвернутый листъ, на которомъ видна надпись по нѣмецки: „Manifest den 25 Iuni 1765“ (Манифестъ 25 іюня 1765 г.). Русскихъ селъ на этомъ плесѣ мало и только богатое село Воскресенское, загороженное со стороны Волги амбарами, да село Усовка, красиво лежащее на скатахъ, притягиваютъ ваше вниманіе и соломенными крышами, и живописностью положенія, и зачастую порванными крыльями неуклюжихъ вѣтряныхъ мельницъ, которыя шлепаютъ лѣниво по воздуху, замирая въ знoѣ и солнцѣ и глядя въ далеко раскинувшіяся степи.

А сколько прелести въ такой степи, когда благоухаетъ ея цвѣтной коверъ, когда мотаются великаны синіи шалфеи, а царскіе скипетры поднимаютъ свои нарядныя свѣчи цвѣтовъ, когда вѣетъ жаромъ и зноемъ иароматъ безконечныхъ сортовъ

клевера, горошковъ и гроздикъ охватываетъ васъ всего, а золото лютиковъ червонными волнами катится и играетъ среди шевелящихся травъ. Тишина стоитъ надъ степью изумительная и крикъ парохода несется далеко, далеко надъ этимъ безконечнымъ ковромъ. За то какъ уныла эта же степь, когда сгорятъ ея травы и сѣдыя метлы ковыля и однообразные букеты молочаевъ поднимутъ среди обожженной и растрескавшейся земли свои букеты... Столько задумчивости навѣваетъ безпредѣльная степь, заставляя уйти въ самого себя, особенно вечеромъ, когда загорятъ яркія и необыкновенно большія звѣзды, когда затянутъ кузнечики свое однообразное трещанье, да гдѣ-то далеко, далеко застонетъ коростель... Что-то таинственное, чудное въ этой степной тишинѣ ночью, что охватываетъ человѣка и подавляетъ его, и Волга, катящаяся по Саратовскимъ степямъ, кажется еще величественнѣе, еще могучее, еще прекраснѣе и молчаливѣе и сидишь часами и глядишь на черную линію берега, на яркія звѣзды, на играющія серебромъ волны, прислушиваешься къ треску кузнечиковъ, къ всякому стуку и шуму по берегу, ко всякому плеску воды, и чаруешься до столбняка въ эту теплую, южную, тихую ночь и тепломъ, и тишиной, и грандіознымъ однообразіемъ. Черные громадные амбары проплываютъ въ ночной темнотѣ, какъ стадо фантастическихъ, черныхъ животныхъ, высоко поднявшихъ свои горбатыя спины и таящія въ своихъ нѣдрахъ то безчисленное золото, то несмѣтное богатство, которое собирается по береговымъ степямъ. Эта часть Волги, Волга хлѣба, Волга степныхъ полей, золотая Волга, несущая по своимъ волнамъ караваны золота во всѣ концы обширной Руси.

18.

Саратовъ.

(Первыя впечатлѣнія. Достопримѣчательности. Католическій соборъ. Радищевскій музей. Видъ съ Соколовой горы).

... Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь,
въ Саратовъ.
Грибоѣдовъ.

И вотъ они опять знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства.
Некрасовъ.

Показался Саратовъ, нарядная столица Поволжья, разлегшійся на береговомъ правомъ скатѣ, поднявшій свои колокольни и дома въ пестромъ хаосѣ надъ Волгой, большой, красивый, живописный, съ громадной торговлей, съ громаднымъ населеніемъ, бывшій городъ Сара-тау, что означаетъ по татарски „Желтая гора" и что указываетъ на прежнее татарское поселеніе. Молодой городъ, Волжскій красавецъ, проплываетъ мимо и недоумѣваешь, что

пароходъ не подходитъ къ городу, но въ этомъ виновата злая шутка Волги, все болѣе и болѣе насыпающей около города пески, превратившіеся въ островъ, растянувшіеся на громадное разстояніе и сдѣлавшіе невозможнымъ проходъ къ Саратову. Приходится спуститься на громадное разстояніе ниже, завернуть въ Саратовскій Рогъ, этотъ узкій заливъ и по нему пробраться до города. Потеря времени ужасная. Только весной, когда Волга катитъ воды надъ песками, пароходы имѣютъ возможность прямо подойти къ городу, не дѣлая этой ужасной околёсины.

Основанный еще въ 16 вѣкѣ на лѣвомъ берегу, при устьи Саратовки, городъ былъ перенесенъ позже на правый берегъ, въ 1605 году, и предохранялъ суда отъ воровскихъ шаекъ, грабившихъ все Низовье Волги. Новый городъ много терпѣлъ и отъ калмыковъ, и отъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Кондрата Булавина и Некрасова, и отъ нашествій Разина, и отъ Пугачевскаго погрома, и отъ киргизъ, и отъ башкировъ. Нынѣшнее столѣтіе Саратовъ началъ страшной чумой, которая заключила городъ на четырехлѣтній карантинъ, затѣмъ необычайный пожаръ превратилъ почти весь городъ въ развалины, а налетѣвшая холера похитила болѣе 10 тысячъ жертвъ.

Пароходъ повернулъ въ воложку, въ Саратовскій Рогъ, около товарной станціи Тамбовской желѣзной дороги, по которой подвозятъ сюда отъ Саратовскаго вокзала товары, и поплылъ, пыхтя и потрескивая своимъ остовомъ, вдоль береговъ. Повсюду цистерны, вагоны, горы бочекъ и кулей, движеніе и суета. Горы сыпучаго песку обложили весь берегъ и только ковыль кивалъ своими серебристыми

метелками, подметая песокъ, да бурачки разсыпали свои желтые цвѣточки, не страшась быть выметенными съ пескомъ малѣйшимъ вѣтеркомъ.

Вся Саратовская набережная прорѣзана сквозными спусками и дорогами и представляетъ грязный, безпорядочный хаосъ сараевъ, амбаровъ, скверныхъ лачугъ, покосившихся заборовъ и пакгаузовъ. Трудно себѣ представить что-нибудь непривлекательнѣе этого мѣста. Громадный деревянный заборъ, въ родѣ высокой стѣны, увѣнчанной бесѣдочкой, поднялся вблизи берега.

— Что это такое? спросилъ я извозчика.

— Лѣтній театръ и садъ для увеселеній, пояснилъ онъ.

Я колыхался на дрожкахъ во всѣ стороны, ежеминутно ожидая, что слечу на отвратительную мостовую, и старался удержать равновѣсіе при ковыляніи моихъ дрожекъ по ямамъ и трещинамъ дороги. Но только что мы выѣхали изъ этого непривлекательнаго хаоса лачугъ, заборовъ и грязи, какъ картина сразу перемѣнилась и Саратовъ во всемъ блескѣ развернулся предо мной.

Дѣйствительно это центръ Поволжья, это столица, нарядный, благоустроенный городъ, по улицамъ котораго плывутъ конки, витрины магазиновъ котораго по столичному выставляютъ свои товары, прекрасныя зданія котораго носятъ отпечатокъ большого европейскаго города, а учебныя заведенія котораго и особенно женскій институтъ, основанный на средства дворянства, оказываютъ сильное вліяніе на всю окрестность. И прекрасныя гостинницы, и асфальтовыя тротуары, и многіе прекрасные частные дома, и вся Нѣмецкая улица, этотъ Невскій Саратова, все имѣетъ столичный отпечатокъ. Тотъ,

кто не имѣетъ много времени, можетъ ознакомиться съ Саратовымъ во время стоянки парохода, обыкновенно продолжающейся около 4 часовъ, но совѣтую всякому остаться здѣсь на сутки, чтобы съѣздить за 10 верстъ въ мѣстечко Увѣкъ, крайне любопытное, да и самъ Саратовъ, не представляя много памятниковъ старины, заслуживаетъ полное вниманіе туристовъ. Среди одной изъ лучшихъ площадей города возвышается новый соборъ Александра Невскаго, высокая колокольня котораго паритъ надъ всѣмъ городомъ. Построенный въ память 1812 года, онъ хранитъ массу знаменъ ополченій, интересныя иконы и образа. Вокругъ обѣгаетъ бульваръ изъ липъ, сквозь зелень которыхъ глядятъ „присутственныя мѣста“, представляющія казарменное желтое зданіе, которыми украшены всѣ наши русскіе города. Тутъ же и гауптвахта и старый архіерейскій домъ. Этотъ бульваръ „липки“, называемый мѣстными нѣмцами въ память своего фатерланда: „Unter den Linden“, любимое мѣсто гулянья.

Отъ Соборной площади начинается Нѣмецкая улица, главная въ городѣ, съ прекрасными домами, блестящими магазинами и большимъ оживленіемъ около 4-хъ часовъ, когда саратовцы гуляютъ. Великолѣпный католическій соборъ, выстроенный въ романскомъ стилѣ, высоко поднялъ двѣ свои готическія, красныя колокольни съ статуей апостола Петра между ними. Внутри соборъ не менѣе красивъ, чѣмъ снаружи, и представляетъ любопытную картинную галерею и собраніе прекрасныхъ статуй и вещей. Свѣтъ, проникая сквозь пестрыя готическія окна, падаетъ разноцвѣтными кружками на двѣ большія статуи въ алтарѣ, на бронзовую утварь и на колонны. Обѣ статуи выписаны изъ Парижа

и изображаютъ: папу Пія V и мученицу Фелимену. Св. Климентъ, изображенный на алтарной стѣнѣ, задумчиво глядитъ на большую, красивую церковь. Небольшой ликъ Христа работы Нисченкова обращаетъ на себя вниманіе такъ же, какъ цѣлый рядъ картинъ потолка, принадлежащихъ кисти Ишенкова и Жидкова, представляющихъ 8 сценъ изъ жизни Христа, но девятая картина, находящаяся въ центрѣ, особенно прекрасна. Она изображаетъ Вознесеніе Богоматери и писана Кирѣевымъ съ знаменитой картины Брюлова. Лицо Богоматери такъ прекрасно, такъ радостно и свѣтло, такъ полно ожиданія величайшаго счастья, что останавливаешься въ глубокомъ раздумьи передъ этой картиной.

Громадная бѣлая статуя Божьей Матери стоитъ въ боковомъ алтарѣ, гдѣ находится любопытная картина Кирѣева, изображающая святаго Франциска, крестящаго язычниковъ. Весь главный потолокъ храма расписанъ Кирѣевымъ и Ишенковымъ, а въ небольшихъ боковыхъ нишахъ привлекаютъ ваше вниманіе двѣ картины, присланныя изъ Петербурга. Весь храмъ св. Климента такъ интересенъ, что каждый туристъ долженъ поставить себѣ въ обязанность посѣтить его. Высокая колокольня Лютеранской церкви поднялась вблизи Соборной площади и служитъ тоже прекраснымъ украшеніемъ Саратова. На Сѣнной площади съ церковью Митрофанія, около которой оканчивается Нѣмецкая улица, царитъ большое оживленіе. Любопытна пестрая толпа въ базарные дни, когда татары, киргизы, башкиры, мордва, колонисты, веселые малороссы, потягивающіе свои люльки, соберутся сюда торговать. Сколько интересныхъ, пестрыхъ народныхъ сценокъ, сколько разнообразныхъ лицъ! Чего стоютъ

одни статуеобразные нѣмцы, лица которыхъ словно закаменѣли и не способны выражать чувства, о восточныхъ народахъ и не говорю.

Другая улица Московская, самая оживленная, самая дѣятельная, пересѣкаетъ весь городъ отъ прекраснаго зданія вокзала Саратово-Тамбовской желѣзной дороги, лежащаго на окраинѣ, до береговъ Волги. Здѣсь сосредоточена главная торговля, сюда выходятъ всѣ фасады общественныхъ зданій, здѣсь царитъ наибольшее оживленіе, здѣсь собраны всѣ интересныя для туриста зданія Саратова. Старый соборъ, это самое старое строеніе Саратова, воздвигнутое въ память избавленія отъ чумы, стоитъ съ 1697 года на площади вблизи Волги и производитъ странное впечатлѣніе своей простой, но курьезной архитектурой. Красный, весь въ бѣлыхъ украшеніяхъ, окруженный толстыми бѣлыми арками, на которыхъ обѣгаетъ весь соборъ галерея, съ отдѣльно стоящей красной колокольней, стоитъ онъ, какъ затерянный, среди нынѣшней суеты базара. Вблизи стараго собора древняя киновія, низкая, старомоднаго фасона, вся пригнулась къ землѣ. И съ галереи собора, въ которомъ хранится чудотворный образъ Всемилостивѣйшаго Спаса, и съ балкона киновіи открывается чудный видъ на всю Соколову гору, которая поднялась темными и живописными уступами. Съ этой горы Пугачевъ разстрѣливалъ городъ, всѣ эти темные скаты были полны висѣлицами, на которыхъ болтались трупы несчастныхъ саратовцевъ, не пожелавшихъ подчиниться волѣ бунтовщика. Эта же Соколова гора знаменита своими страшными оползнями 1783, 1818 и 1846 годовъ, которые вызвали громадныя катастрофы. Она поднимается ввидѣ какихъ-то фанта-

стическихъ руинъ. Повсюду нагромождены камни, сложившіеся не то въ башни, не то въ стѣны.

Тутъ на Московской и двѣ церкви: Михаила Архангела и старая единовѣрческая, внѣшность которой выдаетъ ея почтенный возрастъ, заставляющій съ вниманіемъ и уваженіемъ остановиться передъ ней, тутъ и пассажъ Лаптева съ рядами магазиновъ, и гостинный дворъ, и губернаторскій домъ, и дворянское собраніе, и великолѣпное зданіе съ блестящимъ фасадомъ окружнаго суда.

На театральной площади, сквозь которую проходитъ Московская улица, и которая окружена лучшими гостинницами и частными домами, поднимаются два отдѣльныя красивыя строенія, оба лучшія украшенія города: городской театръ и Радищевскій музей. Каменный красивый театръ, выстроенный въ 65 году на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго, останавливаетъ своимъ красивымъ и величественнымъ видомъ. Здѣсь на этой сценѣ играло много великихъ артистовъ міра сего. Здѣсь вызывалъ восторги саратовцевъ Сальвини, здѣсь загорѣлась яркимъ свѣтомъ звѣзда русской комедіи, Марія Гавриловна Савина, внесшая удивительную простоту и жизненность въ русскій театръ, въ которомъ продолжали еще царить и декламація и завыванья.

Радищевскій музей составляетъ гвоздь Саратова и его лучшее украшеніе. Устроенный городомъ и художникомъ Боголюбовымъ въ память своего дѣда Радищева, музей представляетъ богатую сокровищницу искусствъ, интересную всякому, кто видѣлъ и столичные музеи и иностранныя картинныя галереи. Не говоря уже о коллекціяхъ монетъ и кредитныхъ билетовъ, прекрасныхъ фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій, бронзовыхъ предметовъ и

старинныхъ русскихъ серебряныхъ вещей, богатой библіотеки и любопытной залы китайскихъ и японскихъ издѣлій, вазъ, домашней утвари, коллекцій латъ и оружія, здѣсь находится прекрасное собраніе старинной мебели изъ Испаніи и Франціи временъ Людовиковъ XIV и XV, въ которой особенное вниманіе обращаетъ на себя удивительный, рѣзной шкафъ Людовика XIII-го и красивыя старинныя шкатулки съ замысловатыми инкрустаціями. Здѣсь же находится драгоцѣнный для всѣхъ русскихъ „Тургеневскій кабинетъ“, устроенный, какъ въ Западной Европѣ, съ почтеніемъ относящейся ко всему, что касается памяти великихъ людей. Тамъ, на Западѣ, чтится всякій предметъ, имѣющій отношеніе къ національному поэту, композитору или писателю и потому мнѣ особенно дорого было найти въ Саратовскомъ музеѣ этотъ „Тургеневскій уголокъ“ въ то время, когда наши великіе поэты и композиторы не почтены даже памятниками въ столицахъ. Вы видите обстановку кабинета Ивана Сергѣевича, его письменный столъ со всѣми мелочами, низенькое креслице передъ нимъ съ темной клеенчатой подушкой, на которой отдыхалъ нашъ великій романистъ. Тутъ же лежитъ перо, которое держала его рука, которое писало неоцѣненныя намъ строчки. Тутъ же бѣлая гипсовая маска Тургенева и слѣпокъ его руки, а на стѣнѣ нѣсколько портретовъ писателя въ разныя эпохи его жизни. Эти драгоцѣнные предметы пожертвовала m-me Віардо и они составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній музея, его святыню, къ которой приближаешься въ нѣмомъ благоговѣніи.

Картинная галерея музея крайне любопытна. Благодаря жертвамъ и Петербургскаго Эрмитажа,

и Боголюбова, и товарищества Передвижниковъ и Академіи Художествъ, картинная галерея представляетъ громадный интересъ, особенно, какъ русская школа. Сколько знакомыхъ картинъ по выставкамъ Петербурга встрѣтилъ я здѣсь въ Саратовскомъ музеѣ, привѣтствуя ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ есть и прелестныя головки Харламова, съ ихъ очаровательными глазками, и произведенія отца русской живописи Брюлова, ввидѣ головы ратника и прекрасной картины „Іисусъ передъ народомъ", тутъ и полотна Андрея Иванова, и портретъ, изображающій самого Боголюбова, геніальной кисти Рѣпина, и прелестная „Мертвая природа" Сверчкова, и „Море" Айвазовскаго, которое волнуется на вашихъ глазахъ и, когда вы долго глядите на эти зеленыя волны, вы начинаете слышать ихъ ревъ и плескъ, и „Египетскій воинъ" — Константина Маковскаго, и поэтическая, освѣщенная алымъ закатомъ, „Поздняя осень" Клевера, полная тишины, запаха гніющаго листа, прозрачности воздуха и красоты, и таинственная лѣсная чаща Шишкина, въ которой лучи солнца падаютъ рѣдкими золотыми блестками на пестрые мхи, и прелестныя дѣвочки, какія умѣетъ рисовать Лемохъ, приковывая все ваше вниманіе къ этому милому, простому личику. А вотъ и Журавлевская картина „Мачиха", произведшая въ свое время сенсацію и прекраснымъ сюжетомъ и рисункомъ. Полная, здоровая, пристрастная къ своему собственному дѣтищу, которое она держитъ на рукахъ, мачиха, молодая бабакрасавица, статная, „кровь съ молокомъ", въ пестромъ богатомъ сарафанѣ, сидитъ на лавочкѣ. Ея толстое, откормленное дитя, котораго мать только что кормила кашей, еще стоящей на столѣ,

кричитъ благимъ матомъ. Досаду на крикъ своего чада мачиха изливаетъ на несчастномъ мальчикѣ-сироткѣ, который ей подвернулся подъ руку и котораго она колотитъ деревянной ложкой. Пасынокъ прижался къ скамьѣ, прижалъ рученкой корку хлѣба и обливаетъ ее горючими сиротскими слезами. У ногъ мачихи клюетъ зерно курица, а за скамьей болтается на веревкахъ корзинка собственнаго дитяти. Все такъ живо, такъ рельефно, что производитъ глубокое впечатлѣніе, а ваше вниманіе уже притягиваетъ превосходная картина Неврева: „Лжедимитрій у Сигизмунда“. Тутъ же великолѣпная картинка Прянишникова: „Таперъ“, прямо вырванная изъ жизни и наводящая горькое раздумье. А вотъ и двѣ картины, обѣ на одинъ сюжетъ: „Іисусъ Христосъ воскрешаетъ дочь Іаира“, одна Полѣнова, другая Зеленскаго, и обѣ интересны, обѣ заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія, обѣ останавливаютъ васъ своимъ правдивымъ изображеніемъ. Вотъ картины Бронникова, Лагоріо, пейзажи Сверчкова, прекрасныя полотна самого Боголюбова, картина Савицкаго, чудная итальянская дѣвочка съ тамбуриномъ—Харламова. Здѣсь въ музеѣ собраны картины цѣлаго ряда нашихъ славныхъ художниковъ и эта коллекція, постоянно пополняющаяся, коллекція русской живописи, составляетъ неоцѣненное сокровище Саратова.

Здѣсь есть и мраморы, среди которыхъ бюстъ Крамскаго, исполненный Антокольскимъ, является первой драгоцѣнностью, не говоря уже про хорошо исполненные бюсты Данте, Боголюбова, снимокъ съ Іоанна Грознаго Антокольскаго и другихъ.

Среди иностранныхъ художниковъ въ Саратовѣ первенствуетъ Тиціанъ своимъ портретомъ герцога.

Тутъ и „Святое семейство“ Вазари, и „Сивилла“ Джуліо Романо, и четыре картины Теньера (Деревенскій праздникъ, Плачущая Венера надъ умирающимъ Адонисомъ, головы Христа и Богоматери), и любопытный потолокъ одной изъ залъ, расписанный, какъ Тріанонскій плафонъ около Парижа, и прелестная картина англійской художницы Мэри Этингеръ: „Ангелъ смерти“. Въ лицѣ ангела столько скорби, столько слезъ и неземной красоты, что остановишься передъ нимъ, скользящимъ передъ вами по полотну, укутаннымъ въ черныя одежды, взмахнувшимъ своими большими крыльями, и долго не можешь оторваться и уйти.

Радищевскій музей увлекъ меня на долгіе часы и я покинулъ его съ сожалѣніемъ и съ надеждою, что судьба приведетъ меня еще разъ въ Саратовъ и дастъ мнѣ снова возможность насладиться и Ангеломъ смерти, и Мачихой, и Харламовской очаровательной итальянской дѣвочкой, бьющей беззаботно въ тамбуринъ и такъ проницательно глядящей на васъ своими черными, глубокими глазками, что вы уносите этотъ взглядъ съ собой и потомъ еще долгое время вспоминаете его.

Любопытны въ Саратовѣ заводы — мукомольныя мельницы, завладѣвшія берегомъ и поднявшіяся громоздкими, своими многоэтажными корпусами вблизи пристаней. Всѣ эти мыловаренные заводы и фабрики необычайно оживлены и весь участокъ на берегу представляетъ собой суэту, толчею и невѣроятный шумъ и грохотъ. Товарные поѣзда подходятъ по особенной вѣтви въ этотъ фабричный уголокъ, въ это царство копоти, дыма, тучъ муки и горъ угля.

Противъ Саратова за широкой Волгой, за гро-

маднымъ островомъ, носящимъ имя Беклемишева, въ память воеводы саратовскаго Беклемишева, который встрѣтилъ здѣсь Петра Великаго и получилъ отъ него въ даръ этотъ островъ, виднѣется Покровская слобода, соединенная съ Саратовымъ постояннымъ пароходнымъ сообщеніемъ, составляющая зарѣчный пригородъ Поволжской столицы, бывшее прежнее мѣсто Саратова, съ вокзаломъ новой Уральской дороги, пробѣгающей по степямъ въ городъ Уральскъ, черезъ который движутся восточные и азіатскіе товары къ берегамъ Волги.

Видъ изъ Покровской слободы на Саратовъ очень хорошъ, но онъ еще лучше съ Соколовой горы, съ той самой ея вершины, откуда Пугачевъ бомбардировалъ городъ. Весь Саратовъ, какъ на ладони. Онъ улегся по амфитеатру горъ, окруженный возвышающимися вокругъ него полукругомъ вершинами. Безпорядочная масса дрянныхъ домиковъ пригорода сплошь обѣгаетъ весь Саратовъ, спускается въ овраги, карабкается по склонамъ горъ и представляетъ дебри города. Очень живописно высятся колокольни церквей надъ всѣмъ этимъ хаосомъ строеній, прерваннымъ немногими зелеными островами садовъ. Вотъ торчитъ ближе всѣхъ, почти у подножія, старая колокольня, точно красная сахарная голова, Стараго собора рядомъ съ базаромъ, вонъ виднѣются арки гостиннаго двора у театральной площади, а Московская улица, прямая, какъ стрѣла, мчится къ отдаленному желѣзнодорожному вокзалу, крыша котораго выглядываетъ изъ-за деревьевъ. Вонъ уже за городомъ виднѣется кладбище и у камнеломенъ, съ ихъ трещинами и изломами, блеститъ золотой куполъ, словно огонекъ, надъ храмомъ мужскаго монастыря, а

Волга, съ ея мелями, съ ея плоскимъ, противоположнымъ берегомъ, синяя, и мощная, покрытая длинными караванами судовъ, пыхтящими пароходами и баржами, катится широкая, какъ озеро. Церкви села Покровскаго красиво рисуются на фонѣ знойнаго неба, а дальше стелется степь, безпредѣльная, длинная, однообразная степь, убѣгающая туда на далекій востокъ, доходящая до самаго Хвалынскаго моря.

Вдали за Саратовымъ виднѣется село Увѣкъ. Оно прижалось къ горамъ, отбѣжало нѣсколько отъ Волги и затонуло въ поляхъ своими домиками.

Это мѣстечко „Увѣкъ", любопытный уголокъ съ остатками старинной крѣпости, съ многими находимыми монетами, древними украшеніями и осколками посуды, говоритъ о древнемъ поселеніи татаръ въ этихъ мѣстахъ, на что напоминаетъ и измѣненное на русскій ладъ названіе „Узбекъ". Прогулка въ эту живописную деревеньку заслуживаетъ полнѣйшее вниманіе, а видъ съ холмовъ, покрытыхъ фруктовыми садами, положительно восхитителенъ и на Саратовъ и на Волгу, которая, разлившись на 4 версты, течетъ гигантской озеромъ-рѣкой въ каленыя южныя степи...

19.

Низовье.

(Села Царицынскаго плеса. Столбичи. Разинскій бугоръ. Камышинъ. Царицынъ).

Что мнѣ колода! Самъ я воевода,
А ты гляди на Волгѣ, нѣтъ-ли встрѣчныхъ
И поперечныхъ!

Островскій.

Я росъ, какъ многіе, въ глуши
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши.

Некрасовъ.

Многіе писатели думаютъ о насъ, немногіе заставляютъ думать.

За Саратовымъ селъ еще больше. Голая, безконечная степь тянется по берегамъ. На правомъ берегу она лежитъ высоко надъ рѣкой и обрывается въ воду желтыми и бѣлыми скатами, изгрызенными оврагами и продырявленными пещерами. Кое-гдѣ высовываются длинные, однообразные и скучные острова, села выставляютъ повсюду свои громоздкіе и многочисленные амбары. Рощи пропали совсѣмъ и ихъ смѣнила знойная раскаленная степь, отъ которой пышетъ жаромъ и духотой.

Лѣвый берегъ — низменная степь, убѣгающая куда-то на востокъ, въ безконечную даль, сливаю-

щаяся съ полуденнымъ маревомъ, дрожащимъ надъ степью. Мелькаютъ села и деревеньки. Вотъ Сосновка съ волокомъ на рѣку Медвѣдицу, вотъ Синенькое, вотъ Ахматово и всѣ они на одинъ фасонъ, всѣ съ зажиточными домиками, съ хорошими церквями, всѣ тонутъ въ ржаныхъ и пшеничныхъ поляхъ. Тутъ и деревни, и села, и хутора, и слободы, и колонки съ нѣмецкими колонистами, чисто и опрятно одѣтыми въ бѣлыя традиціонныя рубашки съ наглухо застегнутымъ жилетомъ или въ синія юбки. И всѣ поселенія глядятъ богато, всѣ разрослись и разлеглись на большое разстояніе и служатъ продолженіемъ хлѣбныхъ рынковъ, которыми такъ богатъ Саратовскій плесъ, эта хлѣбная Волга, запруженная караванами баржъ съ пшеницей и сплошь застроенная амбарами. Низовье мало уступаетъ ей и почти сплошь до самаго душнаго Царицына амбары и поля не прекращаются, внося скучное однообразіе береговыхъ видовъ.

Вотъ выплыло село Ровное, берегъ котораго запруженъ судами, изъ-за лѣса мачтъ которыхъ и изъ за амбаровъ торчатъ многоэтажные дома, нерѣдко съ вычурной архитектурой. Совсѣмъ городокъ. А село Золотое, затонувшее въ превосходныхъ фруктовыхъ садахъ, разлеглось на протяженіи трехъ верстъ по правому берегу, подняло свои богатые каменные храмы и смотритъ городомъ, богатымъ хлѣбнымъ торговцемъ, затыкающимъ за поясъ многіе Волжскіе города. Мельницъ въ этой части Волги безъ числа. Онѣ усѣлись на всѣ холмы и на всѣ пригорки. При полномъ отсутствіи рощъ и садовъ, Золотое кажется необыкновенно цвѣтущимъ и вѣетъ ароматомъ зелени и цвѣтовъ далеко на Волгу.

Снова потянулись обрывы, блестящіе отъ мѣла.

Они то пригибались къ рѣкѣ, словно хотѣли нырнуть въ нее, то высоко поднимались надъ рѣкой, прерываясь чернѣющими балками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрывы такъ высоко взгромоздились надъ Волгой, что стада коровъ, идущія по вершинамъ, казались игрушечными.

Степь тянется высоко наверху, а со стороны Волги стоитъ безконечно длинная бѣлая стѣна. Въ черныхъ балкахъ мелькаютъ то деревенька, то рыбачья хижинка. Степной коверъ, какъ зеленая скатерть, стелется по стѣнѣ и мѣстами падаетъ зелеными складками, загибаясь въ сторону рѣки надъ обрывомъ. Пошла совершенная пустыня. Кое-гдѣ парили орлы, вдоль мѣловыхъ стѣнъ съ криками носились прибрежные стрижи, караваны баржъ и плотовъ лѣниво плыли по рѣкѣ. Солнце палило невыносимо и отъ берега вѣяло зноемъ, изрѣдка узкой ленточкой обрывался жалкій ручеекъ, бросаясь въ Волгу около рыбачьей избушки... Пароходы казались ничтожными скорлупками возлѣ этой колоссальной стѣны, на этомъ морѣ воды, а караванъ баржъ тянулся еле замѣтной ниточкой. Стѣны, изгрызенныя пещерами и зѣвами, мѣстами приняли видъ не то руинъ, не то башенъ, камни вгромоздились въ какія-то циклопическія стѣны и въ фантастическія постройки.

Ночью на меня этотъ берегъ произвелъ особенно сильное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что я плыву мимо сказочнаго царства. Въ пещерахъ жгли кирпичъ. И эти огненныя логовища, эти жерла и зѣвы, изрыгающіе пламя, словно гнѣзда змѣй и драконовъ, глядѣли на пароходъ своими раскаленными глазами и окрашивали воду въ фантастическій отблескъ. Съ каждымъ шагомъ стѣны принимали все болѣе

и болѣе видъ руинъ крѣпостей и замковъ, а у деревни Банновки изъ воды поднялись колоссальные столбы и колонны, прислонившіеся къ береговой стѣнѣ. Это „Столбичи“. Тутъ уже все замки съ башнями и зубчатыми стѣнами, грандіозныя развалины на отвѣсныхъ крутикахъ, фантастическіе дворцы на недосягаемыхъ обрывахъ. Дикая поэзія, очаровательный уголокъ! Волга пустынна и безпредѣльна, какъ степь, которая тянется по берегамъ. Нигдѣ ни деревеньки, ни избушки, только стрижи да чайки, громко крича, носятся надъ очарованнымъ городомъ замковъ и дворцовъ. Сама Банновка тоже курьезный уголокъ, она, какъ и отдаленные Катунки, вся подперта сваями и бревнами. Домишки стоятъ на деревянныхъ платформахъ, которыя удерживаютъ ихъ отъ паденія въ Волгу. Рѣка изгрызла берегъ и рушитъ вешними разливами эту стѣну, служащую подножіемъ Банновки. Всюду длинныя плотины, всюду ракитовыя плетни, всюду насыпанные валы и навороченныя горы камней, чтобы укрѣпить уползающій изъ-подъ ногъ берегъ...

Низовье Волги—арена прежняго разбоя былыхъ удальцовъ и здѣсь повсюду, что ни обрывъ, что ни ущелье, все преданіе и сказка о былыхъ атаманахъ, разбойникахъ, удальскихъ выходкахъ и таинственныхъ приключеніяхъ.

А вотъ выплылъ и Разинскій бугоръ, отрѣзанный отъ длинной стѣны берега двумя глубокими оврагами, составляя продолженіе той же стѣны. Здѣсь нѣкогда сидѣлъ въ креслѣ съ слоновой насѣчкой самъ Стефанъ Тимофеевичъ, поглядывая на Волгу и махая своимъ шелковымъ платочкомъ проплывавшему судну. Если оно не слушалось и не останавливалось добровольно, съ берега мчались ладьи

съ добрыми молодцами и чинили расправу надъ непокорными. Здѣсь въ одной изъ пещеръ, обитой бархатомъ и украшенной драгоцѣнностями, жилъ Разинъ, здѣсь чинилъ онъ свою расправу, о которой до сихъ поръ поются пѣсни по Волжскимъ берегамъ.

Тутъ на пустынномъ берегу, гдѣ то въ темныхъ ущельяхъ и дремучихъ лѣсахъ, мучится Стенька Разинъ великою мукой за всѣ свои злодѣянія и въ народѣ живутъ разсказы о разныхъ случайныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Разинъ живетъ и теперь, ввидѣ стараго, громаднаго, сѣдого старика, живетъ и мучится. По словамъ однихъ, сидитъ онъ въ уединенной избушкѣ вблизи громаднаго болота, изъ котораго каждую ночь выходятъ сотни и тысячи змѣй и жабъ сосать разбойника. По словамъ другихъ, лежитъ онъ подъ деревомъ и каждую ночь слетаетъ громадный орелъ, посланный Богомъ, и клюетъ ему и грудь, и бока, и сердце, и глаза и мучится Разинъ отъ нестерпимой боли такъ, что дубы пригибаются и земля отъ того крика содрогается. И всѣмъ встрѣчнымъ говоритъ Разинъ по утру, когда улетаетъ орелъ или уползаютъ обратно въ болото всѣ гады, что 100 лѣтъ онъ мучится и что 100 лѣтъ еще промучится, за то что проливалъ неповинную кровь, что надругался надъ дѣвицами безобидными, не жалѣлъ стыда женскаго, и что онъ снова придетъ на Русь и на Волгу, потому что правды нѣтъ нигдѣ, придетъ по Божьему повелѣнію, придетъ людямъ въ наказаніе и что лучше всѣмъ раньше померерть, съ камнемъ въ воду кинуться, чѣмъ дождаться его прихода грознаго, страшнаго, неумолимаго...

Снова замелькали села и деревни и потянулся скучный, однообразный степной берегъ. Въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ кажется, что плывешь по озеру, такъ раздвинулись берега, а низкій луговой берегъ убѣжалъ совсѣмъ незамѣтной полосой къ горизонту и слился съ небомъ въ туманной дали. Волга искрилась, глотая раскаленные лучи и отъ этого блеска, отъ этого сверканья воды дѣлалось еще жарче, еще душнѣе. Вотъ село Даниловка осталось назади, проплыла и деревня Щербаковка, а за ней и Байдаковъ буеракъ. Вотъ и колонокъ Усть-Кулалинка, противъ котораго вливаетъ свои воды въ Волгу большой Ерусланъ, очень мало отклоняя ее отъ прежняго теченія. Уракова гора, спустившаяся тремя терасами въ Волгу, вся зеленая отъ травы, выплыла громаднымъ бугромъ въ этой скучной панорамѣ крайне однообразнаго берега. Здѣсь когда-то жилъ атаманъ разбойниковъ Ураковъ, у котораго Разинъ въ продолженіи 15 лѣтъ служилъ кашеваромъ, котораго онъ затѣмъ застрѣлилъ и самъ сталъ атаманомъ.

За деревней Липовкой показалось громадное село Никольское съ 20 тысячами жителей, превосходящее, почти наискосокъ лежащій напротивъ, городъ Камышинъ, это былое гнѣздо понизовской вольницы, этотъ городъ прославленныхъ арбузовъ, этотъ былой Дмитріевскъ, стоящій на берегу крошечной рѣченки Камышинки. Этотъ ручеекъ въ прежнее время былъ значительной рѣчкой, протекавшей по непроходимымъ дебрямъ и соединявшейся незначительнымъ волокомъ съ Иловлей и Дономъ. По этому пути плавали Донскіе казаки въ своихъ лодкахъ и грабили иноземные товары на Волгѣ и на Хвалынскомъ морѣ. Петръ Великій мечталъ соединить въ этомъ мѣстѣ Волгу съ Дономъ и велѣлъ приступить къ грандіозному предпріятію и начать

рыть каналъ нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ въ стародавнія времена рылъ каналъ турецкій султанъ Селимъ, чтобы провести свои войска въ Волгу для войнъ съ Персіей и Астраханью. И каналъ предпріимчиваго Селима и каналъ геніальнаго Петра остались сладкой мечтой, были заброшены по одной и той же причинѣ, что люди, которымъ было повѣрено это предпріятіе, думали только о собственной наживѣ, считая за ничто грандіозныя предпріятія царей. Кое-какіе слѣды Селимова канала остались до нашихъ дней, какъ и слѣды работъ Петровскаго канала. Существуетъ легенда, что начальникъ работъ такъ много кралъ денегъ, такъ много поморилъ солдатъ на работѣ, что когда дѣло дошло до отчета, онъ сѣлъ въ коляску, запряженную лихими конями, и помчался, что было мочи, къ отвѣснымъ обрывамъ надъ Волгой. Кони понесли, что было духу, и ринулись съ крутика въ рѣку...

Городокъ производитъ довольно унылое впечатлѣніе и любопытенъ во второй половинѣ лѣта своими арбузами. На баржахъ и плотахъ, на телѣгахъ и на берегу лежатъ горы зеленыхъ арбузовъ то величиной въ кулакъ, то просто чудовищныхъ размѣровъ. Караваны баржъ развозятъ повсюду прославленный камышинскій плодъ, дѣйствительно, необычайно вкусный. Отъ Камышина начинаются уже сплошные баштаны дынь и арбузовъ, распростертыхъ повсюду на землѣ, пропекаемыхъ и каленымъ солнцемъ, и землей, горячей и знойной.

Самъ Камышинъ типъ пыльнаго провинціальнаго городка, съ деревянными тротуарами, низенькими домиками, мучными рядами, казенными постройками присутственныхъ мѣстъ и скучной неинтересной жизнью. Въ былыя времена, когда

Пугачевъ взялъ Камышинъ, все его населеніе погибло на вѣсилицахъ...

За Камышинымъ Волга еще однообразнѣе. Когда спускаешься по Волгѣ, то эти мѣста вплоть до Царицына проѣзжаешь ночью; когда ѣдешь на сѣверъ, то приходится ѣхать днемъ по этому душному, однообразному плёсу. Правда, пріятно сидѣть на пароходѣ въ тѣнистомъ уголкѣ въ креслѣ и глядѣть на проплывающую панораму береговъ, на встрѣчные пароходы, на эти большіе плоты съ двумя избушками на нихъ, между которыми виситъ мостикъ съ прихотливой бесѣдкой, на всѣ эти мимо скользящія села, деревни и посады, пріятно познакомиться съ сотоварищами по путешествію, но все-таки этотъ плёсъ утомляетъ своимъ однообразнымъ видомъ, своей безпредѣльной степью. Потомъ, позже, сидя у себя въ Петербургѣ, я съ наслажденіемъ вспоминалъ и этотъ долгій день, который мнѣ казался нескончаемымъ, вспоминалъ съ тихой грустью, что онъ уже прошелъ и такъ желалъ очутиться снова на палубѣ парохода, снова пережить даже тоску, которую навѣялъ на меня берегъ, потому что и тоска была мнѣ дорога по воспоминаніямъ. Волга даетъ такую массу впечатлѣній, характерныхъ сценокъ, картинокъ, что они врѣзываются въ душу путника и потомъ свѣтятъ ему въ воспоминаніяхъ, какъ милые, родные огоньки.

На лѣвомъ берегу распростерлась степь съ ея соляными озерами, эта скучная, громадная Калмыцкая степь, съ рѣдкими поселками на Волгѣ, съ неинтересными берегами, а на правомъ мелькали то село Сестренка, то Поповка, то Караваинка. Послѣдняя любопытна своими обрывами и валунами, необыкновенной твердости и похожими

на ржаные караваи, что и дало названіе деревни.— Проплыли и Быкова хутора, гдѣ зрѣютъ лучшіе арбузы, сплавляемые къ Камышину.

— Вонъ Балыклей, вонъ Александровское село, указывалъ мнѣ сосѣдъ на проплывавшія села, а тамъ вонъ—Пролейка съ двумя большими курганами, которые зовутся царскими могильницами.

Астраханская губернія на лѣвомъ, Саратовская на правомъ спустили свои берега въ Волжскія волны и замерли въ жарѣ. За с. Широкимъ съ его группой пирамидальныхъ тополей, показался посадъ Дубовка, разжалованный изъ города за свою приверженность Пугачеву, разбитому подъ Казанью и принятому Дубовкой. Здѣсь Волга подходитъ всего ближе къ петлямъ Дона, здѣсь была прежде конно-желѣзная дорога между рѣками, прогорѣвшая вслѣдствіе того, что товары подвозились по прежнему на волахъ мѣстными жителями упорно избѣгавшими новшества. Дубовка съ ея громадной фабричной дѣятельностью послѣ Саратова занимаетъ на Волгѣ первое мѣсто. Это очень красиво лежащій по крутому саратовскому берегу городокъ съ его многочисленными хорошими каменными домами, церквями, заводами и рядами. Около Дубовки есть слѣды прежнихъ укрѣпленій и находятся старинныя монеты и украшенія.

До самаго Царицына нѣтъ интереснаго уголка. Только ниже Дубовки отдѣляется отъ Волги громадный рукавъ Ахтуба, судоходный только въ половодье, протекающій по Астраханскимъ степямъ на разстояніи 500 верстъ, соединяющійся съ Волгой, омывающій знойный Царевъ и впадающій ниже Краснаго Яра въ Каспійское море. Это рѣка Золотой Орды, рѣка, на берегахъ которой живали

ханы, куда стекались на поклонъ данники монгольскихъ народовъ, гдѣ приносились жертвы, гдѣ сложили свои головы не одинъ герой, гдѣ дикая жизнь кипѣла ключемъ и гдѣ вѣтеръ поднимаетъ ужасные и частые смерчи, крутящіе высокіе песчаные столбы, стремящіеся по степямъ.

***

Мы подошли къ Царицыну. Онъ даже съ Волги не красивъ. Масса лачугъ, масса судовъ, лѣсъ мачтъ, крутики, на вершинахъ которыхъ разсѣлись сѣрыя, жалкія лачуги, готовыя упасть внизъ вмѣстѣ съ размываемой глинистой горой, вслѣдствіи чего мелѣетъ берегъ. Бывшая крѣпость во времена Іоанна Грознаго, выстроенная на краю свѣта тогдашняго времени, выдвинутая въ страну кочевниковъ, лежа между Волгой и Дономъ, не смотря на свое выгодное положеніе и на желѣзныя дороги, связывающія городъ и съ Калачемъ на Дону и черезъ Грязи со всѣми городами, Царицынъ имѣетъ видъ неопрятнаго, душнаго, пыльнаго села, окруженнаго цѣлымъ рядомъ деревень, полныхъ бѣдныхъ лачугъ, неприглядныхъ землянокъ, сѣрыхъ хибарокъ, жалкихъ мазанокъ и покачнувшихся избъ. Точно громадное азіатское селеніе лежитъ Царицынъ по косогорамъ и оврагамъ при впаденіи совсѣмъ высыхающей лѣтомъ рѣки Царицы. Вдоль берега—море судовъ. Они, словно громадное стадо, прижались у высокихъ скатовъ берега и это чуть-ли не единственно интересное въ Царицынѣ, даже видъ на колоссальную рѣку, которая отъ толчка почти безводной Царицы поворачиваетъ нѣсколько къ востоку, не представляетъ ничего особеннаго. Мнѣ пришлось провести сутки въ этомъ городѣ и мнѣ показалось, что я пробылъ въ немъ цѣлую

недѣлю. Взгромоздившись по высокимъ лѣстницамъ на вершины крутиковъ, я попалъ въ городъ, который представлялъ цѣлое море раскаленной пыли и сыпучихъ песковъ. Я буквально тонулъ въ горячемъ пескѣ, который немилосердно жегъ ноги. Отъ каменныхъ домовъ, отъ длинныхъ кирпичныхъ сараевъ, амбаровъ и всевозможныхъ складовъ, какъ и отъ земли, вѣяло зноемъ и приходилось дышать раскаленными струями воздуха. Нигдѣ ни деревца, ни кусточка, только пучки засохшихъ травъ, подорожники, ковыль, да проскурнякъ торчали по оврагамъ и улицамъ. Я вышелъ на громадный пустырь, составляющій центральную площадь города. Здѣсь среди тучъ пыли и горъ песка, среди неприхотливыхъ зарослей ромашки и нѣсколькихъ желтыхъ сгорѣвшихъ злаковъ, стоятъ, чередуясь съ лачугами, каменныя палаццо, которыя поневолѣ заставляютъ васъ раскрыть ротъ отъ удивленія. Положеніе Царицына на углу Волги, на двухъ желѣзныхъ дорогахъ, сдѣлало его крупнымъ торговымъ центромъ, поэтому дѣятельность здѣсь кипитъ, потому рядомъ съ бѣдностью и голью, съ лачугами и землянками высятся каменныя зданія. Здѣсь на этомъ пустырѣ вблизи хорошаго зданія гимназіи, Успенскаго собора, церкви Іоанна Крестителя, по преданію, выстроенной на мѣстѣ прежняго Батыева дворца, Троицкой церкви и банка, составляющихъ довольно красивую группу, поднялась гигантская и великолѣпная руина, полная молчаливаго величія, полная царственной красоты, сгорѣвшая въ 1887 году, гостинница Божескаго. Жаль, что эти величавыя стѣны въ колоннахъ и лѣпныхъ украшеніяхъ не видны съ Волги, которой онѣ такъ къ лицу своими грандіозными размѣрами. Здѣсь

были и номера, и ресторанъ, и театръ, и клубъ, и магазины, и городское управленіе, а теперь черныя отверстія оконъ зіяютъ между громадныхъ, обгорѣвшихъ колоннъ, ласточки съ громкими криками носятся надъ развалинами, приклеивая свои гнѣзда къ уцѣлѣвшимъ карнизамъ и украшеніямъ, да трава растетъ изъ трещинъ, свѣшиваясь надъ молчаливыми стѣнами.

Въ городской управѣ мнѣ показали главную достопримѣчательность Царицына. Это: дубинка изъ черешни, суковатая и толстая, и картузъ, обитый мѣхомъ и изрядно попорченный молью, Петра Великаго, подаренные императоромъ городу въ 1722 году съ словами: „вотъ вамъ моя палка, обороняйтесь ей противъ вашихъ враговъ, какъ я управлялся ею съ своими друзьями; а вотъ моя шапка, какъ ее никто не смѣлъ снять съ моей головы, такъ никто пусть не посмѣетъ вывести васъ изъ Царицына“...

На спускахъ и косогорахъ къ рѣкѣ Царицѣ находится увеселительный садъ Конкордія съ лѣтнимъ театромъ для оперетокъ, если можно назвать садомъ это отгороженное мѣсто и театромъ этотъ деревянный балаганъ. Только у вокзала Грязе-Царицынской желѣзной дороги разросся маленькій садикъ съ нѣсколькими бесѣдками, затянутыми дикимъ виноградомъ. Онъ одинъ не выгораетъ и остается единственнымъ зеленымъ островомъ среди выжженной степи и раскаленныхъ песковъ, только благодаря тому, что его ежедневно поливаютъ, открывая краны водопроводныхъ трубъ и наводняя всѣ канавы, по которымъ разсажены кусты ароматной іерусалимской вербы и деревья. Водопроводная башня, поднявшаяся надъ этимъ хаосомъ

зданій, играетъ здѣсь двоякую роль: кромѣ прямаго своего назначенія—она каланча и съ нее открывается далекій видъ и на обгорѣлыя степи и на Заволжскую сторону, сливающуяся съ туманами.

Я долго бродилъ по городу. Зной былъ нестерпимый. Царицынъ спалъ, окутанный мертвой тишиной и только изрѣдка попадались мнѣ на встрѣчу еле переступавшіе волы, запряженные въ большую телѣгу. Насколько скученъ, апатиченъ и бездѣятеленъ былъ Царицынъ, настолько шуменъ и полонъ дѣятельности былъ Нобелевскій городокъ, лежащій между двумя оврагами ниже по Волгѣ, у самаго Царицына и выставившій свои гигантскіе цистерны и баки. Шумъ, гамъ, трескъ тамъ не прекращаются. Керосинъ льется по трубамъ изъ цистернъ въ нефтяные вагоны и въ наливныя суда... Здѣсь еще душнѣе, еще жарче, и голова идетъ кругомъ отъ стука и грохота, и я безконечно былъ счастливъ, когда пришлось покинуть этотъ знойный, душный городъ и мчаться дальше отъ него.

20.

Въ знойной степи.

(Сарепта. Мертвый край. Баскунчакское озеро. Въ островахъ. Калмыцкій хурулъ. Подъ Астраханью).

Просторъ и пустота, какъ
въ пустынѣ.
Гончаровъ.

Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
Какъ изваянія гробницъ,
Сидѣли важно на пескѣ
Виднѣлись горы вдалекѣ...
Некрасовъ.

Пароходы, оставивъ Царицынъ, плывутъ по последнему Астраханскому плесу, совсѣмъ не похожему на все остальное теченіе могучей рѣки, и кажется, что это не Волга, что плывешь по другой рѣкѣ, ничего не имѣющей общаго съ русской, могучей красавицей. Горы исчезли, отбѣжали отъ Волги и пропали въ знойной степи. Безплодныя, необозримыя равнины раскинулись во всѣ стороны, низкіе песчаные берега падаютъ въ рѣку унылыми, скучными обрывами. Кое-гдѣ шумятъ камыши, разроссл тальникъ, да торчатъ осоки. Жара и духота съ каждой минутой дѣлаются нестерпимѣе, отсутствіе всякаго вѣтерка, полное безвѣтріе, вслѣдствіе котораго рѣка катится, какъ зеркало, безъ

малѣйшей зыби, дѣлаетъ духоту въ теченіи дня ужасно томительной, а однообразіе берега убиваетъ всякій интересъ.

Нашъ пароходъ подошелъ къ пристани у высокаго, глинистаго, прокаленнаго и покрытаго трещинами обрыва. Это была пристань Сарепты, совсѣмъ не видной съ Волги. Публика поспѣшила купить пресловутую горчицу и сарептскій бальзамъ, продаваемый на пристани.

До колоніи Сарепты отъ Волги 7 верстъ, которыя проѣзжаешь въ линейкѣ за 50 копѣекъ по довольно живописной дорогѣ, ползущей по холмамъ и полямъ, а затѣмъ по душной и пыльной степи. Съ вершины одного изъ холмовъ открывается видъ на Сарепту, этотъ мирный, словно отрѣзанный отъ всего міра, уголокъ, запрятанный за степи и холмы, живущій своею совершенно замкнутой жизнью, утонувшій своими маленькими, бѣленькими домиками и киркой въ зелени тополей, фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. Ярко-желтыми коврами разлеглись повсюду поля цвѣтущей горчицы, одѣвшія косогоры и холмы, а красныя трубы фабрикъ, поднялись надъ колоніей. Это маленькій нѣмецкій мірокъ, мирный уголокъ, полный спокойствія и тишины, устроенный призванными изъ Богеміи Екатериной Великой нѣмцами религіозной секты гергунтеровъ или моравскихъ братьевъ, облюбовавшихъ это мѣстечко и основавшихся здѣсь. Колонія, не смотря на погромъ Пугачева и пожары, находится въ цвѣтущемъ состояніи, пользуясь массой особыхъ привиллегій, поддерживаемая съ первыхъ шаговъ государствомъ, освобожденная отъ рекрутскаго побора, имѣющая свой судъ, свою полицію, право на винокуреніе, на торгъ во всей Россіи. Моравскіе братья

назвали свою колонію Сарептой въ память шествія пророка Иліи по такимъ же знойнымъ степямъ къ городу Сарпату, а рѣчка Сарпа своимъ названіемъ еще болѣе подвинула на это. Колонія очень благоустроена, цвѣтуща, ея фабрики, и горчичныя, и ткацкія, и винокуренныя, и заводы процвѣтаютъ, ея густые тополя бросаютъ синюю тѣнь и на площадь съ церковью, съ школой, съ бѣленькими и чистыми домиками, и на улицу, но васъ давитъ тоска, васъ гнететъ это молчаніе, это отсутствіе жизни, словно вы попали въ монастырь съ его громадными, мертвыми залами, и должны сами таить тягостное молчаніе. Колонисты, принадлежа къ религіозной сектѣ, мирные, полезные люди, отличаются своей нравственностью, своимъ равенствомъ и имѣютъ въ основѣ упрощенное христіанство. Любить Бога и ближняго—ихъ девизъ. Проводя весь день въ работѣ, они посвящаютъ свой отдыхъ духовному пѣнію, религіознымъ бесѣдамъ и чтенію. Здѣсь нѣтъ ни ресторана, ни клуба, ни сада съ музыкой, ни танцевъ, все это изгнано, и вы чувствуете себя въ этой безжизненной Сарептѣ точно въ суровомъ скитѣ. Здѣсь вы не увидите ни веселья, ни привѣтливыхъ улыбающихся лицъ, не услышите ни смѣха, ни криковъ, ни оживленія. Все чинно, все спокойно, все углубилось въ себя, даже лица колонистовъ съ ихъ неподвижными взглядами приняли какое-то безжизненное, деревянное выраженіе и васъ, живаго человѣка, тянетъ изъ Сарепты, съ ея невозмутимой тишиной и давящимъ молчаніемъ, изъ-подъ тѣнистыхъ тополей и кленовъ, которыми засажены улицы, тянетъ и въ пыль и въ зной степей, тянетъ и на Волгу, и въ толчею душнаго Нобелевскаго городка, тянетъ къ жизни, всюду, гдѣ

слышится рѣчь, пѣніе, крикъ, стукъ, и просто кажется невыносимой эга библейская тишина нѣмецкаго уголка на берегу извивающейся среди горчишныхъ полей рѣченки Сарпы.

Рѣчка Сарпа послѣдній притокъ Волги. Это цѣлая система небольшихъ озеръ, соединенныхъ рѣчкой. Какъ хорошъ видъ съ горъ, окружающихъ Сарепту! Вся Сарпинская долина, какъ на ладони, а колонія съ ея садами и аллеями, заводами и домиками лежитъ у вашихъ ногъ. Кругомъ разлеглась унылая степь, убѣгающая къ синѣющей вдали Волгѣ. Этотъ громадный районъ до самаго Царицына, виднѣющагося на горизонтѣ, эта извивающаяся Сарпа, это безбрежное, знойное, синее небо и эта давящая тишина производятъ глубокое впечатлѣніе.

За устьемъ Сарпы Волга распалась на рукава и протоки и образовала цѣлый архипелагъ острововъ вплоть до Каспійскаго моря, шириною до 25 верстъ. Это цѣлое море съ пропавшими вдали берегами, это сложная цѣпь воложекъ и протоковъ, безчисленныхъ островокъ, пустынный, мертвый край, нагоняющій невыразимую скуку своимъ однообразіемъ. Волга вступаетъ за Сарептой въ Астраханское царство, въ царство степей, и Киргизской и Калмыцкой, полныхъ глипистыхъ и сыпучихъ песковъ и песчаныхъ холмовъ. Вѣетъ моремъ, водорослями, солью. Волга течетъ по прежнему дну былаго моря, полнаго остатка раковинъ, солончаковъ и соленыхъ озеръ. Духота на пароходѣ была невыразимая. Всѣ пассажиры страдали отъ жары, обливаясь потомъ, глядя на незыблемую, гигантскую поверхность воды, горящую тысячами мильоновъ солнечныхъ искръ. Этотъ плесъ самый скучный, самый безжизненный

и унылый. Многіе пассажиры умирали отъ духоты, и отъ скуки, а и на этомъ протяженіи до Астрахани столько любопытнаго, столько характернаго, столько чудныхъ картинокъ, которыхъ нигдѣ не увидишь выше на Волгѣ, что я не могъ оторваться и уйти въ каюту. Ночь на этомъ плесѣ вноситъ особое очарованіе, особую поэзію, особую прелесть. Помню, сумерки наступили внезапно. Вдругъ все потемнѣло, небо быстро смѣнило цвѣта, быстро загорѣлись необыкновенно большія звѣзды и синяя, поразительная своей чудной окраской, ночь спустилась на землю. Серебро мѣсяца лилось длинными колоннами въ глубь рѣки. Воложки и протоки свѣтились фосфорическимъ огнемъ между безчисленными островами, а кущи тополей поднимались таинственными черными группами и дѣлали воложки какими-то дивными очаровательными корридорами. Трескъ коростеля, протяжный крикъ испуганнаго лебедя, спящаго въ камышахъ, однообразное журчанье парохода, всплески рыбъ надъ тихой рѣкой, разлетавшіеся брильянтами, точно всполохнулась Волжская русалка, блистающія рыбачьи сѣти на берегу, точно волшебная паутина, все это навѣвало раздумье, чаровало и не дозволяло покинуть палубу. Это полумертвое царство, эта гигантская рѣка, эти безбрежныя степи, залитыя таинственными узорами мѣсяца, были такъ грандіозно прекрасны, что уносили меня куда-то вдаль въ безконечное пространство, оковавъ всѣ мои мысли, всѣ мои движенія.

Поселки и деревни здѣсь рѣдки и ютятся или по правому берегу, или по островамъ, берега которыхъ возвышенны, а середина низменна, часто болотиста и всегда имѣетъ въ серединѣ блистающее озеро. Въ полноводье, Волга катитъ свои воды надъ

этими островами, выставившими лѣтомъ непроходимые лѣса камыша и тальника.

За поселкомъ Лучки, или Свѣтлый Яръ, лежащимъ въ 11 верстахъ отъ Сарепты, потянулись камыши, медленно и лѣниво махавшіе своими серебристыми султанами. Вотъ мелькнуло село Поповецкое, а затѣмъ еще нѣсколько деревень съ бѣдными домиками, крытыми соломой, съ длинными плетнями и заборами на унылыхъ сѣрыхъ покатостяхъ берега. Вотъ наконецъ и село Каменный Яръ съ церковью и мечетью. На пристани пестрая и характерная суета и необыкновенная живописность. Крестьяне въ сѣткахъ, смазанныхъ дегтемъ для защиты отъ мошекъ, оводовъ, слѣпней и комаровъ, армяне, татары, калмыки, въ яркихъ нарядахъ, съ ихъ характерными лицами, съ ихъ оригинальными шапками, толпились въ ожиданіи парохода. Здѣсь уже чувствуешь Астраханское царство, здѣсь уже всюду эта пестрота и своеобразность Азіи, этотъ монгольскій типъ въ перемѣшку съ европейскимъ. Не успѣваешь вглядѣться въ эти характерныя лица и костюмы, какъ пароходъ уже мчится дальше. За Каменнымъ Яромъ тоска удваивается. Пески, камыши, рѣющія чайки, длинныя отмели, безконечные, скучные острова, поросшіе кустарникомъ, знойные сѣрые бугры тянутся не прерываясь. Осокори одѣли нѣкоторые острова и образовали поэтичные корридоры протоковъ, маленькихъ каналовъ, называемыхъ эриками, и высохшихъ проливовъ, образовавшихъ болота и ильмени. — Здѣсь царитъ своеобразная, любопытная жизнь пернатаго царства. По отмелямъ стоятъ журавли, поджавши одну ногу, точно часовые на своихъ постахъ, цѣлыя стада утокъ крякаютъ по берегамъ островов, въ камышахъ скри-

пятъ кулики и чирикаетъ всякая мелкота, мартышки и чайки съ крикомъ и хохотомъ вьются надъ протоками, ловко вылавливая рыбу, цѣлыя семейства пеликановъ, толстыхъ и неуклюжихъ, и птицъ-бабъ, съ ихъ громадными, толстыми клювами, пропекаются по отмелямъ на солнцѣ. До чего красивы и изящны влюбленныя пары лебедей, тихо скользящія мимо зеленаго лѣса прибрежнаго камыша! Сколько поэзіи, чистоты, граціи въ этомъ плаваніи этой красивой птицы! Поневолѣ вспоминается поговорка: „кто убьетъ лебедя, навлечетъ злыя кручины и несчастья на свою голову“. Здѣсь въ этой тишинѣ лебедь плаваетъ, словно очарованный, здѣсь въ камышахъ онъ спитъ, провожая вечернія зори своимъ выкрикомъ, здѣсь онъ любитъ и нѣжно стонетъ, милуя возлюбленную. Этотъ птичій міръ, заселившій всѣ эрики и ильмени, острова и отмели, оживляетъ это тихое, мертвое царство среди двухъ пустынь.

Вотъ и Владиміровка, громадная слобода, раскинувшаяся по Волжскимъ крутоярамъ, это благоустроенное село съ каменными домами, съ приспособленіями для выгрузки соли, съ громадными нефтяными баками, съ платформами и вагонами желѣзной дороги по берегу, эта гавань Баскунчакскаго соленаго дѣла. Вся Киргизская степь громадный солончакъ, изрѣзанный массой соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добываются десятки мильоновъ пудовъ соли, идущей на соленье рыбы въ Астрахань и другіе Поволжскіе города. Изъ слободы Владимірской построена желѣзнодорожная вѣтвь къ громадному соленому озеру Баскунчакъ, лежащему среди унылой, песчаной степи, растрескавшейся мѣстами отъ жара, безъ малѣйшаго признака рас-

тительности, мертвой и знойной, прельщающей иногда своими миражами. Баскунчакское озеро удивительно красиво и ради этого оригинальнаго вида стоитъ потерпѣть и неудобства переѣзда по желѣзной дорогѣ, такъ какъ поѣзда ходятъ неакуратно, и жару и зной, и однообразіе пустыни. Васъ поражаетъ этотъ соляной снѣгъ среди знойнаго лѣта, эта слѣпящая бѣлизна соли по берегамъ ярко синяго, спокойнаго озера, на поверхности котораго, словно на поверхности льда, стоятъ кибитки и шалаши. Это соляные бугры, поднявшіеся со дна озера. Все озеро сплошная соль. На днѣ его толстый осадокъ и вода кроетъ небольшой толщиной это соляное дно. Здѣсь ломаютъ глыбы соли, очищаютъ ее и складываютъ въ большія, ослѣпительно бѣлыя пирамиды. Картина этого озера, осадившаго громадную толщу соли, подъ которой глубина настоящаго дна неизвѣстна, съ берегами, занесенными снѣгомъ, съ кибитками и шалашами на соляныхъ островахъ, съ бѣлыми пирамидами добытой соли, всѣ эти рабочіе, калмыки и киргизы, темно-синее, южное небо—поражаютъ васъ и вы долго не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія Баскунчакскаго озера. Желѣзная дорога проходитъ по знойной и унылой степи до самаго озера, которое она огибаетъ вдоль одного изъ береговъ. На полдорогѣ среди степи высится гора Богдо, точно громадный звѣрь, прилегшая къ пескамъ и состоящая изъ твердыхъ песчанниковъ и красноватой глины. Эта гора священна для калмыковъ, которые считаютъ ее освященной Далай-Ламой и приходятъ поклониться ей. Преданіе говоритъ, что гора Богдо стояла прежде на берегахъ рѣки Урала и что двое святыхъ калмыковъ задумали перенести ее на берега Волги,

для чего, послѣ долгихъ постовъ и молитвъ, взвалили ее себѣ на плечи и понесли по нескончаемымъ и знойнымъ степямъ. Но одинъ изъ нихъ упалъ подъ тяжестью ноши въ ту минуту, когда въ его головѣ мелькнула грѣховная мысль. Гора придавила его и оросилась кровью, почему ея одинъ бокъ красенъ до сихъ поръ...

За Владимірской слободой снова потянулись рукава, эрики и протоки, снова замелькали острова и отмели да изрѣдка показывались казачьи станицы и калмыцкія селенья. Пароходъ то уменьшалъ ходъ и человѣкъ съ промѣромъ выкрикивалъ число футовъ, то снова, попадая на глубокое мѣсто, летѣлъ полнымъ ходомъ. Сумерки надвинулись нежданно, словно набѣжала тѣнь, за ней другая, пахнуло прохладой, камыши слились въ черный лѣсъ, раздалось рыданье птицы, испуганной пароходомъ, и Волга закуталась въ серебристый, таинственный покровъ.

Калмыцкій берегъ выставилъ свои странные поселки, какіе-то цилиндрическіе шалаши съ конусообразными крышами. Это были улусы кочевниковъ съ табунами стадъ вокругъ. Чѣмъ-то полудикимъ вѣяло отъ такихъ поселковъ кочующихъ калмыковъ. Этотъ трудолюбивый, не знающій отдыха работникъ, въ городахъ и на пристаняхъ, этотъ прирожденный скотоводъ и пастухъ, съ узкими глазами, выдающимися скулами, черными волосами, въ мѣховой шапкѣ ввидѣ берета, смирный, кроткій и добрый, когда съ нимъ хорошо обходятся, злой, дикій до бѣшенства, когда его разсердятъ, прикочевалъ черезъ Киргизскія степи изъ-за далекаго Алтая на берега Волги и долго славился хищническими набѣгами и дикостью. Противъ нападенія калмыковъ и для обузданія ихъ были устроены на Волгѣ казачьи

станицы и выстроены крѣпости въ Енотаевскѣ (теперешній острогъ) и въ Черномъ Ярѣ. При Екатеринѣ въ калмыцкіе улусы были назначены русскіе чиновники, которые явились злымъ бичемъ, угнетателями и мучителями этихъ вольныхъ степныхъ сыновъ и довели ихъ до того, что 30 тысячъ кибитокъ покинуло Волгу и двинулось въ Китай. Эти несчастные почти всѣ погибли и въ войнахъ съ киргизами, и отъ китайцевъ, которые ихъ жгли, размалывали между жерновами и замучивали нечеловѣческими, жестокими пытками. На Волгѣ осталось до 13 тысячъ кибитокъ, которыхъ травили чиновники, звѣрствуя не хуже китайцевъ, пока Павелъ I-й не улучшилъ бытъ калмыковъ. Теперь они кочуютъ лѣтомъ по степямъ, останавливаясь на зимовье въ избранныхъ мѣстахъ степи между Волгой и Дономъ.

Вотъ и Черный Яръ на берегу широко разлившейся Волги, дрянной, захолустный городокъ, пропитанный запахомъ рыбы. Этотъ запахъ соленой рыбы охватилъ нашъ пароходъ еще далеко выше пристани. Въ 60 верстахъ отъ города находится главный хурулъ (молельня), въ которомъ живетъ глава калмыцкаго духовенства—лама. Берега стали еще пустыннѣе, еще однообразнѣе, только между островами блестѣли протоки, на островахъ серебрились озерки, шумѣлъ таинственно камышъ да горѣли тысячи необычайно крупныхъ звѣздъ.

Въ 145 верстахъ за Чернымъ Яромъ проплылъ мертвый, скучный городишко Енотаевскъ, высоко поднявшій свое большое зданіе острога, и снова потянулись бугры, длинные пески съ рѣдкой травой, замелькали уединенныя казачьи селенія. Просто не дождешься Астрахани. Среди однообразія береговъ выплыло въ Тюменевкѣ чудное зданіе кал-

мыцкаго храма съ его прихотливымъ китайскимъ зодчествомъ. На прибрежныхъ буграхъ высится это прелестное зданіе хурула, увѣнчанное остроконечными башнями съ китайскими, загнутыми кверху крышами и съ высокими шпилями. Средняя, высокая, многоэтажная башня поднялась 5-ю постепенно съуживающимися ярусами и одѣлась на вершинѣ шпиля опрокинутымъ серпомъ мѣсяца съ солнцемъ надъ нимъ. Двѣ колоннады, какъ у Петербургскаго Казанскаго собора, изогнувшись дугой, отошли въ обѣ стороны къ боковымъ причудливымъ башнямъ и придали сказочный видъ всему строенію. Гелюнги, калмыцкіе священники, одѣтые въ красные халаты и характерныя шапочки суетились на берегу. Нѣсколько строеній и сады окружили храмъ, а немного далѣе пески оборвались сыпучими обрывами.

Совсѣмъ азіатскій уголокъ. Калмычки въ красныхъ платьяхъ, съ массой монетъ и металлическихъ украшеній на груди, толпились на пристани. Съ одного изъ островковъ летѣла лодка. Узкая, длинноносая, она рѣзала воду, словно скользя только по ея поверхности. Что-то красное сидѣло въ ней. Это былъ гелюнгъ, спѣшившій къ пароходу.

Публика стала снова разнообразнѣе и смѣсь лицъ, костюмовъ и языковъ поглощала все вниманіе. Тутъ были и черномазые персы съ бирюзовыми кольцами на пальцахъ, и нѣмцы въ синихъ курткахъ, и флегматичные хохлы съ своей традиціонной люлькой въ зубахъ, и астраханскіе татары, и армяне, и греки, и калмыки, и киргизы. Вся эта пестрая, полуазіатская толпа спѣшила въ свою столицу, въ свою душную Астрахань.

Опять пошли камыши, протоки и пески. Волга разлилась на 200 рукавовъ, вѣтвясь все болѣе и

болѣе, образуя свою гигантскую дельту, среди которой разсѣлась Астрахань.

Вотъ и Калмыцкій базаръ. Мы всего въ 8-ми верстахъ отъ Астрахани. Среди моря лачугъ, кибитокъ и шалашей, поднялись башни удивительнаго калмыцкаго хурула. Неприглядный, грязный поселокъ, отъ котораго вѣетъ Азіей.

Вдали показался цѣлый лѣсъ камыша, который все болѣе и болѣе росъ по мѣрѣ нашего приближенія и превратился въ непроходимыя дебри мачтъ. Съ каждой минутой выдвигались новые и новые лѣса мачтъ. Вокругъ насъ царило уже оживленіе на рѣкѣ. Пыхтѣли буксирные пароходы, сновали лодки и баржи, а вдали весь облитый солнцемъ вырисовывался астраханскій кремль съ громаднымъ зданіемъ собора. Колокольни города поднимались все выше и выше надъ лѣсомъ мачтъ и предо мной сразу развернулась прекрасная панорама Астрахани. Мы обогнули косу и стали пробираться по узкому корридору среди безчисленныхъ судовъ. Астрахань показалась занесенной золотой, солнечной пылью, въ которой черные силуэты колоколенъ и башенъ поднимали свои контуры.

Мы подошли къ пристани. Крикъ, шумъ, пароходные свистки, пѣсни, лязгъ цѣпей, грохотъ и стукъ, все слилось въ ужасный хаосъ звуковъ, а предо мной была пестрая толпа. Я видѣлъ персидскія остроконечныя шапки, я видѣлъ бѣлыя покрывала армянокъ, пестрые халаты татаръ, чалмы бухарцевъ, котелки и шляпы, загорѣлыя лица калмыковъ, я видѣлъ шумящую, пеструю толпу, пеструю, какъ сама Азія, и мнѣ не вѣрилось, что я въ Астрахани. Острый запахъ соленой рыбы охватилъ меня, сразу напоминая, что я въ рыбной столицѣ. Волга

искрилась и тонула въ золоченомъ маревѣ, покрытая сплошь суетящимися и снующими судами. Какъ ни живописны были эти картинки съ палубы, а надо было спѣшить въ городъ и, захвативъ багажъ, я покинулъ пароходъ и вышелъ на набережную.

21.

Астрахань.

(Толпа. Успенскій соборъ. По городу. Персидская мечеть. Портъ. Сады и рыбы. Калмыцкій базаръ).

Когда идетъ къ могилѣ человѣкъ,
Становится онъ грубымъ и тяжелымъ.

Шекспиръ.

Люди заблуждаются, но только великіе люди признаютъ свои заблужденія.

Коцебу.

Когда за Калмыцкимъ базаромъ показалась Астрахань, эта столица татаръ, городъ Золотой Орды, рынокъ и центръ величайшаго въ мірѣ рыболовства, пестрый городъ съ его вѣчной ярмарочной суетой и восточной грязью, она плѣнила меня своимъ прекраснымъ видомъ съ Волги. Астрахань вдругъ выплыла, закутанная дрожащимъ маревомъ, и показалась такой прекрасной и величественной, такимъ громаднымъ и богатымъ городомъ, что я почувствовалъ почтеніе къ нему. Но этотъ привлекательный видъ, эта красота, особенно бросившаяся въ глаза послѣ ужасной тоски береговъ пустынь, песчаныхъ бугровъ, лѣсовъ камышей и плоскихъ отмелей, сразу

пропалъ, когда пришлось побродить по улицамъ и пустырямъ этого азіатскаго города. Лѣса мачтъ, толчея судовъ, гигантскіе пароходы, остроносыя байдарки калмыковъ, гигантскіе плоты, рыболовныя лодки, барки и суда, персидскіе струги, пестрые ялики, буксирные, толстогрудые пароходы, все это образовало такую толчею, среди которой приходилось пробираться къ пристанямъ, что мнѣ почудилось, что я попалъ въ громадный приморскій городъ, не уступающій ни Антверпену, ни Нью-Іорку, ни Марселю.

На пристаняхъ гудѣла пестрая толпа, такая пестрая, такая разнообразная и по костюмамъ, и по лицамъ, что мнѣ вспомнился Галатскій мостъ въ Константинополѣ, перекинутый черезъ Золотой Рогъ. Помню, какъ я стоялъ на этомъ мосту, глядя на мимо плывущую толпу, какъ я не могъ оторваться отъ этого удивительнаго, пестраго зрѣлища... Та же толпа была предо мной и здѣсь въ Астрахани и, устроившись въ довольно скверной гостинницѣ, я снова поспѣшилъ на пристань полюбоваться этими лицами, этими нарядами, яркими и пестрыми, какъ все въ Азіи, этимъ крикомъ и характерными особенностями каждой отдѣльной народности. Эта восточная толпа и оборванная, и грязная, и разноцвѣтная, живописная въ своей нищетѣ,—самая интересная достопримѣчательность этого полуазіатскаго города и всюду, и на базарахъ, и у адмиралтейства, и на рынкѣ, и особенно въ слободахъ, я любовался ею безконечно.

Положеніе пыльной и душной Астрахани превратило ее въ этотъ пестрый рынокъ, въ это сосредоточіе юга и сѣвера, запада и востока. По Каспію ѣдутъ сюда персы, черномазые и неопрятные, съ

ихъ обычаями, съ ихъ нарядами, и везутъ груды шелка, кунжутъ, чернильные орѣхи, свои пестрые ковры, прихотливыя вышивки, туфли съ загнутыми носками, шали и необъятной величины платки изъ такой тонкой матеріи, что ихъ можно уложить въ скорлупу орѣха. Персидскіе и армянскіе лавки и ряды переносятъ васъ въ далекую Азію. Тутъ вѣетъ розовымъ масломъ, хвостами выхухоли, сандаломъ и какими-то восточными ароматами. Въ длинныхъ, стеклянныхъ пузырькахъ вамъ предлагаютъ эссенцію изъ масла испаганскихъ и астрабадскихъ розъ. Здѣсь царитъ таже длинная и скучная церемонія при покупкѣ вещей, какъ въ Турціи: приходится торговаться, уходить, возвращаться и постепенно сбавлять цѣну, запрошенную продавцомъ, пальцы котораго, большею частью, утопаютъ въ бирюзѣ. Восточные ряды одинъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ города, гдѣ каждая лавченка, каждый продавецъ уносятъ васъ изъ Европы. Всѣ эти астраханскіе казаки, эти татары, бывшіе грозные властители Золотой Орды, происшедшіе чуть не отъ Іафета, скрытные и серьезные, ревностные торговцы и трудолюбивые работники, эти пестроодѣтые кочевники-киргизы, въ высокихъ коническихъ шапкахъ, въ яркихъ и пестрыхъ халатахъ, съ ихъ характерными, плоскими лицами и выдающимися скулами, торговцы мѣховъ, лошадей и барановъ, всѣ эти черноглазые армяне, вызванные въ Астрахань еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ для торговаго посредничества съ Азіей, съ ихъ сине-чернымъ цвѣтомъ волосъ, съ ихъ коричневатымъ цвѣтомъ кожи, съ горбатыми носами, съ ихъ безвкусной пестротой въ одеждѣ, ласковые, изворотливые, съ характернымъ твердымъ выговарива-

ніемъ русскихъ словъ, эти прирожденные торговцы, съ которыми не уживаются евреи, эти колонисты-нѣмцы въ синихъ курткахъ, эти красавцы лезгины съ огненными глазами въ ихъ поэтическихъ одеждахъ, эти греки съ сластями и кучами губокъ, эти бухарцы, хивинцы, каракалпаки, калмыки, туркмены, всѣ они приковываютъ вашъ взглядъ, и этотъ пестрый калейдоскопъ на рынкѣ, въ восточныхъ рядахъ и на пристани, среди духоты и пыли, совсѣмъ плѣняетъ васъ и оригинальностью и восточной красотой.

— А видѣли вы Большіе Исады? спросилъ меня капитанъ, когда я пришелъ на пароходъ и подѣлился съ нимъ впечатлѣніями. Нѣтъ? Ну, такъ вы ничего не видѣли. Здѣсь въ Астрахани три достопримѣчательности: соборъ, Большіе Исады и картина Рафаэля въ Армянской церкви. Всѣ живописцы, всѣ иностранцы восхищаются „Снятіемъ со креста". Я плохо понимаю живопись, а эта картина хоть кого расшевелитъ. Да ужъ одно то, что Рафаэль.

— А что такое Большіе Исады? полюбопытствовалъ я.

— А вотъ я вамъ завтра покажу, только надо встать на зарѣ. Эту картинку можно видѣть ежедневно только отъ 5 часовъ до 8 утра.

Дѣйствительно, эта „картинка" стоила того, чтобъ рано подняться. Большіе Исады—это астраханскій рынокъ, на который спѣшитъ весь городъ. Мы бродили среди горъ фруктовъ и цвѣтовъ, по хорошимъ каменнымъ корпусамъ съ ихъ фонтанами, оживленной и пестрой толчеей, съ продажей мяса въ одномъ, рыбы въ другомъ, молочныхъ продуктовъ въ третьемъ и т. д. У берега стояли лодки, нагруженныя фруктами, цвѣтами и рыбою. Нѣж-

ный ароматъ абрикосовъ, острый запахъ морской рыбы, чудные духи цвѣтовъ, особенно розъ и гвоздикъ, смѣшались вмѣстѣ. Суета, толчея, крики, пестрые костюмы, самыя разнохарактерныя лица, всѣ оживленныя утреннимъ торгомъ, сложились дѣйствительно въ любопытную картинку, очень характерную для полувосточной Астрахани.

Бывшій Хазарскій Атель или Итель, называемая по татарски Хаджи-Терхань или Цитрахань, извѣстная уже въ 13 вѣкѣ съ водворенія въ Европѣ монголовъ, Астрахань, по распаденіи Золотой Орды, сдѣлалась столицей татаръ, возвысившись надъ Сараемъ, лежащимъ на берегу Ахтубы, прежней столицы Золотой Орды. Лежа на перепутьи между Азіей и Европой, городъ терпѣлъ отъ всѣхъ проходящихъ народовъ, рушился, сожигался, снова созидался, снова падалъ. Его грабили и ушкуйники и вольницы, его сжегъ до основанія Тамерланъ, ногайцы, крымцы и черкесы не давали ему покоя, нанося ощутительные удары, въ 1555 году Іоаннъ Грозный присоединилъ его къ Руси. Султанъ Селимъ приплылъ въ Донъ съ своимъ флотомъ и велѣлъ рыть каналъ въ Волгу, чтобы подойти къ Астрахани, но грозное его ополченіе, его яростные янычары должны были вернуться въ Турцію ни съ чѣмъ, прогнанные изъ подъ стѣнъ и палисадовъ города. Атаманъ Заруцкій и Марина брали Астрахань съ толпой взбунтовавшихся казаковъ, затѣмъ ее разрушили татары, а Стенька Разинъ, сжегши и опустошивъ Волжскія села и деревни, уничтоживъ Царицынъ и взявши Астрахань, наполнилъ городъ ужасомъ. Людей зарывали, кремль былъ окруженъ лѣсомъ висѣлицъ, гражданъ терзали, рубили и пытали, гостинные, иноземные дворы

были разграблены, а митрополитъ Іосифъ замученъ и брошенъ съ высокаго обрыва. Бунтъ при Петрѣ Великомъ, землетрясенія, пожары, моры губили городъ. Теперь это громадное, пыльное, полувосточное селеніе съ удушающей бѣлой пылью, которая проникаетъ въ каждую складку одежды, которая поднимается клубами на каждомъ шагу, селеніе, разлегшееся на громадномъ, низменномъ островѣ, изрѣзанномъ протоками и Варварціевымъ каналомъ, облекшее нѣсколько бугровъ, съ кремлемъ на одномъ изъ нихъ, съ узкими немощеными улицами, съ убивающей жарой въ теченіи лѣта, обращающей солончаковую почву въ мелкую бѣловатую пыль, съ громадными предмѣстьями изъ грязныхъ лачугъ, шалашей и непривлекательныхъ домишекъ, съ ея рѣзкими колебаніями температуры въ теченіи сутокъ, съ ея низменнымъ положеніемъ на болотистомъ островѣ и вслѣдствіи того вреднымъ климатомъ, порождающимъ сильнѣйшія лихорадки. Какъ восточный городъ, полный обитателей Азіи, Астрахань страшно грязна и ея гостинницы оставляютъ очень многаго желать.

— Ничего не подѣлаешь, говорили мнѣ, наѣдутъ персы, все загрязнятъ, ужъ такая нація. Самую, что ни на есть, чистую и прекрасную комнату въ одну ночь въ свиной хлѣвъ обратятъ. Сами они очень эту грязь любятъ.

Соборъ Астрахани такъ грандіозно поднявшійся надъ всѣмъ городомъ, такъ высоко лежащій на Заячьемъ бугрѣ, надъ зубчатыми, бѣлыми стѣнами кремля, съ четырехъугольными башнями по угламъ, первый притягиваетъ ваше вниманіе. Самъ кремль, основанный еще при Θеодорѣ Іоанновичѣ, обнесенный при Борисѣ Годуновѣ каменными стѣнами съ

восемью башнями, изъ которыхъ многія рухнули съ теченіемъ времени, красиво вырѣзывается своими большими, бѣлыми зубьями, сложенными, какъ и башни, изъ камней мечетей и ханскихъ дворцовъ Сарая, столицы Золотой Орды. За стѣнами кремля высится колоссальный соборъ съ его колокольней, съ пятью башнями, увѣнчанными куполами и громоздкое зданіе архіерейскаго дома съ балконами надъ кремлевскими зубцами и съ галереей, соединяющей его съ соборомъ. Въ кремлѣ находится мало-интересный Троицкій соборъ, низкій и старый, бывшій монастырь, тутъ-же духовная консисторія, госпиталь и казармы, а каѳедральный Успенскій соборъ давитъ не только ихъ всѣхъ, но и весь городъ, лежащій съ многочисленными церквями у его подножія. Это великолѣпное, высокое зданіе, видное чуть не за 30 верстъ отовсюду, поднялось двумя этажами надъ каменной терасой и подняло золотые купола и кресты на 30 саженъ. Соборъ построенъ при Петрѣ Великомъ и служитъ не только лучшимъ украшеніемъ Астрахани, но и самымъ величественнымъ зданіемъ всѣхъ Волжскихъ береговъ. Онъ, какъ въ Кельнскій соборъ, выплываетъ изъ искрящихся тумановъ послѣ скучнаго плеса отъ Царицына и поражаетъ своимъ величіемъ и красотой, подпирая небесную синеву своими горящими крестами. Поднявшись по широкимъ лѣстницамъ на терасы съ прекраснымъ видомъ на городъ, я вошелъ въ храмъ и остановился, пораженный его вышиной и его величіемъ. Громадный 8-ми ярусный иконостасъ поднялся къ самому куполу храма, а 4 массивныхъ, мраморныхъ столба, словно четыре громадныя башни, подошли на вышинѣ подъ грандіозный куполъ. Громадныя изображенія святыхъ,

пестрыя и величественныя, съ строгими лицами, во всей прелести старинной иконописи, покрыли эти четыре столба, а иконостасъ, съ его 130 образами московскаго письма, олицетворяетъ всю библію съ ангелами, архангелами, пророками, святыми и отцами церкви. Тутъ и Адамъ и Ева съ ихъ тремя дѣтьми, и ветхозавѣтные патріархи съ блѣдными лицами, длиннобородые и высокіе, и всѣ 12 главныхъ праздниковъ, и апостолы, съ символами каждый изъ нихъ, и всѣ страданія Христа, а Царскіе врата, сіяющіе серебромъ, изготовленные въ Петербургѣ (въ 1819 г.), полны чудныхъ иконъ прекраснаго письма, рисованныхъ въ петербургской академіи художествъ. Тутъ же въ храмѣ хранятся частицы мощей многихъ святыхъ въ серебряныхъ ящикахъ, помѣщенныхъ въ серебряной серединѣ большаго деревяннаго креста. И тяжелые, серебряные свѣтильники, и масса любопытныхъ иконъ, между которыми особенно выдѣляются „Успеніе Божьей Матери“ и “Проповѣдь Іоанна Крестителя“, и престолъ въ алтарѣ, обложенный массивными, серебряными досками, вѣсомъ въ 3 пуда и 7 фунтовъ, разрисованными сценами изъ жизни Христа, останавливаютъ ваше вниманіе. Столько воздуха, столько свѣта, столько вышины въ этомъ прекрасномъ храмѣ. Нижній этажъ его—полная противуположность верхнему. Это низкій, темный подвалъ, это сводчатое подземелье, полное каменныхъ гробовъ. Это усыпальница астраханскихъ іерарховъ и двухъ иберійскихъ царей, умершихъ здѣсь на отдаленныхъ берегахъ Волги, вдали отъ душистой и прекрасной Грузіи. Здѣсь въ мрачномъ подземельѣ царитъ благодѣтельная прохлада и астраханскій зной не врывается сюда въ тихую обитель мертвецовъ. Ризница при соборѣ

поражаетъ своимъ богатствомъ и чуть ли не принадлежитъ къ одной изъ самыхъ богатѣйшихъ всей Россіи. Митры и панагіи просто поражаютъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ. Одни — жемчужное море, въ которомъ сверкаютъ таинственными огнями громадные яхонты, безцѣнные смарагды, другія залиты алмазами и вамъ кажется, что по нимъ струится сверкающая огнями брильянтовая влага. Венисы, бирюза, аметисты, рубины, счетныя зерна алмазовъ, просто чудовищные сапфиры поражаютъ и обиліемъ, и игрой, и величиной. Здѣсь цѣлая коллекція любопытныхъ крестовъ, интересныхъ и въ историческомъ отношеніи и какъ сокровища, слѣпящія глаза своими драгоцѣнными камнями. Тутъ и серебряный ковшъ Петра Великаго, и драгоцѣнныя евангелія, золотыя и массивныя доски которыхъ осыпаны алмазами, и сотканная изъ шелка, серебра и золота плащаница, принадлежавшая Маринѣ Мнишекъ, и черная власяница митрополита Іосифа. Въ этой окрававленной одеждѣ 11 мая въ 1671-мъ году вышелъ изъ этого астраханскаго собора митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ, убѣждая расходившуюся вольницу Степки Разина принести повинную голову Государю во всѣхъ своихъ ужасающихъ злодѣйствахъ, но видя, что, обезумѣвшая отъ крови и убійствъ, толпа готова сорвать съ него облаченія, онъ передалъ и крестъ, и панагію, и митру священникамъ, а самъ сошелъ на площадь. Его схватили, потащили къ мѣсту пытокъ, повѣсили надъ костромъ, измучили и сбросили въ пропасть... Эта черная, изодранная, обожженная одежда Іосифа лучшее сокровище среди кучъ алмазовъ, играющихъ жемчуговъ и сверкающихъ драгоцѣнныхъ камней.

Въ архіерейскомъ домѣ любопытны портреты всѣхъ астраханскихъ архіереевъ и митрополитовъ. Тутъ и Ѳеодоръ, архіепископъ Астрахани, смѣло обличавшій самозванца, и митрополитъ Сампсонъ, при которомъ строился здѣшній соборъ, и кроткое, благородное лицо замученнаго Іосифа, и архіепископъ Тихонъ, принимавшій Екатерину 2-ю. Церковная библіотека замѣчательна и содержитъ до 18 тысячъ книгъ, изъ которыхъ масса драгоцѣнностей 17-го столѣтія. Небольшая колокольня собора, сидя подъ зубцами кремля, рядомъ съ величественнымъ корпусомъ храма кажется маленькой и придавленной и тѣмъ придаетъ ему еще болѣе величія.

Отъ самаго кремля тянется любопытная Московская улица, узкая, застроенная армянскими лавками и магазинами, прорѣзающая почти весь городъ, одна изъ главныхъ его артерій. Большой гостинный дворъ, старомоднаго фасона, громоздкій, съ отпечаткомъ азіатскаго дворца, поднялся своими арками на Московской улицѣ. Тутъ снуютъ черноглазыя армянки, нарумяненныя и набѣленныя, съ подведенными бровями, очень пестро одѣтыя, тутъ толкутся персы съ накрашенными въ огненный цвѣтъ бородами и расписанными ногтями, поражающіе васъ своимъ наружнымъ обликомъ. Армянскій гостинный дворъ любопытнѣе и пестрѣе. Тамъ царитъ Азія во всей своей живописности.

Я вышелъ на площадь, одинъ изъ городскихъ центровъ, съ садикомъ посрединѣ, въ которомъ высится памятникъ Императору Александру 2-му. Ѣдкая пыль окрасила довольно чахлую зелень въ сѣрый цвѣтъ. Солнце жгло невыносимо, и всѣ эти каменные казарменной архитектуры дома и губерна-

торскій, и публичной библіотеки съ музеемъ, и гимназія стояли накаленные зноемъ. Я отдохнулъ отъ жары, побродивши по пропыленнымъ заламъ полузаброшеннаго музея съ моделями судовъ, со всевозможными кубами солей всѣхъ многочисленныхъ астраханскихъ озеръ, съ попорченными чучелами птицъ Астраханской губерніи, съ старинными монетами и древностями, отрытыми на мѣстѣ древняго Сарая. Когда я вышелъ снова на улицу, духота показалась мнѣ совсѣмъ нестерпимой, и я поспѣшилъ подъ прохладные своды церквей. Среди массы церквей, какъ православныхъ, такъ и инородческихъ, нѣкоторыя положительно заслуживаютъ вниманіе каждаго туриста. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ прекрасный Армянскій соборъ, высокій и стройный, съ великолѣпной копіей съ картины Рафаэля: „Снятіе со Креста". Копія сдѣлана такъ живо, такъ хорошо, что совершенно приковываетъ васъ, а дивныя краски Рафаэля и его геніальная мысль живутъ и въ этомъ полотнѣ, составляя истинное украшеніе этого большаго храма Петра и Павла. Также хороши изображенія святыхъ, находящіяся въ лютеранской церкви. Всѣ эти картины итальянскаго письма заслуживаютъ вниманія какъ и по нѣжности красокъ, такъ и по красотѣ изображенныхъ святыхъ. Обѣ мечети, и снѣжнобѣлая татарская, и особенно прелестная персидская, придаютъ много красоты и восточнаго облика городу. 4 минарета, ввидѣ башенъ съ балкончиками, сидятъ по угламъ мечети, поднявшей свой большой куполъ въ серединѣ зданія. Внутри мечеть покрыта выписками изъ корана и представляетъ всѣ особенности магометанскаго храма. Лампады и свѣтильники, словно паутина, висятъ на одной

высотѣ. Мирабъ, находящійся на сторонѣ, обращенный къ Меккѣ, это святое святыхъ правовѣрныхъ, богато украшенъ. Персы, скинувъ туфли и совершивъ омовеніе, входили въ мечеть. Нѣсколько человѣкъ сидѣло на коврахъ на полу мечети, ударяя себя въ грудь и устремивъ куда-то вдаль сокрушенный взоръ. Одинъ лежалъ распростершись на полу, шепча какія-то слова, другой у стѣны мечети словно замеръ, словно обратился въ соляной столбъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ съ большими черными глазами и кудлатой шапкой волосъ. Онъ вытянулъ въ благоговѣніи руки впередъ и замеръ въ этой позѣ. Горячія слезы катились изъ его глазъ. Я долго смотрѣлъ на него, поражаясь его неподвижности. Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, вперивъ свой взглядъ въ пространство... Масса персовъ живетъ въ Астрахани, торгуя своими коврами, тарталамой, канаусомъ, бурсой. Принадлежа къ магометанамъ—шіитамъ, персы находятся въ постоянной религіозной враждѣ съ магометанами-суннитами, къ которымъ принадлежатъ всѣ остальные астраханскіе мусульмане, какъ татары, киргизы, туркмены. И эта рознь заставила персовъ выстроить свой собственный храмъ съ четырьмя минаретами, съ вершинъ которыхъ четыре муэдзина одновременно, обращаясь во всѣ страны свѣта, призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Главная улица Полицейская, съ лучшими домами и магазинами, проходитъ мимо Персидской мечети и пересѣкаетъ Варварціевъ каналъ. Этотъ каналъ, прорытый для огражденія города отъ наводненій, обсаженный деревьями, перенесъ меня въ былую Астрахань, когда Великій Петръ прибылъ сюда на отдаленный югъ и вернулся съ побѣдой изъ пер-

сидскаго похода, покоривъ Дербентъ, Баку, Гилліанъ, Мазандеранъ и Астрабатъ, завязавъ торговыя сношенія съ Хивой, Бухарой, Персіей и Индіей. Государь тогда же начерталъ планъ новаго канала, который былъ законченъ въ 1817 году благодаря жертвы одного грека Варварція, именемъ котораго этотъ каналъ и называется. Каналъ проходитъ подъ шестью мостами и соединяется съ Волгой около астраханскаго бывшаго порта, полнаго воспоминаній о Великомъ Петрѣ, основавшимъ портъ въ 1722 году. Еще Алексѣй Михайловичъ пытался основать здѣсь Каспійскую флотилію, но замкнутое положеніе моря не давало развитія флоту. Выстроенное адмиралтейство и портъ, съ переведеніемъ послѣдняго въ Баку изъ за обмеленія Волги, перешли вмѣстѣ съ докомъ, механическимъ заводомъ и всѣми постройками въ общество „Кавказъ и Меркурій". Сюда къ пристани ведетъ чудная, тѣнистая аллея изъ старыхъ раскидистыхъ деревьевъ, составляющая излюбленную прогулку астраханскихъ жителей. Здѣсь среди высокихъ и стройныхъ пирамидальныхъ тополей ютится каменный сарай, называемый домикомъ Петра Великаго съ стариннымъ оружіемъ временъ великаго царя, старыми мушкетами и инструментами, употребляемыми въ корабельномъ дѣлѣ. Здѣсь же находятся двѣ шлюпки Государя. Одна узенькая, длинная гичка, другая „плезиръ-яхта" съ красивымъ рѣзнымъ ободкомъ, въ которой Петръ и Екатерина I осматривали окрестности Астрахани. Возлѣ самаго порта, въ концѣ аллеи, стоитъ тріумфальная арка, воздвигнутая для встрѣчи Александра II, пріѣзжавшаго въ Астрахань въ 1871 году. Здѣсь въ тѣни деревьевъ отдыхаешь отъ жара и пыли, здѣсь есть

возможность подышать. Въ городѣ такъ мало зелени, что Полицейскій скверъ съ фонтаномъ, на Губернаторской площади у памятника Александру II, и садъ у кремлевской стѣны, разведенный на мѣстѣ невозможной и пыльной площади, соединяющійся съ Александровскимъ довольно чахлымъ бульваромъ, какъ и бульваръ по берегу Варварціева канала, представляютъ райскіе уголки въ пыльной и прокаленной Астрахани. Утѣшеніе въ эту жару астраханскіе, прославленные арбузы съ ихъ темно-зеленой коркой, душистыя дыни и мѣстный виноградъ. Не смотря на лѣтнія засухи, на нестерпимый зной, выжигающій всякую растительность, садоводство въ Астрахани процвѣтаетъ. Въ ея пригородахъ много фруктовыхъ садовъ, въ которыхъ зрѣютъ груши, персики, абрикосы, а арбузные и дынные баштаны заняли всѣ степи вокругъ Астрахани. Весной и снова лѣтомъ въ городѣ, особенно въ пригородахъ, цвѣтутъ великолѣпныя южныя розы, окрашиваемыя южнымъ солнцемъ, надушаемыемыя жарой. Я рѣдко гдѣ видѣлъ такія чудныя розы, такой поразительной окраски, такой величины и съ такимъ ароматомъ. Восточные люди, особенно персы, любятъ розу. Жаркая Персія утопаетъ въ рощахъ розъ. Эту любовь они перенесли и сюда въ Астрахань, и розовые кусты культивируются повсюду массами. Нѣкоторые садики въ татарской и армянской слободѣ превратились въ букеты розъ и ихъ душный и горячій ароматъ охватывалъ меня всего. Нѣкоторыя розы до того были полны цвѣтовъ, что не видно было листьевъ, и кусты представляли какія-то массы пунцовыхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ.

Виноградъ разводили еще до Алексѣя Михайло-

вича, но Петръ Великій выписалъ до 20 лучшихъ сортовъ винограда, которые прекрасно принялись. Не смотря на выписываніе опытныхъ винодѣловъ, астраханское вино осталось на прежнемъ низкомъ уровнѣ. Лучшее астраханское вино выдѣлывается въ имѣніи села „Черепахи“, лежащемъ въ окрестностяхъ города и совсѣмъ затонувшемъ въ своихъ обширныхъ виноградникахъ и фруктовыхъ садахъ. Армяне приготовляютъ изъ винограда чихирь, любимый ими напитокъ, который замѣняетъ имъ лучшія вина, но который крайне непріятенъ на вкусъ.

Страдая отъ жажды, я попробывалъ было выпить чихирь, но онъ мнѣ не понравился совершенно. Кромѣ каменнаго театра, выстроеннаго частнымъ лицомъ, небольшой церкви Рождества Богородицы съ покосившейся отъ старины колокольней, любопытенъ рыбный рынокъ.

Астрахань рыбная столица. Всѣ эти безчисленные протоки, всѣ эти 200 рукавовъ Волги и ея 70 устьевъ, которыми она вливается въ Каспійское море, служатъ великолѣпнымъ мѣстомъ рыбной ловли. Къ марту, къ началу улова стекаются тысячи и десятки тысячъ рабочихъ въ Астрахань. Въ теченіи 10—12 дней, когда сельди подымаются по рѣкѣ, ихъ вылавливаютъ болѣе 200 милліоновъ штукъ. Выловленныя рыбы тотчасъ же солятся. Трудно себѣ представить тѣ груды бочекъ, тѣ горы соли, тѣ милліоны рыбъ, которыми заняты тысячи и тысячи рукъ. Здѣсь въ Астрахани царство бѣлугъ, осетра и севрюги, этихъ красныхъ рыбъ, здѣсь ловятся всѣ частиковыя: бѣлорыбицы, стерляди, гигантскіе и усатые сомы, лососи, шамаи и другія... Трудно представить себѣ разнообразіе рыбъ, этотъ характерный, шевелящій нервы запахъ моря

и соли, этихъ великановъ воднаго царства, эти сушащіеся милліоны рыбы, это грандіозное соленіе. Астраханская икра, астраханскіе балыки составляютъ мѣстные articles. Подъ Астраханью находятся цѣлыя рыбныя поселенія съ ихъ кипящей дѣятельностью, съ горами соли и бочекъ, съ лихорадочной работой посола, съ приготовленіемъ икры, и балыковъ, гдѣ промываются швабрами громадные куски бѣлуги и производятся всѣ манипуляціи съ изумительной быстротой и ловкостью.

Изъ любопытныхъ окрестностей Астрахани, кромѣ Покрово-Болдинскаго монастыря, лежащаго среди виноградниковъ, въ тополевой рощѣ, служащею лѣтомъ мѣстопребываніемъ Астраханскихъ архіепископовъ и излюбленнымъ загороднымъ гуляньемъ, кромѣ посѣщенія тоней съ ихъ любопытными картинками рыбной ловли, баржами, нагруженными рыбами, посоломъ и приготовленіемъ икры, заслуживаетъ вниманіе поѣздка по каналамъ въ тихіе, уютные уголки, въ протоки между островами, покрытыми рощами осокорей или лѣсами камышей. Я въ первый же вечеръ совершилъ эту прогулку. Помню, моя лодка тихо скользила по зеркальной поверхности пролива. Чудныя водяныя, бѣлыя лиліи тихо раскачивали свои цвѣточныя чаши на волночкахъ, поднятыхъ нами, букеты нелумбій (Nelumbium speciosum) подняли свои прекрасные цвѣты. Камышъ тихо шелестилъ по берегамъ, поднявшись густыми, непроходимыми лѣсами... Спускался вечеръ и золотыя полосы заката окрасили рѣку въ желтый цвѣтъ. Тишина была поразительная, только изрѣдка слышался всплескъ прыгнувшей рыбы, да меланхолично и однообразно журчала вода подъ нашей лодкой. Легкіе туманы подернули прозрачными полосами

низменные острова и темная, тополевая роща затонула въ этомъ молочномъ морѣ. При поворотѣ изъ за острова изъ камышей вспорхнулъ испуганный лебедь и, успокоившись, тихо и граціозно поплылъ къ своему укромному уголку. Вечеръ быстро спустился надъ Волгой, легъ на ея протоки и острова во всемъ своемъ очарованьи и поэзіи. Вѣяло сладкой прохладой, а загоравшіяся надо мной крупныя звѣзды купали свои лучи въ рѣчной глубинѣ. Мы ѣхали мимо бѣлой, каменной стѣны, изъ за которой струился ароматъ розъ. Гдѣ-то вдали звучала пѣсня, такая тоскливая, такая теплая, и разносилась далеко по водѣ, навѣвая грезы. Далеко, далеко стонали пароходы, и ихъ крики, какъ громкіе аккорды, проносились въ чудной тишинѣ подходящей ночи.

* * *

Плохо освѣщенная, пыльная и душная даже ночью, вонючая Астрахань имѣетъ еще одну большую достопримѣчательность, а именно Калмыцкій хурулъ или молельню въ Калмыцкомъ базарѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ выше по Волгѣ. Вотъ въ этотъ-то уголокъ я и отправился на слѣдующій день. Проѣхавъ семь верстъ по рѣкѣ, я причалилъ къ Калмыцкому базару, этому большому селенію, состоящему изъ довольно бѣдныхъ и неприглядныхъ лачугъ, съ ихъ садами и необычайнымъ китайскимъ храмомъ, съ его приподнятыми концами крышъ и многоэтажными башенками. Прошедши между лачугами и кибитками, я подошелъ съ моимъ знакомымъ астраханцемъ къ курьезному по архитектурѣ храму. Внутри та же пестрота, та же китайская обстановка. Словно хоругви, висѣли на длинныхъ шестахъ шелковыя полосы съ нарисованными на нихъ невѣроятными уродами, изображающими низшія боже-

ства. Большое, бронзовое изображеніе Далай-Ламы съ чашей въ рукахъ, съ поджатыми ногами, безучастно глядѣло на пестроту храма, на эти безчисленныя, маленькія, бронзовыя, курьезныя изображенія разныхъ боговъ, нерѣдко неизвѣстныхъ и самимъ гелюнгамъ. Эти всѣ „бурханы" окуривались разными ароматами. Когда мы вошли, богослуженіе уже шло. Нѣсколько гелюнговъ, въ яркокрасныхъ халатахъ, сидѣло въ два ряда и на распѣвъ читали какую-то книгу на тибетскомъ языкѣ. У одного гелюнга, въ желтомъ шелковомъ халатѣ, съ необыкновенно рѣзкимъ выраженіемъ лица, была надѣта высокая шапка. Онъ сидѣлъ, какъ каменный, и беззвучно что-то шепталъ. Вдругъ поднялся вой и такой нестерпимый громъ и звонъ пошелъ по храму, что отъ неожиданности я вздрогнулъ. Музыканты дули и били въ свои инструменты, что было силъ. У одного была длинная, предлинная металлическая труба, отчаянно и рѣзко звучащая, другой билъ въ свой тамъ-тамъ, или „модчи", какъ его называютъ калмыки, третій такъ усиленно дулъ въ раковину, что весь раскраснѣлся, глаза его выкатились и онъ отъ усердія еле дышалъ. Раковина надрывала душу своимъ отчаяннымъ звукомъ. Четвертый игралъ на гобоѣ, пятый билъ въ бубны, а гелюнгъ, въ желтомъ халатѣ съ высокой шапкой на головѣ, сидя въ полномъ и недвижномъ безмолвіи, вертѣлъ колесо, на которомъ была вырѣзана молитва. Высокія, тонкія, розовыя свѣчи горѣли передъ бронзовой фигурой Далай-Ламы, струя синій удушливый дымокъ, который колыхался, какъ и всѣ шелковыя иконы, каждый разъ, когда кто-нибудь входилъ или выходилъ. Эти колокольцы, раковины, безконечно длинныя, колѣн-

чатыя трубы, гобои, барабанъ и тарелки звучали невѣроятно сильно, словно это былъ какой-то безумный вой не то отчаянія, не то бѣшенства. Каждый игралъ свое и потому получалось ужасающее впечатлѣніе. Одинъ изъ гелюнговъ запѣлъ, но такимъ отчаяннымъ голосомъ, словно его пытали. Этотъ вой, этотъ дикій оркестръ навелъ на меня кошмаръ и я чувствовалъ, что если это будетъ долго продолжаться, я не выдержу. И вдругъ оркестръ стихъ, только рожокъ игралъ что-то меланхоличное и печальное да воющій гелюнгъ подпѣвалъ ему. Ароматы курились все сильнѣе и сильнѣе, наполняя храмы какимъ-то сладкимъ и душнымъ запахомъ, а синій дымокъ облекалъ бронзовую статую Ламы и всѣхъ второстепенныхъ бурхановъ въ синеватые туманы. Мы вышли изъ храма, когда тамъ снова раздался оглушительный оркестръ и начала надрывать душу своими отчаянными звуками ревущая раковина.

Калмыки толпились на площади въ ихъ пестрыхъ одѣяніяхъ, въ ихъ шапочкахъ въ родѣ уланскихъ. Мой спутникъ предложилъ мнѣ выпить бузы, опьяняющаго, доволно кислаго напидка, и здѣшняго кумыса, который, по словамъ моего астраханца, замѣчательно искусно приготовляется калмыками. Мы усѣлись въ кибиткѣ на разостланный коверъ и молодой калмыкъ принесъ намъ два стакана, крайне сомнительной чистоты, и чашу съ напиткомъ, очень прохладительнымъ и пріятнымъ въ полуденный зной.

Намъ предлагали какія-то оладьи, блестѣвшія отъ жира, какое-то кушанье изъ мяса, зажаренное на бараньемъ салѣ, но мы благоразумно отказались отъ всѣхъ этихъ очень не привлекательныхъ на видъ явствъ. Въ глубинѣ кибитки сидѣлъ хозяинъ ея

такъ неподвижно, словно это былъ домашній бурханъ, поставленный въ углу для охраны жилья отъ злыхъ духовъ.

— Знаете, сказалъ мнѣ мой астраханецъ, калмыки прекрасный и способный народъ. Въ немъ еще до сихъ поръ много этой дикости, этого суевѣрія, а когда это пропадетъ, поглядите, они станутъ отличными гражданами. Многіе мальчики-калмыки посѣщаютъ гимназію, очень многіе кончаютъ здѣшнее калмыцкое училище. Это все будутъ люди. Особенно они способны къ леченію. Много въ нихъ еще Азіи, много склонности къ кочевкѣ, а и теперь они лучшіе рабочіе. Очень многія дѣвушки принимаютъ христіанство и выходятъ замужъ за русскихъ казаковъ.

Здѣсь въ Калмыцкомъ базарѣ мнѣ впервые пришлось увидѣть верблюда, этотъ „корабль пустыни", эту гигантскую, неуклюжую, косматую, желто-бурую овцу, съ плавными, медленными движеніями, этого звѣря знойныхъ пустынь, этого фанатика безустанной работы, съ его лохматымъ, неуклюжимъ горбомъ, съ длинной, глубоко опущенной внизъ на самой серединѣ шеей, съ его спокойнымъ, чисто философскимъ взглядомъ милыхъ глазъ, съ большими копытами. Это дѣйствительно корабль, громадная сложная машина, приспособленная къ степямъ для перевозки тяжестей, пріученная къ лишеніямъ и невзгодамъ, къ колючей и жесткой степной травѣ, которую верблюдъ хватаетъ своими мозолистыми губами. Мѣрно и степенно поднималъ онъ свои кудлатыя лапы, шагая по пыльной площади, волоча на своей спинѣ цѣлую гору поклажи, закрытую кошмами. Проходя мимо, онъ такъ глубокомысленно и умно посмотрѣлъ на меня, словно спрашивая, за-

чѣмъ я здѣсь безъ дѣла, зачѣмъ я не работаю, какъ онъ, признающій трудъ за свою священную обязанность.

— Это достояніе цѣлой семьи у него на спинѣ, сказалъ мнѣ мой астраханецъ. Поразительно, что этотъ звѣрь можетъ снести! Всякая гора поклажи ему ни почемъ. Это должно быть семья перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто.

Я долго еще смотрѣлъ въ слѣдъ верблюду, шагавшему по невѣроятно грязной и пыльной улицѣ, колыхавшемуся, словно судно на волнахъ.

Мы спустились къ рѣкѣ, сѣли въ ожидавшую насъ лодку, къ которой пробрались среди массы нищихъ, ободранныхъ и ужасныхъ, и поплыли внизъ къ Астрахани, къ издали сверкавшему своими куполами и крестами величественному собору, вѣнчающему городъ и убѣгающему своими крестами въ облака.

22.

Волжская дельта.

(Камышевое царство. Каспій. Послѣднія впечатлѣнія).

> На всемъ лучи зари румяной...
> Какъ ожерелье, у воды
> Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
> Сидятъ на отмели песчаной.
>
> *Некрасовъ.*
>
> Время личинка вѣчности.
>
> *Жанъ-Поль.*

За Астраханью еще 84 версты до Каспійскаго моря, гдѣ у станціи „9 футовъ" ожидаютъ публику громадные, морскіе пароходы, эти плавучіе дома, чтобы направиться въ Петровскъ, Дербентъ, Баку, въ Красноводскъ или въ персидскіе города. Волга такъ капризна въ своей дельтѣ, такъ мѣняетъ свой фарватеръ, что невозможно опредѣлить ея глубину и гдѣ сегодня было глубоко, черезъ короткое время нанесены пески. Рѣка смываетъ острова и наноситъ новые, заваливаетъ протоки и прорываетъ острова. Поэтому большіе пароходы не входятъ въ Волгу, а дожидаются у длинной Бирючей косы своихъ меньшихъ собратовъ, плавающихъ по безчисленнымъ рукавамъ гигантской рѣки.

Усѣвшись на палубѣ парохода „Кавказъ и Меркурій“, я полетѣлъ внизъ по рѣкѣ и скоро Астрахань, съ своимъ парящимъ соборомъ и грудой каменныхъ домовъ подъ нимъ, съ своимъ густымъ лѣсомъ мачтъ, исчезла за островами и туманами. Волга широкая, могучая, синяя и рябая отъ волнъ катилась между отмелями, поминутно отдѣляя протоки и рукава и слегка раскачивая пароходъ. Скучныя, желтыя низины прибрежныхъ степей растянулись по берегамъ, сливаясь съ горизонтомъ. Изрѣдка выдавался темный, глинистый бугоръ или виднѣлась гдѣ-то вдали на уединенномъ островкѣ небольшая рощица осокорей, этихъ вѣрныхъ спутниковъ Волги, дошедшихъ съ ней до самыхъ береговъ Хвалынскаго моря. Кое-гдѣ по лугамъ чернѣли стада овецъ, изрѣдка синій дымокъ поднимался почти отвѣснымъ столбомъ надъ еле замѣтной, одинокой избушкой и стоялъ въ воздухѣ, точно онъ замеръ въ этой южной жарѣ, кое-гдѣ проплывали рыбныя ватаги съ мазанками, торча изъ за рощъ камышей. Плоскіе мысы и косы вдались въ рѣку и горѣли своими желтыми песками, словно просыпанное золото.

Вдругъ повѣяло цвѣтами. Сладкій ароматъ розъ сразу охватилъ насъ. Зелень садовъ выдвинулась изъ за камышей. Кущи плодовыхъ деревьевъ смѣшались съ пирамидальнымъ тополемъ, а розы, облитыя цвѣтами, благоухали здѣсь въ знойной тишинѣ, у желтыхъ отмелей, у тихихъ протоковъ. Черная тѣнь ложилась и на воду и на берегъ отъ этихъ рощицъ и манила къ себѣ... Но эти сады на уединенномъ островѣ исчезли также быстро, какъ появились. Все утонуло въ морѣ камыша. Мы въѣхали въ его густое царство, въ его непроходимые лѣ-

са, въ его безконечныя дебри. Куда ни глянешь— всюду камышъ. При малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ киваетъ своими пушистыми султанами и шепчется, таинственно раскачиваясь толстыми, пустыми стеблями. Точно стѣны, стоитъ онъ повсюду, образуя корридоры по берегамъ протоковъ, и глядитъ въ тихія и зеркальныя воды безгранично разлившейся рѣки. Вдали показался дымокъ, и словно изъ камышевыхъ лѣсовъ, выѣхалъ тяжело пыхтящій буксиръ съ длиннымъ хвостомъ баржъ. Тишина была поразительная и пыхтѣнье встрѣчнаго парохода доносилось изъ далека по глади водъ.

— А весной здѣсь ничего кромѣ воды не видно, обратился ко мнѣ одинъ изъ пассажировъ, ѣхавшій въ Баку. Въ прошломъ году я здѣсь проѣзжалъ въ апрѣлѣ, такъ словно море. Все было подъ водой, а рощи торчали только верхушками, словно низенькіе кусточки. И пароходы ѣдутъ скорѣй. Теперь надо огибать острова, замедлять ходъ, идти съ промѣромъ, чтобы не налетѣть на мель, а весной такъ прямо плывешь надъ островами. Теперь рѣка вонъ какая спокойная, а прошлой весной такъ качало, что всѣ больны были, не хуже моря.

— Это село что-ли? спросилъ я его. Вонъ тамъ на островѣ что-то чернѣетъ, все домики.

— Нѣтъ, тутъ селъ почти нѣтъ, отвѣтилъ онъ, все рыбныя ватаги. Здѣсь рыба кишмя кишитъ. Весной, когда рыба идетъ въ рѣку метать икру, такъ сюда что рабочихъ съѣзжается! Страсть.

Въ камышевомъ царствѣ ютится царство птицъ. Здѣсь имъ раздолье. Нѣкоторыя отмели были усѣяны тысячами утокъ, чаекъ, журавлей. Громадныя стада баклановъ избрали Волжскую дельту своимъ мѣстопребываніемъ и поселились вблизи рыбныхъ ва-

тагъ, смѣло и надоѣдливо таская рыбу. Черный съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ бакланъ живетъ всегда стадами, занимаясь утромъ и вечеромъ ловлей рыбы и сидя долгіе время на береговомъ выступѣ. Ихъ стада проводятъ часы, разсѣвшись точно войско, вытягивая головы и помахивая хвостами. Стада лебедей, всевозможныхъ утокъ и другихъ мелкихъ пташекъ возлюбили эти Волжскія, камышевыя дебри и ютятся повсюду по островамъ и рощамъ осокорей. Здѣсь же водится толстоклювый, розовато-бѣлый уродъ-пеликанъ съ яркокрасными глазами, обведенными желтой кожей, съ громаднымъ неуклюжимъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ. Точно громадное поле какихъ-то розовато-бѣлыхъ цвѣтовъ, сидѣло ихъ необъятное стадо. Въ первую минуту я принялъ ихъ за безконечную заросль бѣлыхъ водяныхъ лилій и указалъ на нихъ моему спутнику.

— Ахъ нѣтъ, воскликнулъ онъ, это баба-птица! Ихъ здѣсь водится ужасно много.

Дѣйствительно, когда мы подошли ближе къ широко раскинувшейся отмели, я увидѣлъ громадныхъ птицъ. Все стадо было занято работой. Всѣ пеликаны чистились и смазывали свои перья жиромъ, хлопали крыльями, шевелили хвостами. Шумъ парохода произвелъ на нихъ очень мало впечатлѣнія. Нѣкоторые поглядѣли на насъ, а большинство продолжало свою работу.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше сыпучихъ, желтыхъ песковъ, тѣмъ Волга шире, тѣмъ даль туманнѣе. Мнѣ нѣсколько разъ казалось, что мы плывемъ уже по морю, но это было не море, это была все еще Волга, но такая широкая, такая могучая, такая безбрежная, что поражала и величіемъ

и просторомъ. Волненіе стало замѣтно и увеличивалось чуть не съ каждой минутой.

— Мы въ морѣ, сказалъ кто-то. Вотъ Бирючья коса.

— Гдѣ?

— А вонъ, гдѣ горитъ огонекъ. Тамъ и пристань.

Совсѣмъ незамѣтно влилась Волга въ Хвалынское море, въ этотъ Каспій, омывающій и узорчатые, персидскіе берега, и прекрасный, знойный Кавказъ, и душныя пустыни Средней Азіи, въ этотъ Каспій, гдѣ она мѣшаетъ свои воды съ звонкими волнами гремящаго Терека, могучаго полуазіатскаго Урала, кавказской Куры съ Араксомъ и Алазанью, несущими расплавленные льды и снѣга съ вершинъ далекихъ, горныхъ хребтовъ. Какъ-то не вѣрилось, что эта рѣка та самая, на берегахъ которой, тамъ далеко, далеко на сѣверѣ, стоитъ Селижаровъ посадъ и тихіе задумчивые монастыри.

Чудный вечеръ окуталъ безбрежный Каспій, загорѣлись пламенныя звѣзды, такія горячія, томныя, и уронили свои страстные лучи въ это теплое море. Синяя, южная ночь тихо легла на мѣрныя морскія волны, на убѣжавшіе берега и, словно пологи, опустила темноту на острова и отмели, а мѣсяцъ, раскаленный, красный и громадный, поднялся прямо изъ воды, со стороны Персіи, словно его накалили душныя и горючія страны юга, и чѣмъ больше онъ поднимался, тѣмъ болѣе охладѣвалъ и блѣднѣлъ. И вотъ его матовые лучи облили все море, облили убѣжавшее устье Волги и тишина охватила все пространство. Вся Волга, съ ея бейшлотомъ, съ ея соборами и базарами, съ тишиной обителей и громомъ ярмарокъ, съ кровавымъ прошлымъ и молодецкими ле-

гендами, съ снѣжными садами яблоней и знойными прокаленными степями, вся отъ начала до конца, осталась тамъ, гдѣ-то сзади меня, въ моемъ прошломъ и только безбрежное море, проглотившее ея воды, все сравнявшее, все вычеркнувшее, какъ роковая смерть, какъ ожидающая буддистовъ нирвана, разстилалось предо мной, облитое мертвеннымъ свѣтомъ луны. И мнѣ стало невыносимо грустно, несказанно тоскливо, что всѣ эти впечатлѣнія прошли, что эти узорчатые, милые берега красавицы рѣки уже пробѣжали передъ моими глазами, что Волга кончилась, слилась съ моремъ, исчезла и сравнялась съ его волнами, что и эта поѣздка уже милое прошлое, о которомъ останутся только чудныя воспоминанія, и эти Волжскія впечатлѣнія будутъ звучать, какъ что-то милое, родное, дорогое и будутъ согрѣвать меня на далекомъ холодномъ сѣверѣ и всегда манить снова вернуться на берега священной для всякаго русскаго, величественной и обожаемой рѣки.



Практическія свѣденія для туриста.

Г. Валдай (4 тысячи жителей).

Достопримѣчательности. Иверскій монастырь. Коростецкій монастырь. Варницы. Колокола.

Извозчики. На станцію «Валдайку» (40 верстъ) 3 руб., до Коростецкаго монастыря (12 верстъ) за 1 руб.

Лодки. Въ Иверскій монастырь (туда и обратно) 50 коп.

Производство. Колокола.

Г. Вышній Волочекъ (16 тыс. жителей).

Достопримѣчательности. Тверецкій каналъ. Шлюзы. Резервуаръ. Бульваръ.

Желѣзная дорога. До С.-Петербурга—342 версты. Скорый въ $8^1/_4$ ч. (I—14 руб. 75 коп., II—11 руб. 59 коп.). Почтов. въ $9^1/_2$ час. (I—12 руб. 64 коп., II—9 руб. 48 коп., III—5 р. 82 к.). Пассаж. въ 11 ч. (I—11 р. 59 к. II—8 р. 43 к., III—4 р. 85 к.).

Перекладныя. До г. Осташкова (85 верстъ) около 6 руб.

Извозчики. Конецъ въ городѣ—15 коп., на вокзалъ 20 коп., за часъ 40 коп.

Г. Осташковъ.

Достопримѣчательности. Нилова пустынь. Волжскій бейшлотъ. Прогулка по озеру. Соборъ. Видъ изъ Житнаго монастыря. Церкви: Троицкая и Вознесенская.

Гостинницы. Селижаровская. Почтовая станція. Меблированныя комнаты.

Извозчики. За конецъ 15 коп.

Перекладныя. До Бейшлота (11 верстъ), до Ржева (140 верстъ), до Селижарова-посада (44 версты), до Вышняго Волочка (85 вер.).

Пароходы. Въ Нилову пустынь ежедневно 2 раза за 20 коп.; заказной пароходъ 7 руб. По Рудинскому плёсу въ Селижаровъ посадъ. Отъ Ниловой пустыни въ Полново и обратно 2 раза въ недѣлю.

Лодки: По уговору въ Полново, Подгорье (до Волговерховья 15 в.), Слапущи, Нилову пустынь, Селижаровъ посадъ по Рудинскому плёсу.

Театръ. Зимой, на рыночной площади.

Селижаровъ посадъ.

Достопримѣчательности. Монастырь. Бейшлотъ.

Гостинница удовлетворительная.

Г. Ржевъ (30 тысячъ жителей).

Достопримѣчательности. Виды изъ Общественнаго сада. Волга. Соборъ. Мостъ. Берега вверхъ по Волгѣ (прогулка въ лодкѣ).

Гостинницы. Некрасова, противъ Общественнаго сада, надъ Волгой (о. хорошая недорогая). Ильинская на базарѣ. Лондонъ.

Рестораны. Въ гостинницахъ Некрасова, Ильинской, на ж. д. вокзалѣ.

Почта. На базарѣ.

Развлеченія. Музыка по воскресеньямъ въ городскомъ саду.

Виды. Фотографія на набережной. По 75 коп.

Извозчики. Конецъ—15 к., на вокзалъ 30 к., за Волгу 20 к., за часъ—40 коп.

Желѣзная дорога. С.-Петербургъ—Осташково—Ржевъ. 542 версты, въ 13 ч. или 22 часа (I—18 р. 85 к., II—15 р. 8 коп.). Пассаж. въ 23 часа (II—13 р. 23 к., III— 7 р. 71 к.). Ржевъ—Осташковъ—Москва 323 версты въ 12½ часовъ (II—8 р. 23 к., III—4 р. 66 к.). До Вязьмы 116 верстъ (I—4 р. 35 к., II—3 р. 26 к., III—1 р. 67 к.).

Лодки. До Зубцова, Старицы, Зернова и по часамъ (по уговору).

Ярмарки. 2-я недѣля Великаго поста. Съ 29 Іюня по 6-е Іюля.

Производство. Ржевская пастила. Фруктовый магазинъ у Ильинской церкви (ящики по 80 к. и 1 р. 25 к.), на ж. д. вокзалѣ (тѣже ящики по 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.).

Г. Старица.

Извозчики. На вокзалъ (10 верстъ)—1 руб.

Г. Зубцовъ.

Г. Торжокъ (15 тысячъ жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ. Монастырь. Бульваръ.

Гостинницы. Ѳедюхина на Главной площади. Меблированныя комнаты.

Извозчики. За конецъ въ городѣ—10 к., на вокзалъ—30 к.

Желѣзная дорога. Въ Ржевъ, въ Вязьму, въ Осташково по 2 поѣзда ежедневно.

Производство. Сафьяновыя вещи. Золотое шитье по кожѣ и бархату. Магазины въ гостинномъ дворѣ и на вокзалѣ.

Г. Тверь (40 тысячъ жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ. (Фрески. Тверская Божья Матерь. Михаилъ Тверской). Троицкая церковь. Отрочскій монастырь. Набережная. Сады. Милліонная улица. Городской музей. Желтиковъ монастырь. Новодѣвичій монастырь.

Гостинницы. Андреевскаго (о. хорошая, чистая). Лондонъ. Венеція. Меблированныя комнаты Шамбурова и другихъ.

Рестораны. Въ гостинницахъ Лондонъ, Андреевскаго, противъ Общественнаго сада, на ж. д. вокзалѣ.

Кофейни. Въ Общественномъ саду. Чаплина, Вейса (на Милліонной) и др.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 15 коп., на вокзалъ 40 к., на пристань 40 к., за часъ 50 к., въ монастыри по уговору.

Почта и Телеграфъ. На Почтовой пл. и на ж. д. вокзалѣ.

Развлеченія. Лѣтній театръ въ Семейномъ саду за Тмакой. Концерты, спектакли, балы и маскарады въ Дворянскомъ собраніи и въ другихъ клубахъ.

Музей. При мужской гимназіи (на Милліонной) ежедневно открытъ для публики.

Виды. Въ фотографіяхъ: Орлова (по 40 к. и 75 к.) на Почтовой пл., Кринскаго (по 50 к. и 1 р.) на углу Косой ул. и Трехсвятительской.

Библіотеки. Публичная (въ зданіи Присутственныхъ мѣстъ) и нѣсколько частныхъ при книжныхъ магазинахъ.

Желѣзная дорога. Въ С.-Петербургъ. 453 вер. Курьерскій въ 9 часовъ (I—22 руб. 40), скорый въ 11 час. (I—19 р. 60, II—15 р. 40), почтовый въ 12½ ч. I—16 р 80, II—12 р. 60, III—7 р. 73), пассаж. въ 14½ ч. (I—15 р. 40, II—10 р., III—6 р. 44). Въ Москву, 156 в., курьерскій въ 3 ч. 20 м. (I—7 р. 85), скорый въ 3 ч. 48 м. (I—6 р. 88, II—5 р. 40), почтовый въ 4½ ч. (I—5 р: 89, II—4 р. 42, III—2 р. 71), пассаж. въ 5 ч. (I—5 р. 40, II—3 р. 93, III—2 р 27 к.).

Пароходы. К⁰ Самолетъ. Въ Кимвры, 9 часовъ (I—3 р. 25. II—2 р. 60, III—1 р. 20). Въ Угличъ 21 часъ (I—6 р. 25, 4 р. 75 и 2 р. 40). До Мологи въ 27 ч. (7 р. 25, 5 р. 90 и 2 р. 90). До Рыбинска 30 ч. (7 р. 50, 6 р. и 3 р.). До Астрахани 7 сутокъ (43 р. 50, 30 р. 50 и 14 р. 30).

Лодки. На Волгѣ по уговору.

Мятные пряники. Особенно хороши въ пекарнѣ Уткина (Милліонная ул. д. 58).

Тверской плесъ.

С. Власьево.
С. Юрьевское.
С. Гуменово.
Усадьба Карякина.
С. Лисица (церковь на погостѣ).
С. Судимірка.
С. Городня (ц. Святой Богородицы).
С. Мелково.
С. Едимоново.
С. Воскресенское.
С. Городище.
С. Новый Соборъ.

Г. Корчева (30 т. жителей).

Достопримѣчательность. Преображенекій соборъ.

Пароходы. Въ Тверь 11 ч. (2 р. 10, 1 р. 60 и 65 к.), до Рыбинска (7 р., 4 р. 20 и 2 р. 80).

Ярмарка. 13-го Сентября.

Д. Городище.
С. Нутромово-Бакунино.
Погостъ Іоанна Предтечи.

С. Кимвра.

Достопримѣчательности. Покровскій соборъ. Троицкая церковь (фрески). Кладбище. Бульваръ.

Гостинница. На площади.

Пароходы. Въ Тверь (3 р. 25, 2 р. 60 и 1 р. 20) и въ Рыбинскъ (6 р. 40, 4 р. 40 и 2 р. 40) ежедневно.

Перевозъ черезъ Волгу

Производство. Обувь. Чемоданы. Сумки и т. д.

Заводъ Потапенки.

С. Арамово.

С. Медвѣдицкое. (Домъ Бориса Годунова. Красная церковь).

Усадьба Салтыкова.

Г. Калязинъ (8 т. жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ. Колокольня. Троицкій монастырь за Волгой.

Лодки. Чрезъ Волгу къ монастырю 10 к., туда и обратно 20 к.

Пароходы. Въ Тверь (5 р. 10, 3 р. 80 и 1 р. 90) и въ Рыбинскъ (5 р., 3 р. 60 и 1 р 90) ежедневно.

Гостинница. на Соборной площади (плоха).

С. Васильево.

Г. Угличъ (12 т. жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ Преображенья. (фрески Медвѣдева). Дворецъ царевича Димитрія. Церковь Димитрія на крови. Монастырь. Церковь Флора и Лавра. Виды на Волгу.

Церкви открыты ежедневно отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера.

Дворецъ весь день открытъ для публики (сторожу на чай).

Пароходы. Въ Тверь (6 р. 25, 4 р. 70 и 2 р. 40) ежедневно 1 разъ, въ Рыбинскъ (3 р. 80, 2 р. 70 и 1 р. 40) 2 раза ежедневно.

Ресторанъ на Базарной площади.

Гостинница на базарной площади (плоха).

С. Золоторучье.

Г. Мышкинъ (3 т. жителей).

С. Круглецы.

Д. Нижній Каменецъ.

С. Городокъ.
Ст. Волго (Мостъ Рыбинско-Бологовской ж. дороги).
С. Глѣбово.
С. Иваново (церковь).
С. Коприно (церковь).

Г. Молога (6 тысячъ жителей).

Достопримѣчательности. Церкви. Остатки стараго города въ рѣкѣ. Аѳонасьевскій монастырь.

Гостинница у пристани.

Пароходы: По Волгѣ въ Рыбинскъ (80 к., 60 и 30), въ Тверь (7 р. 25, 5 р. 90 и 2 р. 90). По Мологѣ до Весьегонска 3 раза въ недѣлю, около 17 часовъ (2 р. 30, 1 р. 60 и 90 к.).

Ярмарки. Афонасьевская (16-го по 19 Января) и Средо-Крестная (на 4-й недѣли Великаго поста.).

Г. Рыбинскъ (20 т. жителей).

Достопримѣчательности. Новый соборъ. Старый соборъ Преображенья. Казанскій соборъ. Набережная. Караваны судовъ. Часовня св. Николая.

Гостинницы. Комерческая, на Базарной площади. Рытовыхъ, на углу Крестовой и Стоялой. Г. Центральная, противъ часовни на Базарѣ. Северина у жел. д. вокзала. Зимина, на Крестовой. Номера Жукова, Коновалова и другихъ.

Извозчики. За конецъ въ городѣ 10, 15 и 20 коп., на пристань 20 к., на вокзалъ 50 к.

Пароходы: Вверхъ по Волгѣ до Твери (К°. Самолетъ), ежедневно (7 р. 50, 6 р. и 3 р.). Внизъ по Волгѣ, до Нижняго Новгорода (К°. Самолетъ, Кавказъ и Меркурій, Американскіе пароходы Зевеке, Общ—ва «Волга») ежедневно 3 парохода (6 р., 4 р. 50 и 2 р.). Обѣды изъ 2-хъ блюдъ—60 к., изъ 3-хъ — 75 к., изъ 4-хъ — 1 р. Превосходные буфеты. Сами пароходы—достопримѣчательность по комфорту и удобствамъ. По Мологѣ 3 раза въ недѣлю до Весьегонска (по воскр., средамъ и пятн., за 3 р., 2 р. и 1 р.). По Шекснѣ до Череповца и Бѣлозерска три раза въ недѣлю. По Волгѣ до Углича 2 раза въ день въ 15 часовъ (3 р. 80, 2 р. 70 и 1 р. 40).

Желѣзная дорога. Бологое—С.-Петербургъ, 2 поѣзда въ день до Бологаго Почтов. въ 11½ часовъ и пассаж. въ 12 ч. (I—10 р. 50., II—7 р. 88., III—4 р. 3.).

Развлеченія. Театръ зимой. (Драма, комедія и оперетта). Лѣтомъ по вечерамъ музыка на бульварѣ у р. Черемхи.

Библіотеки. Публичная б. на Крестовой ул. При Обществ. клубѣ. При биржевомъ комитетѣ.

Почта и телеграфъ около сада на Черемхѣ и на ж. д. вокзалѣ.

Виды. Фотографія Лопатина на Крестовой улицѣ, по 40 коп.

Рыбинско-Нижегородскій плесъ.

Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ (5 т. жителей).

Достопримѣчательности. Крестовоздвиженскій соборъ въ Романовѣ. Воскресенскій соборъ въ Борисоглѣбскѣ (фрески). Виды съ горъ.

Гостинница въ Романовѣ.

Перевозъ черезъ Волгу на паромахъ.

Пароходы. До Рыбинска въ 3 часа (80, 50 и 30). Внизъ по Волгѣ ежедневно 3 парохода.

Заводъ Классена.

Константиновская фабрика.

С. Норское. (Церковь).

Толгскій монастырь. (Соборъ. Молебенъ на пристани).

Г. Ярославль, (46 т. жителей).

Достопримѣчательности: Успенскій соборъ. Набережная. Бульвары. Церковь Іоанна Златоуста въ Коровникахъ. Церковь Іоанна Предтечи съ падающей башней въ Толчковѣ. Ильинская церковь. Ц. Благовѣщенья. Ц. Рождества Богородицы. Ц. Богоявленья. Спасскій монастырь. Музей при лицеѣ. Музей древностей Бычкова. Власьевская церковь. Ц. Николы Надѣянская. Городской театръ.

Гостинницы: Кокуевская, на театр. площади (высылаетъ на вокзалъ и пристани свои линейки. О. хорошая) Петербургъ на Рождественской ул., «Столбы» у Столбовъ. Цареградская на Ростовской улицѣ. Варшава, Ярославль и Ливадія на Казанской ул. Меблированныя комнаты Мосягина и Уласевичъ («актерское подворье») и тѣ и другія въ Срѣтенскомъ проломѣ.

Рестораны. Зимой при гостинницахъ. Лѣтомъ на бульварѣ въ павильонѣ.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 15 и 20 к., на пристань 30 к., за часъ 50 к., на Московскій вокзалъ 40 к., за день 2 р. 50 к.

Желѣзная дорога. Московскій вокзалъ за Которостью. До Москвы 211 верстъ, въ 11 часовъ (9 р. 79, 7 р. 34 и 3 р. 75). Вѣтвь черезъ Нерехту на Кострому. 87 в. въ 4 часа (3 р. 26, 2 р. 45 и р. 25). Вологодскій вокзалъ на лѣв. б. Волги въ Тверицахъ. До Вологды 192 в. въ 8½ часовъ. (7 р. 20, 5 р. 40 и 2 р. 70). Отъ Вологды по Двинѣ пароходы до Архангельска.

Пароходы. Ежедневно вверхъ и внизъ по Волгѣ три раза. До Рыбинска (1 р. 75, 1 р. 10 и 50 к.). До Нижняго (5 р. 30, 3 р. 70 и 1 р. 75).

Лодки у пристаней, по уговору.

Паромы черезъ Волгу въ Тверицы, черезъ Которость въ Коровники.

Музеи. Музей при лицеѣ открытъ ежедневно. Музей древностей Бычкова съ разрѣшенія.

Библіотеки. Публичная и при клубахъ. При книжныхъ магазинахъ.

Церкви открыты ежедневно отъ 6 часовъ утра.

Почта и телеграфъ на Ростовской ул. и на ж. д. вокзалѣ.

Виды. Въ фотографіи Лопатина (по 30 к., 50 к. и 75 к.).

Развлеченія. Городской театръ (зимой драма и комедія). Музыка лѣтомъ на бульварѣ. Общественный садъ. Полушкина роща за городомъ.

Сельцо Гринево.
С. Дѣево Городище.
Бабаевскій монастырь.

Г. Кострома (28 т. жителей).

Достопримѣчательности. Памятникъ Сусанину, Соборы. Муравьевка. Воскресенье на Дебрѣ. Троицкая церковь. Ипатьевскій монастырь. Богоявленскій монастырь.

Гостинницы. Лондонъ. Кострома, обѣ на Сусанинской площади. Старый городъ на Русиной ул. Новая, тамъ-же Номера Кудряшева на спускѣ противъ Собора. Эрмитажъ.

Рестораны. Въ гостинницахъ и лѣтомъ въ Общественномъ саду.

Извозчики. Въ городѣ конецъ 15 к., за часъ 40, на пристань 20 к., въ Ипатьевскій монастырь—30 к.

Желѣзная дорога. Вокзалъ на другомъ берегу Волги въ с. Городище. До Ярославля (3 р. 26. 2 р. 45 и 1 р. 25 к.).

Пароходы. 3 раза въ день въ Ярославль (1 р. 50, 1 р. и 40 к.), въ Нижній (4 р., 3 р. и 1 р. 50). Черезъ Волгу каждые полчаса.

Виды. Фотографія Шмидта (по 50 к, и по 1 р.)

Развлеченія. Городской театръ. Балы, концерты и спектакли въ Дворянскомъ собраніи. Музыка лѣтомъ въ Общественномъ саду 3 раза въ недѣлю.

Виды на Волгу. Съ Муравьевки, съ балкончика у соборной стѣны, изъ бесѣдки у Соборнаго бульвара, съ башенъ Ипатьевскаго монастыря.

С. Васильевское.

С. Красное (Три церкви).

Г. **Плесъ** (2 т. жителей).
(Соборъ. Остатки крѣпостей).

С. Богородское.

С. Стрѣлка.

Урочище Могилицы.

Г. Кинешма (4 т. жителей).

Достопримѣчательности. Успенскій соборъ. Виды съ бульвара. Часовня.

Пароходы. До Костромы (2 р. 10, 1 р. 85 и 1 р.); до Нижняго (2 р. 75., 1 р. 90 и 1 р.).

Желѣзная дорога. Въ Москву черезъ Новки, 394 версты въ 16 ч. (14 р. 77, 11 р. 7 и 5 р. 48).

С. Никольское. (Церковь Св. Троицы).

С. Рѣшмы. (Макарьевская пустынь).

Г. Юрьевецъ Поволжскій (3 т. жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ. Остатки башенъ.

Пароходы. По Волгѣ—въ Кострому (2 р. 65, 2 р. 10 и 1 р. 5), до Нижняго (2 р. 20, 1 р. 50 и 80). По Унжѣ (К°, Самолетъ до г. Макарьева три раза въ недѣлю по понед. средамъ и пятн. и другая К° ежедневно. 3 р., 2 р. и 1 р.).

Г. Пучежъ. (Соборъ. Воскресенская церковь).

С. Катунки. (Подмытое Волгой село).

С. Городецъ ($6^1/_2$ т. жителей).

Достопримѣчательности. Ѳедоровскій монастырь. Соборъ Св. Николая.

Производство. Городецкіе пряники (на пристани).

Г. Балахна (5 т. жителей).

Достопримѣчательности. Покровская церковь. Дума. Соборъ Вознесенья.

С. Козино.
С. Колосово.
С. Сормово.

Г. Нижній Новгородъ (67 т. жителей).

Достопримѣчательности. Кремль. Архангельскій соборъ. Каѳедральный соборъ и усыпальница. Обелискъ. Видъ изъ Кремлевскаго сада. Виды съ Коромысловой и Никольской башенъ. Откосъ и виды съ него. Благовѣщенскій соборъ и Алексѣевская церковь. Ц. Св. Георгія. Съѣзды. Нижній городъ. Строгановская ц. Рождества Богородицы. Трактиры. Торговая площадь съ фонтаномъ. Алексѣевская часовня. Благовѣщенскій монастырь. Развалины дылды. Видъ на Окусъ Дятловыхъ горъ.

Ярмарка. Главный домъ. Новый соборъ. Китайскій рядъ. Бульваръ. Сибирская пристань, Часовня. Кунавино. Восточныя ряды.—За городомъ: Печерскій монастырь.

Гостинницы. Въ городѣ: Соболева, Почтовая, на Черномъ прудѣ, Барбатенко на Дворянской ул., Лопашева на Благовѣщенской пл., Смирнова тамъ-же, Кирова на Нижнемъ Базарѣ. На ярмаркѣ: Биржевая, у пристани. Германія, и др.

Рестораны. Въ гостинницахъ. Ермолаева (на Нижнемъ Базарѣ), Егорова (на ярмаркѣ).

Извозчики. За конецъ въ Верхнемъ городѣ—20 к., изъ Верхняго въ Нижній 25, обратно 40, изъ Верхняго г. на ярмарку и вокзалъ—50 к., съ вокзала на пристань 40 к., за часъ въ городѣ 40 к., съ вокзала въ городъ 50 к., за день 4 р. 50 к.

Желѣзная дорога. Вокзалъ въ Кунавинѣ. До Москвы 110 верстъ въ 16 часовъ (15 р. 38, 11 р. 53 и 5 р. 89). Вѣтвь отъ Коврова на Муромъ и отъ Новки на Кинешму.

Пароходы. Внизъ по Волгѣ. Громадные пароходы

всѣхъ компаній, превосходно устроенные, плавучіе, многоэтажные дворцы, полные удобствъ и роскоши, особенно Американскіе пароходы, хотя они идутъ значительно медленнѣе Самолетскихъ и Кавказа и Меркурія. До Казани (6 р., 4 р. 50 и 1 р. 50)—около сутокъ, до Симбирска (10 р. 20, 7 р. 20 и 2 р. 90), до Самары двое сутокъ (13 р. 10, 9 р. 10 и 4 р.), до Саратова трое сутокъ (19 р., 12 р. 70 и 5 р. 90), до Астрахани на пятые сутки (30 р., 20 р. и 9 р. 80). По уменьшенной таксѣ: до Казани (5 р. 80, 3 р. 80 и 1 р. 20), до Симбирска (8 р., 5 р. 75 и 2 р. 35), до Самары (10 р. 25, 7 р. 30 и 3 р. 20), до Саратова (15 р., 10 р. 10 и 4 р. 70), до Царицына (19 р., 13 р. 30 и 6 р. 40), до Астрахани (23 р. 50 16 р. 70 и 8 р.). Эти пароходы ходятъ тише и значительно уступаютъ пароходамъ съ возвышенной цѣной.—Столъ на всѣхъ пароходахъ очень хорошій. Обѣды отъ 60 к. до 1 р. и по картѣ. Вверхъ по Волгѣ до Костромы, Ярославля, Рыбинска (см. эти города). По Волгѣ и Камѣ до Перьми пароходы Каменскихъ, Любимова и Курбатовыхъ ежедневно отъ 4 до 5 сутокъ. Пароходы Курбатова значительно дешевле и идутъ гораздо дольше. По Окѣ до Рязани только въ полноводье и то неакуратно.

Развлеченія. Городской театръ (драма и комедія). Ярмарочный театръ (во время ярмарки опера, драма и комедія). Лѣтніе театры оперетокъ и кафе шантаны. Музыка по вечерамъ на Откосѣ. Балы и концерты въ Дворянскомъ собраніи и другихъ клубахъ.

Прогулки. Откосъ. Бульваръ. Кремлевскій садъ. Черный прудъ. Дятловы горы.

Виды въ фотографіяхъ Дмитріева и Карелина, послѣдняя замѣчательна по художественной отдѣлкѣ.

Ярмарки. Знаменитая Макарьевская офиціяльно отъ 25 Іюля по 15 Августа. Лучшее время для посѣщенія въ самый разгаръ около 10, 15 Августа. Ярмарка открыта въ теченіи дня отъ 5 ч. утра до 9 ч. вечера. Крещенская 6-го и 7-го Января. Во время Макарьевской ярмарки цѣны на квартиры сильно поднимаются.

Казанскій плесъ.

С. Подновье.
С. Великій Врагъ.
С. Кетово.
С. Безводное.
С. Кадницы.
Д. Кувардина.
Д. Голошубиха.
С. Работки.
Г. Старо-Макарьевъ. (Монастырь Макарія Желтоводскаго).

С. **Лысково.** (Спасо-Преображенскій соборъ. Масса мельницъ. По средамъ и пятн. большіе хлѣбные базары).
С. Исады. (Церковь. Видъ съ Фадѣевыхъ горъ)
С. Бармино (церковь).
С. Фокино.
Д. Сомовка. } Яблочное царство.
Д. Разнѣжки.

Г. Василь-Сурскъ (3 т. жителей).

Достопримѣчательности. Роща Петра Великаго. Виды съ горъ на р. Суру и Волгу. Стерляди (ресторанъ у пристани).

Пароходы. Вверхъ и внизъ по Волгѣ. По Сурѣ весной въ полноводье (неакуратно) на 490 верстъ до г. Пензы.
С. Сумки.
С. Юша (или Покровское).
Троицкій посадъ.

Г. Козмодемьянскъ (8 т. жителей).

Достопримѣчательность. Ц. въ память взятія Азова.
Ярмарки. Лѣсная въ первой половинѣ Мая.
Пароходы. По Волгѣ и по Ветлугѣ (весной, въ полноводье неправильно).
Спасо-Гіеронская пустынь.

Г. Чебоксары (5 т. жителей).

Достопримѣчательности. Падающая башня. Образъ Николая Чудотворца въ Троицкомъ монастырѣ. Ц. Введенія. Колокола Никольской церкви.

Гостинница на базарѣ.
Маріинскій посадъ (с. Сундырь).
С. Козловка.

Г. Свіяжскъ (3 т. жителей).

Достопримѣчательности. Видъ съ бульвара на Волгу. Весной соловьиное пѣнье. Богородицкій монастырь.

Желѣзная дорога. На Рязань черезъ Алатырь 697 в. (35 р. 11, 26 р. 34 и 13 р. 47.), до Казани 39 в. (1 р. 33, 98 к. и 56.).

Ярмарка: Петровская 29-го Іюня.
Макарьевская пустынь.
С. Моркваши.
С. Печище.

Г. Казань (140 т. жителей, около 10 т. изъ нихъ татаръ).

Достопримѣчательности. Кремль. Сумбекова башня. Видъ съ башни. Благовѣщенскій соборъ. Спасо-Преображенскій монастырь. Видъ съ бульвара. Университетъ. Этнографическій музей. Соборъ Петра и Павла. Воскресенская церковь. Памятникъ Державину. Дворянское собраніе. Русская Швейцарія. Татарская слобода. Азимова мечеть. Памятникъ „братская могила". Нижній Услонъ (могила Княгини Меншиковой). Арское поле. Казанскій монастырь. Пассажъ. Поѣздки въ Раифскую пустынь и въ Іерусалимъ.

Гостинницы. Старая, Франція (о. хорошая), Европа, Мартисонъ, всѣ на Воскресенской ул. Номера Михайлова и Банарцева; и тѣ и другіе на Черно-озерской. Никольско-Сибирская на Проломной. Рыбнорядскіе номера на Рыбнорядской ул. Щербакова., Тихапова у пристани (неудобные, грязные).

Рестораны. Въ гостинницахъ на Воскресенской.

Извозчики. Изъ города на пристань—75 к., туда и обратно 1 р., за конецъ въ городѣ—15, за часъ 40 к., за день 3 руб.

Конно-желѣзная дорога. Отъ пристани до города—15 коп. Въ городѣ за проѣздъ 5 коп. Вагоны ходятъ отъ площади (изъ Суконной части) по Георгіевской, черезъ Рыбную площадь и по Проломной.

Желѣзная дорога. Московско-Казанскій вокзалъ въ Нижнемъ Услонѣ. Поѣзда черезъ Свіяжскъ и Алатырь на Рязань и Москву. До Свіяжска 39 в. (1 р. 33, 98 и 56), до Рязани 718 в. (36 р. 44, 27 р. 32 и 14 р. 3.).

Пароходы. Вверхъ по Волгѣ въ Нижній (5 р., 3 р 80 к. и 1 р. 20). Въ Свіяжскъ 3 парохода въ день и 3 обратно (50, 30 и 20 к.).—Внизъ по Волгѣ: до Симбирска (3 р. 50, 2 р. 20 и 1 р. 20), до Самары (5 р. 75, 3 р. 80 и 2 р. 10), до Саратова (10 р. 50, 6 р. 80 и 3 р. 60), до Астрахани (19 р., 13 р и 7 р.) По Камѣ до Перьми ежедневно пароходы Любимова, Каменскихъ или Курбатова (9 р., 7 р. и 5 р.) По Вяткѣ до г. Вятки (11 р., 8 р. 50 и 4 р.). По р. Бѣлой до Уфы (11 р.,

9 р. и 5 р.). Пароходики через Волгу въ Нижній Услонъ (10 к. и 5 к.) и по оз. Кабану (20 к. и 15 к.).

Почтовое сообщеніе. Чрезъ Мамадышъ въ Пермь, въ Вятку, черезъ Лаишевъ и Чистополь въ Уфу, черезъ Буинскъ въ Симбирскъ и Саратовъ.

Лодки. На оз. Кабанъ за переѣздъ 15 к. На Волгѣ, Казанкѣ и оз. Кабанъ по часамъ—за часъ 40 коп.

Развлеченія. Городской театръ (зимой опера, драма и комедія), Дворянское собраніе (концерты, балы, маскарады). 4 клуба, изъ которыхъ наилучшій «Соединенный клубъ» (входъ по рекомендаціи членовъ). Кафе-шантанъ «Тиволи» въ Адмиралтейской слободѣ. Лѣтній театръ «Панаевскій садъ» (по вечерамъ музыка). Музыка на дачѣ Серебрянникова на оз. Кабанъ и въ саду русскаго Соединеннаго собранія.

Купанье. Въ рѣкѣ Казанкѣ. Въ Кабанъ-озерѣ. Бани въ городѣ.

Прогулки и сады. Черное озеро. Лядской садъ. Державинскій скверъ. Бульваръ. Ботаническій садъ (на оз. Кабанъ). Панаевскій садъ. Русская Швейцарія (ресторанъ). Садъ Серебрянникова (ресторанъ) и др.

Библіотеки. Университетская, публичная, частная Михайлова (у Петро-Павловскаго собора) и еще 2 частныхъ.

Университетъ. Клиники, анатомическій театръ, библіотека, оранжереи и ботаническій садъ (входъ съ 2-хъ часовъ пополудни). Музей монетъ и древностей (входъ съ 10 часовъ утра).

Виды. Фотографія Бебина и Локке (Воскрес. ул.) по 40 коп.

Прогулка по Казани. 1-й день: Кремль. Соборъ. Сумбекова башня. Бульваръ. Воскресенская ул. Пассажъ. Соборъ Петра и Павла. Университетъ. Музей. Никольская площадь. Лядская ул.. Арское поле. Русская Швейцарія. По Грузинской и Покровской. Черное озеро. Вечеромъ: въ театръ. 2-й день: Татарская слобода. Прогулка по Кабанъ-озеру. Ботаническій садъ. Поѣздка въ Нижній Услонъ. Казанскій монастырь. Казанскія слободы и «Братская могила». Поѣздка въ окрестности.

Самарскій плесъ.

С. Нижній Услонъ.
С. Антоновка.
С. Красновидово.
С. Богородское.
С. Кирельское. (Видъ съ Сокольей горы).

С. **Рождественское** (Пещеры: «Водяная» и «Ледяная». Проводнику изъ села 20 к. Лодки весной въ полноводье до с. Успенскаго и развалинъ древнихъ Болгаръ).

С. **Спасскій затонъ**. (Пароходы отъ Казани: 1 р. 75, 1 р. 5 и 60 к., до Симбирска за 2 р. 15, 1 р. 40 и 80 к. Отсюда весной въ лодкѣ до развалинъ Болгаръ (около 7 верстъ). Лѣтомъ въ экипажѣ. Отъ Спасскаго затона до г. Спасска 10 верстъ. Отъ Спасска до Болгаръ 22 версты. С. **Успенское**. (Церковь изъ старыхъ камней). **Болгары**. (Малый Минаретъ. Судная Палата. Рвы).

С. Сюкеево (нефтяные ключи и пещеры).
Д. Ладышка.
С. Тенишево.

С. **Тетюши**. (4 т. жителей).

До развалинъ Болгаръ 20 в. Часовня «Богородицкій рынокъ».
Д. Балымеръ.

Г. Симбирскъ (40 т. жителей).

Достопримѣчательности. Николаевскій соборъ. Троицкій соборъ. Памятникъ Карамзину. Бульваръ. Вознесенскій соборъ.

Гостинницы. Номера Андреева (на Казанской площади). Н. Языковой. Троицкіе номера.

Рестораны. Пицъ (въ Большой ул.). Въ Николаевскомъ саду курзалъ.

Извозчики. Съ пристани въ городъ 60 к., обратно 40 к Конецъ въ городъ 15 к. За часъ 40 к.

Пароходы. Вверхъ по Волгѣ. До Казани (3 р. 50, 2 р. 20 и 1 р. 20). Внизъ до Самары (2 р. 85, 2 р. и 1 р. 10), до Саратова (7 р. 50, 5 р. и 2 р. 70), до Астрахани (17 р., 11 р. 50 и 6 р. 50). До Спасскаго затона (2 р. 15, 1 р. 40 и 80 к.).

Библіотека Карамзинская (на Карамзинской пл.).

Развлеченія. Городской театръ. Лѣтній театръ (оперетка). Дворянское собраніе. Военное и Соединенное собранія. Ловля рыбы на Свіягѣ.

Прогулки. Поливный врагъ (у д. Поливны въ 7 в. отъ города). Лагерь и кумысолечебное заведеніе. Киндяковка съ рощей въ 3½ в. («Обрывъ»). Бѣлые ключи. Горы. Жегули.

Ярмарки. Соборная (на 1-й недѣлѣ Вел. поста).

Виды. Фотографія Бика.

С. Кріуши.

Г. **Сенгелей**. (5 т. жителей).

Жегулевскія горы.

С. Новодѣвичье.

С. Усолье.
Д. Моркваши.

Г. Ставрополь. (5 т. жителей).

Самарскіе ворота.

Дача Аннаева (Въ 3 в. отъ Самары. Сезонъ съ 1-го Мая по 1-е Октября. Комнаты (въ Іюнѣ и Іюлѣ) отъ 20 руб. до 125 р. въ мѣсяцъ, аз 3 мѣсяца отъ 40 руб. до 300 руб. Столъ (завтракъ и обѣдъ) въ мѣсяцъ 24 р. Бутылка кумыса 25 к. Проѣздъ въ городъ и обратно 1 р. 50, 2 р. и 4 р.).

Г. Самара (95 т. жителей).

Достопримѣчательности. Соборъ Александра-Невскаго. Памятникъ Александру II. Хлѣбные амбары на р. Самаркѣ (особенно во время перегрузки пшеницы на баржи весной). Иверскій монастырь. Струковскій садъ. Дача Аннаева.

Гостинницы. Центральная (Батулина) на Дворянской ул. Номера Аннаева на Алексѣевской пл., Номера Краснова.

Рестораны. Центральная гост., ж. д. вокзалъ, въ Струковскомъ саду.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 20 и 30 к., на пристань 30 к., въ окрестности по уговору. На ж. д. вокзалъ 30 к.

Желѣзная дорога. Въ Оренбургъ 393 в. въ 14 час. (19 р. 5, 14 р. 29 и 7 р. 30). Въ Уфу 492 в. (18 р. 45, 13 р. 83 и 7 р. 7). Въ Златоустъ 792 в. (29 р. 70, 22 р. 27 и 11 р. 38), до Челябинска 942 в. (35 р. 33, 26 р. 50 и 13 р. 54). Въ Сызрань 115 в. (4 р. 31, 3 р. 24 и 1 р. 66). До Москвы (27 р. 57, 19 р. 59 и 10 р. 58 к.).

Пароходы. Вверхъ по Волгѣ. До Ставрополя (Жегули). До Симбирска (2 р. 85, 2 р. и 1 р.). Внизъ: до Сызрани (1 р. 80, 1 р. 30 и 1 р.), до Саратова (5 р. 25, 3 р 45 и 1 р. 85), до Царицына (10 р. 50, 7 р. 20 и 3 р. 30), до Астрахани (15 р. 20, 10 р. 25 и 5 р. 70).

Развлеченія. Городской театръ. Дворянскій клубъ. Лѣтній театръ въ Струковскомъ саду (оперетка). Музыка въ Струковскомъ саду по вечерамъ. Александровскій садъ съ рестораномъ.

Прогулки. Дача Аннаева. Жегули.

Ярмарки. Сборная (3-я и 4-я недѣли Вел. поста). Казанская (съ 8-го Іюля въ теченіи 12 дней) и Воздвиженская (съ 14-го Сентября 2 недѣли).

Кумысъ. Дача Аннаева (см. выше). Дача Постникова въ 6 в. Дешевле и хуже. Чернышева дача въ 8 в. Комнаты въ лѣто въ 25—30 р. Дача Колесникова въ 10 в.

Сергіевскія минеральныя воды. По Оренб. ж. д. до станціи

Смышляевки. (20 верстъ отъ Самары). 100 верстъ на почтовыхъ (на паръ 5 р, на тройкѣ 7 р. 50 и на чай 1 р.). Сезонъ отъ 20-го Мая по 1-е Сент. Сѣрныя воды (хронич. накожныя болѣзни, меркуріализмъ, золотуха, геморрой, суставчатый ревматизмъ и др.). На берегу озера. Живописное мѣсто. Вокзалъ. Садъ. Ванны (сѣрная—35 к., изъ ила съ обмываніемъ послѣ сѣрной—60 к.). Комнаты отъ 15 р. за весь сезонъ.

Виды. Фотографія Баха, Шарыгина.

Производство. Табакъ.

Саратовскій плесъ.

С. Екатериновка.

С. Переваловка.

С. Печерское.

Мостъ (13 арокъ. 1485 метр. длины. 430000 р. стоилъ).

С. Новые и с. Старые Костычи.

С. Батраки (станція ж. дороги).

Г. Сызрань (29 т. жителей).

Достопримѣчательности. Вознесенскій монастырь и Башенный соборъ.

Гостинницы. Сисуева и Кожевникова.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 15 к., на вокзалъ—25 к., лѣтомъ (до пристани (8 верстъ) 75 к. и 1 р.

Желѣзная дорога. До Ряжска 607 в. въ 17 ч. и 31 ч. (22 р. 77, 17 р. 8 к. и 8 р. 73), до Батраковъ 13 верстъ (49 к., 36 к. и 18 к.), до Самары (4 р. 31, 3 р. 24 и 1 р. 66 к.)

Пароходы. До Самары (1 р. 80, 1 р. 30 и 1 р.), до Саратова (3 р. 75, 2 р. 80 и 1 р. 55), до Астрахани (14 р. 40, 9 р. 60 и 5 р. 50).

С. Кашпиръ.

С. Спасское.

С. Черный Затонъ.

С. Ѳедоровка.

Д. Волжская Лука.

Г. Хвалынскъ (22 т. жит 2/3 раскольниковъ).

Достопримѣчательности. Черемшанскіе скиты (въ 4 верстахъ).

С. Алексѣевка.

С. Широкое.

С. Балаково (13 т. жетелей).

Столыпинскія минеральныя воды. Въ 40 в. отъ Балакова,

проѣздъ 5 р. и 7 р. Сезонъ отъ 25 Мая—15 Августа. Вокзалъ. Оркестръ музыки. Танцы 2 раза въ недѣлю. Библіотека. Гостинницы. Почта дважды въ недѣлю. Сѣрныя воды (въ 4 раза сильнѣе Ахена и Пятигорска). Минеральныя грязи. Желѣзистые источники. Соленые ключи (сильнѣе Креуцнаха и Старой Руссы), противъ золотухи, ревматизма, венерическихъ и меркуріальныхъ болѣзней, геморроя, паралича, увеличенія печенки и селезенки, малокровія и женскихъ болѣзней.

С. Терса.

Г. Вольскъ (36 т. жителей).

Достопримѣчательности. Единовѣрческая церковь. Покровская церковь.

Желѣзная дорога. Вѣтвь на Аткарскъ, 244 в., до Табова 513 в.

С. Рыбное.

«Волжская Швейцарія». Нѣмецкія колоніи (Шавгаузенъ. Ааргау. Гларусъ. Базель. Цюрихъ. Золотурнъ. Цугъ. Унтервальденъ. Сузенталь. Брокгаузенъ. Гекельсбергъ. Клейнъ-Оберонжъ).

Г. Екатеринштадтъ (Барронскъ).

Достопримѣчательности. Памятникъ Екатерины II. Видъ съ праваго берега на колонію. Кирка.

Гостинница. Трепте.

С. Воскресенское.

С. Усовка.

С. Покровское.

Г. Саратовъ (123 т. жителей).

Достопримѣчательности. Радищевскій музей. Старый соборъ. Новый соборъ. Окружной судъ. Киновія. Католическій соборъ св. Климента. Увѣкъ. Видъ съ Соколовой горы.

Гостинницы. Столичная (Вакурова), дорогая, на Центральной площади. Центральная, Татарская (театральная пл). За постельное бѣлье особая плата.

Рестораны. Въ гостинницахъ, на ж. д. вокзалѣ. Столичная кухмистерская на Александровской улицѣ. (о. хороша).

Извозчики: открытые и закрытые. Въ городѣ конецъ 20 к. и 25 к., на вокзалъ и къ перевозу 30 и 40 к., съ пристаней въ окраины и наоборотъ 35 и 50 к., за часъ 30 и 40 к., за день 2 р. 50 и 3 р.

Паромъ. Черезъ Волгу въ село Покровское 4 раза въ день (10 коп.).

Конно-желѣзная дорога. По Нѣмецкой ул., отъ собора къ вокзалу (5 к.).

Желѣзная дорога. Вокзалъ въ концѣ Московской ул. Поѣзда на Тамбовъ въ 16½ ч. (10 р. 59, 7 р. 94 и 4 р. 41) и въ Москву. Уральскій вокзалъ въ Покровской слободѣ. Поѣзда въ г. Уральскъ.

Пароходы. Вверхъ по Волгѣ (см. выше). Внизъ по Волгѣ: до Камышина (4 р., 2 р. 70 и 1 р. 40), до Царицына (6 р. 60, 4 р. 60 и 2 р. 25), до Астрахани (11 р. 80, 8 р. и 4 р. 40).

Виды. Фотографія Лопатина на Нѣмецкой ул.

Библіотеки. При книжныхъ магазинахъ Парусинова (Никольская ул.), Мосолова (Нѣмецк. ул.), Хворова (тоже). Городская библіотека и нѣсколько частныхъ.

Развлеченія. Городской театръ (драма и комедія). Лѣтній театръ оперетокъ. Сады съ музыкой и театрами: Эльдорадо и Эрмитажъ. Дворянское, коммерческое и военное собранія. Прогулка подъ липами.

Музей. (Ежедневно отъ 10 утра до 5 дня). Библіотека. Монеты. Французская мебель временъ Людовика XIV и XV. Шкатулки Японскіе и китайскіе предметы. Бронза. Старинныя русскія серебряныя издѣлія. Тургеневскій кабинетъ. КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ: Мазари: Св. семья и Тріумфъ Вакха. Марія Этингеръ: Ангелъ смерти. Джуліо Романо: Сивилла. Тиціанъ: Портретъ герцога. Съ Тиціана: Марія Магдалина и Амуръ и Психея. Теньеръ: Деревенскій праздникъ. Смерть Адониса. Голова Христа. Голова Богоматери. Рѣпинъ: Портретъ Боголюбова. Плѣшановъ: Убіеніе Димитрія. Гунъ: Портретъ Радищева. Перовъ: Іоаннъ Грозный. Крамской: портретъ Боголюбова. Харламовъ: Головка и Дѣвочка съ тамбуриномъ. Прянишниковъ: Таперъ. Бронниковъ: Аспазія и Алкивіадъ и Пиръ монаховъ. Зеленцовъ: Воскрешеніе дочери Іаира. Брюловъ: Голова ратника и Христосъ передъ народомъ. Освальдъ: Видъ Неаполя. Лемохъ: Дѣвочка съ цвѣтами. Боголюбовъ: Пейзажи и виды. Сверчковъ: nature morte. К. Маковскій: Египетскій воинъ. Невревъ: Лжедимитрій у Сигизмунда. Верещагинъ: Съ войны. Андрей Ивановъ: Голова. Клеверъ: Поздняя осень. Журавлевъ: Мачиха. Лагоріо: Узникъ въ темницѣ. Васнецовъ: Извѣстіе о взятіи Казани. Полѣновъ: Христосъ и дочь Іаира. Шишкинъ: Лѣсная чаща. Айвазовскій, Савицкій, Клодъ, и др. Антокольскій: бюстъ Крамскаго. Мраморы.

Католическій соборъ Св. Климента (на чай сторожу). Живопись въ алтарѣ: Нисченковъ: Св. Климентъ, по бокамъ св. Казиміръ и св. Елизавета. Ликъ Христа на алтарномъ потолкѣ: Кирѣевъ (съ картины Брюлова) Вознесеніе Богоро-

дицы. Вокругъ медальоны: Ишенкова: Несеніе креста. Проповѣдь Іоанна Крестителя. Крещеніе. Омовеніе ногъ. Моленіе о чашѣ. Жидкаго: Тайная вечерь. Христосъ и грѣшница. Христосъ у Марфы и Маріи. Статуи: папа Пій V и св. Фелименъ. Оконная живопись направо: св. Гедвига и св. Тереза, налѣво: св. Станиславъ и св. Генрихъ II. Въ правомъ боковомъ алтарѣ: громадная статуя Богородицы и картина Кирѣева: св. Францискъ креститъ язычниковъ, въ лѣвомъ: Божья Матерь. Въ нишѣ правой стѣны: Распятіе, въ лѣвой стѣнѣ: Смерть Іосифа. Фрески на потолкѣ: Кирѣева и Ишенкова: Поклоненіе св. тайнамъ на небесахъ. Вокругъ 9 сценъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Ярмарки. Никольская (9-го Мая), Казанская (8-го Іюля) и Введенская (21-го Ноября); обѣ послѣднія длятся по мѣсяцу.

Низовье.

Царицынскій плесъ.

С. Синенькое.
С. Сосновка.
С. Ахматъ.
С. Золотое (5 т. жителей).
С. Ровное (5 т. жителей).

Ярмарка съ 1-го Сентября въ продолженіи 2 хъ недѣль.

Д. Банновка (Столбичи),
Д. Лопать (Разинскій бугоръ).
С. Даниловка.
Д. Щербаковка.
С. Байдаковъ буеракъ.
Кол. Усть Кулалинка.
Д. Липовка.
С. Никольское.

Г. Камышинъ (15 т. жителей).

Желѣзная дорога на Тамбовъ, 451 верста.

Пароходы. Ежедневно вверхъ и внизъ по Волгѣ по три парохода.

С. Сестренка.
С. Поповка.
Д. Караваинка.
Быковы хутора.
С. Балыклей.
С. Александровское.
С. Пролейка.
С. Широкое.
Посадъ Дубовка ($14^1/_2$ т. жителей).

Троицкая ярмарка отъ 10 мая по 10 Іюня.

Г. Царицынъ (36 т. жителей).

Достопримѣчательности. Развалины гостинницы. Трость и картузъ Петра Великаго.

Гостинницы. Столичная. Грунда (у ж. д. вокзала). Номера.

Рестораны. Въ гостинницѣ и на ж. д. вокзалѣ.

Извозчики. На пристань 20 к., на вокзалъ 25 к., конецъ въ городѣ 15 к.

Желѣзная дорога. На Грязи 565 в. въ 20 часовъ (21 р. 19, 15 р. 89 и 8 р. 12). На Калачъ на Дону, 73 в. въ 3½ часа (2 р. 74, 2 р. 5 и 1 р. 5), пароходы по Дону до Ростова.

Пароходы. До Камышина (3 р. 45, 2 р. 30 и 1 р. 15), до Саратова (6 р. 60, 4 р. 60 и 2 р. 25), до Черчаго Яра (2 р. 90, 2 р. 10 и 1 р. 25), до Астрахани (6 р. 80, 4 р. 80 и 2 р. 70).

Развлеченія. Увеселительный садъ «Конкордія», Городской клубъ.

Астраханскій плесъ.

Кол. Сарепта (6 т. жителей).

Гостинница на Центральной площади.

Производство. Горчица и бальзамъ. Продаются на пристани.

Извозчики. До колоніи отъ пристани (7 в.) за 50 коп.

С. Лучки (Свѣтлый Яръ).

С. Поповицкое.

С. Каменный Яръ.

Слоб. Владимірская.

Достопримѣчательности. Озеро Баскунчакъ. Гора Богдо.

Желѣзная дорога. 53 версты, больше 4-хъ часовъ (1 р. 46 и 75 к.) до Баскунчака и Баскунчакскаго озера. До Ахтубы 6 верстъ (17 к. и 9 к.).

Г. Черный Яръ (6 т. жителей).

Г. Енотаевскъ (3 т. жителей).

С. Тюменевка (Калмыцкій храмъ).

Г. Астрахань (73 т. жителей).

Достопримѣчательности. Кремль. Соборъ. Соборная ризница. Адмиралтейство и портъ. Армянскій соборъ (картина: Снятіе со Креста). Персидская мечеть.

Восточные ряды. Большіе Исады. Каналъ Варварція. Памятникъ Александру II. Прогулка по Волгѣ между островами. Поѣздка въ Калмыцкій базаръ. Рыбныя ватаги. Поѣздка на пароходѣ на Бирючьи косу и обратно.

Гостинницы. «Франція» (лучшая въ городѣ, хотя грязная Запастись порошкомъ отъ насѣкомыхъ). Номера Мочалова, Смирнова, Михайлова. Биржевая г. Комнаты при клубѣ. Всѣ гостинницы оставляютъ многаго желать. Одну ночь капитанъ любезно разрѣшаетъ провести на пароходѣ.

Рестораны. При гостинницахъ.

Извозчики. Конецъ въ городѣ 20 к. За часъ 40 к. На пристань 25 и 30 к.

Пароходы. Вверхъ по Волгѣ: до Царицына (2 р. 90, 2 р. 10 и 1 р. 25), до Саратова (11 р. 80. 8 р. и 4 р. 40), до Самары (15 р. 20, 10 р. 25 и 5 р. 70), до Казани (19 р., 13 р. и 7 р.), до Нижняго Новгорода (23 р. 50 16 р. 70 и 8 р.). Внизъ по Волгѣ: до Бирючей Косы (3 р. 50, 2 р. и 1 р.), до «9 футъ» (6 р., 3 р. 50 и 2 р.). По Каспійскому морю: До Баку по воскр., пон., вторн. и пятн. 8 пароходовъ разныхъ линій (28 р., 19 р. и 7 р. 40), до Ленкорани по понедѣльникамъ (34 р., 22 р. и 10 р.), до Брянска (10 р., 7 р. и 4 р.), до Петровска, по воскр., понед., вторн. и пятн. (20 р., 13 р. и 6 р.), до Дербента 4 раза въ недѣлю (28 р., 19 р. и 7 р. 40), до Узунъ-Ада по воск., вторн., пятн. и субб. (37 р., 24 р. и 11 р.), до Энзели по понед. (40 р., 25 р. и 11 р. 60), до Астары по понед. (36 р., 23 р. и 10 р. 40), до Красноводска дважды въ недѣлю (41 р., 26 р. и 12 р.), до Астрабада по субб. (44 р. 50, 29 р. 50 и 15 р.), до Мешедессера по субб. (48 р., 32 р. и 17 р.). Въ цѣны за билеты 1-го класса по Каспійскому морю включена цѣна за завтракъ и обѣдъ, въ цѣнѣ за билеты 2-го класса только за обѣдъ.

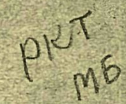
Лодки. Въ Калмыцкій базаръ, въ рыбныя ватаги, по часамъ по уговору.

Развлеченія. Театръ (представленія зимой). Садъ Поляковича съ лѣтнимъ театромъ.

Сады. Губернаторскій скверъ. Полицейскій садъ. Аллея у порта. Александровскій садъ. Бульваръ у кремля.

Виды. Фотографія на Варварціевомъ каналѣ.

Рынки. Большіе Исады ежедневно отъ 5 часовъ до 8 утра. Восточные ряды. Вина, фрукты, икра, балыки въ магазинахъ на Губернаторской пл., на рынкахъ, у пристани, на Полицейской улицѣ. Ковры, шали, платки, восточное шитье и духи въ персидскихъ и армянскихъ магазинахъ.



РКТ
МБ


2007042877